

ISSN 1814 - 6961

ОТАН ТАРИХЫ ҒЫЛЫМИ ЖУРНАЛ

**Үш айда бір рет шығатын ғылыми журнал
2018, № 2 (82)**

2/2018

Құрылтайшы:

Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі
Ғылым Комитеті
Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты

Бас редакторы: Зиябек Қабылдинов

Редакциялық алқа:

Акинер Ширин, *т.ғ.д., Лондон (Ұлыбритания) университетінің профессоры.*
Аяған Бүркітбай Гельманович, *т.ғ.д., профессор, Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитеті Мемлекет тарихы институтының директоры.*

Абдуллаев Равшан Маджидович, *т.ғ.д., Өзбекстан Ғылым академиясы Тарих институтының директоры.*

Әбусейітова Меруерт Хуатовна, *т.ғ.д., профессор, Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитеті Р. Сулейменов атындағы Шығыстану институты «Тарихи материалдарды зерттеу орталығының» директоры, ҰҒА корр.мүшесі.*

Әбілсейіт Мұқтар, *т.ғ.д., профессор, Атырау облысы мемлекеттік архивінің басшысы.*

Әлімбаев Нұрсан, *т.ғ.к., ҚР Мемлекеттік музейдің директоры.*

Әжіғали Серік Ескендірұлы, *т.ғ.д., профессор, Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитеті Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты Антропология және этнология бөлімінің меңгерушісі.*

Байтанаев Бауыржан, *т.ғ.д., профессор, Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитеті Ә. Марғұлан атындағы Археология институтының директоры.*

Буканова Роза Гафаровна, *т.ғ.д., Башқұрт мемлекеттік университетінің профессоры.*

Голден Питер, *Принстон университетінің профессоры (АҚШ).*

Жұмағұлов Қалқаман Тұрсынұлы, *т.ғ.д., профессор, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің профессоры, «Дүние жүзі тарихын зерттеу» орталығының директоры, Геттинген университетінің (Германия) құрметті профессоры.*

Исмағұлов Оразақ, *т.ғ.д., профессор, ҚР ҰҒА академигі.*

Кенжебаев Ғабит Қапезұлы, *т.ғ.д., профессор, ҰҒА корр.мүшесі, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университетінің оқу-методикалық істер жөніндегі проректоры.*

Көмеков Болат Ишмұхамедұлы, *т.ғ.д., профессор, ҚР ҰҒА академигі, Халықаралық қыпшақтану университетінің директоры.*

Ламин Владимир Александрович, *т.ғ.д., профессор, РҒА корр.мүшесі, РҒА Сібір бөлімінің Тарих институты (Россия Федерациясы).*

Мансура-Хайдар, *т.ғ.д., профессор, (Үндістан).*

Масов Рахим Масович, *т.ғ.д., А.Дониш атындағы Тарих, археология және этнография институты (Тәжікстан).*

Осман Мерт, *Ататүрк университетінің профессоры (Түркия Республикасы).*

Плоских Владимир Михайлович, *т.ғ.д., Қырғызстан ҒА академигі*

Сиддхарт С. Саксена, *Кембридж университетінің профессоры (Ұлыбритания).*

Сон Ен Хун, *Хангук шет тілдер университетінің профессоры (Оңтүстік Корея).*

Сыдықов Ерлан Бәтташұлы, *т.ғ.д., профессор, Л. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің ректоры.*

Якуб Алексей Валерьевич, *т.ғ.д., профессор, Ф.М. Достоевский атындағы Омбы мемлекеттік университетінің ректоры.*

Редакционная коллегия журнала:

Акинер Ширин, *д.и.н., профессор Лондонского университета (Великобритания).*
Аяған Бүркітбай Гельманович, *д.и.н., профессор, директор Института истории государства Министерства образования и науки Республики Казахстан Комитет науки.*

Абдуллаев Равшан Маджидович, *д.и.н., Директор института Истории АН РҰЗ.*

Абусейтова Меруерт Хуатовна, д.и.н., профессор, член корр. НАН РК, директор центра «Исследование исторических материалов» института Востоковедения имени Р. Сулейменова Министерства образования и науки Республики Казахстан Комитет науки.

Абилсеит Мухтар, д.и.н., профессор, директор государственного архива Атырауской области.

Алимбаи Нурсан, д.и.н., профессор, директор государственного музея, Республики Казахстан.

Ажигали Серик Ескендирович, д.и.н., профессор, зав.отделом Антропология и этнология Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова Министерства образования и науки Республики Казахстан Комитета науки.

Байтанаев Бауыржан, д.и.н., профессор, директор института Археологии имени А. Маргулана Министерства образования и науки Республики Казахстан Комитета науки.

Буканова Роза Гафаровна, д.и.н., профессор Башкирского государственного университета.

Голден Питер, профессор Принстонского университета (США).

Жумагулов Калқаман Турсынович, д.и.н., профессор Казахского национального университета имени аль-Фараби, директор «Центра по изучению Всемирной истории», Почетный профессор Геттингенского университета (Германия).

Исмагулов Оразак, д.и.н., профессор, академик НАН РК.

Кенжебаев Габит Капезович, д.и.н., профессор, член корр. НАН РК, проректор по учебно-методической работе Казахского национального университета имени Абая

Кумеков Болат Ишмухамедович, д.и.н., профессор, академик НАН РК, директор Международного кыпчакского университета.

Ламин Владимир Александрович, д.и.н., профессор, член корр. РАН, директор Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (РФ).

Мансура-Хайдар, д.и.н., профессор, (Индия).

Масов Рахим Масович, д.и.н., Институт истории, археологии и этнографии им. А.Дониша.

Осман Мерг, профессор Атаюркского университета (Турция).

Плоских Владимир Михайлович, д.и.н., академик Национальной академии наук Кыргызстана.

Сидхарт С. Саксена, профессор Кембриджского университета (Великобритания).

Сон Ен Хун, профессор университета иностранных языков Хангук (Южная Корея).

Сыдыков Ерлан Батташевич, д.и.н., профессор, ректор Евразийского национального университета имени Л. Гумилева.

Якуб Алексей Валерьевич, д.и.н., профессор, Ректор ОмГУ им. Ф.М. Достоевского.

Editorial Board of the Journal:

Akiner Shirin, Doctor of Historical Sciences, Professor of London University (Great Britain).

Ayagan Burkitbai Gelmanovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Institute of State History of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan Science Committee.

Abdullaev Ravshan Majidovich, Doctor of Historical Sciences, Director of the Institute of History of the Academy of Sciences of Uzbekistan.

Abuseitova Meruert Huatovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member NAS RK, director of the Center for the Study of Historical Materials at the Institute of Oriental Studies named after R. Suleimenov of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan Science Committee.

Abilseit Mukhtar, Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the State Archive of Atyrau Oblast.

Alimbai Nursan, Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the State Museum, Republic of Kazakhstan.

Azhigali Serik Eskendirovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Department Anthropology and Ethnology of the Institute of History and Ethnology named after. C.C. Valikhanova Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan Science Committee.

Bayтанаев Бауыржан, Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the A. Margulan Institute of Archeology of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan Science Committee.

Bukanova Roza Gafarovna, *Doctor of Historical Sciences, Professor of Bashkir State University.*

Golden Peter, *professor of Princeton University (USA).*

Zhumagulov Kalmaman Tursynovich, *Doctor of Historical Sciences, Academician, Professor of Al-Farabi Kazakh National University, Director of the Research Center on World History Studies, Emeritus Professor of Gottingen University (Germany).*

Ismagulov Orazak, *Doctor of Historical Sciences, professor, Academician of NAS of RK.*

Kenzhebaev Gabit Kapezovich, *Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member NAS of RK, vice-rector for teaching and methodical work of the Abay Kazakh National University.*

Kumekov Bolat Ishmukhamedovich, *Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of NAS of RK, Director of International Kypchak University.*

Lamin Vladimir Alexandrovich, *Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member. RAS, director of the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (RF)*

Mansura-Haydar, *Doctor of Historical Sciences, Professor, (India).*

Masov Rakhim Masovich, *Doctor of Historical Sciences, A.Donisch Institute of History, Archeology and Ethnography.*

Osman Mert, *professor of the Ataturk University (Turkey).*

Ploskih Vladimir Mikhailovich, *Doctor of Historical Sciences, Academician of the National Academy of Sciences of Kyrgyzstan.*

Sidhart S. Saxena, *Professor at Cambridge University (Great Britain).*

Son Yong Hong, *a professor of the Hanguk University of Foreign Languages (South Korea).*

Sydykov Erlan Battashevich, *Doctor of Historical Sciences, Professor, Rector of the L. Gumilev Eurasian National University.*

Yakub Alexey Valerievich, *Doctor of Historical Sciences, Professor, rector of F.M. Dostoevsky Omsk State University.*

Жауапты редактор:

Ф. Шамшиденова

Редактор:

Р. Кобеев

Редакцияның мекен-жайы:

050100, Қазақстан Республикасы,

Алматы қ., Шевченко көшесі, 28,

Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты,

«Отан тарихы» журналының редакциясы

Телефон: 272-68-46

E-mail: kazhistory@bk.ru

Электрондық мекен-жай:

www.iie.kz

Журнал Қазақстан Республикасының Ақпарат және қоғамдық келісім министрлігінде 1998 ж. 9 наурызда тіркеліп, N 158-ж куәлігіне ие болды.

Мақалаларды қайта бастырып жариялағанда, микрофильмге және басқа да көшірмелерге түсіргенде міндетті түрде журналға сілтеме жасау қажет.

**ДЕРЕКТАНУ ЖӘНЕ ТАРИХНАМА
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ
SOURCE STUDIES AND HISTORIOGRAPHY**

IRSTI 03.09

Zhumagulov Kalkaman¹

¹Doctor of Historical Sciences, Professor,
Academician, Emeritus Professor of Gottingen University,
Director of the Research Center on World History Studies,
Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan,
e-mail: kalkaman.zhumagulov@kaznu.kz

**PERSONALITY OF ATILA THE HUN IN THE
LIGHT OF THE GREAT MIGRATIONS**

The Great Migration of peoples in the fourth-seventh centuries was started by the Hun movement from the depths of Central Asia to Europe. The Hunnish empire had an impact on the fate of European history in the process of transition to a new era, and the civilization of the Middle Ages. The greatest territorial expansion of the Hun Empire in the West occurred under the leadership of Attila. Attila's time left an indelible mark on world history. The main objective of this article is to study the Hun migration and the role of Attila in the Great Migration process.

Keywords: Great Migration; Huns; Attila; Roman Empire; civilization.

Жұмағұлов Қалқаман¹

¹тарих ғылымдарының докторы, профессор, академик,
Геттинген университетінің құрметті профессоры,
Дүние жүзі тарихын зерттеу бойынша Республикалық ғылыми-зерттеу
орталығының директоры, әл-Фараби атындағы ҚазҰУ, Алматы қ.
e-mail: kalkaman.zhumagulov@kaznu.kz

ҰЛЫ ҚОНЫС АУДАРУ ҮДЕРІСІ ЖӘНЕ АТТИЛА ТҰЛҒАСЫ

IV-VII ғасырлар Еуразия тарихы, Еуропа тарихына Ұлы қоныс аудару кезеңі деп енді. Осы уақыттан еуразиялық кеңістікті мекендеген тайпалар мен халықтардың мәдениеттері мен дәстүрлерінің интеграциясы, синтезі орын алды. Ғұн империясының аумағының кеңеюі Атииланың басқаруы тұсында жүзеге асты. Ғұндардың көшбасшысы Атиила өз аумағының кеңеюін мақсат етіп Батыс Еуропаға жорықты ұйымдастырды. Атииланың уақыты Еуразия тарихында өшпес із қалдырды. Бұл мақаланың мақсаты Ұлы қоныс аудару кезеңіндегі ғұндар миграциясы мен Атииланың рөлін зерттеу.

Кілт сөздер: Ұлы қоныс аудару, ғұндар, Рим империясы, өркениет.

Жумагулов Калкман¹

¹Доктор исторических наук, профессор, академик,
Почетный профессор Геттингенского университета,
директор РНИЦ по изучению Всемирной истории, КазНУ им. аль-Фараби.
e-mail: kalkaman.zhumagulov@kaznu.kz

ЛИЧНОСТЬ АТТИЛЫ В СВЕТЕ ПРОЦЕССА ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

IV-VII вв. вошли в историю Евразии, Европы как эпоха Великого переселения народов. Начиная с этого времени, происходил синтез, интеграция общественных отношений, культур и традиций племен и народов, населявших евразийское пространство. Огромное расширение территории Гуннской империи на запад произошло под руководством Атилы. Накопив и сконцентрировав силы, правитель гуннов Атила организовал поход на Западную Европу, имевший своей целью расширение территории своей державы. Время Атилы оставило неизгладимый след в истории Евразии. Цель данной статьи – изучение гуннской миграции и роли Атилы в период Великого переселения народов.

Ключевые слова: Великое переселение народов, гунны, Римская империя, цивилизация.

Introduction.

The IV-VII centuries went down in the history of Eurasia and Europe as the era of the Great Migration. These four centuries experienced a peak of migration that swept almost the entire continent and changed its political, ethnic and cultural character radically. This was the period of death of ancient foundations and orders and the time of formation of new social relations and a new civilization – that of the Middle Ages.

Today, it is of particular importance to single out the Great Migration as a transitional historical period. It allows not only study of the specific history of the Great Migration, but also opens some opportunities to study the history of traditional views of the Great Migrations. At the turn of classical antiquity and the Middle Ages, not only did tribes and nations started to migrate, but also, so to speak, knowledge and understanding of the various tribes and peoples ‘came to life’ and intensified.

The Great Migration, which was initiated by the Huns’ tribal union, starting from the depths of Central Asia to the west of the European continent, became a turning point in world history. Since that time, the social relations, cultures and traditions of the tribes and peoples who inhabited the Eurasian space have become synthesized and integrated. This was an epochal event, common to all the countries of Europe and Asia. Therefore, we have compelling reasons to date the beginning of medieval history on a global basis, including the history of Kazakhstan, from the second half of the fourth century (375 AD) - the turning point of the Great Migration in Eurasia. This is related primarily to the history of the Huns, which is an integral part of Turkish history, and therefore the history of Kazakhstan (Zhumagulov, 2002: 3-7).

In Soviet historiography, the history of the Huns and their relationship with the Great Migration in the West was hardly studied. In Soviet times, as is known, historical studies were too idealized and politicized. This made an impact on both the development of world history problems and those of the history of Kazakhstan. Central research institutes, i.e. those located in Moscow and Leningrad monopolized the study of world history. Modern Russian science also mentions the Huns in Europe very briefly (Budanova, 2000: 52). The history of the Xiongnu (Hunnu) in the East was studied by L.N. Gumilev. Gumilev wrote: “Victory and join him Alans, the Huns formed a huge tribal alliance ??? ... In the seventh decade of the Fourth Century ... they crossed the Don and the victory over the Ostrogoths opened a new period of history known as the “Great Migration” ... Here we

have the right to interrupt the narrative, as the newly opened page belongs to the history of Europe” (Gumilev,1960), 247-248).

The years of independence that came after 1991 provided a good opportunity to deal objectively with the problems of general and national history in Kazakhstan. Scientists and experts could travel more frequently to foreign countries for research purposes. Professor K.T. Zhumagulov, the author of this article, being a winner of international grants and invited to deliver lectures at universities in Germany and Italy, also worked in the largest libraries and museums in Europe. In the rich library resources of the University of Tübingen, Professor K. Zhumagulov found the rarest source materials on the history of the Huns, the majority of which is dated from the IV-V centuries, i.e. they relate to the heyday of the Hun Empire in the West.

Methodology.

Research methods and the proof require the use of rare written sources in Latin, Greek, early German, and the Scandinavian languages. The data from archeology, ethnology, history and modern linguistics interdisciplinary research is especially widely used. The rarest written sources for the period of late antiquity and the early Middle Ages have come to us in the original Latin, Greek, Early Germanic and Scandinavian languages. There is also evidence regarding the Turkic world and the Huns. In particular, these are the chronicles of Ammianus Marcellinus, Sidonius Apollinaris, Claudius Claudianus, Hidatii, Marcellinus Comes, Orosius, Jordanis, Priscus of Panitus, Prosper Tiro, Joahn Antioch, etc.

The documents and materials in scientific collections and museums of the Vatican, as well as the materials in the interiors of St. Peter’s Basilica – the world’s largest Catholic Church - are of particular value. There is papal correspondence, and also chronicles, eyewitness accounts of those years, exhibits that could shed much light on the nature of international relations during this tumultuous period in world history.

In addition, we have extensively used the modern materials of archaeological excavations and interdisciplinary research, witnessing a high level of development of industry, trade, military art and other aspects of the social development of the Hun society (Zhumagulov, 2009: 17-19).

Thus, our research methods are based on the use of rare written sources in Latin. The data of archeology, ethnology, historical linguistics and modern interdisciplinary research are made use of especially widely??? in our study.

Migration of Hun tribes and its role in the Great Migration.

The resettlement and migration in Europe had taken place even before the Huns. The Germans were the first to be written about. The earliest ancient sources on the middle and northern European regions are pieces of information by Pytheas of Massalia (4th century BC), a Greek author and follower of Aristotle. Pytheas was the first to stress distinguishing features of the Celts and Scythians (Skythen) and to give evidence of the lands and their inhabitants, who later were called the Germans (Pytheas von Marseille, 1959.)

South Scandinavia, Denmark and the German area of the North and Baltic Seas were the ancestral home of the tribes who later identified themselves as the ‘Germans’. In the fifth century BC, they moved towards the south as far as the Harz and Hall, where the Germans faced with the Celts (Zhumagulov, 2002: 22-75).

Then, from the beginning of AD, the Germans tribal unions were in constant movement and confrontations with the Roman Empire. The apogee of the Great Migration was the Huns’ travels from the east of the Eurasian continent to its west. The Huns (Hunnoi) had inhabited Central Asia since ancient times. They belonged to the Turkic tribes. As far back as the fourth century BC, the Chinese called the Huns their most serious enemies, because the Hun chieftains had made real progress in the wars against the Han Empire.

In the first centuries A.D., the Hun tribes migrated actively and they also travelled from the territory of modern Kazakhstan and other regions of Central Asia to the West. In

the middle of the fourth century BC, the Huns invaded the land between the Volga and the Don, having conquered the Alans in the Northern Caucasus, brought to heel the Kingdom of Bosphorus, crossed the Don and broken the neck of the multitribal power of Ermanaric, the king of the Ostrogoths in South-Eastern Europe (in the year 375). That year was the beginning of a series of movements that led to the Great Migrations in Eurasia and Europe. In 376 AD, the Visigoths, narrowed by the Huns, crossed the Danube, and, with the permission of the Roman government, settled within the Roman province of Moesia with an obligation of military service and obedience. After that, the Huns attacked the Balkan provinces of the Eastern Roman Empire repeatedly. The relationship between the Huns and the Western Roman Empire was initially on a different basis. So, the detachments of the Hun warmongers were a part of the Roman Army, especially since the 20s of the fifth century. In particular, the empire used them to fight with the Franks and Burgundians who had settled on the Rhine and rebelled repeatedly, as well as to master the Bacaudae – peasants of north-western Gaul, who had tried to secede from the Roman Empire. In the late 40s, the situation changed. Attila, the ruler of the Huns, (born ca. 395, died in 453) started to interfere in the internal affairs of the Western Roman Empire.

Attila ruled from 434 to 453, and in his reign the Hun Empire reached its greatest strength and territorial expansion in the West. Greek and Latin sources indicate that Attila was from a royal lineage, which had ruled the Huns for generations.

At that time, the territory of the Hunnic Empire stretched from east to west, from the Altai Mountains, Central Asia and the Caucasus to the Danube and the Rhine. The Huns' tribal union in Central Asia contributed to the later formation of the Kazakh ethnic group and other Turkic peoples.

Attila the Hun's campaigns against Rome

Attila's time left an indelible mark on the history of Eurasia, which has been not only preserved in historical works, chronicles and epic creations. We have also been able to establish that the great deeds of the Huns and their ruler were reflected at least in eighteen works of the German heroic epos and Scandinavian sagas.

At the same time, one might ask why so much attention is paid to the Huns in the scriptures and legends if they came to the West as conquerors. In our opinion, the answer may be as follows. Many European nations considered the Hun power as a counterbalance to the Roman Empire, as the savior from the Roman expansion. Thus, a number of Germanic tribes who were dependent on the Hunnic Empire participated in the wars against Rome.

By the middle of the fifth century the relations between the Western Roman Empire and the Hunnic Empire had increasingly deteriorated. It became obvious that those forces were on the brink of a great confrontation. The events that took place in the mid-fifth century gave evidence of the military might of the Hunnic Empire.

Having accumulated and concentrated power, Attila, the ruler of the Huns, launched a military campaign against Western Europe, i.e. against the Western Roman Empire.

The struggle against the Huns united the Roman Empire, the Visigoths and other unions of Celtic and Germanic tribes. Old contradictions and struggle were forgotten. The combined army of the Roman Empire, the Visigothic Kingdom and other tribal alliances of the West, was headed by the patrician Flavius Aetius. In the period of struggle for power in Rome, he had fled to the Huns, who lent him support, so returning to Italy in 433 with the Hunnish cohorts; Flavius Aetius took a top position in the state again and gained command of the armed forces of the Empire.

In addition to the chronicles, the archives and materials of the papal correspondence, which, unfortunately, has not yet become the subject of a proper analysis, are valuable sources for that era. They were not studied in the literature of the Soviet period either. Yet, the rarest, by definition, of the sources allow a reconstruction of the complex vicissitudes of that time. Thus, in a letter of April 23, 451 to Marcian (450-457), Emperor of the East Roman Empire, Pope Leo I (the Great) (440-461) made it clear that understanding

between the two Christian Emperors of the Eastern and Western halves of the Roman Empire would have withstood the heretical encroachments and the Barbarian invasions (“nam inter principes Christianos spiritu dei confirmante concordiam gemina per totum mundum fiducia roboratur, quia profectus caritatis et fidei utrorumque armorum potentiam insuperabilem facit, ut propitiato per unam confessionem deo simul et haeretica falsitae et barbara destruat hostilitas ...”) (Leo Magnus, 1932: 41-43).

We get very important information from Priscus of Panium, a fifth century chronicler of Greek origin, who participated in the Byzantine embassy to the court of Attila. During the whole journey, and the Byzantines’ stay at the headquarters of the ruler of the Huns, he was keeping detailed records, which formed the basis of his famous work that has survived only in fragments. Priscus describes his journey to the court of Attila, meetings with him, and the life and customs of the Huns in detail. According to Priscus, Attila also sent an embassy to Rome, to Western Roman Emperor Valentinian III, with a request to give Honoria, Valentinian’s sister, in marriage, together with her share of wealth. However, the emperor refused...

According to Priscus, the embassies’ mission failed. Attila did not know what to do, but gradually finding tranquility, he decided to launch a war against the West: “Illic enim sibi rem fore non solum cum Italis, sed etiam cum Gothis et Francis; cum Italis, ut Honoriam cum ingentibus divitiis secum abduceret; cum Gothis, ut Genserichi gratiam promereretur” (Priscus Panites, 1851, 98). (However, Attila did not discriminate against the population of the Empire; he was going to fight against the Goths and Franks, against the ruling elite of the Italic peoples to take Honoria with her wealth).

Immediately after returning from the Campaign for Gaul, 451 AD, Attila resumed demands to the Eastern Roman Empire for the payment of tribute in what had been an earlier scale, in the times of Emperor Theodosius. Otherwise, according to Priscus, Attila threatened to go to war. This fact also shows that the strength and fighting ardor of the Huns were far from being exhausted. On the contrary, their ruler continued to challenge the two Roman Empires at the same time.

A contemporary of that driving age, Prosper Tiro, a native of Aquitaine, calling Attila’s campaigns against the West the main event, wrote: “Attila post necem fratris auctus opibus interempti multa vicinarum sibi gentium milia cogit in bellum, quod Gothis tantum se inferre tamquam custos Romanae amicitiae denuntiabat. sed cum transito Rheno saevissimos eius impetus multae Gallicanae urbes experirentur, cito et nostris et Gothis placuit, ut furori superbiorum hostium consociatis exercitibus repugnaretur, tantaque patricii Aetii providentia fuit, ut raptim congregatis undique bellatoribus viris adversae multitudini non impar occurreret”. (Attila, who, after he had his brother murdered became even stronger, forced thousands of neighboring nations to war, which, as he explained, being a friend of the Romans, he was waging only on the Goths. Once he crossed the Rhine, fear gripped numerous Gallic cities. So our men [the Romans – K.Zh.] and the Goths quickly decided to combine forces to meet the brazen enemy. The patrician Aetius approved himself, as he was able to quickly gather the forces scattered throughout and counter the enemy”) (Prosper Tiro, 1892:481).

The Battle of the Catalaunian Fields as the largest battle in world history
In April 451, the Gaul cities of Metz, Tongeren, Speyer, and Reims were all aflame. Paris was in a blue funk. The inhabitants of ancient Lutetia were about to flee away. A legend explains the salvation of the city by the extraordinarily brave behaviour of a woman, St. Genevieve, who later became known as the patron saint of Paris. From the ‘Life of St. Genevieve’ we learn: “At that time, Attila, the king of the Huns, began to ravage the provinces of Gaul. Parisians were frightened of his cruelty and anger, so they decided to send women and children and some belongings to a safe place. There St. Genevieve turned up and she resolved to persuade women not to leave the city, in which they had been born and grown up, in the hour of danger and, moreover, to prepare themselves and their men to the defense. St. Genevieve told the women to ask God for help and salvation. They listened to Genevieve

turned up and she resolved to persuade women not to leave the city, in which they had been born and grown up, in the hour of danger and, moreover, to prepare themselves and their men to the defense. St. Genovea told the women to ask God for help and salvation. They listened to Genovea and decided to stay in the city and rely on God's mercy" (Vita St. Genovefae, 1910).

But Attila did not reach Paris. Having approached to Orleans on the left flank, the Huns began to assault it. It should be noted that the city was secured with stone bridges over the Loire and high defensive towers. How could Orleans withstand the onslaught of such a formidable foe? The Roman army and the forces of the Visigothic Kingdom arrived in time to help the besieged of Orleans. This, of course, hindered the Huns in capturing the city. Attila may have raised the siege because he doubted whether they would be able to force Orleans quickly, or he may have turned to the Oracle, because the Hun soothsayers had advised him not to continue the siege. Perhaps Attila was seeking a more convenient open space to fight... And so the Catalaunian Fields (Latin *Campi Catalaunici*) in Champagne (France) became the place for the decisive (major) battle. This area has its origin from *Catuvellauner*, the name of a Celtic tribe, and it is a plain between Troyes and present-day Chblon-sur-Marne.

After a victorious march by the Huns through the territory of Northern Gaul, i.e. France, there was a decisive battle on the Catalaunian Fields in Champagne in 451. I rate the battle among the largest ones, since along with the Battle of Cannae (216 BC) gained by Hannibal and that of Waterloo (1815), the last great battle of Napoleon, it ranks among the most famous battles in the European and world history (Zhumagulov, 2011:11-24).

The parties met on the Catalaunian Fields. Jordanes, the chronicler of the Goths, wrote, "The place was shelving; it looked heaved having a hill crest. Both armies sought to occupy it, because the convenient terrain would have delivered considerable benefits; so the right side was occupied by the Huns with all their men [allies] and the left one was manned by the Romans and Visigoths with detached units. And they engaged in combat on the hill to possess the top". The struggle for the commanding point was going with varying degrees of success. Aetius, well acquainted with the battle tactics of the steppe-warriors, seemed to be able to repel another attack by the advancing Huns. This had not been Attila's experience and he decided to strengthen his army with speeches at a most seasonable time. Being inspired by his words, everybody rushed into the fight. Attila himself directed the battle. In an instant, everything had become confused: battle-cries, the glance of cavalry swords and the dust that rose after the rushing riders. The warriors were fighting hand to hand: the battle was fierce, hit-and-miss, brutal, last-ditch (Jordanes, 1882:1).

The Visigoths craved revenge after their king, Theodoricus, died in the battle. However, Aetius was able (managed to?) to stop them by saying that the Huns might return to their kingdom when leaving the place. Having noticed that the Goths had withdrawn, Attila stayed in the encampment for a long time, suspecting a war ruse. 'But when, following the enemies' absence, there was a lengthy silence, the Huns set themselves up for victory, they triumphed, and the mighty King returned to his previous belief in fate' (*sed ubi hostium absentia sunt longa silentia consecuta, erigitur mens ad victoriam, gaudia praesumuntur atque potentis regis animus in antiquafata revertitur*)" (Jordanes, 1882:218).

However, Attila decided to return to Pannonia, the centre of the Hunnic Empire. He decided to take a break in the battle against the united army of Europe and to conduct a movement. The army slowly turned to the Rhine. Attila and his army returned to Pannonia through Thuringia and Hungary, and no one pursued them.

We have made an attempt to reconstruct the events of Attila's Campaign in Gaul from extant written sources: the writings of Roman, Byzantine and early medieval authors. Describing the Huns in general, the latter made some exaggerations and inaccuracies, endowing them with the traditional features of so-called savage barbarians. Thus, Jordanes wrote: "This savage race, according to the historian Priscus, having settled on the far

bank of the lake of Meotia, knew no other business than hunting, except for the fact that when they grew up to the size of a tribe, they began hatter the calm of neighboring tribes by perfidy and looting' (quoram natio saeva, ut Priscus historicus refert, Meotida palude ulteriore ripa insidens, venationi tantum nec alio labore experta, nisi quod, postquam crevisset in populis, et rapinis vicinarum gentium quiete conturbans)" (Jordanes, 1882: 122-123).

Undoubtedly, the onslaught of the Huns was so violent that the chroniclers of the 4th-6th centuries took no 'academic' interest in the origin of the formidable union of tribes. The authors of Western chronicles sometimes looked on the Huns with sharp hostility, so that a historian cannot reconstruct an objective picture of reality based on their information only.

The data of modern archaeological excavations and interdisciplinary research demonstrate rather a high level of industrial arts, trade, military art and other aspects of social development of the Huns' society (Zhumagulov, 2012: 14-19).

When evaluating the largest battle under consideration, a number of Western scholars of modern and contemporary history, who had obtained information from the chroniclers of the early Middle Ages, used it uncritically. This approach always makes it difficult to assess the historical reality objectively. According to A. Pirenne, a Belgian historian, in the spring of 451, Attila crossed the Rhine and devastated all the areas as far as the Loire. "Aetius stopped him [Attila – Authors.] with the help of the Germans near Troyes. The Franks, the Burgundians, the Visigoths and others showed themselves as good allies; the military art of the Romans and the Germans' bravery decided everything here ... Attila's death in 453 resulted in the collapse of his empire and thereby saved the West..." (Henri Pirenne, 1963: 29).

Western historiographic traditions in assessing the history of the Huns influenced Russian, Soviet and post-Soviet historiography deeply.

In our opinion, the situation in Gaul can be explained by the over-large scale of Attila's campaigns and the inability to restrain dozens of tribes and entities that were not related to the Huns socially and ethnically within the vast territory under the unified leadership. Indeed, the forces of the Huns were by no means exhausted after 'the Battle of the Nations' in 451. The fact that the next year Attila launched a new campaign to the heart of the Roman Empire, Italy, gives evidence of this.

Attila's campaigns against Italy

In the spring of 452 AD, a few months after the Battle of Catalaunian Fields, Attila the Hun gathered effective forces and began to organize a new campaign to Italy, the heart of the Roman Empire. Apparently it was the achievement of the Byzantine diplomacy that managed to send Attila against the West through complex intrigues, and thereby averted the impending threat.

During that campaign, the Hun army captured Aquileia, Concordia, Altin, Patavy (now Padua), Vinsentia (now Vicenza), Verona, Brixia (now Brescia), Bergamo, Milan, and Ticinus (now Pavia). Those cities that showed resistance were ruined; some of them preferred to surrender, giving under the onslaught of the Huns.

After the Huns had occupied Northern Italy, it did not take them much time to reach Rome. It was plain that the Western Empire did not have a force capable of stopping the onslaught of the menacing invaders, and Attila was close to world domination. His empire consisted of four parts, stretching from so-called Scythia (the kingdom of the Huns) to Germany (Scythica et Germanica regna) on the northern borders. In the South, both the Roman Empires (the Eastern and the Western) paid tribute to Attila. On a scale of territory and influence, the Empire of Attila geographically covered almost four parts of the world: from east to west and from north to south (the ancient Turkic: *turt bulun*, the Kazakh 'dȳnienin tort byryshy').

But how was the dramatic situation developing in Italy, where Attila and victorious army were staying? This situation was difficult for the Western Roman Empire, but Valentinian III was in Ravenna, sitting out and anxiously watching the development of

affairs. As for the commander Aetius, he was also confused. The army of Rome could no longer resist the onslaught of the Huns, as it had been paralyzed by their successes in Northern Italy.

In the end, it was decided to use a way that had been well proven by the Eastern Romanians (Byzantine): they delegated an embassy to the court of Attila. It was headed by Pope St. Leo I, later named the Great; Consul Gennadius Avienus and urban prefect of Rome Trygetius also participated in the mission. A contemporary of those days, Prosper Tiro, wrote: “et tot nobilium provinciarum lattissima eversione credita est saevilia et cupiditas hostilis explenda, mhilque inter omnia consilia principis ac senatns populique Romani salubrius visum est, quam ut per legates pax truculentissimi regis expeteretur, Suscepit hoc negotim cum vim consulari Avieno et viro praefectorio Trygetio beatissimus papa Leo auxilio dei fretus, quem scirel numquam piorum laboribus defuisse. nee aliud secutum est quam praesumpserat fides, nam tota leganione dignanter accepts ita summi sacerdotis praesentia rex gavisus est, ut bello abstinere praeciperet et ultra Danuvium promissa pace discederet’ (and severe damage to a number of provinces, accompanied by cruelty and greed of the enemy, left only the hope that the government, the Senate and the Roman people would find it the best way out to sue the ruthless king for peace via the embassy. This task was assigned to ex-Consul Avienus and urban ex-prefect Trygetius, and blessed Pope Leo pinned all his hopes on God, who, he knew, would not leave His people in the lurch. The entire embassy was received with respect, the king was particularly pleased with the presence of the highest head of the church, and he gave up the idea of continuing the war, promising to keep the peace and withdraw to the other side of the Danube)” (Prosper Tiro, 1892: 482)

The meeting took place on the Ager Ambuleius, in the middle reaches the Mincius (now Mincio): “igitur dum eius animus ancipiti neatio inter ire et non ire fluctuaret secumque deliberans tardaret, placida ei legatio a Roma advenit. Nam Leo papa per se ad eum accedens in agro Venetum Arabuleio, ubi Mincius amnis commeantium frequentatione tmsitur. qui mox deposuit exercitatu furore et rediens, quo venerat, iter ultra Danubium promissa pace discessit’ (‘While Attila was in two minds whether he should launch the dangerous operation, chewing upon it, dallying, the embassy from Rome arrived to offer an olive branch. Pope Leo I himself came to Attila who was on the Ager Ambuleius in the province of Veneto, where the Mincius River was crossed by the crowds of travelers. Then, Attila stopped the riot of his troops, and turning in the direction he had come from, he set off beyond the Danube, promising to keep the peace” (Jordanes, 223).

At first glance, the meeting of two persons seems to be paradoxical. On the one hand was Attila, the ruler of the Hunnic Empire, a formidable conqueror, a man deeply absorbed the pagan ideas of his people. His name roused the pagandom of East and Northern Europe again at the time of the beginning of Christianity. On the other hand was Pope Leo I, the head of the Christian church hierarchy.

Analyzing the rare sources available in the archives and collections in Europe, we do not find a detailed description of the mission to the court of Attila made by Leo I, which, incidentally, raised the authority and the prestige of the Pope objectively high, because he was able to influence the ruler of the peoples of East and West at such a formidable time for the Roman Empire. After that, Pope Leo I was named the Great.

And if Attila, who was standing near the walls of Rome, was stopped by the Pope, the same cannot be said about Geiserich, the king of the Vandals, another actor of that time. Three years later, in 455, Pope Leo I could not hold him. The Vandals looted and destroyed the city, and robbed its population blind; it brought the term ‘vandalism’ - the mass destruction of cultural and material values, brutality and senseless cruelty - into use. After a fourteen days’ plunder of Rome, Geiserich and his army left the city. There is evidence that the king of the Vandals brought out thousands of Roman artisans as prisoners. According to Procopius of Caesarea, Geiserich ‘having loaded his ships with huge amounts of gold and other royal treasures and having taken the copper items

and everything else from the palace, sailed to Carthage. He robbed the temple of Jupiter Capitoline and took half of its roof off. That roof was made of the best copper and covered with a thick layer of gold, representing a majestic and amazing sight. They say one of Geiserich's ships that had been load with statues was lost, but all the rest of the ships of the Vandals sailed into the harbour of Carthage safe and sound (Procopius Caesariensis, 1962-1965, I, V), 4-6).

The fact that the ruler of the great Hunnic Empire, whose tributaries were both the Roman Empires, stopped before the city of Rome, throwing out a white flag, and took up the appeal of the embassy headed by the Pope, says much about Attila's wisdom. He stopped the riot of his army, preventing wanton destruction and casualties. In this case, Attila differs favorably from Geiserich, the king of the Vandals, or Alaric, the king of the Visigoths, despite the fact that some church legends tagged him the 'Scourge of God'.

But let us return to the momentous meeting of 452 AD. Reading the papal correspondence of those years, we came across a letter of 512 or 513, which the bishops of the eastern regions addressed to Pope Symmachus (498-514). Its content reveals that Pope St Leo I also spoke with Attila about releasing the prisoners who had been captured by the Huns (*Patrologia Latina*, 1865), 59-60).

Russian historiographers, including those of the Soviet period, barely covered the history of the Huns in Europe apart from a few references (Zhumagulov, 1999: 130-131). They had a negative attitude to the history of religion. For example, in the book summarizing the degeneration of the Western Roman Empire and the emergence of the Germanic kingdoms, the Soviet medievalist A.R. Korsun and the historian R. Gunther from the GDR confined themselves to one or two sentences: 'but the situation in Italy proved to be dangerous to the Huns themselves, as the country suffered from famine and an epidemic had begun. This facilitated a dialog between the Roman embassy headed by Pope Leo I to negotiate with the Huns' (Alexander Korsunskii and Rigobert Gunter, 1984: 115).

Continuing the analysis of the meeting of Attila and Pope St. Leo I on the Ager Ambuleius, we should note that the authority of the church and the papacy began rising straight afterwards. This meeting was of objectively great importance for the history of the papacy, and for medieval Europe as a whole, in terms of the growth of the political influence of the Popes and clergy throughout the Middle Ages and in subsequent history. The papacy gradually became an active force capable of administering secular affairs across Europe (*Kurze Biographien – Alle Pöpste*, 2005: 3,13).

This point of view should prevail in considering, for example, the activities of the Popes towards the Kingdom of the Lombards in Italy in the middle of the eighth century, i.e. as the logical end of the active policy, which was launched in 452 AD. In 756 AD, Pope Stephen II, supported by the Frankish kingdom, was able to get rid of the Lombards and found a secular state in Central Italy. This was a follow-on to the sanction that Pope Zachary gave to Pepin the Short, the major domo of the Franks a little earlier, to be conferred with a royal title and to depose the Merovingian dynasty.

We could cite other examples from the history of the Middle Ages: for example, the meeting of Pope Leo III and Charlemagne-to-be??? in Paderborn (Germany) in 799. This was the meeting after which Pope Leo III crowned the Frankish king with the crown of the Roman Emperors in St. Peter's Basilica in Rome. The fight of the German kings and the papacy for investiture, etc. is also worth mentioning.

Returning to the said meeting on the Ager Ambuleius in 452 AD, we can recall a fact of the modern history of Europe of the XIX century, when, after the Battle of Solferino in 1859, Napoleon III invited Emperor Franz Joseph I of Austria to conduct negotiations. The negotiations took place 5 km away from the historical place where, 1,400 years before, Pope Leo I carried out his mission at the court of Attila. Around there, people are still talking about the meeting between the Pope and the King of the Huns.

The above allows us to say that the Huns, who worshiped celestial bodies, practiced

Tengriism and showed tolerance towards the religious beliefs of the conquered peoples. Among his contemporary warriors undertaking marches on Rome, Attila stood out. He showed respect for the Christian religion and the Pope. It is no coincidence that the images of the great ruler of the Hunnic Empire can be seen in the main Catholic church, St. Peter's Basilica, in Rome.

Having returned to Pannonia, the ruler of the Hunnic Empire started preparing a new military campaign, but this time against the Eastern Roman Empire. According to Jordanes, 'Attila returned to his encampment, and as if he had been bored with idleness and felt the sheathing of his sword, he sent ambassadors to Marcian, the Emperor of the Eastern Empire, stating his intention to rob the provinces, because he had not been paid the tribute promised by Theodosius, the last Emperor of both the eastern and western halves of the Roman Empire, at all'. (*Reversus itaque Attila in sedes suas, et quasi otii penitens graviterque ferens a bello cessare, ad Orientis principem Marcianum legatos dirigit, provinciarum testans vastationem, quod sibi promissum a Theodosio quondam imperatore minime persolveretur ...*) (Jordanes, 225).

The King of the Huns spent the last months of his life preparing a campaign against the East. But a new war on the Byzantine Empire was not destined to break out. In the spring of 453 AD, Attila, the ruler of the Hunnic Empire, died.

Conclusion

Thus, we have analyzed the events of 451 – 452 AD. Both European wars waged by the Huns evidence the military power of the Hunnic Empire. If, in 451, the Western Roman Empire united almost the whole of the West against the Huns, then a few months later (less than a year) it could not resist their invasion into the heart of the Empire. The fact that the ruler of the huge state of the Huns, who had both the Roman Empires as tributaries, stopped before the city of Rome, because he had listened to requests of the embassy headed by the Pope, speaks for Attila's wisdom. He stopped the rampage of his troops, preventing senseless destruction and victims. Here Attila compares favourably with Geiserich, King of the Vandals, or Alaric the Visigoth.

During the age-long existence (the 4th – 5th centuries) in Europe, in the turbulent era of the Great Migration, the Hunnic Empire was centered in Pannonia (in the territory that later became Hungary, Austria and parts of Yugoslavia) and objectively had an impact on the fate of European history. In addition to wars and migrations, that historical epoch showed multifaceted interaction between the East and the West, synthesis and integration of traditions and cultures.

The Hunnic invasions of the middle of the fifth century – 451-452 AD – undermined the Western Roman Empire all the more, bringing about its decline. This was going to happen very soon, namely in 476 AD, when Romulus Augustulus, the last Western Roman Emperor, was deposed by Odoacer, the leader of German mercenaries and the son of Edeko (Edikon), who at one time held a high position under Attila.

Here, we would like to mention the periodization of the world history of the turn of the antiquity and the Middle Ages, which deals with the history of Eurasia and Kazakhstan. It is known that Russian and Soviet historiography considered the year of 476 AD to be the end of ancient history and the beginning of the Middle Ages. This date appeared in Soviet historiography and it is accepted by that of Russia and the CIS countries. But it is simply a conditional date, the year of deposition of the last Western Roman Emperor, which was not a major historical event. The background was founded a century before, when, after the year 375 AD, the Great Migration in Europe began, and the Hunnic invasions of Europe agitated the entire Eurasian continent, Europe; they had global far-reaching consequences and contributed to the transition from one era to the next, from one civilization to another. This was an epochal event, common to all the countries of Europe and Asia.

Therefore, we have compelling reasons to date the beginning of medieval history on a global basis, including the history of Kazakhstan, from the second half of the fourth century (375 AD) – the turning point of the Great Migration in Eurasia. Such an approach

to the question of the end of the history of antiquity and the beginning of medieval history has been presented, in particular, in a number of publications of Professor Zhumagulov in Kazakhstan and abroad. And it was included in the sample syllabus on the history of the Middle Ages, developed and published by the Department of World History, Historiography and Source Studies of the Al-Farabi Kazakh National University for all the humanities specialties of the universities of the Republic of Kazakhstan. The syllabus has been approved by the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan.

After Attila's death, the Hun Empire collapsed in the West during the reign of his sons. Some of the Huns stayed in the area northward of the Lower Danube. However, most of them went to the Greater Black Sea area and farther to the east, towards the Urals and the Aral Sea, i.e. to the frontal eastern limits of the huge Hunnic Empire. The local Huns continued marching on the neighbouring countries. So, the Huns-Ephthalits subjugated Gandhara at the end of the fifth century after a successful struggle against the Sassanids. Their leaders Toramana and Mihirakula captured the Gupta Empire in India in the first quarter of the sixth century.

The problems of the history of the Huns are still waiting to be studied. Based on a thorough analysis of the sources, we have a need to open an objective picture of historical reality.

In research and practice of teaching in universities it is necessary to show that many of the nations of Europe considered the Hunnic state as a counterbalance to the Roman Empire and saw it as a savior from Roman expansion. It is necessary to study the life of the Huns in detail, as the representatives of particular steppe civilization (Reiternomadische Kultur).

Having existed for about one hundred years in the turbulent era of the Great Migration, the Hunnic Empire had an objective impact on the fate of European, Eurasian history in terms of the transition to a new era and the civilization of the Middle Ages.

After the collapse of the Hunnic Empire, numerous tribes mentioned in a number of early medieval sources stayed to roam in the European steppes. Among these nomadic ethnic groups the Avars stood out.

Archaeological data confirms the historical continuity of the Avar Khaganate of the sixth and seventh centuries, and of the Hunnic Empire, its multitribal nature, and the development of international relations from the East (the Altai, the regions of Central Asia, Iran) to the West (the Byzantine Empire, tribal unions and kingdoms of the Germans).

Later, the mass migration of Slavic tribes and their migration to the territory of the Byzantine Empire was one of the final stages of the Great Migration in Eurasia and Europe.

References:

- Biblioteca Apostolica Vaticana (BAV), Vaticani Latini (Vat. Lat. 541, f. 67-68 R).
See also: BAV, Vat. lat. 1319, f. 96v, Vat. lat. 544, f. 183-184R
Budanova V. (2000). Varvaskiy mir epohi Velikogo pereseleniya narodov. (Barbarian world of great migration processes) Moscow: Nauka, pp. 48-70
Gumilev L. (1960). *Hunnu. Srednyaya Azia v drevnyaya vremena* (Central Asia in ancient times). Moscow: Izdatelstvo vostochnoy literatury, 1960, pp. 247-248.
Leo Magnus. (1932). *Epistolae 39, 41*, cited in *Acta conciliorum oecumenicorum*. Ed. E. Schwarz, t. 2, Vol. 4. Berolini-Lipsiae, pp. 41-43.
Jordanes. (1882). *Getica*, cited in *MGH Auctores Antiquissimi*. Ed. Th. Mommsen. Berolini, Weidmannos, T. V,1.
Korsunskii A., Gunter R. (1984). Upadok y gibel Zapadnoy Rym'skoy ymperiyi y vozniknovenye germanskikh korolevstv do serediny VI v. Moscow: MGU, 115.
Kurze Biographien – Alle Pöpste. (2005). *Von Petrus bis Benedikt XVI*. (Lozzi Roma) 3,13 Jordanes, 225.

Priscus Panites. (1851). *Historia Byzantina fragmenta*, cited in *15 - Fragmenta Historicorum Graecorum (FHG)*. Vol. IV. Ed.

Prosper Tiro. (1892). *Epitoma de Chronicon* 1364, cited in *Monumenta Germaniae Historica (MGH)/ Auctores Antiquissimi*, t. IX, Chronica minora, Vol. I. Ed. T. Mommsen, Berolini, p. 481.

Pytheas von Marseille. (1959). *Ueber das Weltmeer. / Die Fragmente/*. Uebers und erl. von D. Stichtenoth. Kuhn-Gray.

Pirenne H. 1963. Mahomet und Karl der Grosse. (Untergang der Antike am Mittelmeer und Aufstieg des germanischen Mittelalters). Frankfurt-Main-Hamburg, 29.

Procopius Caesariensis (1962-1965). *Opera omnia*. Ed. J. Haury, G. Wirth. (Leipzig, BV-De bello Vandalico, I,V, pp. 4-6

Patrologia Latina. (1865). Ed. J-P. Migne, (Paris, 1865), 59-60

Zhumagulov K. (1999). Pokhod Attily v Gallyu (Battle of Attila to Gaul). *Bulletin of KazGU. Historical series* 15: 130-131.

Zhumagulov K. (2002). "Gunn I rannaya istoriya Kazakhstana (The Huns and the early history of Kazakhstan)," *Bulletin of KazNU, historical series* 1, pp. 3-7.

Zhumagulov K. (2002). Problemy istorii germanskih plemen (s drevneishikh vremen) *The problems of the history of the German tribes (from ancient times to the early Middle Ages*. Almaty: Kazakh university, pp. 22-75.

Zhumagulov, K. (2009). Materialnaya kultura i iskusstvo voyny d expozitsii istoricheskogo muzeya b gorode Shpeyer (Material culture and the art of war of the Huns in the exposition of the historical museum in the city of Speyer) (Germany) // *Proceedings of the international scientific-practical conference "Contribution of the scientists of Al-Farabi Kazakh National University to the program 'Cultural Heritage': achievements and prospects*. Almaty, pp.17-19

Zhumagulov K. Katalaunskaya bitva (Catalaunian battle). *Otan tarikhy. Nauchnyi zhurnal NAN RK* 2 (2011): 11-24

Zhumagulov, K. (2012). Avarskiy kaganat kontsa epohi velikogo pereseleniya narodov v Evrazii (The Avarians Khanate in the early medieval history of Europe) // *Proceedings of the conference and roundtable held by the Chair of World History and International Relations in 2011-2012*. Karaganda, 2012, 14-19

Vita St. Genovefae. (1910). Ed. C. Kunstle cap. 9 Leipzig.

МРНТИ 03.20

Asylbekova Zh. M.-A.¹

¹Doctor of Historical Sciences, Professor, UIB, Kazakhstan, Almaty
e-mail: asylbekova777@mail.ru

THE WESTERN HISTORIOGRAPHY OF ANCIENT AND MEDIEVAL HISTORY OF THE TURKIC PEOPLES

The history of great barbarians Attila, Jenghiz Khan, Tamerlane has always attracted the attention of historians. Accounts of them written by western and oriental chroniclers served to spread their repute.

This article gives a brief overview of some works of generalized, monographic level, published in English and Russian.

These are the elected historical studies that made the most outstanding contribution to the Western historiography of the ancient and medieval history of the Turkic peoples. All these compositions became a major phenomenon in Western historiography of the

history of Central Asia. It should be emphasized that these researchers determine it. These monographs have a rich bibliography, illustrations and maps. The given overview presents the diverse, comprehensive character of these studies. Their valuable feature is an understanding of aspects of continuity, community and specificity of the Turkic and Mongolian peoples. Thus, Western historians with high professionalism on the base of extensive sources made invaluable contributions to the study of ancient and medieval history of the Turkic peoples.

Keywords: The Turkic peoples, history, the Western historiography, monograph

Асылбекова Ж.М.-А.¹

¹Доктор исторических наук, профессор международного университета бизнеса, Казахстан, г. Алматы. e-mail: asylbekova777@mail.ru

ЗАПАДНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ

История великих варваров Аттилы, Чингиз хана, Тамерлана всегда привлекала историков. Этому способствовали рассказы, написанные о них западными и восточными летописцами. В настоящей статье делается краткий обзор лишь некоторых работ обобщающего, монографического плана, опубликованные на английском языке, при этом были избраны исторические исследования, сделавшие самый выдающийся вклад в западную историографию древней и средневековой истории тюркских народов.

Все рассмотренные работы стали серьезным явлением в западной историографии истории Центральной Азии. Необходимо подчеркнуть, что они её и определяют. Эти монографии располагают богатейшей библиографией, иллюстрациями, картами. Представленный краткий обзор показывает разноплановый, всесторонний характер этих исследований. Их ценной чертой является принятие во внимание аспектов преемственности, общности и специфики тюркских и монгольских народов. Таким образом, западные историки с высоким профессионализмом, опираясь на обширные и разнообразные источники внесли неоценимый вклад в исследование древней и средневековой истории тюркских народов.

Ключевые слова: Тюркские народы, история, западная историография, монография.

Асылбекова Ж.М.-А.¹

¹Тарих ғылымдарының докторы, халықаралық бизнес университетінің профессоры, Қазақстан, Алматы қ., e-mail: asylbekova777@mail.ru

БАТЫС ТАРИХНАМАСЫНДАҒЫ ЕЖЕЛГІ ЖӘНЕ ОРТА ҒАСЫР ТҮРІК ХАЛЫҚТАРЫНЫҢ ТАРИХЫ

Аттила, Шыңғыс хан, Әмір Темір секілді ұлы варварлар тарихы әрдайым тарихшыларды қызықтырған. Бұған ғұндар туралы, Батыс пен Шығыс жылнамашылары жазған аңыздары ықпал етті. Аталмыш мақалада ағылшын тілінде жарыққа шыққан бірқатар жалпылама еңбектер мен монографияларға қысқаша шолу жасалған. Соның ішінде батыс тарихнамасында түркі халықтарының ежелгі және орта ғасыр тарихына үлкен өзгерістер жасаған тарихи зерттеулер таңдап алынды.

Қарастырылған барлық жұмыстар батыс тарихнамасындағы Орталық Азия тарихына орасан зор үлес қосқан. Сонымен қатар, осы еңбектер батыс

тарихнамасының тұғыры іспетті. Бұл монографиялар библиографияға, иллюстрацияға, карталарға бай. Аталмыш жалпы шолу бұл зерттеулердің сан қырлы әрі жан-жақты екенін көрсетеді. Олардың басты ұтымды тұсы да осы. Олардың басты құндылығы – түркі мен монғол халықтарының ерекшеліктерін, сабақтастық қағидасын және жалпылық мәселелерін негізге алуы. Сондықтан, батыс ғалымдары кең ауқымды және әралуан деректерге сүйене отырып, жоғары шеберлікпен ежелгі мен орта ғасырлық түркі халықтарын зерттеуге үлкен үлес қосты.

Кілт сөздер: Түркі халықтары, тарих, батыс тарихнамасы, монография.

Introduction.

The history of great barbarians Attila, Jenghiz Khan, Tamerlane has always attracted the attention of historians. Accounts of them written by western and oriental chroniclers served to spread their repute. The researchers have been interested how «the great barbarians irrupted into areas of developed historical civilizations and suddenly, within a few years, reduced the Roman, Iranian, or Chinese world to a heap of ruins. Their arrival, motives, and disappearance seem inexplicable, so much so that historians today come near to adopting the verdict of old writers , who saw in them the scourge of the Lord, sent for the chastisement of ancient civilizations. But the historians knew that their motivations and patterns of behavior acquire clarity as we come to understand their way of life» (Grousset Rene, 1970: 4).

Western historiography

One of the leading researchers of the history of Central Asia is a French historian Rene Grousset. R. Grousset first published his masterpiece on Central Asia in 1939 on the eve of the Second World War. Its English edition was published in 1970 by the publishing house of Rutgers University, New Jersey, USA. The French historian could summarize all material accumulated by that time and explored a big number of questions dedicated to the history of Central Asia. This book, based on the wide array of sources gave a detailed description of the life of the Great Steppe from ancient times to the XVIII century. . The narrative is based on the research of the author himself, who attracted a large number of sources of European, Chinese, Persian and other backgrounds He began his narrative with the Scythians, Sarmatians, Huns, and then explored the early medieval empire in Central Asia, the history of the Turks and the penetration of Islam in the XIII century. He told about the empire of Jenghis Khan and his successors, about Turkestan in the epoch of the Jagataites, the Kipchak Khanates and Tamerlane’s empire. Grousset ended his narrative with the collapse of Dzungaria, annexation of it by the Manchus who ruled in China later.

Exploring the long history of the Turkic-Mongol peoples, he set the task of his work: «I would like to bring before your minds this great barbarian people, dominated by three mighty figures - Attila, Jenghiz Khan, Tamerlane - as they march through ten centuries of history, from the borders of China to the frontiers of the West» (Grousset Rene, 1970: 2-3).

R. Grousset described Turks and Mongols as an intelligent, level headed, practical people which, drilled by the harsh realities of its environment, were ever ready for the word of command, whose adventure was nearly always successful, and that the same rhythm recurred throughout thirteen centuries — that period between the Huns’ entry into Loyang and the Manchus’ into Peking. The reason of these victories is a fact that the nomads, retarded though they were in material culture, always possessed a tremendous military ascendancy. They were the mounted archers. The military superiority of the nomads disappeared because the sedentary peoples now met them with artillery, and thus overnight acquired an artificial ascendancy over nomads (Grousset Rene, 1970: 5-6).

The scientific views of R. Grousset were greatly influenced by the ideas of the historians of the Annales school. Thanks to their concepts he began his book «Empire of the Steppes» with a review of the temperature and climate of Mongolia and reasoning

about the impact of the Altai and Tien-Shan mountain ranges on the steppe climate. As representatives of this school, R. Grousset built his work on a wide variety of archaeological, geological and linguistic materials. Thus, under the influence of the works of Braudel, Grousset expanded historical boundaries of oriental studies in areas that were previously ignored. The novelty of this composition is seen in the point of view of the outstanding Western European scholar on the well-known events, whose opinion was devoid of prejudices, biases and conjuncture approach. R. Grousset's book «Empire of the Steppe» was highly praised by historians. L. Gumilev considered this work the culmination point in the European orientalism of the first half of the XX century.

Among the works of a generalized level on our problem a serious interest presents the monograph of the American orientalist, authoritative researcher of the history of Turkey C. Findley, «The Turks in World History», Oxford University Press, 2005. Chronologically the book provides a coverage of such issues as the pre-Islamic Turks and their precursors (through the eleventh century C.E.); the entry of the Turks and the Mongols, with whom the Turks shared a great deal, into the Islamic world (eleventh to fourteenth centuries); the last great age of indigenous Asian empire building (fourteenth to eighteenth centuries); and finally the modern period. The book concluded with the author's reflections on the Turkic peoples in the contemporary period. He saw the objective of his research in the looking for «continuities and distinctive designs in the history of the Turkic peoples» (Carter V., 2005: 9).

In this study the American historian traced the direction of the Turkic peoples from the steppe to the empire and the nation-state - the Republic of Turkey, the five post-Soviet republics, other entities and communities in Eurasia and the global diaspora. On the pages of the book the author combined natural, economic, social and political conditions in which the history of the Turkic peoples unfolded. He is convinced «that the two-thousand-year history of their expansion across Eurasia may shed a valuable light on the processes by which a large and diverse group of people established, transformed, and projected its identity across space and time» (Carter V., 2005: 4). C. Findley studied the formation of Turkic identity through deep transformations, primarily through the consistent entry of the Turks into Islam and Modernity. He emphasized two factors, determining the Turkic world – it is a language and Islam that «has become the next most decisive constituent of Turkic identity after language» (Carter V., 2005: 225). C. Findley emphasized the common cultural roots in the consolidation of the Turks: «what united the Turkic peoples above all was the cultural baggage that they carried as they spread across Eurasia. This cultural complex was characterized by long-term continuity, as well as by great potential both to absorb exogenous elements and to transform itself» (Carter V., 2005: 9). Thinking about the Turkic history that contains both remarkably long continuities and great transformations, Findley stood out two such transformations as particularly significant: «the Turks entry first into Islam and then into modernity» (Carter V., 2005: 9).

The orientalist provided a principled resistance to those groups of «outsiders» which have not considered them particularly civilized at all. Such perceptions have to do largely with their historically nomadic lifestyle. He explained: «In their civilizational commitments, they have undergone profound conversions over time ... In a sense, the Turks migrated among civilizations as they moved across Eurasia. Yet while doing so, they maintained their identity. They also proved that they could remain committed to a particular civilization over very lengthy periods and contribute greatly to its advancement» (Carter V., 2005: 9). The certain novelty of this research is seen in C. Findley's approach to the history of Turkic peoples through the definition of their role in resolving the conflict of civilizations: «The fact that much of Turkic history unfolded on or near frontier zones between Islamic and European civilization may certainly throw light on the extent to which those zones have or have not been sites of millennial conflict» (Carter V., 2005: 9).

A notable contribution to the western historiography of ancient and medieval history of Central Asia is the study of American historian, orientalist Peter Golden «Central Asia

in World History», New York: Oxford University Press, 2011. The American historian narrated the history of this vast region from ancient times to the present.

For P. Golden the fundamental components of the identity of Central Asia in that period were «the ties of clan, tribe, status, locale, religion ... and these were often multi-layered» (P. Golden, 2011: 12). Therefore P. Golden set the aim of his study- the research of the history of Central Asia in this multi- layering of tribes, languages, religions, in their interaction and interference. P. Golden explored Central Asia as a region shifting ethnic, linguistic, political and cultural borders in the appropriate historical context.

The importance of Central Asia was estimated in different ways: «Ancient and medieval observers considered it marginal to “civilization”. Modern historians have deemed it the «heartland» or «pivot» of Eurasian history because it produced the largest empires of premodern times» (P. Golden, 2011: 2).

The content of the book is described in chronological order in 9 sections. In the context of the theme of this article our attention will be focused on the review of chapters 1-7.

In the introduction P. Golden underlined that Central Asia historically, encompassed two interacting yet fundamentally different lifeways, each inhabiting different ecological niches: the settled folk of its oases and the nomads of the steppes”, where «that interactions between these two diverse populations have «shaped much of our knowledge of Central Asia,» as accounts from settled societies recorded the «primitive» way of life of the «barbarian» nomads (their primitive customs, cuisine and clothing of hides, furs and felt» (P. Golden, 2011: 104).

Chapter One provided an up-to-date explanation for the evolution of pastoral nomadism and its adoption of «low and high technology as circumstances required”. P. Golden determined two factors, which united ethnically different states and people – it is a creation of huge nomadic empires by conquering of neighboring tribes and trade that connected people at remote distances. Commerce connected the people of Central Asia to the wider world; the nomads of the steppe provided the link to Eurasian cities as goods traveled from China through Central Asia to Persia and then on to the Mediterranean» (P. Golden, 2011: 16).

Chapter Two narrated about the third-century emergence of a new power on the Mongolian steppe, the Xiongnu, and the Chinese response. In this period to China’s west, two nomadic powers emerged with important global consequences: the Kushan Empire and the Huns. Golden convicted the readers that the «rise and fall of the Xiongnu pushed various nomadic peoples, in particular Turkic groupings», into the Kazakh steppe, where they joined into union with other tribes and finally «formed a new tribal union: the Huns» (P. Golden, 2011: 33). He shares the wide-spread concept in the western orientalism about the origin of the Huns from the Xiongnu. Thus the historian revealed one of the key themes of the book – «the movement of peoples and languages and the creation of new ethnic entities» (P. Golden, 2011: 6).

Chapter Three «Divine Khagans: Turks and their followers» described Eastern and Western Turkic khanates which as Golden argued, became «the template for all future nomadic states», where despite the adoption of sedentary administrative structures, Golden pointed out that «pastoral nomadism remained a mainstay of the Turk economy and horsepower remained the key to their military might» (P. Golden, 2011: 43, 49). He also characterized the significance of the Silk Road in the enriching and empowering of the Turk Empire.

Chapters Four and Five are dedicated to the significance of the silk trade in Central Asia as well as the arrival of Islam.

In chapter Six «The Mongol Whirlwind» Golden described an impact of the Mongols on the world history and the pioneering role of their empire: the Mongols «brought the steppe, the forest zone, and many of the neighboring states (China, Iran, Medieval Rus’) into a vast world realm...[that] profoundly influenced global history, putting into place

international networks of communications, the beginnings of an early 'world system' in the period between 1250-1350, the precursor of the modern world" (P. Golden, 2011: 90). Following their initial destruction, the Mongols created a space where peaceful intercultural exchange could flourish. But Golden astutely reminds his readers that «the Mongols were more than simply the architects of this great cross-cultural highway, rather, they were active players in the exchange process and that cultural exchange went through a Mongol filter» (P. Golden, 2011: 89).

Chapter Seven determined the preeminence of the Turkic language and Islam in Central Asia, and depicted Төмр as "the last of the Eurasian great nomadic conquerors.

Golden's book «Central Asia in world history» presented the local history of this region in a global context. In his view, Central Asia is a melting pot of cultures, which this region produced. Through this combination of local and global P. Golden formulated a new look at the history of the world.

In our opinion among the works of a generalized character it is necessary to mention the outstanding studies of E.A. Thompson, Otto Maenchen-Helfen and K.Kelly.

One of the most authoritative researchers of the Huns is a British classicist and medievalist Edward Arthur Thompson. In his studies he relied on the Marxist approach to the historical process. His monograph «History of Attila and the Huns», published in 1948 in the UK, was a notable contribution to the Western Orientalism of the first half of the XX century.

The book was reprinted with the title «The Huns» in 1999. Later this English edition was translated into Russian and published in 2008 under the title «The Huns. Formidable warriors of the steppes». E.A. Thompson was primarily a scholar of ancient and medieval history of Europe. He believed that history of the Huns themselves was certainly interesting, but he was more interested in their relationship with the Roman Empire (Thompson E.A., 2008: 11).

E.A. Thompson told the history of the Huns in Europe from their first attacks on the Goths from the north of the Black Sea to the collapse of the Hun Empire after the death of their legendary leader Attila. What significantly differs Thompson's research from previous analogous works is a critical evaluation of sources; he analyzed them in detail and discussed the limitation of archeological evidence. However the British professor used only the European written documents and he exaggerated their importance: «It is clear that in studying the history of the Huns we can solely rely on the evidence of the Greek and Roman travelers and historians» (Thompson E.A., 2008: 14). The novelty of the British professors' research is seen first of all in the fact that before him almost nobody in the Western historiography of the problem attempted to speak about the social history of the Huns. E.A.Thompson explored the material organization and the social structure of the Hun society in the dynamics, what it was before Attila headed it and how it was under his rule. The author told the history of the Huns in much more detail than it was done in other studies.

E.A. Thompson avoided a discussion about possible Chinese origin of the nomadic people of the Huns.

The British historian's point of view on a number of issues of the Hun history is markedly different from the one that was quite common in the Western Orientalism. He refuted the commonly held view of Attila as a brilliant military leader, diplomat and governor, and that «the great Hun Empire was only because of his outstanding qualities". He argued that this empire already existed before Attila. Attila considerably differed from Jenghis Khan because he received from his predecessors already finished (or nearly finished) empire, while the Mongols were small, separated pastoral tribes» (Thompson E.A., 2008: 243). E.A. Thompson questioned the military genius of Attila. He believed that the legendary leader of the Huns was almost always accompanied by military success only because he did not meet a decent resistance or he won at the expense of large losses (Thompson E.A., 2008: 244-245).

There are certain drawbacks in this book, for instance- an apparent lack of primary sources. The author built his research on several works of the Roman origin, mainly on the writings of Ammianus Marcellinus and Priscus of Panium.

One of the most fundamental works ever published on the history of the Huns, is the book of an Austrian orientalist, historian, writer and traveler Otto J. Maenchen-Helfen «The World of the Huns. Study of their history and culture». After his death he left an unfinished manuscript. It was a source of the book «World of Huns. Study of their history and culture» published in 1973.

Maenchen-Helfen differed from other historians of Eurasia in his unique competence in philology, archaeology, and the history of art, he perfectly knew the primary texts, whether in Greek or Russian or Persian or Chinese. The knowledge of the Chinese sources describing the Hsiung-nu afforded him to critically evaluate the widespread concept about possible Chinese origin of the Huns. Another special competence was his expertise in the history of Asian art, a subject that he taught for many years. Thanks to professionalism in philology, archaeology, and the history of art he dispelled the myth of supposed Hunnic ignorance of metal- working skills (Maenchen-Helfen Otto, 1973: 16).

The Scientific merit of Maenchen-Helfen as an Orientalist is in his objective, science-based criticism of sources on the history of the Huns: «From the beginning these peoples were denigrated and demonized by European historians and dismissed as avatars of the eternal but faceless barbarian hordes from the east, against whom vigilance was always necessary, but whose precise identity was of little importance... Unless this tendentiousness is fully understood – and it rarely is- the literary evident is found to be misread» (Maenchen-Helfen Otto, 1973: 24). So he began his study with its reexamination.

In his research Otto Maenchen-Helfen expressed humanity in such a racially charged field as Hunnic studies, it was a rare phenomenon in the German historiography of 30th years of XX century. The novelty and distinctive characteristic of Maenchen-Helfen's research is seen in his ability to create a reliable account of the ancestors of the Turks and Mongols, free of the usual Western prejudice and linguistic limitations. Therefore, it is clear that many scholars consider this book a masterpiece on the history of the Huns. Even in the unfinished version, it is far superior to the work of E.A. Thompson.

One of the recent and the most notable works on the history of the Huns is the study of the British historian Christopher Kelly «The End of Empire: Attila the Hun and the fall of Rome» Norton, New York, 2009.

The novelty of Kelly's monograph is seen in the attempt to restore the image of Attila as a politically ingenious leader bent more on making strategic alliances to benefit his people than conquering neighboring tribes by savage attacks. Thus, the author told about his long-term contacts with the Roman general, about the promise of Honoria, the sister of Roman Emperor to marry Attila. Hitherto, before Kelly's studies these events were not practically described in the historical literature.

Conclusion.

All these compositions became a major phenomenon in Western historiography of the history of Central Asia. It should be emphasized that these researchers determine it. These monographs have a rich bibliography, illustrations and maps. The given overview presents the diverse, comprehensive character of these studies. Their valuable feature is an understanding of aspects of continuity, community and specificity of the Turkic and Mongolian peoples. Thus, Western historians with high professionalism on the base of extensive sources made invaluable contributions to the study of ancient and medieval history of the Turkic peoples.

References:

- Carter V. Finley. 2005. The Turks in world history. Oxford University Press.
Golden P., 2011. Central Asia in World history. New York: Oxford University Press.
Grousset Rene . 1970. The Empire of the steppes. A history of Central Asia. Rutgers

Golden P., 2011. Central Asia in World history. New York: Oxford University Press.
Grousset Rene . 1970. The Empire of the steppes. A history of Central Asia. Rutgers University Press.

Maenchen-Helfen Otto, 1973. The world of the Huns. Studies in their history and culture. University of California press, Berkeley.

Thompson E.A., 2008. The Huns. Groznye voiny stepei. M.: Centr poligraph

FTAMP 03.20

Мұқтар Ә.Қ.¹

Тарих ғылымдарының докторы, профессор

¹Атырау облысы мемлекеттік архиві басшысы

Атырау қ., Қазақстан, e-mail: muktar64@mail.ru

ТАРХАНДАР ИНСТИТУТЫ ТАРИХЫНЫҢ ТАРИХНАМАСЫ

Мақалада дәстүрлі қазақ қоғамындағы тархандар институты тарихының тарихнамасы талданады. Тарихи деректер бойынша тархандық атақты беру ғұн, түрік қағанаты заманынан бастау алып, Алтын Орда тұсында өз жалғасын табады. Оны кезінде Шыңғыс хан да қолдап, сеніміне ие болғандарға тархандық атақпен, оның артықшылықтарын бекіткен. Ресейдің Қазан, Астрахан, Сібір, Ноғайлы және Қазақ хандықтарын отарлау кезеңінде тархандық орыс патшасы жарлығымен беріле бастады. Тархандық институт тарихнамасы XIX ғасырда белгілі шығыстанушылар зерттеулерімен қаланып, кейінгі жылдары зерттеу аумағына айналды. Бүгінде Қазақ хандығына қатысты 40-қа жуық тархандар мұрағаттық құжаттардан табылып отыр. Мақала Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі аясындағы № АР 05134572 ғылыми жобасын орындауға арналған.

Кілт сөздер: Қазақ хандығы, әлеуметтік институт, тархандық, Түрік қағанаты, Алтын орда, башқұрттар, Ресей саясаты, Жөңгір хан.

Мухтар А.К.¹

Доктор исторических наук, профессор

¹Руководитель Атырауского областного государственного архива

г. Атырау, Казахстан, e-mail: muktar64@mail.ru

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ ИНСТИТУТА ТАРХАНОВ

В статье анализируется историография истории тарханства в традиционной в казахской обществе. Исторические источники доказывают что тарханства берет начало от гуннов, Тюркского каганата и продолжало развитие в Золотой Орде. Поддержав тарханство Чингиз хан присвоил его детям Бата и Кышлыку за то что они успели сообщить об измене Унга. Во времена колонизаторской политики России Казанского, Астраханского, Сибирского, Казахского ханства и Ногайской Орды оно выдавались с решением царского правительства. XIX веке востоковеды России начали изучать историю тарханства. По архивным источникам в истории Казахского ханства известны около 40 тарханов. Статья выполнена в рамках реализации проекта № АР 05134572 Министерства образования и науки Республики Казахстан.

Ключевые слова: социальные институты, тарханство, Тюркский каганат, Золотая Орда, Башкиры, Казахское ханство, политика России, Жангир хан

Muktar A.K.¹

Doctor of Historical Sciences, Professor

¹Head of Atyrau Regional State Archive

e-mail: muktar64@mail.ru

HISTORIOGRAPHY OF THE TARKHANS INSTITUTE

The article analyzes the historiography of the history of Tarkhanism in the traditional Kazakh society. Historical sources prove that Tarkhanism originates from the Huns, the Turkic Kaganate and continued development in the Golden Horde. Supporting Tarkhanism, Genghis Khan appropriated it to the children of Bat and Kyshlyk for reporting on the treason of Ung. At the time of the colonial policy of Russia of Kazan, Astrakhan, Siberian, Kazakh Khanate and Nogai Horde, it was issued with the decision of the tsarist government. XIX century, the orientalists of Russia began to study the history of Tarkhan. According to archival sources, about 40 tarkhans are known in the history of the Kazakh Khanate. The paper is written in framework of realization of project No. AP 05134572 of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan.

Keywords: social institutions, Tarkhan, Turkic Kaganate, Golden Horde, Bashkirs, Kazakh Khanate, Russian policy, Zhanqir Khan

Кіріспе

Тарих ғылымындағы мемлекеттілік, оның даму кезеңдері, құрылымдары, өзіндік ерекшеліктері мәселелері қай халық үшін де аса маңызды. Мемлекеттілік қана жер бетінде өмір сүрген әрбір халықтың бай тарихын сақтап қана қоймайды, оның мәңгіліктілігіне жол ашады. Оны Еуразия аймағындағы ұлан-байтақ территорияны билеп төстеген түркітәлдес тайпалар, олардың жалғасы Қазақ хандығының мемлекеттілік тарихы айғақтайды. Дәстүрлі қазақ мемлекеттілігіндегі әлеуметтік институттар ішінде тархандық институттың тарихы ерекше қызықты. Бүгінге дейін тархандық институттың күрделі 3 кезеңнен өткені, әр кезеңде өзіндік ерекшеліктері болғаны дәлелденіп отыр. Бірінші кезең ғұн, Түрік, Хазар қағанаттары, Еділ Булгарлары, Дешті Қыпшақ заманы. Ол кезеңде тархандар қоғамның басқарушы элиталарына берілген құрметті атақ, титул ретінде мойындалып, ел алдындағы ерекше ерлігі мен батырлығы үшін берілген. Сол дәуірде олар қаған, хан билігіне араласпаса да, ел алдындағы маңызды мәселелерді шешуде айрықша өкілеттілікке ие болған. Үлкен сенімге ие болған оларға туындаған мәселелерді талқылау үшін ханға кез-келген уақытта кіру құқығы берілген. Тархандардың 9 күнәсіне дейін кешіріліп жазаға тартылмауы да олардың қоғамдағы орнын дәлелдей түседі. Екінші кезең Шыңғыс хан, Алтын орда дәуірі. Соғыс жағдайында тархандық басқарушы элитаға ғана емес, сонымен бірге майдан даласында ерекше ерлік жасаған қарапайым адамдарға беріле бастады. Біздіңше ол Шыңғыс ханның өзіне керейіт билеушісі Унг ханның қастандық жоспарлағанын ескерткен балалар Бата мен Қышлыққа айрықша сенім білдіріп тархан атағын беруінен кейін кең түрде дамытылған. Бұл кезеңде назар аударар жәйт тархандық елді мекендерге де берілген. Мәселен, Еділ бойындағы Қажы-Тархан, Тобыл өзені маңында Тархан қала, Самара облысындағы Похвистиневский ауданындағы Алькино селосы бір кезде Тархан ауыл аталған. Атақты мұсылман саяхатшысы Ибн Баттута 1333-1334 жылдары Қажы-тархан шаһарында болып, «Тархан» деп түркілерде әр түрлі алым-салықтардан босатылған адамдарды айтады. Бұл шаһардың пайда бола бастауы былай болған деседі. Түркілердің жақсы бір адамы (қажысы) ең алғаш осы

шаһардың орнына келіп үй салып тұрыпты. Соңыра бұл қажыға хан тарапынан тархандық құқығы беріліпті. Сөйтіп бұл орын бір елді мекенге айналып, одан заман өте келе үлкейіп, кеңейіп, шаһарға айналыпты. Қажы-Тархан шаһары ең әдемі шаһарлардың біреуі болып, Атил (Еділ) дариясының жағасына орналасқан» деп жазып қалдырады (Мұқтар, 2017: 7). Бұдан шығар түйін тархандық алған адам есіміне байланысты елді мекен атауын берген деген тұжырымға келуге болады. Үшінші кезең Ресейдің Қазан, Ноғайлы, Астрахан мен Сібір, Қазақ хандықтарын жаулап алуы барысында отарлаушылардың саясатымен кең мағынада байланыстырылады. Бұл кезеңде Ресей, Иран, Жоңғария тархандықты өз саясатына пайдаланып, ірі билеушілерге, белді тұлғаларға билеуші жарлығымен тарата бастады. Ол түркітілдес татар, башқұрт, қазақ, құмық, түркімен халықтары, сонымен бірге моңғол тектес қалмақтар және грузин, армян тарихынан анық көрінеді. Соңында отарлау саясатын жүзеге асырған Ресей башқұрттар үшін 1845 жылғы 17 шілдеде Әскери Кеңес тәртібі бойынша «тархан ұрпақтарына» салық салып, оларды қатардағы башқұрттармен теңестіріп, ал қазақтар үшін 1869 жылғы Сенат шешімімен «мүлдем жойылған атақ» деп тархандықты біржолата тоқтатады. Сонымен түркітілдес халықтарда кең мағынада қолдау тапқан тархандық атақ отарлаушы орыс патшасы шешімімен жойылады.

Методология

Зерттеу барысында бүгінгі тарих ғылымындағы салыстырмалы-тарихи, мерзімдемелік, өзектілік, перспективті, логикалық, жүйелілік әдістер кеңінен қолданылады. Оларды пайдалану зерттеу аумағына алынған мәселелерді толыққанды саралауға жол ашады. Тархандық институттың пайда болуы, оның ерекшеліктері, тарихи кезеңдерде өзгеріске ұшырауы, кейінгі Ресей империясының отарлау заманындағы орны мен ролі осы әдістер арқылы ашыла түседі. Мәселен ретроспективті әдіс мәселені кешенді түрде бүгін мен өткенді байланыстыра зерттесе, өзектілік әдіс тақырыптың тарих ғылымындағы маңызын көрсетеді. Зерттеу барысында пәнаралық байланысқа да назар аударылды. Зерттеу мәселесі заң, география, әлеуметтану, саясаттану, математика және өзге де ғылымдармен тығыз байланысты.

Зерттеулерді тарихнамалық талдау

Тархандық институт тарихы, оған қатысты хан жарлықтары мен ел билеушілері шешімдері, қоғамдағы тархандардың атқарған қоғамдық-саяси қызметі қай заманда да зерттеушілердің қызығушылығын туғызады. Алдымен Алтын орда кезеңіндегі хан және айналасындағы мемлекеттік тұлғалардың жарлықтары, грамоталары, жолдаулары ғылыми айналысқа түсе бастады. XX ғасырдың 70-жылдары ғалымдарға Жошы Ұлысы хандарының XVI ғасырға дейінгі 8 хан жарлығы белгілі болса, бүгінде оның саны 60 дейін артқан. Алайда, олардың басым бөлігі орыс, француз, латын, тағы өзге де тілдегі аударма нұсқасында сақталған. Түпнұсқасында сақталғаны саусақпен санарлық (Тұяқбаев, 2016; Усманов, 1979). Ресейлік зерттеуші Р.Ю. Почекаевтың анықтауынша бүгінде 33 жарлық, грамота, жолдаулар белгілі. Олардың италян тіліне аударылған 2 нұсқасы ғана әлі күнге дейін орыс тіліне аударылмаған (Почекаев, 2006). Осы маңызды жарлықтарды тарихи деректер ретінде 1842 жылы В.В. Григорьев ғылыми айналысқа түсіруге ұмтылған. Оның «О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству» диссертациясы мәселеге қозғау салады (Григорьев, 1876). Кейін шығыстанушы И.Н. Березин тархандық жарлықтарды зерттеп, Алтын орда және Қырым хандарының тархандық жарлықтарына арналған «Тарханые ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Саадет-Гирея» еңбегін жариялайды (Березин, 1851). Еңбектегі Темір Құтлықтың Мұхаммед атты кісіге 1397 жылғы жарлығы «Жарлық тура тархандық жосынымен жүріп, атасы Қажы Байрам қожаны біздің хан ағаларымыз сойырқап (ұсынып) Тархан қылған мәнін аңғартып өтінді», «Мұхаммедтің оғландары ілкі үлкені – Мұхаммед және Махмұдқа азат тархан болсын» деп аударылады

(Тұяқбаев, 2016; Усманов, 1979). И.Н. Березин «Ханские ярлыки» еңбегіндегі кейбір мәселелерді анықтау мақсатында Сібір кадет корпусының оқытушысы Н.Ф. Костылецкий арқылы Шоқанмен де байланысқа шығады. Қазақ ғалымы шығыстанушыға арнайы сын пікірін жолдаған. Шоқан ескертпесінен: «Қырғыздар да ақсүйек және қарасүйек болып бөлінеді, ақсүйектер, текті; қаралар қарапайым халық, жай қырғыздар өзін қара қазақ деп атайды» деген жолдарды оқуға болады (Уәлиханов, 2010: 90). Тархандық институтқа қатысты осы жарлықтарды кейінгі жылдары шығыстанушылар В.В. Радлов, А.Н. Самойлович аударады (Радлов, 1889; Самойлович, 1918). Кеңестік заманда А.П. Григорьев И.Н.Березин, В.В.Радлов, А.Н.Самойлович аудармаларын өзара салыстырып, өз мәтінін ұсынады (Григорьев, 1981). Дегенмен біз үшін маңыздысы аталған жарлықтар арқылы тархандықтың Сайын хан (Батый хан – Ә.М.) кезеңінен бастап алдымен Байрам қожаға, одан оның баласы Мұхаммедке, енді кезегімен оның балалары аға қажы Мұхаммед пен Махмұтқа берілгені және барлық құқықтарының сақталатынын айғақтауы. Мұның өзі тархандықтың Алтын Орда дәуіріндегі маңызын толық дәлелдейді деп есептейміз. Өйткені тархандық жарлықпен тұлғалар тек атақ емес, сонымен бірге жер, су, өзге де мол байлыққа ие болған. Жоғарыдағы жарлық атақтың діни өкілдерге, яғни, қажыларға да берілгенін дәлелдейді. Ол ханның атақты берудегі өзіндік құқығын көрсетеді. Дегенмен Алтын Орда жарлықтарын зерттеуші Р.Ю. Почекаев: «Хан жарлықтарының көпшілігі берілген жеңілдіктерге қатысты, оны иеленгендер Алтын Ордада салықтардың барлық немесе оның бір бөлігінен босатылады. Сондықтан жарлықтарды зерттеушілер салықтар мен борышкерлікті, оны жүзеге асыратын шенеуніктер аппаратын, соңында салық иммунитетін иеленген тұлғалардың статусын ғана назарға алуы таңғаларлық емес. Бұл бағыттағы үлкен жұмыстар И.Н. Березин, А.Н. Самойлович, С.Е. Малов, Г.А. Федоров-Давыдов, М.А. Усманов, А.П. Григорьевтермен жасалды» деп орынды ескертеді (Почекаев, 2009:110).

XIX ғасырда түркітілдес халықтар арасындағы тархандық мәселесінде алдымен башқұрттар тарихына зерттеу басталады. Оның негізін В.В. Вельяминов–Зернов (1830-1904) қалайды. Ғалымның Орынбор қаласында тұрақтауы башқұрт тархандарына қатысты деректерді жинақтауға мүмкіндік береді (Вельяминов-Зернов, 1865). Зерттеуші тархандар санына, олардың берілуіне, айрықша құқықтарына, сонымен бірге Михаил Федорович патшадан бастап Уфа архивінде жинақталған құжаттарға ерекше көңіл бөледі. В.В. Вельяминов–Зернов еңбегінде қазаққа қатысты деректер болмағанымен Ресейдің тархандық саясатын дәлелдейтін материалдар жеткілікті.

Көп ұзамай қазақтар арасындағы тархандық мәселесіне Торғай басқармасында еңбек еткен И.И. Крафт (1861-1914) назар аударады. Ол «Из Киргизской старины» еңбегінде «әдебиеттерде және қазақтар тарихына қызығушылықпен қарайтын қоғамда бүгінге дейін сұлтан, тархан, билер жөнінде нақты түсінік қалыптаспаған» дей келе сұлтандар, тархандар мен билерге жиналған материалдары негізінде мәлімет береді. И.И. Крафт патша жарлығымен 1743 жылы 11 шілдеде Жәнібек батырға мұрагерлік тархандық атақ берілгенін, нәтижесінде 1759 жылы 9 қаңтарда оның баласы Дәуітке Ресей Әскери алқасы шешімімен тағайындалғанын, 1793 жылы наурыз айында Сыпыра биге патша жарлығымен ұсынылғанын және 1869 жылы Сенат отырысы қорытындысымен тоқтатылғанын анықтайды. Автор: «Тархан немесе дархан, ерікті адамдар. Орта Азияға Қоқан билігі кезеңінде хан жарлығымен салықтан босатылғандарды дархандар деп атаған. Ол 1867 жылғы Сырдария мен Жетісу облыстарын басқару Ережесі жобасына түсініктеме жазбасында жазылған» деп нақтылай түседі (Крафт, 1900: 80-82). Міне осыдан кейін мәселеге арналған зерттеулер 1940 жылдары жалғасын табады. Ол Ресей империясында туып, төңкеріс жылдарында Түрік еліне орын ауыстырған Садри Максуди Арсалдың (1879 – 1957) Стамбул қаласында жарияланған «Түрік тарихы

және құқығы» еңбегінде алғаш рет тархандық институт тарихы мен құқығы өзара байланыста зерделенеді. М.Садри Қазанда дүниеге келген. 1901-1906 жылдары Париж университеті заң факультетінде оқып заң кандидаты дәрежесін алуы мәселеге заң маманы тұрғысынан қарауға мүмкіндік береді. Оның белді түркітілдес қайраткерлерімен таныстығы, И. Гаспиринскиймен тығыз байланысы, Ресей мемлекеттік II, III Думасы депутаты болуы түркітілдес халықтардың тарихынан мол мәліметтер алуына жағдай жасайды. Нәтижесінде ол көне түркі мемлекеттеріндегі таптық құрылымды зерделеп, «Түркі мемлекеттерінде негізінен 3 тап – билер, еркін түріктер және тұтқындар (құлдар) болған. Көп емес хан әулетінен тарайтындарды қоспасақ, би атағы мұрагерлік жолмен берілмейді. Түркі мемлекетінің кез келген тұрғыны оны мемлекеттік қызметтегі сіңірген еңбегіне байланысты ала алатын. Түркі мемлекеттерінде билеуші әулетті қоспағанда мұрагерлік артықшылықтарға ие болатын тап болмады. Дегенмен өмірлік артықшылықтарға ие болған адамдар бар. Олар тархандар деп аталады. Ғылымда олардың артықшылықтары мен ерекше құқықтары туралы нақты деректер жоқ. Алайда тарихи деректер Моңғол мемлекетінде, олардың басқару құрылымында түркілерден алған тархандардың артықшылықтары туралы хабарламалар кездеседі. Олар: 1-ден, олар барлық салықтардан, еріксіз жұмыстардан босатылған. 2-ден, соғыс және аң аулаудағы олжалардан өз үлесін алып отырады. 3-ден, ханмен кездесуге және қалаған уақытта жүздесуге құқылы. 4-ден, ауыр қылмыс болмаса тархандар 9 жазаға дейін кешірілген. 5-ден, құрметті қабылдауларда оларға ерекше құрмет ретінде бір бокал шарап ұсынылған» деп анықтайды. Сонымен бірге билерге арналған бөлімінде билерді рангісіне қарай – садапиттер, тархандар, бұйрықтар деп үшке бөледі. Оның анықтауынша садапиттер жоғары сенімге ие болып ханның оң, тархандар, бұйрықтар сол жағынан орын алған. Садапиттер билеуші аристократтар, тархандар халықтан шыққан ерекше еңбегімен мойындалған мемлекеттік қайраткерлер қатарына енгізілген. Садапиттер мен тархандық атақтар жеке тұлға ғана берілген және мұрагерлік жолмен таратылмаған деген тоқтамға келеді (Садри Максуди Арсал, 2012).

М.Садримен қатар шығыстанушы С.М. Шапшалдың тархандыққа қатысты зерттеулері жариялана бастады. Біздіңше олар өзара таныс болған. Түркітілдес қарайым ұлтының өкілі ретінде С.М. Шапшалдың түрік, иран, орыс және өзге тілдерді жетік білуі мәселеге жан-жақты қарауына мүмкіндік береді. Ғылымда оның белгілі шығыстанушы, әрі түркітанушы В.А. Гордлевскийге (1876-1956) жазған 13 хаты, соңында онымен ой бөлісе дайындаған мақалалары белгілі. Мәселен 1946 жылы 28 қыркүйектегі хатында «Звание тархана у тюркских народностей, в связи пожалованием его крымским караимам» атты мақаласының Қарайымдар туралы монографиясына енгені хабарланады (Зайцев). Көп ұзамай С.М.Шапшалдың «К вопросу о тарханных ярлыках» мақаласы жарияланады (Шапшал, 1953). Мақаланы саралаған зерттеушілер: «С.М. Шапшалдың арнайы зерттеуі салық төлеуден босатылған тұлғалар - тархандар статусына қатысты. Шынында, авторды олардың құқықтық статусы емес, «тархан» атауының этимологиясы көбірек қызықтырған» деп бағалайды (Почекаев, 2009:110). Олармен шамалас тархандықты саралауға қазақ тарихшыларының алды болып Е.Бекмаханов кіріседі. Ол атақты еңбегінің «Қазақтардың әлеуметтік қатынастары» атты 2-ші тарауында тархандарды феодал басшы топтарына жатқызып «Тархан деген атақты XIX ғасырда орыс өкімет орындары, ал Ішкі ордада (Бөкей ордасында) бұл атақты феодал шонжарлардың көрнекті өкілдеріне олардың мемлекет алдында сіңірген ерекше еңбегі үшін ханның өзі берді», «1821 жылы әскери губернатор граф Эссен би Аманша Сеңгірбаев пен Жаңбыршы Саламысовты «арнаулы тапсырмамен Хиуаға жорық жасағанда аянбай қызмет қылғаны үшін» тархан атану дәрежесіне жеткізді» дей келе оның берілу себептерін ашып көрсетеді. Мұнымен орыс патшасы заманында тархандық атақтың нендей мақсатта пайдаланылғанын анықтаймыз. Сонымен

бірге ғалым тархандар XIX ғасырдың бірінші жартысында әлеуметтік топ ретінде қазақтардың қоғамдық-экономикалық өмірінде елеулі рол атқармады, тархандар саны XIX ғасырдың 60 жылдарында 20 адамнан аспады деген қорытынды жасайды (Бекмаханов, 1994: 103). Дегенмен автор мәселеге тереңдемей орыс патшасы кезеңімен шектеледі. Араға уақыт сала тархандар мәселесі кеңірек С.Зимановтың XIX ғасырдың алғашқы жартысындағы қазақтардың қоғамдық құрылысы атты монографиясында зерттеледі. Ғалым оларды билеушілер қатарына қосып, «оның сұлтандар мен билерден ерекшелігі оларды жалақы тағайындау арқылы мемлекет берді, «тархан» атауы көнетүркі халықтарынан белгілі», «қазақ хандары XIX ғасырға дейін тархан атағын бере алмады, кейін билікті күшейту үшін тархандық институтты Жәңгір хан қолданып грамоталарын таратты. Тархан атағы мұра ретінде берілетін және олар салықтан босатылды, ханның ерекше сеніміне, қолдауына ие болды, жазалаудан босатылды. Тархандар құқықтық жағдайында сұлтандармен теңестірілді» деген қорытынды жасайды (Зиманов, 2009: 209-211). С.Зиманов қазақ тархандарының башқұрт тархандарынан айырмашылығын анықтап, олардың Ресей патша үкіметі үшін әскери қызмет атқармағанын және орыс мемлекеті қызметінде болмағанын алға тартады. Зерттеуші Бөкей Ордасының бір ғана Талов бөлімінде XIX ғасырдың II жартысында 125 тарханның тіркелгенін, Жәңгір ханның оларға шұрайлы жайылымдарды бергенін және олардың жергілікті билік органдарындағы хан қызметінде болғанын анықтап, нәтижесінде тархандық институттың пайда болуы «ақ сүйектердің» айрықша құқыққа ие болған рудың атақты тұлғаларымен қосылуын көрсетті деп нақтылайды (Зиманов, 2009: 212). Расында да Жәңгір хан өз сенімінен шыққан тархандарға бар жағдайды жасады. Бұл Жәңгір ханның патша үкіметінен айрықша құқыққа ие болғанын дәлелдейді. Өйткені қазақтың Бас хандары Тәуке, Әбілқайыр, Әбілмәмбет, Абылайдың тархандық атақты бергенін дәлелдейтін мұрағаттық құжаттар кездеспей отыр.

Соңғы жылдары ғана түркітілдес халықтар тарихындағы тархандық институт кешенді түрде арнайы зерттеле бастады. Оның басында, біздіңше, башқұрт ғалымы А.З.Асфандияров тұр. Еңбек башқұрт тархандарына арналғанымен атаудың шығу және берілу тарихы, түрлері мен деректеріне терең талдау жасауымен, оның түркітілдес халықтар арасында таралуына мұқият назар аударуымен құнды. Ол ноғайтанушы В.В.Трепавловтың: «Түркі-моңғол әлемінде тархандықты беру тек ханның, яғни жоғары билеушінің құзырында болды. Қазан, Сібірді хандар билесе, ал Ноғай Ордасын билер басқарды. Міне сондықтан Ноғай Ордасында тархандық берілмеді, тіпті берілуі де мүмкін емес» дегенімен келісе отыра, Ноғай башқұрттары тарихындағы тархандық атақтар Алтын Орда дәуірінде және Қазан хандарының бергендері деген топтамға келеді. Өйткені Ноғай Ордасы территориясы Қазан хандығымен шектесіп жатты. Ғалым оған дәлел ретінде 1523 жылы Қазан ханы Сақып – Керейдің 7 башқұртқа берген тархандық грамотасын ұсынады. Сонымен бірге А.З. Асфандияров «башқұрттарға берілген атақ тек Қазанмен көршілес, оның қамқорлығын мойындаған Ик өзені аумағындағы Ирехтинск болысына қатысты, башқұрттар қажетті кезеңде атты әскер беріп отырған. Ал татарлар арасында тархандар болмады, болса да аз ғана. Бұл тұжырым 1552 жылғы орыс үкіметіндегі қызметші татар және мешеряктар қатарында жазылмауымен дәлелденеді. Тізімде княздар мен мырзалар ғана көрсетілген», «Башкирияда тархандық институт Алтын Орда хандарымен енгізілген» деп тұжырымдайды (Асфандияров, 2006: 9-13). Ғалымның қазақтар арасындағы тархандық жөніндегі пікірі де ерекше қызықты. Ол: «Тарихи-этнографиялық әдебиеттерде кейбір зерттеушілердің «тархандық отырықшы-жер шаруашылығымен айналысатын халықтарға тән емес, ол көшпелі халықтарға ғана тән әлеуметтік институт» деген концепция қалыптасқан. Бірақ қазақ қоғамында ол аз белгілі, олар мұрагерлік жолмен берілетін тархандықты білмейді. Көне және ортағасырлық деректерде қазақ тархандары жазбаға түсірілмеген. Сондықтан тарихшылар ешқандай нақты фактісіз қоғамдағы

элеуметтік топ туралы әңгіме қозғайды. 1740 жылдарға дейін қазақ тархандары туралы әдебиеттерден табу мүмкін емес. Ол тек Кіші жүздің орыс бодандығын қабылдаған соң Ресей монархтары шешімімен берілген. Тархандық 1743 жылдан бастап жүзеге асты. 20 мұсылман ғана тархандық алған» деген тоқтамға келеді (Асфандияров, 2006:17]. Бұл арада А.З.Асфандияров С. Зимановтың жоғарыда аталған зерттеуін сынға алып, «20 мұсылман тархандық алған» дегенге А. Абдакимовтың «Қазақстан тарихына» сілтеме жасайды (Абдакимов, 2003). 2004 жылғы А. Абдакимовтың осы еңбегі тарихшы К.Есмағамбетов тарапынан орынды сыналған болатын (Есмағамбетов, 2008: 63-70). Ал шынында А.Абдакимов жоғарыдағы мәліметті Е.Бекмахановтың зерттеуінен алған болатын. Башқұрт ғалымының қазақ тархандық институтына қатысты «күмәнді» тұжырымына соңғы жылдары тархандық институтқа байланысты мәселелерді зерттеген қазақстандық тарихшылар Ә. Мұқтар, Ү. Ахметова, Ж. Артықбаев, Г. Қайырғалиева, А. Оразбаева, Ө. Исенов және өзгелер жаңа мұрағаттық деректер арқылы жауап береді. Ә.Мұқтар зерттеулерінде 38 қазақ тархандарының аты-жөні, тархандықты алған жылдары нақтыланып, тархандар Сырым Датұлы, Тіленші Бөкенбайұлы, Сыпыра Қарабатырұлы, атақты Әйтеке бидің немересі Қаракөбек Қосыбайұлы, Жоламан Тіленшіұлы туралы толыққанды деректерді жарияласа (Мұқтар, 2001; Мұқтар, Сыдықов, 2015), Ү. Ахметова Арынғазы бастаған ұлт-азаттық қозғалысқа қатысып, онымен бірге 1821-1829 жылға дейін Калуга қаласында тұрған, кейін өмірінің аяғына дейін Ресейге қарсы күресіп өткен тархан Жүсіп Сырымұлы туралы жаңа деректерді ғылыми айналысқа қосты (Ахметова, 2004). Қазақстандағы батырлар институты (Бөкенбай батыр әулеті материалдары негізінде) тарихын зерттеген Г. Қайырғалиева Бөкенбай батыр әулетінен ұлы Тіленшіден бастау алатын тархандық мұрагерлік жолмен оның балалары Жоламан мен Бостыбайға берілгенін, олардың қоғамдық-саяси белсенділігін зерделеді (Қайырғалиева, 2010). Ал А. Оразбаева зерттеген билер институты да тархандар институтымен тікелей байланыста болды. Өйткені белгілі Сырым, Қаракөбек, Сыпыра және өзге елге танымал тұлғалар би, әрі тархан ретінде мойындалады. Дегенмен ғалым тархандық институтты орыс өкіметі енгізген «дәстүрлі элеуметтік иерархияға жат жасанды құбылыс» деп анықтаса кейінгі монографиясында Жошы ұлысы, Ақ Орда, Моғолстан, Ноғай Ордасы, Әбілқайыр хандығы Шыңғыс хан империясының жеке дара басқару түрін мұра еткенімен көшпелі өмірге бейімделген түркілердің демократиялық институттарын пайдаланғанын және моңғолдардың әскери істер мен мемлекеттік басқаруда түркілердің орда, оғлан, би, жырау, тархан, түмен, тамғашы, бітікші, жасауыл және т.б. терминдерін қолданғанын алға тартады (Оразбаева, 2017). Мұның өзі ұлы далада ғасырлар бойы қалыптасқан элеуметтік институттардың сол замандағы өміршеңдігін айғақтайды. Бұл мәселеге тарихшы Ө.Исенов кандидаттық диссертациясын қорғады. Ол зерттеуінде тархандық институттың бастауларынан бастап оның күштеп жойылғанына дейінгі аралықты қамтуға күш салады. Зерттеуші Ресейдің отарлау заманындағы қазақ қоғамындағы тархандықтың дамуына, оған ие болған тұлғалар тарихына назар аударады (Исенов, 2009). Осындай зерттеулермен таныс тарихшы Ж. Артықбаев: «Өкінішке орай бұл тарихи құбылыстың мән-мағынасы мен өмір сүру уақытына, оның дәстүрлері мен ерекшеліктеріне қатысты терең зерттеулер жоқ» дей отыра өзге зерттеулерде айтыла қоймаған «1766 жылы Қоқанд басшысы Ердене бек Абылайдың бағыныштысы Есжан тарханды төрт баласымен өлтіріп, әйел-қыздарын алып кетеді. Амал жоқ Абылай Ердене бекті шауып, Ердене қашып барып Пішпек бекінісіне тығылады. Есжан туралы деректер құжаттарда жоқ. Ең бастысы Есжан тархан Ресей ықпалынан тыс күнге өлкеде өмір сүрген адам. Осыған байланысты біз «тархан» атағы Қазақ ордасында да берілуі мүмкін деген жорамал ұсынамыз» деген пікірін білдіреді. Тарихшы Абылай ханның да орыс үкіметінен тархандық атақ сұрағанын алға тарта отыра, «Бұдан шығатын қорытынды «тархандық» белгілі дәрежеде, ел аралық қарым-

катынастарды реттейтін институт болды» деп түйіндейді (Артықбаев, 2017). Дегенмен ғалымның қорытынды пікірі тарихшылыр үшін жаңалық емес. Өйткені XVIII-XIX ғасырлардағы қазақ қоғамын зерттеушілердің іргелі еңбектерінде олар жеткілікті дәрежеде көрініс тапқанды (Вяткин, 1947; Сабырханов, 1981; Касымбаев, 1999; Ерофеева, 2007; Мұқтар, Сыдықов, 2015). Бұл арада Жәнібек, Есет, Малайсары, Атығай Құлсары, Сырым, Сегізбай, Қаракөбек, Сыпыра және Жүсіп өзге де тархандардың қазақ-башқұрт, қазақ-орыс, қазақ-жонғар қарым-катынасындағы ролін айтсақ түсінікті болады.

Бүгінде тархандық институт тарихы башқұрт, татар ғалымдарының зерттеулерімен толыға түсуде. Мәселен С.Таймасовтың башқұрт халқының саны, оның ішіндегі старшындар мен тархандар, М. Сулеймановтың башқұрттың тунгаур тайпасындағы тархандар, И.Р. Габдуллиннің XV-XIX ғасырлардағы тархандық институттың Алтын Ордадан кейінгі және Ресей мемлекетінде трансформациялануы, Ю.Н. Гусева, П.С. Кабытов, Г.Е. Козловскаяның ХVIII ғасырдың аяғы мен ХІХ ғасырдың І жартысындағы Самара губерниясындағы татар, тептяр-башқұрт қоныстарындағы этникалық мәселелері туралы еңбектері жаңа мұрағаттық деректерді ғылыми айналысқа енгізді. С.Таймасов А.З. Асфандияровтың «Ноғай жолы башқұрттары Ресейдің оңтүстігін қорғады, сондықтан тархандық атак көбірек берілді» деген пікірін сынға алып, біздіңше, тархандар өз шежіресін Башқортастанның Ресей мемлекеті құрамына кірер қарсаңынан алады деген тоқтамға келсе (Таймасов, 2006), М. Сулейманов башқұрттың тунгаур болысы башқұрттарының тархандық алғандарын саралап, шежіремен толықтырып, санын 840 жеткізеді. Зерттеуші мұрағат деректері арқылы тархандық жойылғаннан кейінгі тұлғалар тарихына, тіпті бүгінгі ұрпақтарына назар аударады (Сулейманов, 2010). И.Р. Габдуллин Қазан хандығындағы хан жарлықтары, тархандар, олардың ерекше құқықтары мен билік сатысындағы орнын зерделейді. Ғалым тархандар жағдайы Москва мемлекетіне қызмет жасаған татарлармен шамалас және екеуі құрамында Шыңғыс хан ұрпақтары болды деген қорытынды жасаса (Габдуллин, 2010), Ю.Н. Гусева, П.С. Кабытов, Г.Е. Козловская жергілікті түркі халықтары арасындағы әлеуметтік-этникалық категория-тархандарға назар аударып, Ермаково деревнясы мен Алькино селосының тархандар жерінде құрылғанын, тархандардың ірі жер иеленушілері болып татар мырзаларының құрамына енгенін дәлелдейді (Гусева, Кабыто, Козловская, 2015: 597). Оларға қоса тархандықтың Орта Азия хандықтары мен түркімендер тарихына да қатысы бар. Оны тархан этнонимнің түркімендердің аневли, арабшы, арсары, иомут, теке тайпаларының бір бөлімі ретінде тарихқа енуі де айғақтай түседі (Атаниязов, 1988:111). Аталған зерттеулер тархандық институттың түркітілдес халықтар тарихындағы өзіндік орнын дәлелдейді. Енді оған оның моңғол тектес халықтар – Еділ-Жайық аралығында тұрақтаған Қалмақ хандығы мен Шығыстағы Жоңғария, тіпті бір кезеңде Иран шахына бағынған Грузия тарихына да қатыстылығын есепке алсақ зерттеу аясы кеңі түседі. Мәселен, Жоңғарияның Малайсары батырға тархан атағын беруі, Қалмақ қоғамында тархандардың билеуші тайшы мен феодалдардың ортасындағы әлеуметтік топ саналуы, оның әскери ерлікке қатыстылығы, салықтардан және 9 жазаға дейін босатылуы тархандықтың моңғол тектес халықтар тарихындағы орнын дәлелдейді (Устюгов, 1967:141). Бұл арада қалмақ тарихшысы М.М. Батмаевтың XVII-XVIII ғасырдағы қалмақтардың әлеуметтік-саяси құрылымы еңбегінде бұл мәселеге арнайы тоқталғанын атап өтеміз. Ғалым: «Дархандық (тархандық – Ә.М.) 1640 жылғы заң бойынша нойондарды құтқарғандарға беріледі делінген. Кейін оны берудің аясы кеңиді. Мәселен, 1764 жылы Тибетке тапсырмамен барып қайтқан қалмақ Дакқа берілді» деп түйіндейді. М.М. Батмаев зерттеуі қалмақ құқық жинақтарындағы «дархан атағы билеушісін қауіптен құтқарғандарға ғана беріледі» деген заңның уақыт өте терең өзгеріске ұшырағанын анық көрсетеді (Батмаев, 2002: 185-186). Дегенмен қалмақ тарихында тархандар көп кездеспейді.

Олардың дені елшілік істерде - қалмақ-орыс, қалмақ-құмық, қалмақ-қабарды байланыстарында аталады. Мәселен, Дурхан тархан 1655 жылғы 4 ақпандағы Хо-Орлек тайшының атынан орыс шенеуніктерімен кездесіп оларға бағынатынын жеткізсе (Кабарда и Россия во взаимоотношениях с Калмыцким ханством, 2018), 1672 жылы күзде Аюке хан Астраханға Юмай тархан бастаған елшілерін жіберіп, орыс-қалмақ қарым-қаттынасындағы мәселелерді анықтауға күш салады (Тепкеев, 2008]. Ал зерттеуші А.С. Шмелев құмық-қалмақ қарым-қатынастарын реттеуде Алыбай тарханның жүргенін атап өтеді (Шмелев, 2018). Грузия тарихындағы тархандық Иран шахы I Аббастың (1587-1629) Георгий Саакадзеге(тарихта Ұлы Моурави атауымен қалды) берген жарлығымен белгілі. Иран шахы тұлғаның тегіне тархандық атақ берген. Ол бойынша тархандыққа қатысты барлық артықшылықтар заңдастырылған. Кейін патша Ростом (1632-1658) II Аббас шахпен (1642-1666) келісе отыра Ұлы Моуравидің немересі Иорамның тархандығын қайта бекітіп, оны Мәжіліс тарханы атаған. Мәжіліс (арабша Кеңес) немесе дарбаз – патша жанындағы жоғары Кеңес. Ол патша жоқ кезеңде елді басқарған. XVII-XVIII ғасырда дарбазға мемлекеттің жоғары лауазымды адамдары, соның ішінде дидебулдар да мүше болған. Мәжіліс тарханы осы дидеулдар Кеңесінің басшысы. Міне Иорам ұрпақтары Тархан-Моурави, Тархнишвили, Моуравишвили княздері аталып, ұрпақтан-ұрпаққа атақты иеленген. Атақ 1815 жылы Ресей императорының жарлығымен жойылған (Тархан-Моуравовы). 1990 жылғы «Грузия тарихының очеркі» авторлары оның жойылуы себебін мемлекет қазынасына алым – салықтың аз түсуімен байланыстырады. Өйткені атақты иеленген ірі жер иеленушілер, оған қол жеткізген қарапайым адамдар салықтан босатылғанды. Мәселен грузиндердің парсылармен болған Қрцанискі шайқасында ерекше ерлігімен көзге түскен осетин Туаури Ора тархандыққа қол жеткізген (Очерки истории Грузии, 1990). Мұның барлығы тархандық институттың Еуразия аумағындағы қызметін және оны әр мемлекет өз саясатына пайдаланғанын дәлелдейді. Уақыт өте оның жойылуы Ресей империясының отарлау саясатымен байланыстырылады.

Қорытынды

Қорыта келгенде тархандық институт тарихын кешенді зерттеу арқылы ғана оның орнын, маңызын толыққанды анықтауға болады. Тарихнамалық зерттеу тархандық институттың өз бастауын түркітілдес халықтардан алғанымен ол тұтастай Еуразия аймағындағы мемлекеттер тарихынан лайықты өз орнын алған. Ол түркітілдес халықтарды қоспағанда Иран, Жоңғария, Ресей тарихында кездеседі. Бір ерекшелігі олар тархандық атақты беру арқылы өз саясатын жүзеге асырған. Тархандық институт жойылғанша ортағасырлық артықшылықтарын пайдаланған. Дегенмен қазақ тарихындағы тархандықтың өзіндік ерекшеліктері бар.

Әдебиеттер:

Абдакимов А. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней) /А. Абдакимов. – 2003.

Артықбаев Ж. Тарихы терең «тархандық» институты // e-history.kz/ kz/publications/ view/3345. – 2017. – 5 Шілде

Асфандияров А.З. Башкирские тарханы. –Уфа: Китап, 2006. – 160 с.

Атаниязов С. Словарь туркменских этнонимов / С. Атаниязов; Под ред. П. Азимова, М. Аннанепесова; АН ТССР, Ин-т яз. и лит. им. Махтумкули. - Ашхабад : Ылым, 1988. - 179 с.

Ахметова Ү. Арынғазы хан (1786-1833). - Ақтөбе: А-Полиграфия ЖШС, 2004. -168 б.

Батмаев М.М. Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII-XVIII вв. -Элиста: АПП «Джангар», 2002. - 400 с.

Бекмаханов Е. Қазақстан XIX ғасырдың 20-40-жылдарында (Оқу құралы). – Алматы: Санат, 1994, – 416 б.

Березин Н.И. Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Саадет-Гирея. – СПб.: Казанский университет, 1851.

Вельяминовым-Зернов В.В. Источники для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями. – СПб., 1865. – 48 с.

Вяткин М.П. Батыр Срым. –М.Л.: АН СССР, 1947. – 392 с.

Габдуллин И.Р. Институт тарханства в постзолотоордынских и Российском государствах в XV–XVIII в. С.37-45 // Сборник статей. Выпуск. 1. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. – 376 с.

Григорьев А.П. Пожалование в ярлыке Токтамыша. - В кн.: Востоковедение, 8. Л., 1981, С. 126-136

Григорьев В. О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству // Григорьев В. В. Россия и Азия. СПб., 1876. – С. 170 – 258.

Гусева Ю.Н., Кабыто П.С., Козловская Г.Е. Социально-демографический и этнический облик тюркских поселений южного Средневолжья в конце ХУШ-первой половине XIX века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2015. -Т.17. №3(2). –С.592-603

Есмагамбетов К. Тарих тандақтары. Екінші кітап. –Алматы: Арыс, 2008. - 426 б.

Ерофеева И.В. Хан Абулхаир: полководец, правитель, политик. Изд. 3-е исправленное и дополненное. - Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – 456 с.

Зайцев И.В. «Что мне делать и как быть» письма Сераяй Марковича Шапшала академику В.А. Гордлевскому: 1945-1950 // cyberleninka.Ru / article/n/chto -... копия

Зиманов С. Общественный строй казахов первой половины XIX века и Букеевское ханство / Салық Зиманов. –Алматы: Изд-во «Арыс», 2009. – 400 с.

Исенов Ө. Қазақ қоғамындағы тархандар институты тарихы (XVIII-XIX ғғ.). Т.ғ.к. ғылыми дәрежесін алу үшін дайындалған диссертациясы. – Қостанай, 2009. -163 б.

Қайырғалиева Г. Батырлар институты және оның дәстүрлі қазақ қоғамындағы орны (Бөкенбай батыр әулетінің негізінде). т.ғ.к. ғылыми дәрежесін алу үшін дайындалған диссертациясы. - Атырау, 2010. – 163 б.

Кабарда и Россия во взаимоотношениях с Калмыцким ханством // http://bumbinorn.ru/history_articles/1138948054. - 2018. - 1 мамыр

Касымбаев Ж.К. Государственные деятели казахских ханств (XVIII в.). – Алматы: Білім, 1999. -288 с.

Крафт И.И. Из киргизской старины. – Оренбург: Типо-литография Ф.Б.Сачкова, 1900. –157 с.

Мұқтар Ә.Қ. Ибн Баттута: Әлемдік саяхат және Дешті Қыпшақ даласы // Ибн Баттутаның Ұлы Жібек жолымен саяхаты: мәдениеттер арасындағы диалогты алға бастыру» халықаралық ғылыми-практикалық конференцияның баяндамалар жинағы (8 қараша 2017 жыл) / Жалпы редакцияны басқарған Қайырғалиева Г.Қ. – Атырау: Х.Досмұхамедов атындағы Атырау мемлекеттік университетінің баспасы, 2017. – 202 б.

Мұқтар Ә. Азаттық таңы жолында. Монография. - Алматы: Ғылым 2001. – 257 б.

Мұқтар Ә., Сыдықов Е. XVII-XIX ғасырлардағы Қазақ хандығы. Монография. -Алматы: «Мерекенің баспалар үйі» ЖШС, Mereke baspasy, 2015. – 688 б.

Оразаева А.И. Формула государственности казахов. – М.: Press-Book.Ru, 2017. – 374 с.

Очерки истории Грузии. Том V. Край вечной весны в XIX веке.-Тбилиси: Издательство: Тбилиси: Мецниереб, 1990. - 614 с.

Почкаев Р.Ю. Ярлыки ханов Золотой Орды: историко-правовое исследование. Автореферат диссертации на соискание ученой степени к. ю.н. -Санкт-Петербург, 2006.

- Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды. - К.: ФЭн, 2009. – 260 с.
- Радлов В.В. Ярлыки Токтамышша и Темир-Кутлуга. Зап. Восточн. отд-ния имп. Русского археологического общества. - Т. 3. - СПб., 1889.
- Садри Максуди Арсал. Тюркская история и право. Перевод с турецкого языка Рафаэля Мухамметдинова. – Казань: Изд-во «ФЭн», 2002. – 412 с.
- Сабырханов А. Ұлы бетбұрыс. – Алматы: Мектеп, 1981. – 294 б.
- Самойлович А.А. Несколько поправок к ярлыку Тимур-Кутлуга (Посвящается памяти В.В. Григорьева). - Изв. Российской академии наук. Сер. VI, 1918, № П7 - С. 1110
- Сулейманов М. О тарханах башкирского племени тунгаур // Урал-Алтай: через века в будущее: Материалы IV Всероссийской научной конференции, посвященный III Всемирному курултаю башкир. – Уфа, 2010. – 334 с. – Т.2. – С.247 – 252
- Таймасов С. О численности башкир, о старшинах и тарханах в период образования Оренбургской губернии // Ватандаш. – 2006. – № 10. - С.91-104.
- Тархан-Моуравовы // Википедия Переиздание // WIKI 2 wiki2.org.ru/Тархан-Моуравовы
- Тепкеев В.Т. Политический кризис в Калмыцком обществе в конце 60- начале 70-х гг. XVIII в. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. -2008. -№2. –15-25 с.
- Түякбаев Ө.О. Хан жарлыктарындағы қыпшақ тілі ерекшеліктері // gylymordasy.kz/ kaz/ma-alalag/han... 2016. -29 маусым
- Уәлиханов Ш.Ш. Көп томдық шығармалар жинағы. / Шоқан Уәлиханов. – Алматы: «Толағай групп», 2010. Т.1. –376 б.
- Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса. – Казань, 1979. -317 с.
- Устюгов Н.В. Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. – Москва, Издательство «Наука», 1967. – 479 с.
- Шапшал С.М. К вопросу о тарханных ярлыках / С.М. Шапшал. - С .302-316 // Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому [Текст] : к его семидесятилетию: сборник статей / АН СССР, Отделение литературы и языка ; отв. ред. Н. А. Баскаков. - Москва : Изд-во АН СССР, 1953. – 343 с.
- Шмелев А.С. Русско-дагестанско-калмыцкие отношения в XVII в. По материалам кумыкско-калмыцких контактов // Кумыкский мир | Русско-дагестанско-калмыцкие... kumukia.ru?id=811. -2018. -1 мамыр.

References:

- Abdakimov A. History of Kazakhstan (from ancient times to the present day) / A. Abdaqimov. – 2003[in Russian]
- Artykbayev Zh. The Institute of Deep History of “Tarchman” // e-history.kz> kz / publications / view / 3345. -2017. -5 July
- Asfandiyarov A.Z. Bashkir tarhani. - Ufa: The Bible, 2006. -160 p. [in Russian]
- Atanizov S. Dictionary of Turkmen ethnonyms / S. Atanizov; Ed. P. Azimova, M. Annanepesova; AN TSSR, Inst. or T. them. Makhtumkuli. - Ashgabat: Ylym, 1988. – 179 p. [in Russian]
- Akhmetova U. Aringazy Khan (1786-1833). -Aktobe: A-Poligraphy LLP, 2004. –168 p.
- Batmaev M.M. Social and political system and economy of Kalmyks in the XVII-XVIII centuries. Elista: APP “Dzhangar”, 2002. – 400 p. [in Russian]
- Bekmakhanov E Kazakhstan in the 20-40s of the XIX century (Study Guide). -Almaty: Category, 1994. -416 p.
- Berezin N.I. Tarkhan labels Tokhtamysh, Timur-Kutluq and Saad-Girey. St. Petersburg: Kazan University, 1851[in Russian]
- Valikhanov Sh.Sh. Collection of multi-volume works. / Shokan Valikhanov. -Almaty: “Filling Group”, 2010. Т.1.-376 p.

- Vyatkin M.P. Batyr Srym. -ML: AN USSR, 1947. –392 p. [in Russian]
- Velyaminov-Zernov V.V. Sources for the study of Tarkhanism, paid to the Bashkirs by Russian sovereigns. -PBS., 1865. –48 p. [in Russian]
- Gabdullin I.R. Institute of Tarkhanism in the post-Zolotoordin and Russian states in the XV-XVIII century. 37-45. Digest of articles. Release. 1. - Kazan: Institute of History. Sh. Mardzhani Academy of Sciences of the RT, 2010. - 376 p. [in Russian]
- Grigoryev V. On the reliability of the labels given by the Khans of the Golden Horde to the Russian clergy // Grigoryev V.V. Russia and Asia. St. Petersburg, 1876. - P. 170258. [in Russian]
- Grigoriev A.P. The award in the Toktamysch label. - In the book: Oriental Studies, 8. L., 1981, p. 126-136[in Russian]
- Guseva Yu.N., Kabyto P.S., Kozlovskaya G.E. Socio-demographic and ethnic appearance of the Turkic settlements of the southern Medium Volgograd in the late XYIII-first half of the XIX century // Izvestiya of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. -2015. -17. -№3 (2). -p.592-603[in Russian]
- Esmagambetov K. History Tastes. The second book. - Almaty: “Arys” publishing house, 2008. -426 p.
- Erofeeva I.V. Khan Abulkhair: Colonel, politician, politician. Search 3 is corrected and added. -Almaty: Dick Press, 2007. – 456 p. [in Russian]
- Zaitsev I.V. “What should I do and how to be” letters by Seraya Markovich Shapshal to Academician VA Gordlevsky: 1945-1950 // cyberleninka.ru/article/n/chto-... a copy[in Russian]
- Zimanov S. Socially slender cossacks first ladies of the XIX century and Bukeevskaya gentleman. / Tax Zimanov. - Almaty: Searching Arys, 2009. [in Russian]
- Isenov O. History of the Institute of Tarchans in the Kazakh Society (XVIII-XIX centuries). Cts Dissertation for getting scientific degree. - Kostanay, 2009. – 163 p.
- Kabarda and Russia in their relationship with the Kalmyk Khanate // http://bumbinorn.ru/history_articles/1138948054. -2018. - 1 May[in Russian]
- Kairgalieva G. Heroes Institute and its place in the traditional Kazakh society (based on the family of Bokenbai batyr). Cts Dissertation for getting scientific degree. - Atyrau, 2010. –163 p.
- Kasymbayev Zh.K. State actors of the Kazakh hospitals (XYIII centuries). -Almaty: Education, 1999. – 288 c . [in Russian]
- Kraft I.I. From the Kyrgyz antiquity. -Orenburg: Typo-lithography of F.B. Sachkov, 1900. -157 p. [in Russian]
- Mukhtar A.K. Reports by Ibn Battu: World Travels and Desert Kipchak Field // International Travel and Tour of Ibn Batto on Great Silk Road: Promotion of Dialogue among Cultures (November 8, 2017)/ Kairgalieva GK - Atyrau: publisher of the Atyrau State University name dafter Kh.Dosmukhamedov 2017. – 202 p.
- Mukhtar A. Freedom on the way to the dawn. Monograph.-Almaty, Science 2001. -257 p.
- Mukhtar A, Sydykov E. The Kazakh Khanate of the XIX-XIX centuries. Monograph. - Almaty: “Publishing house of Mereke”, 2015. – 688 p.
- Orazaeva A.I. The formula of statehood of Kazakhs [Text]: monograph / A.I.Orazaeva. - Moscow: Press-Book.Ru, 2017. – 374 p. [in Russian]
- Essays on the history of Georgia. Vol. V. the land of eternal spring in the XIX century. –Tibilisi: Publisher: Tbilisi: Metsniereba, 1990. -614 p. [in Russian]
- Pochekaev R. Yu. Labels of the khans of the Golden Horde: istloriko-legal research. The dissertation author’s abstract on scientific degree competition to. -Saint Petersburg, 2006[in Russian]
- Pochekaev R.Yu. Right of the Golden Horde - K .: Feng, 2009. – 260 p. [in Russian]
- Radlov V.V. Labels of Toktamysch and Temir-Kutluga. West. East. the release of Russian Archaeological Society, vol. 3 SPb., 1889 [in Russian].

Sadri Maksudi Arsal. Turkic history and law. Translation from the Turkish language by Raphael Muhammetdinov. - Kazan: Publishing house "Feng", 2002. – 412 p. [in Russian].

Sabyrkhanov A. Great flick. - Almaty: School, 1981. – 294 p.

Samoilovich A.Ya. Several amendments to the label of Timur-Kutlug (Dedicated to the memory of VV Grigoriev). - Izv. Russian Academy of Sciences. Ser. VI, 1918, № II, p. 1110[in Russian].

Suleymanov M. About the Tarkhans of the Bashkir tribe of the Tungauers // Ural-Altai: through the centuries into the future: Proceedings of the IV All-Russian Scientific Conference, dedicated to the III World Kurultay of the Bashkirs. - Ufa, 2010. – 334 p. - T.2. - P.247 – 252 [in Russian].

Taimasov S. About the number of Bashkirs, about the elders and tarkhans during the formation of the Orenburg province // Vatandash. - 2006. - No. 10. - P.91 - 104[in Russian].

Tarkhan-Moravova-Wikipedia Reissue // WIKI 2 wiki2.org”EN / Tarkhan-Moravova[in Russian].

Tepkeyev V.T. Political crisis in the Kalmyk society in the late 60's and early 70's. XYII century. // Bulletin of the Kalmyk Humanitarian Research Institute of the Russian Academy of Sciences. -2008. -№2. -P.15-25 [in Russian].

Tuyakbayev O.O. Features of Kipchak language in Khan's Decrees //gylymordasy. kz/eng/ma-alalar/han ... 2016. – 29 June.

Usmanov M.A. Granted acts of Dzhuchiev Ullus. - Kazan, 1979. – 317 p. [in Russian]

Ustyugov N.V. Essays on the history of the Kalmyk ASSR. The pre-October period. Publishing House "Nauka", Moscow, 1967. – 479 p. [in Russian].

Shapshal S.M. On the question of tarhannye labels / SM Shapshal. - C .302-316 // to Academician Vladimir Alexandrovich Gordlevsky [Text]: to his seventy-fifth birthday: a collection of articles / USSR Academy of Sciences, Department of Literature and Language; otv. Ed. N. A. Baskakov. - M.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1953. – 343 p. [in Russian].

Shmelev A.S. Russian-Dagestan-Kalmyk relations in the XVII century. On the materials of Kumyk-Kalmyk contacts // Kumyk world | Russian-Dagestan-Kalmyk ... kumukia.ru>? Id = 811. -2018. -1 mother [in Russian].

IRSTI 03.20

Peter B. Golden¹

¹Professor of the Princeton University (the USA)

CUMANICA V: THE BASMILS AND QIPCHAQS

The article gives a historiographic and source analysis of the origin and history of the development of the ethnonym “Turk.” The author considers the use of this ethnonym from the historical, linguistic, etymological, geographical, culturological points of view. The works of Arab, European, American, Russian scientists of different historical periods in which the authors studied the issue under consideration and the sources on which they relied are analyzed. The time of the dissemination of this ethnonym, the various meanings that have been invested in it, is found out. In addition, the author studies the history of the emergence of ethnonyms “Chigil”, “Yaghma”, “Tukhsi”, the relationship of these tribes with the state of the Karakhanids. The points of view existing in the science on the origin, territory of settlement, interaction of these Turkic tribes are given and analyzed. The article is of an interdisciplinary nature.

Keywords: Mahmud Kashgari, Basmils, Qipchaqs, Turks, map.

Петр Б. Голден¹

¹Принстон университетінің профессоры (АҚШ)

КУМАНИКА: БАСМЫЛДАР МЕН ҚЫПШАҚТАР

Бұл мақалада «түрік» этнонимінің пайда болуы мен шығу тарихына тарихнамалық және деректанулық талдау жасалған. Автор жоғарыда аталған этнонимді қолдануды тарихи, лингвистикалық, этимологиялық, географиялық, мәдениеттанулық тұрғыда қарастырған. Сонымен қатар бұл мәселені қарастырған араб, еуропалық, америкалық, ресейлік ғалымдардың еңбектеріне, оның ішінде қандай деректерге сүйенгендіктері талданған. Бұл этнонимнің таралу уақыты айқындалып, оған берілген бірнеше мағыналық сипаттары көрсетілген. Сондай-ақ автор «Чігіл», «Яғма», «Тухси» этнонимдерінің пайда болу тарихын зерттеп, осы тайпалардың Қараханидтер мемлекетімен өзара байланысын талдаған. Аталған түркі тайпалардың шығуы, орналасу территориясы, қарым-қатынастары турасында қазіргі ғылымда айтылып жүрген көзқарастар келтіріліп, оларға анализ жасалған. Мақаланың мазмұны пәнаралық бағытқа жатады.

Кілт сөздер: Махмуд Қашғари, Басмылдар, Қыпшақтар, түріктер, карта.

Петр Б. Голден¹

¹Профессор Принстонского университета (США)

КУМАНИКА: БАСМЫЛЫ И КЫПЧАКИ

В статье дается историографический и источниковедческий анализ возникновения и истории развития этнонима «тюрок». Автор рассматривает использование данного этнонима с исторической, лингвистической, этимологической, географической, культурологической точек зрения. Анализируются работы арабских, европейских, американских, русских ученых разных исторических периодов, в которых авторы изучали рассматриваемый вопрос, и источники, на которые они опирались. Выясняется время распространения данного этнонима, различные смыслы, которые в него вкладывались. Кроме этого, автор изучает историю возникновения этнонимов «Чигил», «Ягма», «Тухси», взаимосвязь этих племен с государством Караханидов. Приводятся и анализируются существующие в науке точки зрения о происхождении, территории расселения, взаимодействии этих тюркских племен. Статья носит междисциплинарный характер.

Ключевые слова: Махмуд Қашғари, Басмылы, Кыпчаки, тюрки, карта.

The lexicographer Maḥmūd al-Kašğaro, a scion of the Qarakhanid ruling house,¹ in a listing of the peoples of the Turko-Eurasian world found in his *Dowbn Luğbt at-Turk* (composed in Baghdad in 469/1077)² notes a series of tribes or tribal unions which were bilingual speaking both Turkic and some other tongue or in the process of undergoing Turkicization. This was a process that was gathering strength in Central Eurasia, especially in light of the now imperial presence of Turkic peoples, in particular the Oğuz tribal supporters of the Seljukids, in the Arabo-Persian Muslim heartlands. Indeed, Seljuk hegemony was extended to the Qarakhanid region during the reign of Malikšah (1072-1089)³. The *Dowbn*, in its introductory passages, rather grandly announces that the “reins of Temporal Authority” have been placed in the hands of the “Turks” and “every man of reason must attach himself to them, or else expose himself to their falling arrows”⁴. This was a decidedly unsubtle reminder of who the new bosses were.

Kašğaro’s extraordinary, richly detailed work, aimed to depict this Turkic, Central Eurasian world in all its ethno-linguistic and cultural complexity to his learned, Arabic-

reading audience. The term Turk originally limited to one specific grouping of Turkic-speakers and subsequently spread as a political name with the Търк Qaġanates (552-630, 682-742 in the east, 552-659, ca. 699-750s, supplanted by the Qarluqs in 766) had continued in use, after the mid-eighth century, to some degree as a cultural marker denoting the Turkic literary language or koine as it had evolved during the Turk and Uyġur (744-840) imperial periods, usually written in runiform script and then in the “Uyġur script,” largely used in the Uyġur post-imperial (i.e. after 840), period.⁵ It was the Muslim encounter with the Turkic nomads that served to fix the ethnonym, Arabized as Turk (pl. Atrbk), within the Arabo-Persian world as a generic for Central Eurasian, largely Turkic-speaking nomads, who bore a variety of tribal and confederational names or politiconyms. The ethnonym Turk was then “re-learned” or “re-adopted” by Turkic-speakers as they Islamized. This can be seen in Kašġaro’s usage.⁶ As elsewhere (e.g. China, the Roman and Romano-Byzantine world) neighboring empires played an important role in fixing the often fluid nomenclature of or constructing identities for the peoples in their respective tribal peripheries⁷. Kašġaro’s remarks are so important (keeping their political agenda in mind) because he could operate on both sides of the linguistic and cultural divide. When he described ethnic processes in his native Central Eurasia, he usually knew whereof he spoke. After all, he writes of the “Turks” that he had “traveled throughout their cities and steppes, and have learned their dialects and their rhymes.” He further boasted that he was “one of the most elegant of them in language, and the most eloquent in speech” and that he had “acquired perfectly the dialect of each one of their groups.”⁸

Among the peoples who had become bilingual or in part Turkicized, Kašġaro mentions a number of clearly Iranian peoples, such as the Soġdaq (Soġdians), Kančak/Kypčak⁹ and at least part of the population of Arġu,¹⁰ urban populations “who have two languages” and a “certain slurring in their utterances”¹¹ resulting from that. He was wary of the corruption of “pure Turkic” speech by prolonged contact with aliens, preferring “those who know only one language, who do not mix with Persians, and who do not customarily settle in their lands.”¹² Kašġaro goes on to note the peoples from Khotan, Tibet (Tibet) and parts of the Tangut (Chin. Xixia) realm, which have settled among Turkic-speakers. The Khotanese and Tibetans, he remarks, have their own languages and “do not know Turkic well.”¹³ Similarly, the people of “Mašon and Šon” (Central-Southern and Northern China, Tawġaç and Qitay respectively) have their own tongues but are able to conduct correspondence in Turkic.¹⁴ Having taken note of the sedentary peoples in close contact with the Turkic world, Kašġaro then comments on a series of nomadic peoples who were not peripheral to this world, but a part of it – yet linguistically distinct. The first of these are the Jumul [جُمُلْ] *Čamul, who, he remarks, “have a gibberish (rašana) of their own, but also know Turkic.”¹⁵ He had earlier recorded the Čumьл in a listing of tribes that are “middling between South and North.”¹⁶ In his map, they are east of the Qay, north of the Yemek and Irtyš River and northwest of Bešbalıq in Eastern Turkistan and south of the Yamar River (perhaps the Ob’ or Emil Rivers)¹⁷. Sir Harold Bailey identified the Čamul with the names Cimola/Cimolġa in Kroraina¹⁸ and the Cimuda/Cumuđa of the Khotanese Saka documents. In his view, their name can be etymologized in Iranian and hence their ethno-linguistic affiliations must have been Iranian. They were in and around the Xinjiang region and long associated with Turkic peoples [19]. However, one wonders why Kašġaro, who could distinguish between a number of Iranian languages, called their tongue a “gibberish” (rašana)? The Arabic verb rašana denotes the idea of “speaking in a language not generally understood,” a “gibberish or jargon” [20]. Perhaps this word was used to describe an obscure tongue – or perhaps it referred to something else? Oddities in their Turkic? In any event, Kašġaro follows his brief notice on the Čamul/Čomul with another listing of tribes or tribal unions who have their own language, “but also know Turkic well.” These are the “Qay, Yabaqu, Tatar and Basmil [21]”. Here, we are more clearly in the Altaic-speaking world. The Qay (the Tatabı of the Търк inscriptions) are noted as Xi (奚 Late Middle Chinese xhijaj [22]

= Ğay/Qay), in Chinese sources, part of the larger Kumoxi grouping stemming from the Xianbei (*Sḍrbi) ?[23], a grouping of peoples that is generally considered to be of “Proto-Mongolic” or more probably Mongolic and/or “Para-Mongolic” ethno-linguistic affiliations. The Shiwei and the Qitan, among others, emerged from them.[24] Yabvqu has a possible Turkic etymology, yapaġu, originally denoting “matted hair or wool” and then an animal characterized by this, e.g. a “colt”. [25] Zoonyms or hipponyms are known in Turkic ethnonymy, some of probable totemic origin [26] Indeed, elsewhere, Kāšġaro simply notes them, without qualifying comments, as “a tribe of the Turks” and records them in a slightly different listing of tribes extending from Byzantium (“Rum”) to the borders of China: Вдждндк, Qifċaq, Oġuz, Yemek, Bašġirt, Basmil, Qay, Yabaqu, Tatar, Qırqız and again “Ćigil, Tuxsi, Yaġma, Oġraq, Ćaruq, Ćomul, Uyġur, Taŋgut, Xitay (Şon) and Tawġaç which is Maşon” [27]. Kāšġaro also notes a river “that flows over Uzjand Fargana from the mountains of Kāšġar” called Yarpvqu suwı [28]. The Һудыд records a river which passes by Uzgand (Uzjand/Uzkend) called *Tbaġr (رغابت) which can conceivably be emended to *Yabaġy (و غابيد), which would point to the presence of Yabaġu in the region from at least the tenth century – if not earlier [29]. However, this requires some reconstruction of the texts and can be open to a wide variety of interpretations. Kāšġaro is the only certain mention we have of this people. Why, then, are they in this list of peoples who have another language? Yabaqu/Yapaġu could be a translation of some non-Turkic name (otherwise unknown to us) or a Turkic rendering of a name and people known elsewhere under a different appellation, a people with a complex ethno-linguistic heritage.

The Tatars are one of the Mongolic or “Para-Mongolic” peoples and had long been associated with Turkic polities. They are noted in the Orxon inscriptions of the Turk Empire.³⁰

Although the order in which Kāšġaro recorded these tribes and peoples remains open to a number of questions, there is little doubt that the Basmil/Basmıl remained for him a group that clearly spoke a language that was distinct from Common Turkic although they were proficient in the latter. Such bilingualism was hardly unusual in the steppe world. Constantine Porphyrogenitus in his well-known chapter on the Kavars (Qabars) who broke away from the Khazar realm in the ninth century and joined the Hungarian union (itself already influenced by various Turkic peoples) says that the Kavars taught the Hungarians their tongue and also spoke Hungarian, i.e. both groups were bilingual [31].

In Kāšġaro’s Dowan, the Basmils were depicted as part of a coalition of tribes or tribal unions led by the Yabaqu chieftain, Buke Budraċ. This coalition, coming from the northlands, Western Siberia and perhaps areas east of that, crossed the Irtyş, to make war on the Muslim Qarakhanids (992-1212) who controlled Western and Eastern Turkestan and adjoining areas of Kazakhstan and Kyrgyzstan. These wars, which were commemorated in Qarakhanid heroic poetry, may have commenced with the incursion(s) into Qarakhanid lands noted by al-‘Utbo, s.a. 403/1012-1013 and by Ibn al-Ator, s. a. 408/1017-1018 – although somewhat later dates (1030s) are not to be excluded [32]. According to the accounts of al-‘Utbo and Ibn al-Ator, which probably refer to the same invasion, more than “300,000 tents” of pagans or “Turks” coming from the “direction of Şon” (al-‘Utbo) and including the “Xiṭvy” (Ibn al-Ator) attacked and suffered massive casualties, having been beaten by the Qarakhanid Toġan Khan (r. ca. 388/998-408/1017/18) [33] who raised an army of 100,000 [34]. The numbers may be exaggerated, but these were certainly large-scale undertakings. Toġan Khan died not long after his victory.

In his map, Kāšġaro places the Basmıl southwest of the Irtyş, north of the Tatar, north-northeast of the Volga (Atıl/Etil), Qıřċaq and Oġuz tribes, west of the Basjirt and Yemek [35]. They are perhaps near Lake Balxaş [36]. Not all the details of his map correspond completely with his text. Al-Marwazo (d. after 1120), the physician at the Great Seljuk court (and able to draw on Oġuz Seljuk tales and other Central Eurasian accounts of these events)[37], in his Tabu‘i al-Ĥayawan, mentions “a group of Sharo who

are known by the name of a chief of theirs, Basmil.” He locates them at “half a month’s distance from Sanjy” and comments that they “fled to this place from Islam being afraid of circumcision.”[38] Sbnjy may well be a corruption of Šačy = Chin. Shazhou “Sand City” = Dunhuang (in western Gansu Province, near the Gobi Desert), also noted by Gardozo [39]. The geographical referents noted in this part of al-Marwazo’s important source are none too clear. However, his comments on the ongoing hostility of the Basmil to Islam confirms the Qarakhanid traditions preserved in Kašgaro. Most importantly, it points to a Basmil - Šaro connection. Indeed, the passage can be interpreted as indicating that the Basmil had become a leading or perhaps the politically dominant element of the Šbro. Given their imperial past (see below), this is not surprising. Curiously, the Šaro are only noted in al-Marwazo. Although unnamed by Kašgaro, as a people connected with the Basmil and having fled from the (Qarakhanid) Muslims, they were undoubtedly part of the Yabaqu-led anti-Qarakhanid coalition. In Marwazo’s account, the Šbro also appear as one of the tribal groupings brought into motion by the migration of the Qun, which al-Marwazo describes and which has produced a considerable exegetical literature that has attempted to identify the time of the events and the various players in this movement that ultimately brought the Cuman-Qıpčaqs to the fore [40]. According to al-Marwazo, the Qun, who were Nestorian Christians, fled from their homeland in the east, “the land of Qıtay”, out of fear of their overlord, the Qıtan ruler (“Qıta Khan”). Then, under pressure from the قاي [Qay] [41] (because of a shortage of pasturelands), they came into the land of the Šbro. Their arrival, in turn, forced the latter to migrate into the lands of the “Turkmen”, who then drove the Oğuz into the lands of the Pečenegs [42].

This cascade of peoples is also reflected in the Armenian chronicle of Matthew of Edessa (Matt’eos Urhayec’i, d. 1144). According to him, in 499 (March 9, 1050-March 8, 1051), the Pečenegs had brought great destruction on several “Roman” (Byzantine) provinces. The Pečenegs and “Uz” (Oğuz) had been driven out by the “Pale Ones” (xartkšk’) who had fled before the “Snake People” [43] (“snake, serpent”). The early decades of the eleventh century witnessed, as noted above, the start of a number of massive nomadic invasions of Qarakhanid Transoxiana, most probably the result of turbulence within or around the Qıtan realm. The Qun migration and the other displacements for which it became the catalyst fall within the pattern of these incursions. A precise dating of the Qun migration is not recorded by our source. It may have been associated with the attacks of 1017-1018 or perhaps with tribal dislocations that followed in their wake. It seems very likely that the immediate fallout from these movements and the resultant emergence of the Qıpčaqs had transpired by 1030 (or perhaps the early 1040s, if one accepts a later dating for the Qarakhanid-Yabaqu et al. wars). Secondary to these shifts in habitat were the movements that brought the Cuman-Qıpčaqs to the Pontic steppes by the early 1050s [44].

Any attempt to resolve the question of the “other language” of the Basmils, brings us to the still contentious question of the identities of the dramatis personae of the Qun migration. Most of the peoples mentioned by al-Marwazo can be identified with reasonable certainty. Some of those in Matthew of Edessa’s account remain problematic. The Qun, perhaps a Turkic people, were in the east, neighbors of the Qay [45]. The latter came out of the Mongolic “Para-Mongolic” cluster of peoples of the Manchurian-Mongolian borderlands. Turkmen was a term used for Qarluqs and Oğuz that had converted to Islam. Here, it probably denotes the Qarluqs (who were part of the Qarakhanid union) or the Qarakhanids themselves [46]. This would probably place the Šaro, at this stage, in the eastern zone of Eastern Turkistan or north-northeast of it. The Oğuz are the Oğuz tribes (the Torci of the Rus’ chronicles) extending from the Syr Darya region to the Pontic steppes and the Pečenegs are their western neighbors, who after their defeat at the hands of the Rus’ in 1036 were pushed to the Byzantine Danubian borderlands [47]. Our difficulties lie with the identity of al-Marwazo’s Šbro and Matthew of Edessa’s “Pale Ones” and “Snake/Serpent People” or “People of the Snake.” S.M. Axinžanov identified the latter

with the “Kai”. However, the evidence adduced is highly conjectural [48]. Potentially more productive is the connection made by Kljaštornyj who notes that the leader of the Yabaqu, Budrač (a name not otherwise noted nor readily etymologized), also bore the Turkic epithet *Buķe* “great dragon” (or possibly “great snake”), a kind of honorific associated with outstanding warriors. “Snake” and “dragon” were connected in Turkic, as we shall see. The lizard-snake/serpent-dragon linkage is found in folklore across Eurasia and may figure in ethnonymy as well (e.g. the Iranian people whom the Greeks called *Sauromatai* σαῦρος “lizard”) [49]. The “People of the Snake” or rather the “People of the Chieftain named Snake/Dragon,” then, may with some certainty be connected with the Yabaqu whose authority, as the leading group in the anti-Qarakhanid coalition, at some point, probably extended to the Qay as well as the Basmil [50]

Faxr al-Don al-Mubarakšah, writing in 1206, just as Činggis Khan was consolidating power in Mongolia, gives a lengthy listing of Turkic tribes. This is clearly a compilation lumped together from a number of sources. The “Bbsmol” are recorded at the end of the list between the *Urul (ا لر'), *Lartil[i]k (كترلل) neither of which has been identified. Given the lack of initial in Turkic, كترلل (Krtlg: *Kertlig, *Kurtlig? etc.) or some variant on that is the more likely reading. The toponym “Il Barsxan” completes al-Mubarakšah’s list [51]. Barsxan/Barsğan is mentioned in Kašğaro as the name of a city built by “a son of Afrasiyūb” (a name taken from Iranian legend but used by Kašğaro as the name of the Qarakhanid royal house). It is also the “city from which came the father of Maḥmyd,” [52] i.e. Kašğaro’s “ancestral” town. Kašğaro may, indeed, have had first-hand knowledge of the Basmil. In any event, Mubarakšah’s list confirms the presence of Basmils in the borderlands of the Qarakhanid state.

Kljaštornyj has suggested that the Basmils, who had briefly (742-744) held supreme Qağanal power in Mongolia before they were ousted by the Uyğurs, (see below), may have acquired this appellation *Šarı* (which he compares with Turkic *sarı* “yellow” [53]) in connection with their entry into the lands of the “Yellow Turgeš” in the mid-ninth century, but also notes that “other hypotheses are also possible.” One of the problems here is that in the Common Turkic recorded by Kašğaro in his day the form is *sariğ/sariğ*. The *sarı/saru* etc. is not noted before the thirteenth century [54] Hence, “*Šaro*” is not likely to be a lapsus calami for *sarı*. Kljaštornyj further equates the *Šarı*-Basmil with the “Pale Ones” of Matthew of Edessa and the Polovci of the Rus’ sources etc [55]. In a further elaboration, he remarks that the Basmils, “in the first half of the 11th century” were “neighbours of the Qay and Yabagu” and then “the subjects of the Yabagu and their chief, as well as the Qay, who lived between the Basmils and the Yabagu” [56]. The Yabaqu are to be identified with “the People of the Snake” and are to be equated with the Qun [57] Kljaštornyj further suggests that the Qun and Qay, one time members of the Tiele/Toquz Oğuz confederation, were pushed by the Qitan into Western Siberia, northern Jungaria and the north-eastern zone of Semireč’e where they “became united” with the *Šarı* and Basmil. Driven westward by the Qarakhanids, they came into contact with the Qipčaq. In the early eleventh century, the Cumans also came “under the political influence of the Qipčaq, becoming the “vanguard of the migration of steppe tribes to the west” which had been “stimulated by the Qipčaq, but headed, along with the Comans by the Shary-Quns”. The resulting fusion of peoples was dominated by the “Quns-Comans and the Shary-Polovcians” [58] Thus, the Qun, Yabaqu, *Šarı* and Polovci et al. are all linked or equated in various ways. Are these connections feasible? The Qun question, as previously noted, has a long history of complex hypotheses and attempted linkages [59].

In order to exit these exegetical thickets, we have to review, albeit briefly, the history of the Basmils with whom all these problems are associated. Their history extended well into the early Turkic past.

The Basmil are first encountered in the Chinese sources during the Sui era (581-618). Their name is transcribed as *Baximi* (拔悉彌) [60] According to a notice preserved in the Tongdian (by Tu Yu, 735-812), but referring to an earlier period: “(The state) of

the Baximi, its other name is Bila [61] ...They live south of Beiting and the North Sea (Beihai = Lake Baikal [62]) and to the southeast of the Jiegu (Qırǵız). They live dispersed in the mountains. To Dunhuang it is 9000 li. They have leaders, but no princes; more than 2000 families. The people of this tribe are courageous and powerful, good hunters. In this country there is much snow, frequently a (piece) of wood serves as a horse. On it they pursue deer across the snow. It is like a shield, but the front part is turned up, the lower part is covered with horse skin with the hair in such a way that the hair touches the snow and slides, like wooden shoes, tightly fastened to the foot. If they go down the mountain they can overcome a deer, if they go along a flat place, on the snow, they move forward sticking wooden sticks (into the snow) as if in a ship, when they go up a slope, they take them in their hands and ascend that way. Whenever they catch a deer in the hunt, they eat it on the spot. Having finished, they go to another place. They have a shack made of birch which serves as their home. The men shave their hair. They make hats out of birchbark”[63]. This same source records them among the northern tribes that had submitted to one of the contending Western Turk Qagans, Yipidulu (638-651, who controlled the eastern re- gions of the Western Turk sphere), in 638 [64], after the fall of the Eastern Qağans in 630 to the Tang.

The Basmils appear here as a typical northern forest people, living to the northwest of the Turks, whose enemies they appear to have been [65]. Clearly, they did not yet possess a developed political structure or a ruling house. There is little evidence of a pastoral nomadic way of life.⁶⁶ Interestingly, they are not noted among the Tiele (*Tegrek) [67], an early union of Turkic peoples. The Tiele are probably to be connected with the people whom the Chinese later called Gaoche/Gaoju (Chin. “High Carts”), both denoting “The People of the Carts”. Elements of the latter are, in turn, associated with the Toquz Oğuz union from which the Uyğurs emerged [68] and with which the Basmil were later associated. The history of the Tiele is only imperfectly known and the Basmil may have been among their number. We do know that some Tiele tribes migrated westward in the various buffetings to which the Xiongnu polity had been subjected in the first and second centuries C.E. By the mid-third century, some of them were in the Kazakh steppes. After 460, they appear in the Caspian-Pontic steppe lands where a number of them bear the name Oğur in one form or another. Oğuric Turkic is a distinct form of Turkic which today survives only in Čuvaš. Among the most salient features that initially distinguished it from Common Turkic was the change of final – z to – r. Thus, the Common Turkic equivalent of Oğur is Oğuz. Final – š in Common Turkic appears as – l, initial s – be – comes š – [69] Kašgaro has some comments on the language of Bulğar and Suvvr (the latter were a subgrouping within the Bulğar union), which we know was Oğuric, not Common Turkic, in speech. However, he lumps Bulğar with Pečeneg, remarking that their tongue “is Turkic of a single type with clipped ends”[70]. This does not tell us much. Pečeneg, known only in fragments, also presents a number of problems. It appears to be most closely related to the early Qıpčaq language grouping [71] Elsewhere, Kašgaro notes that the Oğuz, Qıpčaq and “Suvaron change every initial mom to бв,” e.g. мдн “I” becomes бдн, мўн “broth” becomes бўн. Together with the Čigil and some others, including the Qıpčaq, Yemek and “those stretching to Rus and Rum” i.e. those in the more westerly steppes, they change dbl to zay, thus adaq “foot” becomes azaq [72]. The shift - d -z- in Oğuric, if Kašgaro’s data is correct, was only an intermediary stage as the -d- -z- shift ultimately also produced -r- in Oğuric (cf. Čuvaš ura “foot”) complementing the earlier shift of -r in those languages. Kašgaro, however, omits a number of changes typical of Oğuric by this time, such as the prothetic v-/w- before o~u/ı~ь, the shift of ğ-, w-, y- ĵ- etc.[73] Li- geti, as a consequence, viewed Kašgaro’s data as “hearsay” which came to him from the “periphery” of the Turkic world and hence cannot be considered very reliable here [74]. It is very likely that the language he described in this instance was a Common Turkic dialect spoken in Volga Bulğaria alongside of the at that time still dominant Oğuric.

The Oğuric world, as we shall see, is important for our understanding of the Basmil question. Oğuric was a key source of Turkic loanwords in early Mongolic. This interaction probably began as early as the Xiongnu era [75]. Up through the Tang era (618-907), the Mongolic peoples were the eastern and southeastern neighbors of the Turkic peoples who constituted the predominant grouping in Mongolia. Turkic-Mongolic (and Para-Mongolic) contacts would have taken place in Western Manchuria-Eastern Mongolia and perhaps extending into adjoining regions of South Siberia. Hence, some Oğuric-speaking tribes must have been in that region. The Turkic peoples, as loanwords indicate, served as the cultural intermediaries between the Mongolic-speaking peoples and Chinese, Iranian and Tokharian peoples who bordered on Mongolia-Manchuria [76].

Oğuric elements were important at the other end of the steppe world. The *Suishu*, composed by Wei Zheng by 636, presents the Tiele tribes as extending from northern Inner Asia to the Pontic-Caspian region [77]. The westerly groupings were clearly Oğuric (although speakers of Common Turkic were, undoubtedly, also in this region) and we know from Byzantine historians that the Oğur and linguistically kindred tribes arrived in the Pontic steppes ca. 463 [78]. Did all of the Oğuric speakers leave Inner Asia prior to the rise of the Turk Empire in 552? Were the Basmil, at some point, among the northern Oğuric speakers?

According to the *Xin Tangshu* (by Ouyang Xiu and Song Qi, completed in 1060) [79], “the Baximi first appeared at the Court in the twentieth year of the reign of Zhen-guan” (649/650) [80]. Their chieftain had the title of *tarqan* [81] *Tumao Dagan* (*Tarqan*) *Feiluocha* [82] (EMC *thoh maw dat kwan* [*tarqan*] *buj la tshəit, thuɔ̃ muaw tʃat kuan* [*tarqan*] *fʃji la* The presence of a *tarqan* (and possibly other titles) probably points to their having come under Türk authority or administration at some point after 552. *Tarqan* was an ancient Inner Asian title of unknown origin, possibly the title of supreme royal authority among the Xiongnu. However, by this time it was given to high, military-administrative officials, but was not connected with royalty [84]. Indeed, the Basmils may have earlier been part of the tribal groupings controlled by the Sir-Tarduš, a subject and occasionally rival confederation of the Turks [85]. The Sir have been identified as the early *Qipčaq*s [86], although this identification remains conjectural. With the Tang advance westward which culminated in the submission of the fragmented Western Türks to Chinese overlordship in 659, the Basmils, most probably, were among the northern nomads who came within the Tang orbit. However, this was an orbit, in particular in Eastern Turkistan, which was contested by Tibet and after 682 by the revived Eastern Turk Empire. Huseyin Salman suggests that many of the Basmils migrated, at this time, to the *Bešbaliq* region, perhaps as a consequence of the Chinese advance. Subsequently, they became a “vassal state” of the Eastern Turks [87]. They were uneasy vassals.

In 703, according to the inscription (composed in 735) honoring *Bilge Qağan* (reg. 716-734), the latter, as a youth in his twentieth year (*Bilge Qağan*, E25), waged war on the Basmil ruler, the *Iduqut* (or *Iduq Qut*), because the latter was not sending envoys (*arqiš idmaz*), i.e. not submitting tribute as a subject tribe. He brought them into obedience, but the inscription records *Bilge Qağan*'s complaint that the disloyal basmil *iduqut bodunum uğušum erti* “the Basmil *Iduqut* was of my own people and family” [88]. This shows that the Basmil ruler by this time was of the *Ašina* clan. His title (meaning “heaven-sent good fortune” [89]) underscored his *Ašina* origins. The appointment of an *Ašina* to the leadership of this important tribe is noted as early as 650 in the *Jiu Tangshu* [90]. However, it is also apparent that the Basmil *Ašina* had their own ambitions. In 715, the Basmils, together with the *Qarluqs* brought horses to China [91]. This would seem to indicate an attempt to establish an independent status. The subject peoples of the Turks were often in rebellion or preparing to rebel, sometimes with Chinese encouragement. The tenth century *Jiu Tang shu* describes just such an event in 720-721 in connection with the Basmils. When the latter wavered, the Turks struck and in the ensuing victory of *Bilge Qağan* around *Bešbaliq*, the Basmils were harshly dealt with; many were taken off

into slavery [92] The Basmils in this era were probably located in the area between the Mongolian Altay and Bešbaliq [93].

The Basmils are not mentioned again in the Chinese sources until the fateful year of 742 (see below). Ahmet Taşağil suggests that their absence in the Chinese accounts was due to their relative weakness militarily and their distance from the Tang court [94]. This, again, would appear to point to their presence, at this time, still in the north near the forest zone.

When the Basmils next appear in the Tang sources, they are very much at center stage. With the poisoning of Bilge Qağan in 734, the ruling house was in disarray and caught up in internal dissension. The Tang had been working to exploit this by building a coalition of the Qarluqs, Basmil and Uyğurs to finish off the weakening Eastern Turk state. There are a number of notices on the rapidly unfolding political changes that followed. The Jiu Tangshu records that in 742, “the Yabğu of the Basmils of the Nine Tribes” (the Toquz Oğuz union of which the Uyğurs were the politically dominant grouping) “attacked and killed Wusumishi (Ozmiš) Qağan [an Ašina-Turk claimant to the throne, pbg] and dispatched his head” to the Tang court [95]. Significantly, the Basmils are noted here as part of the Toquz Oğuz union. According to the Xin Tangshu, in a section dealing with the Qarluqs: “During the reign of Tian-bao (742-756), the Qarluqs together with the Uyğurs and Basmils attacked and killed the Qağan Ozmiš. Then, together with the Uyğurs, the Qarluqs attacked the Basmils, they forced their Qağan Ashina Shi [96] to flee to Beiting (Bešbaliq) and then to the capital of the Tang. The Qarluqs and Toquz Oğuz placed the Uyğur Yabğu at their head, this is the so called Qağan Huai-ren”[97] In yet another passage regarding the Basmils, the Xin Tangshu informs us that: “In the beginning of the reign of Tian-bao (742-746), together with the Uyğur Yabğu they attacked and killed the Tujue [Turk] Qağan. The great chief of the Basmils, Ashina Shi, was made Qağan by the Imperial Court, with the title of Hela Pijia. (The Qağan) sent ambassadors to the Court to express his gratitude... Three years had not passed when (the Basmils) were defeated by the Qarluqs and Uyğurs and fled to the region of Beiting [98]. Subsequently, (the prince of the Basmils) came to the capital, to the Court. He was granted the rank of left military commander of the military guard. His land and people were annexed by the Uyğurs” [99]. This falling out among erstwhile “allies” is described in the partly effaced Šine Usu inscription, erected to honor the deeds of the second Uyğur ruler El-Etmiš Bilge Qağan (Chin. Moyanchuo747-759) who was responsible for the fall of the Turk and Basmil-led qağanates (in 744). In the inscription (Šine Usu, S4), Bayan Čor comments on the difficulties he faced: “the Basmils became my enemy, they advanced against my home, I had not (yet) made them submit” [101]. Continuing warfare (Šine Usu, S12) with the Basmils and Qarluqs is noted concluding with the flight of the Qarluqs to the Turgeš/Western Turk land, ca. 745. The inscription (W1-2) laconically remarks that “thereafter, the Basmils and Qarluqs became nothing”[102].

The Jiu Tangshu and the Tang huiyao [103] note that the Uyğurs after their defeat of the Basmils and Qarluqs incorporated their tribes and placed a governor “over each”. As was typical of tribes newly brought into a union, these two would now be in the front lines as an “advance guard” in any battles [104]. As we have seen, the bulk of the Qarluqs soon fled west to the lands of the Western Turks. As for the Basmils, it is very likely that substantial numbers of them remained under Uyğur rule, perhaps being forced to provide hostages to the Uyğur court to vouchsafe their obedience and regular payment of tribute [105]. Kljaštornyj surmises that the Uyğurs forced them out of Jungaria into northeastern Semireč’e (the old territory of the “Yellow” Turgeš) in the 860s. Here, they appear to have come under the leadership of the Yabaqu (see above) [106].

There after the record is blank with regard to the Basmils until the eleventh century (see above). It is interesting that the Basmil title of Iduq Qut/Idıqut was adopted by the Uyğur rulers who, following the collapse of their empire in 840, subsequently established a state in Turfan-Qočo. Bešbaliq (Iranian Panjokat), long associated with the Basmils,

became the summer residence of this postimperial Uyğur ruler. The ruins of Qoço were later called Idiquť Šahri (the “City of the Idiquť”) [107]

How, then, is one to understand Kašğaro’s statement about the other language of the Basmils, a people that had clearly been intimately associated with Tŕk and Uyğur history? What was that language? There are several possibilities. A number of Mongolic or “Para-Mongolic”-speaking peoples (e.g. the Qay) had been part of the Qun migration. Were the Basmils an early Mongolic/“Para-Mongolic” people? Can the ethnonym Basmil be explained on the basis of Mongolic? Mongol has the deverbal adjective-forming suffix –mal/-mel, e.g. arčimal “clean” [109] Čuvaš, it should be noted, has some forms with –miš/-miš, e.g. šiměš “food” cf. Common Turkic yemiš “fruit.” Some scholars have posited the existence of an earlier Oğuric and offered Hungarian gyümölcs “fruit” as evidence of this. However, in some words, Early Turkic –miš/-miš remained in the parent tongue of Čuvaš and this may be just such an instance [110]. In fact, the Common Turkic –š Oğuric –l shift did not take place in every instance in Oğuric [111] (as the Modern Čuvaš evidence indicates). Indeed, our knowledge of medieval Oğuric, which undoubtedly consisted of a number of dialects or distinct languages, is still relatively meager. Oğuric (or “Western Old Turkic” as Ryna-Tas terms it) continued to interact with Common Turkic throughout its history [112]

Mongol has basu- “to condemn, to hold in low esteem, treat lightly”, basumzi [basumži] “contempt, humiliation” “to disregard, to despise, to underestimate” etc. This is unlikely to lie at the source of Basmil. Mongol bazu- [bažu-] “to press, crush, squeeze” ultimately deriving from Turkic bas- “to press, crush, oppress, make a surprise attack,” [113] as has been suggested, is perhaps connected. However, there is no evidence to support a Mongolic *Basumal or *Bazumal (*Bažumal) in the Old Tŕk or Chinese sources. This brings us closer to the probable source. Basmil may be viewed as Oğuric Turkic basmil = “the tribe that crushed (its opponents)”, Basmiš in Common Turkic. This was typical of Turkic tribal names that denoted aggressiveness.[114]. Clan and tribal names ending in –miš/-miš are not unknown, e.g. the Qarmiš found among the Uzbeks, Baškirs, Qazaqs and Qirğiz, 115 the Danatmiš of the Gŕklen Tŕkmen, the Jeydemiš of the Qirğiz et al. [116]

With regard to Oğuric speakers remaining in the east, we might recall here the report in the Byzantine historian Menander (who wrote during the reign of the Emperor Maurice, (582-602) of the embassy of Zemarkhos dispatched by Justin II in the summer of 568 in response to the Turk embassy to Constantinople that had been led by the Sogđian Maniakh. Zemarkhos eventually made his way to a core Turk territory in the East. This was Έκτάγ, a mountain on which the Qağan resided. The Qağan in question was Īštemi (Σιζάβουλος), the Western Tŕk ruler. Menander, or rather his source, translates the mountain as “Golden Mountain” (which would seemingly point to the Altai, the Jinshan (“Golden Mountain”) of the Chinese sources, Turk. Altun Tağ etc.) The difficulty here is that Ektag would appear to render Aq Tağ which means “White Mountain,” not “Golden Mountain.” The location of this mountain remains uncertain. It may well have been around the Issyq Kul, Tianshan regions or in the Talas River Valley [117]. The location is important for us only in that it is well away from the known concentrations of Oğuric tribes which by this time were well established in the Pontic steppes. What is of interest to us here is that Zemarkhos, at this stage of his embassy, was presented with a female slave from the Χερχίρ people [118]. The reference is obviously to the Qirğiz people (of the Yenisei region) who were led by their own Qağan and were often rebellious subjects of the Turks, as the Orxon inscriptions amply testify. The ethnonym Xerxir (*Qirğir), however, is in its Oğuric form. In Chinese sources the ethnonym Qirğiz appears in a variety of forms, among which is Jiankun (堅昆 EMC ken kwon, LMC kjian kun [119]). Chinese final –n in foreign terms often transcribes –r. The Chinese form thus renders something like *Kerkər/*Kerkur. This is not to say that the Qirğiz were speakers of Oğuric (although their union, which was ethnically complex, may have contained

Oğuric-speakers). Rather, it indicates that Oğuric - speaking groupings were still in the Turkic East at this time and this name was transmitted to Zemarkhos by one such speaker.

Some confirmation of this suggested Oğuric legacy can be seen in the tribal name Šari noted in the Qun migration to which we may now return. Šari is the Oğuric form of Common Turk. sariğ “yellow”, cf. Čuv. šurā/ šorā “white.” [120] An earlier Bulğaro-Oğuric šar form is attested in the ninth century Khazar fort of Šarkel, the “Bela Veža” of the Rus’ sources. [121] It can also be seen in the name of the fifth century tribe (or tribal union), the *Šar(a) Oğur (Σαράγουροι, noted by Priskos [122]). It is still unclear if “Šaro,” i.e. Šari (“white, yellow,” perhaps “pale”?), as has been suggested in the literature on Cuman-Qıpčaq origins, is the source of the Old Rus’ calqued term for the Cumans, Polovci (Modern Russ. Polovcy) Slav. Polovj “pale,” cf. also Latin. Pallidi, Germano-Latin Valvi etc. Other, equally plausible etymologies (e.g. Qun) have been offered.¹²³ The Šari, Polovci issue remains problematic.

Nonetheless, possible further confirmation of Oğuric elements in this mix of peoples may be seen in the name of the famous Cuman-Qıpčaq chieftain, Šarukan/ Šarakan (in the Rus’ sources), Šarağan in Georgian [124]. Šarağan is clearly an Oğuric term denoting “dragon” ~ Common Turk. sazağan [125] This was a semantic onomastic category already known to the grouping with which the Šari had earlier been connected if not identical (cf. Buke Budrač above). Even more telling is the connection of the Šaruqanids/Šarağanids with the Cuman town of *Šaruqan/*Šaraqan (in Rus’ Sharukan (Шарукань) [adjectival form] and Шарукань) identified with the city of Zmiev (“serpent, dragon,” zmiya “snake,” Russ. zmej “serpent, dragon,” and zmeja “snake”), in the region of Xarkiv [126] Axinzhanov concluded that the Cuman-Qıpčaq tribes of the Don region were led by chieftains from the “People of the Snake”. However, as we have seen, he mistakenly connected this ethnonym with the Qay or Kai (Qayı?), [127] who were not a Cuman-Qıpčaq people, but appear as the Капичи (a Slavicization of *Qay-opa [128]), one of the Turkic groups opposed to the Cuman-Qıpčaq who were organized by the Rus’ into the Černii Klobouci. [129]

The Rus’ traditions epic traditions (byliny) recall the Cuman chieftain Tugorkan (Τουγορτάνκ in Anna Komnena [130]) usually noting him as Sobaka Tugarin Zmeevič, the “Dog Tugarin, son of the Serpent/Snake/Dragon [131]. In some of the variants of this tale, Tugarin Zmeevič is described as having flames blazing from his mouth and smoke rising in columns from his ears (iz xailišča plamen’ pyšet, iz ušej dym stolbom stoit) [132]. In Slavic folklore, Zmej is a figure born of the mating of a flying serpent or dragon with human women and vily (creatures who take on the appearance of human women). He flies and roars fire, etc. [133] Clearly, we are dealing with the image of a dragon, a motif of some antiquity in Slavic tales and now conflated with a warrior tradition of one of the steppe neighbors of Rus’. We might note here that south of Kiev are the defense walls called Zmievy Valy (“The Snake/Serpent/Dragon Walls”). Although the time (or times) of their construction is much debated, the popular, i.e. folk name by which they are known dates from the era of Kievan Rus’. [134]

Tugorkan was killed in combat with the Rus’ in 1096. Prior to that he had been closely associated in the Rus’ chronicles with Bonyak, another major chieftain of the so-called “Wild Cuman” (Polovci Dikii) grouping [135]. The Bonyakids and Šaru[a]qanids were the two major dynastic lines of the Wild Cumans, a union of Cuman tribes, first noted in 1146, that was strongly opposed to the Rjurikid princely grouping that usually held sway in Kiev. As a consequence, they often served as allies of the latter’s competitors, the Rjurikid Ol’goviči, the Davydoviči and others [136]. It is not clear if Tugorkan belonged to the Šaru[a]qanids as our sources provide no clues regarding his genealogy. What we can note is that the snake/dragon connection was clearly associated with them. In Turkic, the word yılan “snake” could denote “dragon.” In the mid-thirteenth the Rasylid Hexaglot, an Arabo-Persian-Turkic-Greek-Armenian and Mongol glossary from Yemen, we find (f. 199C13) [137] ilan balıq (lit. “snake fish”) rendered in Mongol as lu “dragon,”

Persian nahang (“crocodile, alligator, shark, water-dragon or similar monster” [138]) and Arabic al-timsaḥ (lit. “crocodile”). In Middle Turkic, Kašgaro records nag yılı “Year of the Crocodile,” the “name of one of the twelve years in Turkic.” Clearly, “dragon” is meant here as Kašgaro also notes nbg yılan “dragon.” [139]. The Turkic nbg is probably from Sanskrit naga “snake” via Soğdian. It replaced lu “dragon” in the Turkic twelve-year animal cycle calendar [140]. In Turkic, the two creatures, one mythical, were fused. Their semantic closeness in Slavic further cemented this connection of “snake” and “dragon.”

Thus, Šaruqan/Šarağan, bearing an Oğuric name for “dragon,” was very likely a chieftain of a grouping of Basmil origin swept up in the Qun-Qay migrations that became part of the loose Qıpçaq-Qaŋlı union that dominated the Dašt-i Qıpčaq from the 1030s to the early thirteenth century. Oğuric elements (as well as Mongolic), it would appear, were present among the Qıpçaqs.

The history of the Volga Bulğars amply demonstrates that an Oğuric language could live side by side over a long period of time with Common Turkic. The Muslim tombstones with Volga Bulğaric terms date from 1281/2-1361. Grave inscriptions in Common Turkic in the same region are contemporary with them. Several inscriptions use both languages (in addition to Arabic) [141].

How to sum it all up? First of all, the migrations of the Qay and Qun should be viewed within the larger context of the incursions of Turkic and Mongolic tribes from the Qitan borderlands that troubled the Qarakhanid realm in the second decade of the eleventh century and shortly thereafter. The Qun, Nestorian Christians, may have provided a certain religious edge to their confrontations with the Muslim Qarakhanids. The problem of the identity of the Yabaqu/Yapağu – unattested else where – may be resolved, as Kljaštornyj suggests, by Kašgaro’s substitution of this possibly derogatory name for the Qun, regarding whom the Dowan is otherwise curiously silent. The Qun, [142] once they come into the purview of their neighbors in the surrounding sedentary lands and now with a slightly changed form of their name, Quman (Qun + man), [143] are often known by calqued forms of their name: the “Pale Ones.” e.g. Rus’. Polovci, Lat. Pallidī, Latino-Germ. Valvi, Armenian Xartešk’. This changed form of their name (in a sense “those who are Qun-like”) reflected the fact that they had, indeed, undergone changes in the course of their migration. Similarly, when Qarluqs and Oğuz had become Muslims, they were termed Turkmen (“Turk-like,” see above). The Qun/Yabıqu and Basmil-Šarı coalition merged, now becoming known, at least in some quarters, as the People of the Snake/Dragon. This name was transmitted second or third hand to Matthew of Edessa. This reptilian royal-heroic honorific lived on in their onomastic tradition, cf. Šarağan. It may have had totemistic or apotropaic significance as well.

Šarı is an Oğuric name. Whether it was the actual name of a people or the name given to it by its Oğuric-speaking Basmil elite remains unanswerable, given the paucity of our data. In any event, the name represents Qun tradition to which al-Marwazo appears to have had access in the person of Ekinči b. Qoçqar (d. 1097), a Seljukid ğulum of Qun origin who briefly held the post of Xwarazmšah for his masters [144]. Judging from Marwazo’s account, the Šarı were east (or northeast) of the Qarluq/Turkmen whose territory they and the Qay-driven Qun invaded. It seems highly unlikely that they were the Qıpçaqs proper who before the collapse of the Kimek Qaghanate in Western Siberia brought on by the chain of migrations touched off by the Qay-Qun movements, had been one of the more westerly tribes under Kimek domination. The Qıpçaqs, by the tenth century – and very probably some what earlier – were on the western borders of the Kimek realm, neighbors of the Pečenegs, going towards the Volga zone, [145] well away, it would seem, from the initial point of contact between the Qun and the Basmil-Šarı. The resultant Cuman- Qıpçaq union was, essentially, the old Kimek union with a new (and non-Qağanal) leadership. The etymology of Qıpçaq remains unresolved [146] and it is highly unlikely that Šarı is a translation of it.

Curiously, Kašgaro says nothing of the Kimek. He knows of the Yimek/Yemek, a

people who, along with the Qıpçaqs, Tatars and others had been part of the Kimek union [147] He places the Yimek/Yemek next to the Başğırt in the more westerly zone and comments on the closeness of their language to that of the Qırğız, Qıpçaqs and others. East of the Başğırt, in his enumeration, are the Basmil, Qay, Yabaqu, Tatar and Qırğız. In short, the Başğırt stand between the Yimek and the Basmil [148]. He also associates the Yimek/Yemek with Western Siberia, noting them in connection with the Irtysh River [149] He calls them “Qıpçaqs,” but notes that this is his opinion, as the Qıpçaqs “reckon themselves a different party.” [150] The Yimek/Yemek, called in Rus’ the Половци Смякове, [151] played a central role in the eastern Qıpçaq union of the Qanlı (a name which Kaşğaro only knows as the name of “an important man” of the Qıpçaqs) [152]. It is unlikely, that the ethnonym Şarı lurks behind either of these groups.

Matthew of Edessa, living much further removed from the steppe world than al-Marwazo, reversed the order of the attacks: the “Pale Ones”/Qun (the Yabaqu of Kaşğaro), pressured by the Qay attacked or joined up with the Basmil-Şarı, the merged result of which was the “People of the Snake.” These are the Infidel Turks who attacked the Qarakhanid borderlands. The other migrations are slightly later, stemming ultimately from these initial dislocations. The Pečenegs had already been pushed out of the Volga-Ural Mesopotamia and adjoining areas by the Oğuz in the late 8 thearly 9th centuries. They had entered the Pontic steppes, driving out the Hungarians (by 895) and facing further pressure from the Cuman-Qıpçaqs, they moved off to the Byzantine-Danubian frontiers. Here, in the 1040s-1050s, they caused much turmoil, which Matthew of Edessa duly recorded. The “Qun migration,” then, is really part of a series of migrations that stretched from the early to mid-11th century. By 1054, the Cuman-Qıpçaqs were in the Pontic steppes and had made contact with the Rus’. This is the final stage of the Basmil Saga. It points, once again, to the complexity of the Cuman-Qıpçaq union and shows that Oğuric communities continued to exist in the East, speaking a Turkic that had by then considerably diverged from Common Turkic, so much so that Kaşğaro considered its speakers to have another language of their own.

References:

1. O. Pritsak, “Mahmud Kaşğaro Kimdir?” *Turkiyat Mecmuası* X (1953), pp. 243-246. His birth has been placed sometime between 1028/1029-1037/1038 in Azık near Kaşğar and his death in 1126, see B. Xalilov, *Turkologiyaya Giriş* (Bakı, 2006), pp.116-128, although these dates and his birthplace are by no means certain.

2. Maḥmud al-Kaşğaro, *Compendium of the Turkic Dialects* (Dowan Luḡat at-Turk), ed. trans. R. Dankoff in collaboration with J. Kelly, *Sources of Oriental Languages and Literatures* 7 (Cambridge, Mass., 1982-1985, henceforth Kaşğaro/Dankoff), I, pp. 6-7

3. I. Kafesoğlu, *Sultan Melikşah Devrinde Buyuk Selzuklu İmparatorluğu* (Istanbul, 1953), pp. 119-123. Seljuk incursions had begun already in the time of Alp Arslan (1063-1072), see İ.S. Hunkan, *Türk Hakanlığı. Karahanlılar (766-1212)* (Istanbul, 2007), pp. 339ff.

4. Kaşğaro/Dankoff, I, p.70.

5. See P.B. Golden, *Ethnicity and State Formation in Pre-Çinggisid Turkic Eurasia*, *The Central Eurasian Studies Lectures*, I, Department of Central Eurasian Studies, Indiana University (Bloomington, Indiana, 2001), pp. 13-15; W. Scharlipp, *Türkische Sprache Arabische Schrift* (Budapest, 1995), pp.28-31.

6. This language was termed Turkiyya by Kaşğaro, representing the Čigil dialect. The Čigil were one of the core tribes of the Qarakhanid union. Usages that were particular to the Qarakhanid court are termed Xaqaniyya, see Kaşğaro./Dankoff, I, p.4-5. On the Čigil, see Hunkan, *Türk Hakanlığı. Karahanlılar*, pp.98-101.

7. Golden, *Ethnicity and State Formation*, pp.16-17; see also P. Geary, “Ethnic identity as a situational construct in the early Middle Ages” *Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien*, 113 (1983), pp.15-26, his “Barbarians and Ethnicity” in G.W.

Bowersock et al. (eds.), *Late Antiquity: A Guide to the Postclassical World* (Cambridge, Mass., 1999), pp. 107-129 and the recent discussion of ethnicity in A. Gillett (ed.), *On Barbarian Identity. Critical Approaches to Ethnicity in the Early Middle Ages* in *Studies in the Early Middle Ages*, 4 (Turnhout, Belgium, 2002), P. S. Wells, *Beyond Celts, Germans and Scythians* (London, 2001), pp. 13-32 and F. Curta, *The Making of the Slavs. History and Archaeology of the Lower Danube Region c. 500-700* (Cambridge, 2001), pp.18ff.

8. Kašgaro/Dankoff, I, p. 70.

9. Sir Harold W. Bailey, *Indo-Scythian Studies. Khotanese Texts VII* (Cambridge, 1985), p.54 and his "Languages of the Saka" K. Hoffmann et al., *Iranistik in Handbuch der Orientalistik*, ed. B. Spuler and H. Kees, I. Abt., IV, Bd., 1. Abschnitt (Leiden-KülN, 1958), p.131 where he compares the few Кднѣкo terms with Khotanese Saka. X. Tremblay, "Kanjako and Kašgarian Sakan" *Central Asiatic Journal* 51/1 (2007), pp. 63-76, in a recent review of the materials concludes that Kančako was "probably... a Sakan language cognate with Khotanese, but distinct from it."

10. On Arġu, an area of Western Semireč'e, see S. G. Kljaštornyj, *Drevnetjurkskie runičes- kie pamjatniki kak istočnik po istorii Srednei Azii* (Moskva, 1964), pp. 130-131. See also discussion in E. de la Vaissière, *Sogdian Traders. A History*, trans. J. Ward (Leiden, 2005), pp. 326ff. Квšgaro/Dankoff, I, p. 151, places it "between Țırbz and Balasaġun" and says that arġu in Turkic means "ravine between two mountains." He further reiter- ates (I, p. 84) that the people of Balasaġun and Țıraz "speak both Soghdian and Turkic." He makes note of dialect usages in the Turkic spoken in Arġu, e.g. "city" is uluš and Balasaġun is called "Quz Uluš" (Kašgaro/Dankoff, I, p.105), whereas uluš originally noted "country," but came to mean "city" in some dialects, see Sir Gerard Clauson, *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth Century Turkish* (Oxford, 1972, henceforth ED), pp. 152-153.

11. Kašgaro/Dankoff, I, p.83.

12. Kašgaro/Dankoff, I, p.83

13. Kašgaro/Dankoff I, p.83. On the culture of Khotan, see H.W. Bailey, *The Culture of the Sakas in Ancient Iranian Khotan* (Delmar, NY, 1982).

14. Kašgaro/Dankoff I, p.83. Mašon = Iran. "Great China," referred to China proper, the lands of the Song Empire (960-1079), while Šon/Čon denoted the north dominated by the Qitan (916-1125, Old Turkic Qitan/Qitay). On these distinctions, see V. Minorsky (ed. trans.), *Sharaf al-Zaman Țahir Marvazo on China, the Turks and India* (London, 1942), pp. 18, 75, 98. Kašgaro/Dankoff I, p. 341, equates Mašon with Tawġaç and says it lies at four months travel from Šon. The Qitan/Qitay probably spoke a "Para-Mongolic" language, see J. Janhunen, *Manchuria. An Ethnic History* (Helsinki, 1996), pp. 139-149. On Tawġaç/Tabġaç the standard Old Turkic term for China (Clauson, ED, p. 438), see C. I Beckwith, "The Chinese Names of the Tibetans, Tabghatch, and Turks" *Archivum Eurasiae Medii Aevi* 14 (2005), pp. 9-12. Tabġaç ethno-linguistic affiliations are Altaic, but whether Turkic or Mongolic is un- clear, see overview in P.B. Golden, *An Introduction to the History of the Turkic Peoples* (Wiesbaden, 1992), pp. 73-74.

15. Kašgaro/Dankoff I, p.83. The vocalization is uncertain; it may also be read as Čomul, Čumul or even Čimul etc. if the vowelizing in the sole manuscript of Kašgaro is incorrect.

16. Kašgaro/Dankoff I, p.82. The list has them in the following order: Čigil, Tuxsi, Yaġma, Oġraq, Čaruq, Čomul, Uyġur, Taġut, Xitay and Tawġaç.

17. V.V. Bartol'd (W. Barthold), *Dvenadcat' lekcij po istorii tureckix narodov Srednej Azii* in his *Sočinenija* (Moskva, 1963-1977), V, pp.85-86; V.F. Minorsky (ed. trans.), *Ĥudud al-'Blam* (London 1937, 2nd ed. London, 1970), pp. 285, 305n.3 (Yumbr-Ob') and Minorsky/Marvazo, pp. 66, 96; Pritsak, "Die Karachaniden" *Der Islam* 31 (1953-1954), p.41 (Emil) and his "Two Migratory Movements in the Eurasian Steppe in the 9th-11th centuries" *Proceedings of the 26th International Congress of Orientalists*, New Delhi 1964 (New Delhi, 1968), 2, p.160.

18. Located southeast of Khotan of which it became a part in the mid-fourth century CE, see B.A. Litvinskij (ed.), *Vostočnyj Turkestan v drevnosti i rannem srednevekov'e. Utnos, jazyki, religii* (Moskva, 1992), p. 41.

19. Bailey, *The Culture of the Sakas in Ancient Iranian Khotan*, pp. 92-93 and his *Indo-Scythian Studies*, pp. 92, 133, 135. He places them in the Nanshan mountains southeast of Khotan and “Šačy.” Bailey derives the name from Iran. *Čamrta < čam- “to stride out like a warrior,” “warrior striders” (see also V.S. Rastorgueva, D.I. Udel'man, *Ītimolo-gičeskij slovar' iranskix jzaykov* (Moskva, 2000-ongoing), 2, pp. 261-262 *čjam > čam- “važno vystupat', vyšagivat'...”) and considers them to be of Yuezhi origin. The tenth century (372/982) *Ĥudyd/Minorsky*, pp. 95, 275, notes the “large village” of Jmlokath (Kat is “city” in Sogdian) which was an Uyğur vassal led by a yabğū, often subject to raids from the Kimek, Qarluq and Yağma, see also H. Guckenjan, *I. Zimonyi, Orientalische Berichte über die Völker Osteuropas und Zentralasiens im Mittelalter. Die Ġayhano-Tradition* (Wiesbaden, 2001), pp. 192-193. S.G. Klyashtornyj, “The Polovcian Problem (II): Qipčaq, Comans and Polovcians” *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae* [henceforth AOH] 58/3 (2005), p. 246 places the “Čomul” to the east of Khotan, on the “northwest extremity of the Tianshan” and south of Lake Lobnor. Pushed northward by the Qarakhanid advance to Khotan, they joined forces with other non-Muslim tribes that were resisting Qarakhanid expansion.

20. See E.W. Lane, *An Arabic-English Lexicon* (Edinburgh, 1863-1885, reprint; Beirut, 1968), 3, pp. 1102-1103.

21. Kašğaro/Dankoff I, p. 83.

22. E. Pulleyblank, *Lexicon of Reconstructed Pronunciation in Early Middle Chinese, Late Middle Chinese, and Early Mandarin* (Vancouver, 1991), p. 329. Late Middle Chinese [LMC] corresponds to the seventh and eighth centuries. The Early Middle Chinese [EMC, i.e. up to ca. 601] form is *γej. Where possible, I have attempted to give the reconstructed Chinese pronunciation of non-Chinese names of the era in question, largely *japağū/japaği also entered Hungarian, cf. gyapj “wool, fleece,” L. Benkő et al. (eds.), *A magyar nyelv történeti-etimológiái szótára* (Budapest, 1967-1976), I, p. 1121; L. Lige-ti, *A magyar nyelv türk kapcsolatai a honfoglalás előtt és az 8pód-korban* (Budapest, 1986), pp. 69, 185; cf. however, Čuv. yupax/yopax “old shedding hair” (M.R. Fedotov, *Utimologičeskij slovar' čuvaškogo jazyka*, Čeboksary, 1996, II, p. 489). based on Pulleyblank's work. These reconstructions are tentative, but may provide clues to the still largely unidentified names and their source languages. On the Xi – Tatabı connection, see P. Pelliot, “A propos des Comans” *Journal Asiatique* 15 (1920), p. 150; R. Giraud, *L'empire des Turcs Čilestes* (Paris, 1960), pp. 185-186; İsenbike Togan et al., *3in Kaynaklarında Türkler. Eski T'ang Tarihi* (Chiu T'ang-shu) (Ankara, 2006), pp. 170-171.

23. E.G. Pulleyblank, “The Chinese and Their Neighbors in Prehistoric and Early Historic Times” in D.N. Keightley (ed.), *The Origins of Chinese Civilization* (Berkeley - Los Angeles, 1983), pp. 446, 452-453 (connecting Xianbei and the later Shiwei, both reflecting *Sɹbi) and his “Central Asia at the Dawn of History” *Journal of Chinese Linguistics* 27 (1999), p. 153

24. The literature is considerable on this question, see Pelliot, “A propos des Comans” *Journal Asiatique* XV (1920), p. 150n2; K. Wittfogel and Feng Chia-shen, *History of Chinese Society. Liao (907-1125)*, *Transactions of the American Philosophical Society*, n.s. 26, 1946 (Philadelphia, 1949), p. 84.n1, 315-316; W. Eberhard, “Sinologische Bemerkungen über den Stamm der Kay” *Monumenta Serica* 12 (1947), pp. 204-205; T. Tekin, *Orhon Yazıtları* (Ankara, 1988), p. 52; J. Bacot, “Reconnaissance en Haute Asie septentrionale par cinq envoys ourgours au VIIIe siècle” *Journal Asiatique* 244 (1956), p. 145; L. Ligeti, “A propos du ‘Rapport sur les rois remeurent dans le nord’” *Ītudes tibétaines dédiées a la mémoire de Marcelle Lalou* (Paris, 1971), p. 172; O. Pritsak, “The Polovcians and Rus” *Archivum Eurasiae Medii Aevi* 2 (1982), pp. 331-333; P.B. Golden, “Cumanica II; The Qlberli (Qlperli): The Fortunes and Misfortunes of an Inner Asian

Nomadic Clan” *Archivum Eurasiae Medii Aevi*, 6 (1985 [1987]), pp.15-22; Janhunen, Manchuria, pp.184-187; C. Schumig, “Түркisch-Mongolische Sprachbeziehungen – Versuch einer Zwischenbilanz” *Ural-Altäische Jahrbücher*. N.F. 19 (2005), p. 145. Gy. Numeth, *A honfoglalay magyarság kialakulása* (2nd edition, henceforth HMK, Budapest, 1991), p.88, however, derived Qay from Turkic “snowstorm” (cf. Clauson, ED, p. 593 qbd “snow-storm, blizzard”).

25. Clauson, ED, pp.874-875; Kašgáro/Dankoff, II, p. 166 (yabvqu “refuse (qarda) of wool”). Although written identically in Arabic script, Dankoff has chosen to transcribe the ethnonym as Yabvqu. I have retained this form to distinguish them. See also Ё. V. Sevortjan, L.S. Levitskaja, A.V. Dybo et al., *Ўtimologiĉeskij slovar’ tjurkskix jazykov* (Moskva, 1974-ongoing, volumes are cited by year of publication), 1989, pp.125-126. In Proto-Mongolic this word had the form *daġaki. S. Starostin A. Dybo, O. Mudrak, *Ety- mological Dictionary of the Altaic Languages* (Leiden, 2003, henceforth EDAL), II, p.887, suggest *lep’a “feather, down, wool” as its Altaic source. Ź.K. Tujmebaev, *Kazaxsko-mongol’skie leksiĉeskie paraleli* (Moskva, 2005), p.30, has Proto-Bulġaric (Oġuric) *, p.217. With initial y, Yabaqu, thus, is most probably not Mongolic. Oġuric based on Pulleyblank’s work. These reconstructions are tentative, but may provide clues to the still largely unidentified names and their source languages. On the Xi – Tatabi connection, see P. Pelliot, “A propos des Comans” *Journal Asiatique* 15 (1920), p. 150;

26. R. Giraud, *L’empire des Turcs Sġlestes* (Paris, 1960), pp.185-186; İsenbike Togan et al., *3in Kaynaklarında Turkler. Eski T’ang Tarihi* (Chiu T’ang-shu) (Ankara, 2006), pp. 170-171.

27. E.G. Pulleyblank, “The Chinese and Their Neighbors in Prehistoric and Early Historic Times” in D.N. Keightley (ed.), *The Origins of Chinese Civilization* (Berkeley-Los Angeles, 1983), pp.446, 452-453 (connecting Xianbei and the later Shiwei, both reflecting

28. *Sdrbi and his “Central Asia at the Dawn of History” *Journal of Chinese Linguistics* 27 (1999), p.153

29. The literature is considerable on this question, see Pelliot, “A propos des Comans” *Journal Asiatique* XV (1920), p. 150n2; K. Wittfogel and Feng Chia-shen, *History of Chinese Society*. Liao (907-1125), *Transactions of the American Philosophical Society*, n.s. 26, 1946 (Philadelphia, 1949), p. 84.n1, 315-316; W. Eberhard, “Sinologische Bemerkungen ūber den Stamm der Kay” *Monumenta Serica* 12 (12947), pp. 204-205; T. Tekin, *Orhon Yazıtları* (Ankara, 1988), p. 52; J. Bacot, “Reconnaissance en Haute Asie septentrionale par cinq envoyġis oungours au VIIIe siĉcle” *Journal Asiatique* 244 (1956),

30. p. 145; L. Ligeti, “A propos du ‘Rapport sur les rois remeurant dans le nord’” *Ųtudes tibetaines dediġes a la mġmoire de Marcelle Lalou* (Paris, 1971), p. 172; O. Pritsak, “The Polovcians and Rus” *Archivum Eurasiae Medii Aevi* 2 (1982), pp.331-333; P.B. Golden, “Cumanica II; The Ųlberli (Ųlperli): The Fortunes and Misfortunes of an Inner Asian Nomadic Clan” *Archivum Eurasiae Medii Aevi*, 6 (1985 [1987]), pp.15-22; Janhunen, Manchuria, pp.184-187; C. Schumig, “Түркisch-Mongolische Sprachbeziehungen – Versuch einer Zwischenbilanz” *Ural-Altäische Jahrbücher*. N.F. 19 (2005), p. 145. Gy. Nġmeth, *A honfoglalay magyarság kialakulása* (2nd edition, henceforth HMK, Budapest, 1991), p.88, however, derived Qay from Turkic qad > qay “snowstorm” (cf. Clauson, ED, p. 593 qbd “snow-storm, blizzard”).

31. Clauson, ED, pp.874-875; Kašgáro/Dankoff, II, p. 166 (yabvqu “refuse (qarda) of wool”). Although written identically in Arabic script, Dankoff has chosen to transcribe the ethnonym as Yabvqu. I have retained this form to distinguish them. See also Ё. V. Sevortjan, L.S. Levitskaja, A.V. Dybo et al., *Ўtimologiĉeskij slovar’ tjurkskix jazykov* (Moskva, 1974-ongoing, volumes are cited by year of publication), 1989, pp.125-126

32. In Proto-Mongolic this word had the form *daġaki. S. Starostin A. Dybo, O. Mudrak, *Ety- mological Dictionary of the Altaic Languages* (Leiden, 2003, henceforth EDAL), II, p.887, suggest “feather, down, wool” as its Altaic source. Ź.K. Tujmebaev,

Kazaxsko-mongol'skie leksičeskie paralleli (Moskva, 2005), p.30, has Proto-Bulgaric (Oğuric) Daax “snarl, tangle, combings of hair; shedding of hair” (F. Les-sing et al. Mongolian-English Dictionary 3rd reprint (Bloomington, 1995, henceforth MED), p.217.

33. *japağu/japağı also entered Hungarian, cf. gyapjъ “wool, fleece,” L. Benkő et al. (eds.), *A magyar nyelv történeti-etimológiái sztyóra* (Budapest, 1967-1976), I, p.1121; L. Lige-ti, *A magyar nyelv török kapcsolatai a honfoglalás előtt és az Érpód-korban* (Budapest, 1986), pp.69, 185; cf. however, Čuv. yupax/yopax “old shedding hair” (M.R. Fedotov, *Ītimologičeskij slovar' čuvaškogo jazyka*, Čeboksary, 1996, II, p. 489).

34. The Oğuz Bayındır had a sub-branch called Yapağı, see F. Sьmer, *Oğuzlar* 3rd ed. (Is- tanbul, 1980), p. 318. Cf. also the Ъlla Yonduğ (Kašğaro/Dankoff I, pp. 101-102), else- where Ala Yontlı “the Piebald horse (people),” one of the Oğuz subtribes, see also Gold- en, Introduction, pp. 207-208; Numeth, HMK, pp.65-71. A tribe named Jabağı is also at- tested among the Qazaq and Qırğız, see I. N. Lezina, A.V. Superanskaja, *Onomastika. Slovar' -spravočnik tjurkskix-rodoplemennyx nazvanij* (Moskva, 1994), I, p.176; T. K. Čoroev, “Toponimčeskie dannye Maxmuda Kašğari (XI v.) i migracii tjurkov rannego srednevekov'ja” in A. U. Urunbaev et al. (eds.), *Problemy istorii i kul'tury narodov Srednej Azii i stran zarubežnogo Vostoka* (Taškent, 1991), pp. 113-114. In Qırğız, jabağı denotes a “suckling colt aged five-six months” as well as the shed wool, see K.K. Juxdaxin, *Kirgizsko-russkij slovar'* (Moskva, 1965), p.208. The term has been borrowed into Russian dialects as džabaga, džebaga, jabaga “runo gruboj stepnoj ovcy” etc., see E.N. Šipova, *Slovar' tjurkizmov v russkom jazyke* (Alma-Ata, 1976), p. 432. Yapağu, Yapağı also appears as a personal name, see L. Rbsonyi and I. Baski, *Onomasticon Turcicum* (Bloomington, Indiana, 2007), I, p.332. Gardozo, Ta'rox-i Gardozo, ed. 'Abd al-Ĥayy Ĥabobo (Tehran, 1363/1984), p. 548 notes the ruler of the Qarluqs as Yabvğy. As a consequence, some scholars, have identified the Yabvqu as Qarluqs, see R. Şeşen, *İslm Coğrafiyacılara Gıre Turkler ve Turk Ulkeleri* (Ankara, 1985), p. 18. Gardozo's Yabağı, however, is simply the ancient Inner Asian title yabğu, widely used among the Turks and others.

35. Kašğaro/Dankoff, I, p. 82, II, p. 166, He also remarks (I, p. 85) on certain features of pronunciation that the Čұмыл, Tuxsi, Oğuz and others share, e.g. changing -d- to -y- (cf. qadıŋ “in-law” > qayıŋ).

36. Kašğaro/Dankoff, II, p. 166.

37. Ĥudud/Minorsky, pp. 116, 288-289. Š. S. Kamoliddin, *Drevnetjurkskaja toponimija Srednej Azii* (Taškent, 2006), pp. 33, 46, takes the Yabvqu river in the environs of Ūzkend back to a notice in Ibn Xurdadbih citing the Russian translation of that ninth century work, *Kniga putej i stran*, trans. comment. N. Velixanova (Baku, 1986), p. 65 (unavailable to me). The edition of the Arabic text, *Kitab al-Masblik wa'l-Mamblik*, ed. M. J. De Goeje (Leiden, 1889), presumably, pp. 29-30, contains no such form. Other studies and translations of this text, similarly, have not made this “emendation”: M. Kmosky, *Mohamedbn nyk a steppe nıpeiról. Fuldrajzi irodalom*, ed. I. Zimonyi (Budapest, 1997), pp.105-108; Y.Z. Yurukan, *Musulman Coğrafiyacılarnın Gızyyle Ortazağ'da Tьrkler* (Istanbul, 2004), p. 365. Bartol'd, *Dvenadcat' lekcij* in his *Sočinenija*, V, pp. 85- 86, placed the Yabaqu around the Yamvr River (“probably the Emil' in the region in which the city Čugučak now is”), but comments that it may be a coincidence that the river flowing near Uzkend bears the same name.

38. Tekin, *Orhon Yazıtları*, pp. 2, 8, 38 (Otuz Tatar), 48 (Toquz Tatar); Janhunen, *Manchu- ria*, pp. 159-160, 184-185. They are linked by some with the Shiwei, but this remains a problematic issue, P.B. Golden, “Tatar” in *Encyclopaedia of Islam*, 2nd ed. (Leiden, 1960-2002), X, pp.370-371. See also discussion in S.G. Kljaštornyj, D.S. Savinov, *Step- nye imperii drevnei Evrazii* (St. Petersburg, 2005), pp.142-148.

39. Constantine Porphyrogenitus, *De Administrando Imperio*, ed., Gy. Moravcsik, trans. R.J.H. Jenkins, *Corpus Fontium Historiae Byzantinae*, I (Washington, D.C., 1967), p.174.

40. Kašgaro/Dankoff, I, pp. 340 (Budrač, name of the Yabvqu chieftain captured by the Qa-rakhanid Bekeč Arslan Tegin), 344 (Yabvqu, Basmil and Ćumul are allied against the Qarakhanids), II, pp. 120 (Basmils war with “Għvzo Arslan Tegin), 161 (Yambr River in the “steppes of the Yabvqu,” see above), 268 (Buke Budrač at the head of 700,000 Infidels defeated by the 40,000 Muslims of Ćvzo Arslan Tegin), 330 (allies of Budrač, leader of the Yabaqu), See also R. Dankoff, “Three Turkic Verse Cycles Relating to Inner Asian Warfare” *Harvard Ukrainian Studies* III-IV (1979-1980), pp. 152-159. S. G. Kljaštornyj, who has touched on this problem in a number of important articles, summed up his recent views in Kljaštornyj and Savinov, *Stepnye imperii*, p. 139, where he characterizes the Basmils, Ćumyls and Yabaqu as the bitter enemies of the Muslim Qarakhanids. In his “The Polovcian Problem,” *AOH* 58 (2005), p. 244, he places these events “some time” after 1027. R. Genz, *Karahanlı Devlet Teşkilatı* (Istanbul, 1981), p.p.59-60 and E.N. Necef, *Karahanlılar* (Istanbul, 2005), pp. 329-332, basing themselves on the lectures of A. Z. V. Togan, see also the latter’s *Umumo Turk Tarihi* 2nd ed., Istanbul, 1970, pp.145-146, suggest that the wars with the Basmils, Ćumyls and Yabvqu may be dated ca. 1038-1042.

41. B.D. Kotchnev, “Chronologie et géographie des Karakhanides du point de vue de la numismatique” *Utudes Karakhanides in Cahiers d’Asie centrale* 9 (2001), p.52 and C.E. Bosworth, *The New Islamic Dynasties* (New York, 1996), p. 181

42. See al-‘Utbo, *Al-Yamono fo Šarh Axbvr al-Sultvn Yamon al-Dawla wa Amon al-Milla Maħmud al-Gaznawo*, ed. I. D. al-Tvmiro (Beirut, 1424/2004), pp. 385-387; Ibn al-Ator, *Al-Kvmil fi’t-Ta’rox*, ed. C.J. Tornberg (Beirut ed., 1965-1966), IX, pp. 297-298. Earlier editions of al-‘Utbo place the number of tents of the pagans at 100,000. Accounts of similar incursions are found in Bar Hebraeus, ed. Budge, I, p.186 (and a later attack s.a. 1046, I, p. 205) and others, see Bartol’d, *Turkestan v ĳrohu mongol’skogo našestvija* in his *Sočinenija*, I, p. 341; Hunkan, *Türk Hakanlığı. Karahanlılar*, pp. 271-272; Bartol’d (*Dvenadcat’ lekcij* in his *Sočinenija*, V, p. 86) viewed this as the “only military expedition undertaken by the Muslims against the Unbelievers.” This seems highly unlikely. See also there, pp.103-104 (on incursions coming from “Xitay”).

43. Kašgaro/Dankoff, I, between pp. 82-83.

44. See suggestion of S.G. Kljaštornyj, “Poloveckaja problema: Central’noaziatskij kontekst” in his *Pamjatniki drevnetjurkskoj pis’mennosti i ĳtnokul’turnaja istorija Central’noj Azii* (Sankt Peterburg, 2006), p. 529. He places their westward movement out of Jungaria into northeastern Semireč’e in the 860s, the result of Uyğur pressure.

45. Kljaštornyj, Savinov, *Stepnye imperii*, p. 137, Kljaštornyj views al-Marwazo’s account as based on local Oğuz tales, with some “folkloric-epic touches” about events that were “far off and half-forgotten.” Actually, the events were relatively recent and al-Marwazo had access to men of Qun origin who were probably the source for this unique notice, see below.

46. Minorsky/Marvazo, p. 19/Arabic, p. 7. Qaum, which Minorsky translates as a “group,” might better be rendered as “tribe” or “people.” Minorsky, p. 73, connects the chieftain “Bsm.I” with the Basmils. For the geography, see Minorsky/Marvazo, pp. 68-73, who proffers a number of suggestions.

47. Gardozo, *Ta’rox-i Gardozo*, ed. Ĥabobo, p. 573; Ćckenjan and Zimonyi, *Orientalische Berichte*, p. 149.

48. See the overview in V. Stojanov, *Kumanologija. Opiti za rekonstrukcija* (Sofia, 2006), pp. 111-124.

49. Kljaštornyj, Savinov, *Stepnye imperii*, p. 137, reads this name as Kai in Russian transcription which would seem to indicate not the Qay, but the Oğuz Qayı tribe. This question itself has produced a number of important studies by M.F. Ćprgьl (1890-1966) on the Qay-Qayı question, cf. his “Osmanlı İmparatorluğu’nun Etnik Menşei Mes’eleleri” *Belleten* VII (1943), pp. 219-303, “Kay Kabilesi Hakkında Yeni Notlar” *Belleten* VIII (1944), pp. 421-452, “Oğuz Etnolojisine Dair Tarihi Notlar” reprinted in

his Tarih Araştırmaları (Ankara, 2006), esp. pp. 9-12. Kuprulu opposed the equation of the Qay with the Oğuz Qayı (the older form of the latter name was Qayığ, see Kaşgaro/Dankoff, I, p. 40, II, p. 234, who clearly distinguished between the two). Togan, Umumo Turk Ta-rihine Giriş, p. 67, noting the uncertainty of the sources and the bilingualism that was common among these tribes, points to groups like the Kiyat, sing. Kiyān (in whom he sees the Qay), who were Mongolic in speech, but were, he avers, of Mongolicized Turkic origin and “do not appear to have completely lost their Turkic traditions.” Činggis Khan’s family belonged to the Borjigin sub-grouping of the Kiyat. The latter’s origins, however, appear to be well within the Mongolic sphere, see the comments of Igor de Rachewiltz: *The Secret History of the Mongols*, trans. I. de Rachewiltz (Leiden, 2004, henceforth *Secret History/de Rachewiltz*), I, pp. 290-291.

50. Minorsky/Marwazo, pp.29-30/Arabic, p.18; Al-Marwazo’s account is largely repeated by Muḥammad-i ‘Aufo (1171/77-ca., 1232/42, see J. Marquart, *Über das Volkstum der Komanen* in W. Bang and J. Marquart, *Osttürkische Dialektstudien in Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen, Philologisch-historische Klasse*, N. F. XIII/1 (Berlin, 1914), pp. 39-42. See also Güçkenjan and Zimonyi, *Orientalische Berichte*, pp.45-47, 244-246.

51. Marquart, *Über das Volkstum der Komanen*, pp.54-55; Urfalı Mateos Vekayi-Namesi (952-1136) ve Papaz Grigor’un Zeyli (1136-1162), Turk. trans. H.D. Andreasyan, 2nd ed. (Ankara, 1987), p.91. On Pečeneg attacks in the late 1040s into the 1050s on Byzantium’s Danubian frontiers, see P. Stephenson, *Byzantium’s Balkan Frontier* (Cambridge, 2000), pp. 80ff.

52. See discussion in P.B. Golden, “The Shaping of the Cuman-Qıpçaqs and Their World” in F. Schmieder and P. Schreiner (eds.), *Il Codice Cumanico e il Suo Mondo* (Roma, 2005), pp. 268-269.

53. The sparse early notices on the Qun are discussed in Golden, “The Shaping of the Cuman-Qıpçaqs,” in Schmieder and Schreiner (eds.), *Il Codice Cumanico*, pp. 253-254. They are mentioned in the eastern zone of the Turkic world, most probably in the Turkic-Mongolic frontier zone. In light of their Nestorian Christian affiliations, Minorsky/Marwazo, p. 98, suggests that they may have been part of the Kereyid or Ɔngɣd confederations in Mongolia. Nestorian Christianity, although long present among the Uyğurs, came to the Kereyid ca. 1007, see Bar Hebraeus, trans. Budge, p. 184; D.M. Dunlop, “The Karaites of Eastern Asia” *Bulletin of the School of Oriental and African Studies* 11/2 (1944), pp. 277-279. The Kereyid were a mulange of Turkic and Mongolic elements, see I. Togan, *Flexibility and Limitations in Steppe Formations. The Kerait Khanate and Chinggis Khan* (Leiden, 1998), pp. 60ff. The Ɔngɣd appear to have been Turkic, see de Rachewiltz/*Secret History*, II, p. 656.

54. See discussion and sources in Golden, *Introduction*, pp. 212-213. Kljaštornyj, in Kljaštornyj and Savinov, *Stepnye imperii*, pp. 138-139, identifies them with the Islamized Qarluqs of Ordu. The Mongols, in their conquest of the Qarakhanid realm, demoted one of the Qarakhanids to the rank İlig Tırkmen “prince of the Tırkmen,” here a clear reference to Qarluq or other non-Oğuz Turkic Muslim tribes, see ‘Alw’ ud-Don ‘Aṭb Malik Juwaino, *Ta’rōx-i Jahān Guša*, ed. M. Qazwono (Leiden-London, 1912, 1916, 1937), II, p.88, *The History of the World Conqueror*, trans. J.A. Boyle (Cambridge, Mass., 1955), II, p.355

55. For an overview of the literature, see Golden, “The Shaping of the Cuman-Qıpçaqs” in Schmieder and Schreiner (eds.), *Il Codice Cumanico*, pp. 247-277.

56. S.M. Axinžanov, *Kypčaki v istorii srednevekovogo Kazaxstana* (Alma-Ata, 1989), pp. 106, 115-118, 177ff. He notes that the Tang huiyao, a collection of Tang documents composed by Wang Pu (922-982, see E. Wilkinson, *Chinese History. A Manual*, 2nd, rev. ed., Cambridge, Mass., 2000, p. 522), presents the tamga of the “Kai” tribe as having the form of a snake and connects them with the “Kai.” He further cites the Qayı of the Oğuz as one and the same and considers their tamğa (cattle brand used by a clan), as

recorded in Abu'l-Gazo Bahadır Khan's Šajara-yi Tarakima (see text in A.N. Kononov, Rodoslovnaja Turkmen. Sočinenie Abu-l-Gazi xana xivinskogo, Moskva-Leningrad, 1958, Trkm. text, p. 35/Russ. trans.p.53) to look like a snake. The tamğa signs are open to a variety of interpretations. Moreover, the Oğuz totems, which are also noted, are all birds. That of the Qayı was the šunqar "gyrfalcon." Axinžanov, p. 180, also maintains that "Kai" can be found in Modern Mongolic dialects in the meaning of "snake." In Classical Mongol the latter is moğai (Modern Mong. moğoi), see Lessing et al. MED, pp.541-542. In Starostin et al., EDAL, II, p. 932, under Altaic *mǰūko "snake," Proto-Tung. *mǰkū, Proto-Mong. *mogaj. In the modern Mongolic dialect forms recorded there no form *qai etc. is noted.

57. C.S. Littleton, L. A. Malcor, From Scythia to Camelot (New York, 2000), pp.195ff.

58. Kašğaro/Dankoff, II, p.268: бұқд "Large dragon... This word is used as a name for warriors, for example one of the Yabaqu chiefs was called бұқд будраç," see Clauson, ED, p.324; Sevortjan et al. ЁСТJaz (1978), pp. 211-212 "strongman, strong, hero" etc. Y. Зағбайыр, Орхун Үзятлариндан Гьньмьзе Туркије Тьркзесинин Сыз Варлығы Утукен Туркзе Сызлык (Istanbul, 2007), 1, p. 673. Starostin et al., EDAL, II, p. 932, connect Turkic buke "a big snake" with Altaic *mǰūko "snake" noted above. The presumed Altaic term for "dragon," *mǰudu (Starostin et al., EDAL, II, p. 931) is unrelated. O. Karatay, Bey ile Buyuc (Istanbul, 2006), pp.67-73, in a lengthy discussion, suggests that buke has its origins in the Middle Eastern Iranian (Median) world in connection with the royal bodyguard. In Central Eurasia, the term was transformed from a man into a beast. Dragons and their slayers figure prominently in Trans-Eurasian mythology, cf. K. Kershaw, The One-eyed God. Odin and the (Indo-) Germanic Mǰnnerbunde (Washington, D.C., 2000), pp. 61,91,181,182, 186, 235. Warriors in their battle fury were deemed to take on the power of beasts. On Yabaqu, Basmil and "Kai" relations, see Kljaštornyj, "Poloveckaja problema" in his Pamjatniki drevnetjurkskoj pis'mennosti, p. 529 and his "The Polovcian Problem (II)," AOH, 58/3 (2005), pp.245-246.

59. Ta'riħh-i Fakhru'd-Dħn Mubārakshħh, ed. E. Dennison Ross (London, 1927), Persian, p. 47.

60. Kašğaro/Dankoff, II, p.364, clearly a reference to himself. He gives another account which associates it with the Uyğur realm. Barsxan is located on the southeastern shore of Issıq Kūd. Kвšğaro's father was al-Ĥusayn b. Muħammad of the Qarakhanid royal clan, see the reconstruction of his background by in Pritsak, "Mahmud Kвšğaro Kimdir?" Turkiyat Mecmuası X (1953), pp.243-246.

61. Starostin et al., EDAL, II, pp.1264-1265: Altaic *sǰǰri Proto-Mong. *sira "yellow," Mong. šira, > Proto-Turk. *siarig "yellow, white"⁵ Old Turk. sariğ/sariğ; Sevortjan et al., ЁСТJaz (2003), pp.206-208. In Turko (Southeastern Turkic) sariğ/sariğ became sariq/sariq/seriq etc.

62. See forms in Clauson, ED, p. 848; V.M. Nadeljaev et al., Drevnetjurkskij slovar' (Len-ingrad, 1969), p.488.

63. Kljaštornyj, Savinov, Stepnye imperii, pp.140-142. He also holds open other possible linkages, e.g with the "Tujue-Sheli" which he suggests are the "Тьрк-Šari."

64. Klyashtornyj, "The Polovcian Problem" AOH 58/3 (2005), p. 245.

65. In several of Kвšğaro's listings of peoples (Kвšğaro/Dankoff, I, pp. 82, 83) the Yabvqu are placed next to the Qay, in the same order as the Islamic geographers list the Qun and Qay, cf. al-Boğyno, Kitvb al-Tafhom, ed. R. Wright (London, 1934), p. 145; Yvqyt, Mu'jam al-Buldħn (Beirut, 1955), I, p. 31.

66. Kljaštornyj, "Poloveckaja Problema" in his Pamjatniki drevnetjurkskoj pis'mennosti, pp. 529-530 and his "The Polovcian Problem (II)" AOH 85/3 (2005), pp. 245-247.

67. See, for example, O. Pritsak, "The Polovcians and Rus'" Archivum Eurasiae Medii Aevi 2 (1982), pp. 333-334, who equated the Proto-Mongolic Tatabı (i.e. Xi/Qay) with the Kimek and considered Šar to be the Kimek/ Tatabı (Proto-Mongolic) term for the

Qıpçaqs. See also the thorough survey in Stojanov, *Kumanologija*.

68. Pulleyblank, *Lexicon*, pp. 27, 212, 330.

69. Pulleyblank, *Lexicon*, pp. 36,181, EMC: *bjiaj̯h lat, LMC: *p̥h̥iaj̯` lat. On the complexi- ties of this name, which has had several transcriptions based on slightly different Chi- nese characters (e.g. Boma, Pulleyblank, *Lexicon*, pp. 41, 206: EMC paɪwk/pœ:wk, LMC pa:wk, EMC mai'/me:', LMC ma:' "dappled, piebald horse"), see A.G. Maljavkin, *Tan- skie xroniki o gosudarstvax Central'noj Azii* (Novosibirsk, 1989), pp. 322-325,nn. 949, 954-955.

70. See Maljavkin, *Tanskie xroniki*, p. 323n.951. Beiting is Bešbalıq in Eastern Turkistan.

71. Maljavkin, *Tanskie xroniki*, pp. 103-104; A. Taşağıl, *3in Kaynaklarına Güre Eski Turk Boyları* (Ankara, 2004), p.53. Elsewhere, A.Taşağıl, *Güç Türkler* (Ankara,1995-2004), II, p.44, locates them north of Lake Baikal and southeast of the Qırğız.

72. E. Chavannes, *Documents sur les Tou-kiue (Turcs) Occidentaux suivi de Notes Additionnelles* (Paris, 1941), pp. 28-29; Taşağıl, *Güç Türkler*, II, pp.66, 94. See also text and comments on the other tribes that had submitted in Maljavkin, *Tanskie xroniki*, pp. 104-105, 163n.233 (on the Chumukun),323-324n.954 (on the Poma), Jueyueshi. Aside from the Qırğız noted in this listing, none of the other tribes are fully identifiable. The Chu- mukun are a Western Turk tribe, see C.I. Beckwith, *The Tibetan Empire in Central Asia* (Princeton, 1987), p.38; H. Salman, "Basmillar ve Beşbalık Bulgesinin Diğer Turk Boyları" *Marmara Üniversitesi Fen-Edebiyat Fakültesi Dergisi* 6 (1990), pp. 165-166; See also W. Eberhard, *3in'in Şimal Komşuları* (Ankara, 1942), pp. 65-66.

73. H. Bielenstein, *Diplomacy and Trade in the Chinese World 589-1276* (Leiden, 2005), p. 406. Salman, "Basmillar" *Marmara Üniversitesi Fen-Edebiyat Fakültesi Dergisi* 6 (1990), p. 166, places them to the east of Chuguchak (Modern Tacheng in the Ili-Kazakh Autonomous Prefecture in Xinjiang) on the "Hopog River" (= Kobuk River).

74. Salman, "Basmillar" *Marmara Üniversitesi Fen-Edebiyat Fakültesi Dergisi* 6 (1990), p.181, considers them nomadic. Given their tree bark "houses," and their non-horse- borne hunting practices, perfectly adapted to a northern forest zone, this seems unlikely.

75. Pulleyblank, *Lexicon*, pp. 308, 184: 鐵勒 EMC *t̥het-lək; Clauson, ED, p.485, perhaps a rendering of *teğrek (Turk. teğrek "rim, ring" and hence "wheel") which may have been an Altaic term for "cart" (cf. Mong. tergen, telegen, terge). See also Starostin et al., EDAL, II, p. 1360 *teğō "round" Mongo. *tug/kurig, Turk. *deg-/ *dug-/ *dog-, Jpn. *tōnka, Kor. *thi-/ *thə- : Proto-Mong. *tugurig "round," Old Turk. tegirmi "circle" Mod. Turk. Tat. tuguruk, Qırğ. tegerek "round" etc. There is also (II, p. 1433) *t'ior̥ko "carriage": Tung. *turki, Mong. *terge, Kor. tarky: Proto-Mong. *terge "vehicle."

76. See P. Boodberg, "Three Notes on the T'u-ch'eh" in *Selected Works of Peter A. Bood- berg*, ed. A. Cohen (Berkeley, 1979), pp. 354, 356; J. Hamilton, "Toquz Oguz et On Uyyur" *Journal Asiatique* (1962), pp. 25-26; Pulleyblank, "The Chinese and Their Neighbors" in Keightley (ed.), *The Origins of Chinese Civilization*, p.448; K. Czegludý, "From East to West: The Age of Nomadic Migrations in Eurasia" *Archivum Eurasiae Medii Aevi*, 3 (1983), p. 64.

77. See overview of this in Golden, *Introduction*, pp.92-99. For a fuller discussion of these differences and the changes produced in Čuvaš, see B. Scherner, *Arabische und Neuper- sische Lehnwörter im Tschuwaschischen* (Wiesbaden, 1977), pp.9ff.; A. Ryna- Tas, *Bevezetys a csuvas nyelv ismeretybe* (Budapest, 1978), pp. 82ff. and M.R. Fedotov, *Čuvašskij jazyk* (Čeboksary, 1996), pp. 82ff.

78. Kašğaro/Dankoff, I, p. 84.

79. See J. (Gy.), Nymeth, "Zur Kenntniss der Petschenegen" *Körusi-Csoma Archivum* I (1922), pp. 219-225 and his *Die Inschriften des Schatzes von Nagy-Szent-Miklys in Bib- liotheca Orientalis Hungarica* II (Budapest, 1932), pp. 50-59; Ligeti, *A magyar*

nyelv türk kapcsolatai, p.362. On the varying viewpoints, see Gy. Gyurffy, "A besenyők nyelve" in his *A magyarság keleti elemei* (Budapest, 1990), pp. 171-172. F. Bayat, *Türk Dili Tarihi* (Ankara, 2003), pp.91-92, is more inclined towards viewing it as Oğuz in character. N.A. Baskakov, *Vvedenie v izučenie tjurkskix jazykov* (Moskva, 1969), pp.252-257, termed it "Oğuzo-Bulgarian," seemingly a contradiction.

80. Kašgari/Dankoff, I, p.85.

81. O. Pritsak, *Die bulgarische Fürstenliste und die Sprachen der Proto-Bulgaren* (Wiesbaden, 1955), see summary on pp. 71-75; see also R. Tekin, *Tuna Bulgarları ve Dilleri* (Ankara, 1987).

82. Ligeti, *A magyar nyelv türk kapcsolatai*, pp.30-31.

83. Schünig, "Turkisch-Mongolische Sprachbeziehungen" *Ural-Altäische Jahrbücher* N.F. 19 (2005), pp.132ff. See also a briefer version of his study: "Turko-Mongolic Relations" in J. Janhunen (ed.), *The Mongolic Languages* (London, 2003), pp. 404-410; Janhunen, *Manchuria*, pp. 187-189.

84. Janhunen, *Manchuria*, pp. 135-138, 146-147. Schünig, "Türkisch-Mongolische Sprachbeziehungen" *Ural-Altäische Jahrbücher* N.F. 19 (2005), pp.140-141, takes these contacts back to the second century CE and places the "Pre-Proto-Mongolic Peoples" south of the Turkic peoples, in the steppes north of the Chinese borders. This was territory that had been under the Xianbei who are usually identified as Early Mongolic or perhaps, indeed, "Pre-Proto-Mongolic." The Xianbei, however, had control over substantial parts of Mongolia during their brief "imperial" period (second century CE when they eclipsed the Xiongnu), but were rather more associated with Western Manchuria, see Janhunen, *Manchuria*, p. 184.

85. Liu Mau-tsai, *Die chinesische Nachrichten zur Geschichte der Ost-Turken (Türk)* (Wiesbaden, 1958), I, p. 128, II, pp. 569-570. On the Sui shu, see Wilkinson, *Chinese History*, p. 504.

86. Priskos in R. C. Blockley (ed. trans.), *The Fragmentary Classicizing Historians of the Later Roman Empire. Eunapius, Olympiodorus, Priscus and Malchus* (Liverpool, 1981, 1983), II, pp. 344/345, 352/353; Golden, *Introduction*, pp.92ff.

87. Wilkinson, *Chinese History*, p. 504.

88. Maljavkin, *Tanskie xroniki*, p. 104; Bielenstein, *Diplomacy*, p. 407; Salman "Basmillar" *Marmara Üniversitesi Fen-Edebiyat Fakültesi Dergisi* 6 (1990), p. 166.

89. Tarqan is a title of some antiquity. V.I. Abaev, *Istoriko-ïtimologičeskij slovar' osetinskogo jazyka* (Moskva, 1958-1989), III, p. 276, dates it back to the Scythians. A. Alföldy, *Die Struktur des voretruskischen Rümerstaates* (Heidelberg, 1974), pp. 181ff., wanted to identify it with the Etruscan Tarquinius.

90. Chavannes, *Documents* pp.18-19.

83. Pulleyblank, *Lexicon*, pp. 312, 208, 69, 113, 92, 203, 47.

84. Clauson, *ED*, pp.539-540.

85. Chavannes, *Documents*, pp.18-19 (*Notes Additionnelles*); Taşağıl, *3in Kaynaklarına Gure Eski Turk Boyları*, p. 53.

86. On the Sir and Tarduš, see, in brief, Golden, *Introduction*, pp. 144-145. On the Sir > Qırçaq question, see Kljaštornyj, Savinov, *Stepnye imperii*, pp. 125-134.

87. Salman, "Basmillar" *Marmara Üniversitesi Fen-Edebiyat Fakültesi Dergisi* 6 (1990), pp.168-171.

88. Tekin, *Orhon Yazıtları*, p.46; B. Брбд, *Szavaimat jyl halljbtok... A Türk iis Ujgur govbnhbsok emlihek kritikai kiadbsa* (Szeged, 2004), pp. 113/164: bas^mml pñwq qut uŋwšwm boðwn drDi. Clauson, *ED*, p. 96: uğuš "in the early period a population unit smaller than a tribe or a clan but larger than a single unitary family." He translates this passage as "the Basmil and their İdukkut were my family and people."

89. Clauson, *ED*, p.46.

90. Liu, *CN*, I, p. 156; İ. Togan, G. Kara, C. Baysal, *3in Kaynaklarında Turkler. Eski T'ang Tarihi (Chiu T'ang-shu)* (Ankara, 2006), p. 35. *The Jiu Tang shu* by Liu Xu,

compiled 940-945.

91. Bielenstein, *Diplomacy*, p. 407.

92. Liu, CN, I, pp. 173-175, 225-226; Togan, et al., *3in Kaynaklarında Türkler*, pp. 54-55, 296-298 (commentary); Taşağıl, *Güçtürkler*, III, pp. 89-90; Beckwith, *The Tibetan Empire*, p. 92; Salman, "Basmillar" *Marmara Üniversitesi Fen-Edebiyat Fakültesi Dergisi* 6 (1990), pp. 172-173. Pan Yihong, *Son of Heaven and Heavenly Qaghan: Sui-Tang China and its Neighbors* (Bellingham, WA, 1997), p. 276, places these events in 719 or 720. Of the "allies" that the Tang hoped to muster for an attack on the Turks, only the Basmil showed any willingness to actually participate.

93. N.A. Aristov, *Zametki ob iŭniĉeskom sostave tjurkskix plemen i narodnostei i svedenija ob ix ĉislenosti in Živaja Starina vyp. III-IV* (1896), pp. 277-445, reprinted (with different pagination) in his *Trudy po istorii i ytniĉeskomu sostavu tjurkskix plemen* (Biškek, 2003), see there pp. 185-186. Aristov, however, confuses Basmil, which he suggests is Basmil, with the late Byzantine term *basmoulos/gasmoulos* which denoted someone of mixed Byzantine Greek and non-Greek blood. Curiously, Bartol'd *Dvenadcat' lekcij* and in his *Istorija turecko-mongol'skix narodov*, both in his *Soĉinenija*, V, pp. 44, 207, follows him. *Basmoulos/Gasmoulos* is actually of Latino-Old French origin: *gars* (Medieval Latin *garso*, *garzo* "mercenary soldier, attendant, boy" + Lat. *mulus* "mule," see I.N. Kazazks, T.A. Karanastask, *Epitomk tou Leksikou tks Mesaiŕnikks Ellknikks Dkmfhdous Grammateias 1100-1669* (Thessalonik, 2001), I, pp. 238, 269. It is a term that developed in the Byzantino-Crusader world.

94. Taşağıl, *3in Kaynaklarına Güre Eski Türk Boyları*, p. 53.

95. Liu, CN, p. 261, has the year 744; Togan et al., *3in Kaynaklarında Türkler*, pp. 61-62, 317-319 (commentary), correctly places these events in 742; Taşağıl, *Güç Türkler*, III, pp. 57-59, 74-77 (from both the *Jiu Tangshu* and the *Xin Tangshu*). See also Beckwith, *Tibetan Empire*, p. 126; Pan, *Son of Heaven*, p. 278. Maljavkin, *Tanskie xroniki*, pp. 172-173, notes a passage from the *Xin Tanshu* according to which the Basmil ruler, after his victory over the Turks took the title *Hela Pijia* *lap see Pulleyblank, *Lexicon*, pp. 123, 181]. Pijia regularly transcribes Turk. Bilge. The Tang (see Bielenstein, *Diplomacy*, p. 407) gave him the title *Xiedieyishi* (Pulleyblank, *Lexicon*, pp. 341, 79, 365, 282, EMC $\gamma\epsilon\tau\ \text{det}\ \text{?ej}\ \text{ci}\acute{\epsilon}/\text{ci}$, LMC $x\acute{h}j\text{iat}\ \text{t}h\text{iat}\ \text{?ji}\ \text{?i}$). According to one version of the *Xin Tangshu*, he was subsequently killed by the *Qarluqs* and *Uyğurs*. There are a number of names/titles noted for this ruler, see Maljavkin who further notes that *Hela* in one form or another is found only in the titulature of the Basmil and *Türgeş* rulers and as a toponym in *Türgeş* lands. He is inclined (*Tanskie xroniki*, pp. 324-325 n. 955) to read it as Turk. *ala* "piebald" and reconstructs *Hela Pijia* *Kehan* as *Ala Bilge Qağan. This seems highly unlikely as a royal title.

96. Pulleyblank, *Lexicon*, p. 282.

97. Maljavkin, *Tanskie xroniki*, p. 41. Maljavkin, *Tanskie xroniki*, commentary, pp. 171-2, while noting earlier views that considered *Ashina Shi* to have been a member of the *Ashina* clan, disagrees. He believes that the name was granted to the Basmil ruler for his services to the Turk state, just as the Tang awarded the imperial family name, *Li*, to "barbarians" servitors of the empire. As we have seen, however, the Basmil rulership had long been in *Ashina* hands. See also Taşağıl, *Güçtürkler*, III, pp. 74-77; Bielenstein, *Diplomacy*, p. 419.

98. Maljavkin, *Tanskie xroniki*, pp. 322-323 n. 950 argues that *Beiting* was the name of a Turk court that moved around. Is not used here as the name of a city – or the later city associated with *Bešbaliq*.

99. Maljavkin, *Tanskie xroniki*, p. 104.

100. J.R. Hamilton, *Les Ounghours a lupoque des cinq dynasties d'après les documents chinois* (Paris, 1955), p. 139

101. Брѣд, *Szavaimat jyl halljōtok*, pp. 277/293: *basmil yaŕpōp dβimw̄ barōp ann iĉ°γdm̄dōim*; T. Moriyasu, A. Ochir (eds.), *Provisional Report of Researches on*

Historical Sites and Inscriptions in Mongolia from 1996 to 1998 (Osaka, 1999), p.180: basmnl yaḡndḡr dḡimdg̃ bardḡ anḡ iḡdḡmḡdim /Eng. trans. p. 184: “Becoming my enemies, the Basmnlḡ came toward my (royal) tent. I could not subdue them.”

102. Брḡḡd, Szavaimat jyl halljḡtok, pp.279-280-297/296: anda yaḡ^oḡarw basmnl qarlwq yoḡ boldḡ; Moriyasu and Ochir, Provisional Report, pp. 181/185: “from there to the frontier of my realm, the Basmnl and Qarluḡ people disappeared.”

103. A collection of documents compiled by Wang Pu (922-982), see Wilkinson, Chinese History, p. 522.

104. E. Pulleyblank, “Some Remarks on the Toquzoghuz Problem” Ural-Altische Jahrbḡcher 28/1-2 (1956), pp. 39-40. For the Jiu Tangshu, see also Chavannes, Documents, pp. 93-94.

105. M. R. Drompp, Tang China and the Collapse of the Uighur Empire (Leiden, 2005), p. 29.

106. Kljaštornyj, “The Polovcian Problem (II)” AOH, 58/3 (2005), p. 245. Salman, “Basmillar,” Marmara Universitesi Fen-Edebiyat Fakultesi Dergisi 6 (1990), pp.178-180, is of the opinion that substantial numbers of Basmnlḡ remained in the Beḡbaliḡ region whence they were a threat to the Muslim Karakhanids. Others had remained in their earlier Hopog (Kobuk) River homeland.

107. See Golden, Introduction, p. 163. A number of other titles were used as well, but Idiqut was most commonly used in the later history of this state, see A. von Gabain, Das Leben im uigurischen Kḡnigreich von Qoḡo (850-1250) (Wiesbaden, 1973), pp. 68-69

108. N. Poppe, Grammar of Written Mongolian (Wiesbaden, 1974), p. 48.

109. G.J. Ramstedt, Einfḡhrung in die Altaische Sprachwissenschaft (Helsinki, 1952, 1957, 1966), II, p. 108, noting Ḳuv. utmḡl “sixty”, Com. Turk. altmiḡḡ, Ḳuv. ḡitmḡl “seventy” Common Turk. yetmiḡḡ, see also N.A. Baskakov, Altajskaja sem’ja jazykov i ee izuḡenie (Moskva, 1981), pp. 73-74; M. Erdal, Die Sprache der wolgabol- garischen Inschriften (Wiesbaden, 1993), p. 125; Fedotov, Utimologiḡeskij slovar’ ḡuvaḡskogo jazyka, II, pp.124-125, 295-296. G. Clauson, Studies in Turkic and Mongolic Linguistics (1962, reprint: London, 2002), p.155, notes -miḡḡ/-miḡḡ as a “conjugational suffix (reported perfect participle),” used also as a “predicative noun.” T. Tekin, A Grammar of Orkhon Turkic Indiana Universtiy, Uralic and Altaic Series, 69 (Blooming- ton, Ind.- The Hague, 1968), p. 114, describes it as a deverbal noun suffix “denoting agents and actions.” See also discussion of this suffix in A.N. Kononov, Grammatika jazyka tḡurkskix runiḡeskix pamjatnikov (VII-IX vv.) (Leningrad, 1980), pp. 120-125, 188-189, 192; M. Erdal, A Grammar of Old Turkic (Leiden, 2004), pp. 220 (in numer - als), 239, 268-270, 296-298 (its usage in Uyḡur is similar to the usage of the suffix – ḡan/-gen in Qipḡaq etc.), 421.

110. See discussion in H. Eren, Turk Dilinin Etimolojik Suzluḡu (Ankara, 1999), pp.451-452. Fedotov, Ḳuvaḡskij jazyk, p.340.

111. See discussion of the “Lambdacism” question with regard to the Oḡuric loanwords in Hungarian in Ligeti, A magyar nyelv tḡurḡk kapcsolatai, pp. 16-17, 93-95; T. Tekin, Ma- kaleler I, Altayistik (Ankara, 2003) also devoted a number of articles to this question.

112. See the judicious remarks of A. Ryna-Tas, “Western Old Turkic” in L. Johanson et al. (eds.), The Mainz Meeting. Proceedings of the Seventh International Conference on Turkish Linguistics August 3-6, 1994 (Wiesbaden, 1998), pp. 618-626, who suggests that it was the migration to the western Eurasian steppes, away from the Old Turkic core lands in Inner Asia, that halted and in effect froze a variety of changes that were occurring in some of these languages, but had not yet been fully carried out. This left the process incomplete.

113. Lessing et al. MED, pp.90, 93; M. Rdḡdnen, Versuch eines etymologischen Wḡrterbuchs der Tḡurksprachen (Helsinki, 1969), p. 64 (Turk. bas- “drucken, pressen” ~ Mong. basu “beleidigen, bedḡcken”); Fedotov, Ÿtimologiḡeskij slovar’ ḡuvaḡskogo jazyka, I, pp. 448-449, cf. Ḳuv. pus-/pos- “davit’, pridavit’, nadavlivat’ naḡimat’;”

Sevortjan et al., USTJaz (1978), pp.74-78; Clauson, ED, pp. 370-371; Zağbayır, Utuken Turkze Suzluk, 1, p.480. Starostin et al., EDAL, II, pp.1079-1080, derives Turkic bas “to press” from Altaic *pāsi- “to press, pinch.”

114. See Nïmeth, HMK, pp.56-101 for the different semantic categories used in Turkic tribal names.

115. Lezina, Superanskaja, Slovar’- spravočnik tjurkskix-rodoplemennyx nazvanij, I, p. 224; R.G. Kuzeev, Proisxoždenie baškirkogo naroda (Moskva, 1974), pp. 80, 120, 466, 509. Among the Qırğız, they belong to the Qıpçaq subgrouping, see M. Kalkan, Kirgizlar ve Kazaklar (Istanbul, 2006), p. 197.

116. Lezina and Superanskaja, Slovar’- spravočnik, pp. 80, 149.

117. R.C. Blockley (ed. trans.), The History of Menander the Guardsman (Liverpool, 1985), pp.116/117-118/119, 264n.129 (commentary) and Chavannes, Documents, pp. 235-237, R. Giraud, L’empire des Turcs çilestes (Paris, 1960), pp.181-182; Taşağıl, Guk-Türkler, I, p. 33.

118. Blockley, Menander, pp. 120/121. 119 Pulleyblank, Lexicon, pp. 145, 179.

120. Fedotov, Utimologičeskij slovar’ čuvaškogo jazyka, II, pp.462-463: Old Čuv.*šarı, šariğ. Cf. Hungarian sōrga [šbrga] “yellow” (Ligeti, A magyar nyelv turuk kapcsolatai, pp. 18, 37, 95), which may point to an Oğuric dialect other than the one(s) that lay at the basis of Čuvaš.

121. P.B. Golden, Khazar Studies (Budapest, 1980), I, pp.239-243 and his “Khazarica: Notes on Some Khazar Terms’ Turkic Languages 9/2 (2005), pp.208-209. A reading “Sarkel” is also possible. See also I.G. Dobrodomov, “Tjurkskaja toponomika v “Povesti vremen-nyx let”” in A.T. Kajdarov (ed.), Tjurkskaja onomastika (Alma-Ata, 1984), pp.132-133.

122. Priskos in Blockley (ed. trans.), The Fragmentary Classicizing Historians of the Later Roman Empire. Eunapius, Olympiodorus, Priscus and Malchus, II, pp. 344/345, 352/353; Nïmeth, HMK, pp. 104, 138-140.

123. Cf. Middle Qıpçaq quw (R. Toparlı, H. Vural, R. Karatlı, Kıpzak Turkzesi Sızlığb (An-kara, 2003), p. 166) quw “soluk, uzuk sarı” (pale, faded, pale yellow), going back to Old Turk. quba “pale, pale yellow, pale grey” (Clauson, ED, p. 581), cf. also quwu > *qy + -n, A.I. Ponomarev, “Kuman-polovcy” Vestnik drevnej Istorii (1940) No.3/4, pp. 366-370; J. Numeth, “Die Volksname quman und qun” Kōrūsi Csoma Archivum 3 (1940), pp. 95-109, See overview in Golden, “The Shaping of the Cuman-Qıpchaqs” in Schmider, Schreiner (eds.), Il Codice Cumanico, pp.257-258, 270-272: qun > qun+man = Quman. Pritsak, “The Polovcians and Rus” AEMAE 2 (1982), pp.328-331, derives “Qum̄n from quba + -n, with the m ~ b alternation well known in Turkic, which he renders as “[people of] the pale/pallid [steppe/desert].” See Stojanov, Kumanologija, pp.48ff. for an summary of the various theories.

124. Polnoe sobranie russkix letopisej (Moskva-St. Peterburg/Petrograd/Leningrad, 1843- 2002), I, cc.250, 281-282, III, p. 190; K’art’lis C’xovreba, ed. S. Qauxč’išvili (T’bilisi, 1955), I, pp. 335-337 on the migrations of the Qıpçaqs of Otrok/A’trak’a Šarağanis dze (*Цтрук/Дтрук, son of Šaraqan/Šarağan). See also N.A. Baskakov, Tjurkskaja leksika v “Slove o polku Igoreve” (Moskva, 1985), pp. 87 (for Otrok/Otrak/Atrak), 147-149 (on Šarağan). Kljaštornyj, “The Polovcian Problem’ AOH 58/3 (2005), p. 247, says that Asen’ (< Ašina) was the father of Šarukan, providing, thus, a royal lineage. However, it is not all clear that such a relationship existed. We know the names of Šarağan’s broth-ers, son and grandson (the famous Kınček), but not that of his father. Moreover, other explanations for Osen’/Asin’ (e.g. Turk. дсдн “healthy”) are possible, see Baskakov, Tjurkskaja leksika, p.81. O. Pritsak, “The Turkophone Peoples in the Area of the Cauca- sus from the Sixth to the Eleventh Century” in Il Caucaso: Cerniera fra culture dal Mediterraneo alla Persia (secoli IV-XI) in Settimane di Studi del Centro Italiano di Studi sull’alto Medioevo XLIII (Spoleto, 1996), pp. 230-231, views the name Šarūqan as being of Proto-Mongolian origin and compares it with a certain Siraqan [Šaraqan], one

of the supervisors of the night guards of Ugedei Qağan noted in the Secret History (de Rachewiltz/Secret History, I, p. 209. Siraqan, however, means “yellowish” in Mongol (siraxan [širaqan], Modern Mong. šarxan) and would hence be unrelated.

125. The Oğuric form is preserved in Hungarian, *sörköny* (šbrkvñ) “dragon,” see Ligeti, *A magyar nyelv török kapcsolatai*, pp. 14,15, 37, 118. This connection was tentatively made by K.H. Menges, *Vostočnye ělementy v “Slovo o polku Igoreve”* (Leningrad, 1979), p. 172, a Russ. translation, with additions, of his “The Oriental Elements in the Vocabulary of the Oldest Russian Epos, the Igor’ Tale” Supplement to Word, Mono- graph No. 1, New York, 1951); Pritsak, “Polovcians and Rus’”, *AEMAE* 2 (1982), p. 335 (who confusingly equates Šbr with Tatabı, “yellow”, pale” and then renders the name as “dragon” based on the Hungarian), see also P.B. Golden, “Polovci Dikii” *Harvard Ukrainian Studies III-IV* (1979-1980), p. 306n.54 and discussion in Baskakov, *Tjurk- skaja leksika*, pp.91, 147-149. Baskakov ultimately connects it with Turk. šora/čora de- noting “first-born son of a prince, a future fellow warrior in combat” or “a being with suppurating eyes, a being who wets the bed” which he notes was a name given to children born in the Year of the Pig in the twelve-year animal cycle calendar.

126. O. Pritsak, “From the Šdbirs to the Hungarians” *Hungaro-Turcica. Studies in Honour of Julius Nĕmeth* (Budapest, 1976), p. 28; Dobrodomov, “Tjurkskaja toponomika” in *Kaj- darov* (ed.), *Tjurkskaja onomastika* pp. 138, 140-141.

127. Axinžanov, *Kypčaki*, pp. 133-135.

128. Opa appears in the names of a number of Cumano-Qıpčaq tribes, clans and chieftains, e.g. Altunopa, Arslanopa, Ayopa, *Čengir-opa (perhaps Čengir-apa), Itoba, Qitanopa, Toqsoba etc. (see P.B. Golden, “Cumanica IV: The Tribes of the Cuman-Qıpčaqš” *Archivum Eurasiae Medii Aevi* 9 (1995-1997), pp. 108ff. Kašgaro/Dankoff, I, p. 122, knows oba “tribe” only as an Oğuz term. Clauson, ED, pp.5-6, defines oba as the “name of a small social unit, possibly ‘clan’, but prob. even smaller, ‘extended family’ and the like, from this the word came to mean ‘the dwelling place of such a unit, small encamp- ment or large tent’” etc. It appears in the ED to be limited to Oğuz and Turko. See also Zağbayır, *İtken Turkze Suzluk* 4, pp.3579-3580; Sevortjan et al., *İSTJaz* (1974), pp.400-401, who also note opa in Uyğur and concludes that it may be “an old borrow- ing” in Oğuzic and Uyğur. Starostin et al., EDAL, II, p.1059, however, take it back to Altaic *ōp’V “clan, family”: Mong. *obug,; Turk. *ōpa.

129. P.B. Golden, “The Černii Klobouci” in B. Berta, B. Brendemoen, C. Schunig (eds.), *Symbolae Turcologicae. Studies in Honour of Lars Johanson* (Swedish Research Insti- tute in Istanbul, Transactions vol. 6 (Uppsala, 1996), p.101.

130. See J. Moravcsik, *Byzantinoturcica* (2nd ed., Berlin, 1958), II, p. 316. The name remains unetymologized, see L. Rōsonyi, “Kuman İzel Adları” *Türk Kültürü Arařtırmaları III- IV* (1966-1969), p.134 and omitted from Rōsonyi and Baski, *Onomasticon Turcicum*. The latter, II, p. 789, however, notes tuğur “a horse of medium worth” among a variety of meanings for this name (e.g. “a doe which will not foal anymore,” “stand for a hunting bird”). This name may be possibly connected with one of these meanings. See also Baskakov, *Tjurkskaja leksika*, p.90. In the new edition of Rōsonyi’s “Kuman İzel Adları” in L. Rōsonyi, *Doğru Avrupaada Tırklık*, ed. Y. Gedikli (Istanbul, 2006), the editor has added a note (p. 253) suggesting that this name can derive from the verb attested in Old Uyğur toğur- (see Clauson, ED, p.472, denoting the idea of “traversing” amidst difficulty, doing something precipitously or in a “slapdash” manner) which he renders as “attacking” (“saldıran, taarruz eden, һсьм eden”). The extant Middle Qıpčaq texts only know toğur- (doğur-, tovur-, tuvur-) in its more familiar meaning “to give birth,” see Toparlı et al., *Kıpçak Türkzesi Suzlğğ*, p.279.

131. B.N. Putilov, *Byliny* (Leningrad, 1957), pp.98-99 in the bylina of “Alıša Popovič i Tugarin.” There are other tales involving Zmej Gorynynyč or simply Zmej (with whom the hero Dobrynja fights, see Putilov, *Byliny*, pp. 102-111. See V. Ja. Petrušin et al. (eds.), *Slavjanskaja mifologija* (Moskva, 1995), pp. 197-198 on Zmej Gorynynyč.

132. V.I. Čičerov (comp.), *Russkie narodnye byliny* (Moskva, 1958), p. 130.
133. Indeed, there is also a human-appearing creature, with dragon characteristics termed *Ognennyj zmej* (“Fiery Dragon/Snake”) well known in Common Slavic folklore, see Petrušin et al. (eds.), *Slavjanskaja mifologija*, pp. 91-92, 196-197, 283-284.
134. V.V. Boguslovskij, *Slavjanskaja ĩnciklopedija*. *Kievskaja Rus’-Moskovija* (Moskva, 2001), I, p. 442. According to the local tales, the walls were connected with the folk hero Nikita Kožemjaka (“the tanner, hide-preparer”).
135. B.A. Rybakov, *Drevnjaja Rus’. Skazanija, byliny, letopisi* (Moskva, 1963), pp. 101-104. 136 Golden, “*Polovci Dikii*” *HUS*, III-IV (1979-1980), pp.296-309.
137. P.B. Golden (ed.), *The King’s Dictionary. The Rasulid Hexaglot*, trans. T. Halasi-Kun, P.B. Golden, E. Schutz and L. Ligeti (Leiden, 2000), p. 221
138. F. Steingass, *A Persian-English Dictionary* (1892, reprint; Beirut, 1970), p. 1439
139. Kašġaro/Dankoff, I, p. 271, II, p. 228.
140. Clauson, ED, p. 776.
141. Erdal, *Die Sprache der wolgabolgarischen Inschriften*, pp. 10-12.
142. In the second edition of the HMK, pp. 57-58, Numeth suggested that, like Hun, Qun derived from a term denoting “human being.” Kljaštornyj and Savinov, *Stepnye imperii*, p. 142, equate it with the Hun noted in the Chinese sources. These Hun 渾 (Pulleyblank, *Lexicon*, p. 136: EMC ɣwən, LMC xɦun “muddy, turbid, chaotic, stupid”) are listed among the Tiele/Toquz Oġuz tribes of the Turk era, see H.W. Haussig, “Theophylakt’s Exkurs iber dies Skythische Vułker” *Byzantion* XXIII (1953), pp.347-348; J.R. Hamilton, *Les Oungours*, p. 2 and his “Toquz Oguz et On Uyġur” *Journal Asiatique* (1962), p.27. Whether these are indeed the Qun or a people bearing a similar-sounding name is unclear.
143. The Turkic suffix -man/-men, used also in names based on color, denotes “similarity to the content of the base.” It has the general sense of being like, “-ish” (See M. Erdal, *Old Turkic Word Formation. A Functional Approach to the Lexicon* (Wiesbaden, 1991), I, pp.73-74. Quman = “pale-like,” see n. 123.
144. Minorsky/Marvazo, pp. 6, 30/Arabic, p. 18, 101, 104.
145. Ĥudud/Minorsky, p.101, see also Golden, *Introduction*, p. 273. The Pečenegs by this time were already in the Pontic steppes.
146. Numeth, HMK2, p. 97, suggested that it meant “furious, suddenly angry, someone who is angry with everything,” but this is based only a a word found in the Siberian Sagay Turkic.
147. The older notion that Yimek represented a later form of the ethnonym Kimek (with a k-> 0 shift: Kimek > ĩmek > Yimek, seems unlikely. The shift ki-> i is, otherwise, not at- tested in Middle Qıpġaq, see discussion in P.B. Golden, “Notes on the Qıpġaq Tribes: Kimeks and Yemeks” in Y. Halazoġlu et al. (eds.), *Turks* (Ankara, 2002), I, pp. 660-665.
148. Kašġaro/Dankoff, I, pp. 82, 83.
149. Kašġaro/Dankoff, I, p. 129 (the Ĥrtiř River which is “in the steppes of Yemġk) and p.260 (Ĥrtiř Suwı Yemġk “the Yemġk of the Irtys River”).
150. Kašġaro/Dankoff, I, p. 260, II, p. 167.
151. PSRL, I, c. 389.
152. Kašġaro/Dankoff, II, p. 343. 153 PSRL, I, c.162.

Tileubergenov Yerazak¹

¹Candidate of Jurisprudence, Associate Professor
of the Abai Kazakh National Pedagogical University

SOME ISSUES OF HISTORIOGRAPHY OF THE 1916 NATIONAL- LIBERATION UPRISING IN CENTRAL ASIA

The article reviews the historiography of the national uprising of 1916. The author analyzes the works of the researchers and comes to the conclusion that many works on the uprising are written on the basis of a great-power chauvinistic approach, and the Alash intelligentsia characterized this event as a national uprising, they considered the tsar's decree to be right and it's pursuance necessary. Researchers recognize that the 1916 uprising has a place in history as a part of the Kazakh people's struggle for political independence and national statehood.

Keywords: uprising, historiography, Central Asia, struggle for independence, Kazakh people.

Тілеубергенов Еразак¹

заң ғылымдарның кандидаты, доцент

¹Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті

ОРТАЛЫҚ АЗИЯДАҒЫ 1916 ЖЫЛҒЫ ҰЛТ-АЗАТТЫҚ КӨТЕРІЛІСТІҢ КЕЙБІР ТАРИХНАМАЛЫҚ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Мақалада 1916 жылғы ұлт-азаттық көтерілістің тарихнамасына шолу жасалған. Көтерілістің оқиғаларын талдауда автор ұлы державалық шовинистік көзқарастар үстем болғаны, Алаш зиялыларының бұл көтеріліс Ресей империясының отаршылдығынан құтылуға ұмтылған бағытталған ұлттық көтеріліс ретінде сипаттағанын, патша жарлығына қарсылықсыз көну керек деген пікірдің дұрыстығын дәлелдеген. 1916 жылғы көтеріліс қазақ халқының саяси тәуелсіздік және ұлттық мемлекеттілік үшін күрес ретінде тарихта орны бар екенін зерттеушілер мойындағаны көрсетілген.

Кілт сөздер: көтеріліс, тарихнама, Орталық Азия, тәуелсіздік үшін күрес, қазақ халқы.

Тілеубергенов Еразак Манапович¹

кандидат юридических наук, доцент

¹Казахский национальный педагогический университет имени Абая

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ НАЦИОНАЛЬНО- ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ВОССТАНИЯ 1916 ГОДА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В статье сделан обзор на историографию национально-освободительного восстания 1916 года. Автор анализирует труды исследователей и приходит к выводу, что многие работы написаны на основе великодержавного шовинистического подхода, а Алашская интеллигенция характеризовала данное событие как национальное восстание, считала указ царя правильным, а его выполнение необходимым. Исследователи признают, что восстание 1916 года занимает место в истории как часть борьбы казахского народа за политическую независимость и

национальную государственность.

Ключевые слова: восстание, историография, Центральная Азия, борьба за независимость, казахский народ.

It is known that only one or two years ago the 100th anniversary of the 1916 uprising was celebrated. Depending on the history of the uprising in Kazakhstan, neighboring Kyrgyzstan, Uzbekistan, Russia, etc. various public events and scientific conferences were organized in the countries. Many articles and publications have been published in the mass media. This activity shows that the 1916 uprising attracts a great interest in the scientific community and society, and the relevance of the topic has increased. Furthermore, a number of researchers and other speakers on the rebellion demonstrate that the history of the uprising has so far been ignored and they are unaware of the publication of research papers and articles, and unfortunately, among them we can find historians. Therefore, we would like to mention some of the historiographical bases of the 1916 uprising.

The wide-ranging review of the history of the 1916 uprising, the scientific research of its causes and consequences, its nature, etc., began to be actively carried out in 1920-1930. During this period a number of works related to this topic were published. T. Ryskulov wrote in his large article in 1924 that «it is a rebellion against the colonial oppression of the hundreds and thousands of exploited people, who are cruelly exploited by this cruelty», with reference to the causes, consequences and character of its origin (Ryskulov T.).

A. Miklashevsky's commentaries that the revolt in 1916 year «was directed against the tsarist administration as national struggle» in his article «Social Movement in 1916 in Turkestan», published in the «Byloe» Bulletin in 1924 (Miklashevskii A., 1924).

G.I. Brody in his work «Materials on the history of the uprising of the Kyrgyz in 1916» notes that the aim of tsarist government was destroyed the kyrgyz people and foreword the colonial policy of tsarism (Brodo G.I., 1924).

F. Bozhko said in his small book, «Resurrection in 1916, in Turkestan, «The Kyrgyz and Turkmen leaders, leaders of the tribes, led the rebellion to increase their reputation among the poor, under the influence of the poor». (Bozhko F., 1926). But the author does not pay attention that the people despite the social stratification were support this revolt.

Compared with that, the work of Chekeninsky in 1916, the 1916 uprising in Zhetysu, is of paramount importance. The researcher points out the reasons for the revolt, the nature and consequences of the revolt, and its attempt to better address its social, economic, political, and spiritual problems (Chekeninsky I., 1926).

A.V. Shestakov and A. Bukeikhanov in the article titled «Ten Years of Revolution of 1916 (1916-1926)» describing the problem of land in the core of the uprising wrote the following: «... all the land in Russia was in the hands of the rich. There were all of the land in the possession of the rich. Took the land of the rich and hijacked, killed, and began to burn his possession. That's way tsarist government relocated the Russian people to the Kyrgyz territory to save the rich. There is a rising struggle between the rich and poor class. The struggle was spread all of the lands. The Kazakh-Kyrgyz uprising of 1916 is the avalanche of this kind of fire. Who does not fights not reach freedom; If does not fights you and your family will not are free from slavery, save your cattle and yourself!» (Bukeikhanov F., 1926).

He said that freedom would not be achieved unless he set out to free himself. One of the Alash intellectuals, Dulatov wrote in the «Enbekshy Kazakh» newspaper on the decade of the uprising, referring to the problems of the Kazakh steppe in 1916: «... The Selected Soldier» went to the countries that opposed and began to paint the Kazakh steppes in red blood. What would happen if the tsarist government had not broke up in less ten month, and there would no great revolution in Russia?» (Dulatov M., 1926).

K. Sarymoldayev: «Deportation of Kazakhs, negative phenomena in water use,

breakdown of lead roads, etc., it has been suggested that it influences the Kazakh economy and has led them to revolt against this exploitation and have led to the uprising (Sarymoldayev K., 1926).

In 1926 T. Zhurgenov published the article «The protest between town and village in the Kazakh rebellion of 1916» in the «Enbekshy Kazakh» newspaper. He wrote that the government's arbitrariness, capital slavery suffered all over the country of the Kazakhs, the whole of the Kazakh nation right has been violated (Zhurgenov T., 1926).

A.V. Shestakov's view of the events of 1916 is that «in some cases the upheaval mansions, the khan's control overpass the movement because of the feudal period» (Shestakov A.V., 1927). It is impossible to agree with him, because both the wealthy and the ordinary groups among the exiled people were interested in escaping colonialism.

Research in the early 1920s and early 1930s also identified the uprising of 1916 as an interethnic conflict. For example, T. Ryskulov, who wrote valuable works in the history of the revolution of 1916, writes the following: «... the events of 1916 have become more intense, and the anger of the local population is directed not only to the perpetrators but also to the peoples inhabiting the region» (Ryskulov T., 1927). Similar opinion was expressed by Kyrgyz activist Zh. Abdrakhmanov who pointed out in his article titled «Unforgettable anniversary (to 15th anniversary of revolt in Kyrgyzstan)», published in the Soviet Social Research Journal «Soviet Asia» in 1931. He states that «It's 15 years since the revolution of 10 August, 1916, when the Kyrgyz rebellion broke out». In this work he covers the uprising's origin, nature, leaders, and other issues (Abdrakhmanov Yu., 1931). By analyzing the reasons for the revolt, Yusuf Abdrakhmanov noted that the colonial system did not contribute to the cultural and spiritual development of the local people. On the threshold of the October Revolution Only 4% of Soviet people with a million population were literate. «Regarding the nature of the uprising, «the uprising of 1916 was a national revolt, despite the popular uprising. Firstly, it was anti-tsarist, the uprising was anti-Russian, and secondly, in the countries where there was no proletariat, all revolutionary movements were the peasants' revolutions, so it had a liberation-revolutionary character» (Abdrakhmanov Yu., 1931).

Such conclusions, of course, were not liked by the official ideology of the Soviet system. Therefore, in order to limit such views, in 1931, the Central Asia Bureau and Central Committee for Research and Development of the Central Asian Institute of Revolution published the theses to define the history of the 1916 uprising in Central Asia. It contains: «The successes of the socialist construction of the republics of Central Asia were won as a result of the many-year, stubborn revolutionary struggle of the working class with the imperialists, feudal lords, local bourgeoisie, the kulaks, under the leadership and support of the Russian proletariat. The uprising of 1916 was an important stage on this path». The most important direction in describing the preconditions, character, and driving forces of the 1916 uprising have been identified (Vosstanie 1916 goda, 1931).

This «directions» to mark the 15th anniversary of the uprising in 1931, after discussions were in line with Goloshchekin's opinion. This debate is characterized by its controversial, complex features. Then, the causes of the uprising, the character, the role of intellectuals and the importance of service, etc., in respect of matters S. Mendesheyev, I. Kailov, I. Kuramysov, Zh. Arystanov, Tazhibayev, D. Smirnov, Savinsky, Slesarev, Pavlov, and others. At the Archives of the President of the Republic of Kazakhstan was found verbatim report of this discussion on 20, 24 August and 7 October and it is introduced into scientific sphere for the first time.

Seitkali Mendeshiev, made the main report in this discussion, and the additional report was made by Ilyas Kabylov. S. Mendeshiev's subsequent fate is unknown, those working in the report of their data, but also that there is a shortage of local materials studied to say about the nature of the uprising in 1916, says: «That's why, Kazakhs uprising against the Russia imperialist politics can be recognized as a national-liberation movement. In terms of this approach to the uprising, it can be considered as a part of the coming revolution

in Russia».

In the appraisal of the events of 1916, great state chauvinism and nationalist views prevail. The chauvinists saw the uprising of the 1916 massacre as a revolt against the ignorant representatives of the local tribal leaders, and that it had no value for the overall revolutionary struggle. That's what the chauvinists said. In contrast, local nationalists oppose the 1916 uprising against the proletarian revolution, because there is no goal of a proletarian revolution, no liberation, and the 1916 uprising is a pure national liberation movement. This is the price of a disassembly. Both are incorrect. All this has to be denied today, and in the debate on this issue, comrades should express their views. I talked about how to handle events of 1916. This national liberation movement is an integral part of a mature ripe revolution. This uprising has taken place during the crisis of Russian imperialism» (President arhivi, 752 is).

One of the bolshevik marxist I. Qabylov one of the young people said the following: «The uprising of 1916 was the repetition of the October Revolution of 1917... In 1916, the entire nation for the first time in the history of the liberation struggle of the working masses, the system of exploitation and imperialism and their local medieval, rose against the rich and their ideologists of Alash Orda mass. They did not win in the 1916 uprising, but the victory of the October Revolution of Kazakhstan workers and without capitalism open the way for development of the socialist path» (President arhivi, p.18).

One of the participants in the discussion was Zh. Arystanov says: «That is why the uprising of 1916, first of all, the national liberation struggle, I think, secondly, it revolts against remains the Middle Ages, so that it was bourgeois-democratic, thirdly, internal class contradictions, the movement from bourgeois-democratic should be outgrew to proletarian revolution» (President arhivi, p. 24).

Turkestan peoples uprising in 1916, according to Bolsheviks in 1917, had nothing to do with the October Revolution. This is carried out by the uprising of the Russian imperial system in the region as a result of the colonial policy, against Russian colonization of Turkestan, their uprising was made in the name of freedom of the people.

Slicarev, who took part in the debate, refers to the uprising in Zhetysu, talking about some of the regional features of the uprising: "If you want to take part in the upsurge, you will have the opportunity to get back to the same places, but there is a nationalistic character. In the Turgay region, where is a state of repressions with the government, survivors. Here, Kuropatkin pointed to the fact that the colonialists, who had come to terms with the slaughter of both sides, (President arhivi, p., 35), claimed that they were destructive to the oppression of the peasantry.

It is interesting that about 3 thousand people died in Zhetysu district of Almaty, and 30 thousand people from the Kazakh population were killed. Talking about the reasons of this situation in the district, the total number in the area exceeded 150,000, leaving or moving away from each area. The result of the uprising for the Kazakhs in this part was horrific, and the Kazakhs, who were going to China, were plundered and slaughtered and even abandoned. «This is a devastating extermination, an extermination of the Kalmyk» said the Kazakh and Kyrgyz people, who, together with the rebellion, pointed out that the uprising had been violently overthrown by the Kazakhs and the Kyrgyz people, and that it was a conflict between the Russians and the Russians, comparing it with the "Kalmyks disappearing" acknowledges the existence of an ethnic conflict in the region during the uprising (President arhivi, p. 32, p. 43).

The speaker Pavlov said: «This is a growing wave of bourgeois-democratic, national liberation movement of the East and the oppressed in the colonial era. This movement has come to the forefront as well ... «- emphasized that the movement of 1916 was a common, intolerant, intrinsic movement with the nationalist movement of the Oriental people who were expelled from the colonial era, which began in 1905 (President arhivi, p. 44).

Then, Tazhibaev, who speaks, predominantly on class interests: «The true benefit of the 1916 uprising is that workers are able to understand their class goal ...» (President

arhivi, p.70).

Speaking at the debate on October 7, 1931, D., who made a report on the nature and driving forces of the 1916 uprising. Smirnov spoke about the nature of the general uprising and the views of the initial reporters and additional speakers: «This revolt was a national revolt against the tsar, in its nature and purpose; it is primarily the national peasant war, because the national bourgeoisie and intelligentsia were servicemen of Russian imperialism, betrayal.

Secondly, the uprising of 1916 was part of the civil and national liberation war in the epoch of imperialism and the proletarian revolution. So, both subjective and objectively, this movement was truly revolutionary. It is well-known that today's "opinion poll" is incompatible with recent studies (President arhivi, p. 68).

In the materials of the debate, the 1916 uprising was not a manifestation of interethnic contradictions, but rather as a social-class conflict of interests and, accordingly, a factor in preparing the society for the October Socialist Revolution.

The authors considered the uprising of 1916 as interethnic conflict in the 1930s. It was one of the most important phenomena of the history of the national movement against the Russian snap, «the uprising of 1916», «the autonomy of Kokand» and «actions of the Basmashys». ... The 1916 movement was generally a national movement. There was no such thing as a class struggle». «The real Bolsheviks themselves, even though they studied the revolt of the 1916 year, have not even found an illusion of class struggle among the people of Turkestan. ... The real Bolsheviks of the Russians who studied this uprising could not deny the fact that this movement had been popularized against Russia and the Russian nation in general» (President arhivi, p. 192-193).

There is no classic characteristic in the revolt of 1916 that the uprising was a national uprising of the Turkestan people seeking to escape the colonial rule of the Russian Empire, and the comprehensive study of its history began in the 1920s and 1930s. Therefore, it is desirable for us to give a fair estimate of the issues and views that have been made to the analysis and to the work of national intelligentsia who contributed to the study.

Subsequent historical events have proved the validity of the Alash movement's leaders' attitude to the royal decree. The revolts and upheavals on the whole territory of Kazakhstan, including Western Kazakhstan, did not give a complete result to the insurgents. The tsar's government thought beforehand and persuaded the Kazakhs to go to the home front with a certain amount of weapons. The mobilized guys started with the well-educated citizens and their condition. Many workers have come to terms with the soldiers in the battlefield, and have come to the forefront of the First World War, the political and economic state of Tsarist Russia. Most of them were young men in the western part of Kazakhstan. For a deeper understanding of the 1916 uprising, it is appropriate to emphasize the significance of the work of national intelligentsia, such as M. Chokay, B. Hayit, who had not been widely known before, due to severe censorship of the Soviet totalitarian regime.

In these works, the 1916 uprising is credited with the fact that a mass uprising against the rule of Russia is underlined by its colonial exploitation. Obtaining the independence by the Republic of Kazakhstan has allowed many of the controversial issues of the 1916 national liberation revolt and the «frauds» pages to be investigated in the context of history. In this regard, the peculiarities of the Kazakh aul, the attitude of the Kazakh people to the revolt, the degree of unification of various social groups following the proclamation of the tsar's decree, the circumstances of the rebels and their families leaving the country and their reasons, the fate of the young men and women. Many issues of the Kazakh people's history started to be written with a new look. K. Nurpeyisov described the events in Torgay and other parts of Kazakhstan as «the oppression for freedom»: «Strengthening of national and social oppression, worsening of the people's masses caused by the war, the rise in price and expanse, causing mass protests. The Rise of 1916 covered all areas of the vast region and became an all-Kazakhstani by its character. The revolt was against

colonization and the imperialist people were opposed to politics», he concludes.

The 1916 uprising in Kazakhstan is one of the brightest in the history of the liberation movement of the Kazakh people. The revolt took place during the heat of the world imperial war, in the conditions of a strong rise of workers and peasants in Russia. It was a blow to the Russian system of imperialism. Even though there was no unified leadership and organizational center of revolt, the events in Kazakhstan were interconnected and interacting with other regions.

Kazakh historian Professor Mambet Koygeldi says that the history of the uprising in 1916 has been under scrutiny. He thinks that the rebellion against the Decree of the President of the Russian Federation, Nicholas II, on the retirement of 400 thousand people from the «indigenous peoples» in Central Asia and Siberia, should not be describe in the frame only one country.

Looking at a narrow channel from a methodological-theoretical point of view was a mistake. Broad views, not even in the Central Asian space, but in the global context, should be considered in historical trends. At the same time, there was a tendency to wake up in Central Asia, Mambet Koygeldi said at an international conference dedicated to the 100th anniversary of the 1916 uprising in Astana.

Tolobek Abdyrakhmanov, a Kyrgyz historian, agrees with the opinion of a Kazakh researcher. He added that «the religious factor was unclear when it came to the 1916 Revolution in Central Asia, which impressed the religious situation as an indirect impetus for the local rebellion. For example, at that time only about 200 villages functioned in Kyrgyzstan. There was no restriction on church building. And for the construction of a mosque, a special colonel-governor's special permit was needed», said the Kyrgyz scientist.

Tolokbek Abdyrahmanov believes that the tsarist government of Russia is one of the reasons why the religious pressure on the Kyrgyz people has provoked the uprising against the 1916 Decree. It was during abstinence (oraza). Mullahs said that nobody has right to break the abstinence and young people set against.

And nowadays, during independence, this rebellion dictates his own conclusions

T. Omarbekov: «It is not a national liberation movement, it was tribal movement. The power of movement is Kazakh tribes. The reason for the disintegration of the Karkara uprising is the Albanian uprising. Two khans were elected in the Turgay rebellion. For example, the Kipchaks elected Abdugapar Khan. It is a tribal movement. Instead of liberating the people, they chose the khan. There was no man in charge of the center because of the division into the field. That is, there was no unity. If there was a national liberation movement, why did not Alash citizens manage it? And Alash figures have learned that this revolt can not overcome the national liberation struggle. They understand that Kazakhs can not win. This is just an uprising in the local area. The word «liberation» is introduced by the historians of the Soviet government. The «route» was fighting Russian colonialism. But they could not unite», says the historian (Omarbekov T., 2016). Depending on this point of view Koygeldiev said, «If the revolt of 1916 was «a national liberation» organized by the tribal, then such a conclusion was that in the 20th century, it was a retreat after the «national liberation movement» The question is whether or not it will go away. We understand that the uprising of 1916 is still a natural continuation of the nationalist liberation movement, which is being carried out for the state independence and territorial integrity of the Kazakh people, and it should be regarded as a historical movement of the nation, not the tribal basis. This approach does not contradict the historical reality. If the revolt of 1916 is considered a tribal, clan, then how should we evaluate the documents from Karkaralinsk petition in 1905, and the protest on religion and land in Uralsk and Turgay oblasts? In the text, these historic documents, which do not have tribal or clan motives, are a clear indication of national identity. That is, the documents of the program character were all the wishes addressed to the central government on behalf of the Kazakh nation ...» (Koygeldiev M., 2016), indicating that the uprising was a national

movement.

In his book, *The History of the Nation*, President Nursultan Nazarbayev wrote: «History can all be given, but independence can not be granted as a form of internal freedom. Independence is the only form of people's sense of identity that is responsible for the right to exist in history» (Nazarbayev N., 1999). In the course of the popular movement, the structure of the government, the armed forces, the management apparatus were formed. As a result of its scale, involvement and its consequences, it became the pinnacle of liberation struggle throughout the empire's colonial slavery. In fact, it was a part of the struggle for the political independence and national identity of the 1916 – the Kazakh people at the beginning of the XX century.

In many areas, the uprising has become antipodal. However, the uprising was spontaneously developed, and the consequence was not a steady, united, cohesive leadership. The uprising of 1916 played a major role in raising the class of consciousness of the Kazakh labor force. The main protective force of the uprising was a large group of national peoples, as well as representatives of the newly emerging working class, artisans. The representatives of other groups of the Kazakh people, as well as representatives of democratic intellectual people participated in it. In general, the national liberation revolt of 1916 in Kazakhstan, along with the Kazakhs, had a national character, it involved the representatives of Uyghurs, Uzbeks, Dunganas and some other peoples.

Литература:

Абдрахманов Ю., 1931. Незабываемая годовщина // Советская Азия. - № 5. – С. 27.

Бройдо Г.И., 1924. Материалы к истории восстания киргиз в 1916 году // Новый Восток. - Кн. 6. - С. 434.

Божко Ф., 1926. Восстание 1916 года в бывший Туркестане. К 10 – летию восстания. – Ташкент. – С. 11.

Восстание 1916 года в Средней Азии // Тез. кулпыропа Средазбюро ЦК ВКП(б) и САНИИР к 15-й годовщине восстания, 1931. – Ташкент. – С. 3-11.

Дулатов М. 1916 жыл // Еңбекші қазақ. – 1926. - № 145.

Жүргенов Т., 1926. 1916 жылғы қазақ көтерілісінде қала мен ауыл арасындағы наразылық // Еңбекші Қазақ. –сентябрь.

Қыр баласы, 1926. (*Ә.Бөкейхановтың бұркеншік есімі.*) Шестаков. 1916 жылғы көтерілістің он жылдығына. 1916 – 1926. – М.

Қазақстан Республикасы Президентінің архиві. - 811-к., 20-т., 752-іс, Қозыбаев М.Қ., 2015. Таңдамалы шығармалар. – Алматы.

Қойгельдиев М.Қ., 2008. Ұлт зиялыларының 1916 жылғы көтеріліс қарсаңындағы және түсындағы қызметі. Көтерілістің ұлтаралық қактығысқа ұласуы //Алаш қозғалысы. - Алматы: Мектеп. - 240 -261 бб.

Миклашевский А., 1924. Социальное движение 1916 года в Туркестане // Былое. - № 27-28. – С. 255.

Назарбаев Н., 1999. Тарих толқынында. – Алматы: Атамұра.

Омарбек Т. Тарих ешкімнің ықпалына түспеуі керек. 2016 // Түркістан» газеті, - №27, 7 шілде, (профессор Талас Омарбектің журналист Жәнібек Ғалымға берген сұхбаты. <http://turkystan.kz/suhbat/11270>. 19 шілде.

Рыскулов Т., 924. Из истории борьбы за освобождение Востока (Восстание туземцев Туркестана против царизма в 1916 году) // Новый Восток. - Т. 6. – С. 267.

Рыскулов Т., 1927. Восстание туземцев в 1916 году: в 2 ч. – Кзыл-Орда: Издание комиссии при КазЦИК-е. – С. 71.

Сарымолдаев К. Мое воспоминание о восстании казаков Меркенского района в 1916 году // Красный Казахстан. – 1926. - № 2-3. - 70 б.

Шестаков А.В., 1927. Спорные вопросы восстания в Средней Азии в 1916 году //Коммунистическая мысль. - № 4. – С. 12-14.

Чеканинский И., 1926. Восстание киргиз-казаков и кара-киргиз Джетысуйском (Семиреченском) крае в июле-сентябре 1916 года. – Кзыл-Орда: Издание Общество Изучения Казахстана. – С. 135.

1916 жылғы ұлттық қозғалыс туралы большевиктердің өтірігі // Шоқай М., 2007. Таңдамалы шығармалар: 3 т. – Алматы: Қайнар. – Т. 1.

References:

Abdrahmanov Iu., 1931. Nezabyvaemaja godovina // Sovetskaia Azia. - № 5. – S. 27.

Broido G.I., 1924. Materialy k istorii vosstaniia kirgiz v 1916 godu // Novyi Vostok. - Kn. 6. - S. 434.

Bojko F., 1926. Vosstanie 1916 goda v byvshii Turkestane. K 10 – letie vosstaniia. – Tashkent. – S. 11.

Vosstanie 1916 goda v Srednei Azii // Tez. kulpropa Sredazbiuro TsK VKP(b) i SANIR k 15-i godovine vosstaniia, 1931. – Tashkent. – S. 3-11.

Dulatov M. 1916 jyl // Eñbekshi qazaq. – 1926. - № 145.

Jurgenov T., 1926. 1916 jylgy qazaq kyterilisinde qala men auyl arasyndagy narazylyq // Eñbekshi Qazaq. – sentiaabr.

Qyr balasy, 1926. (Б.Букейхановтың бәркеншик есими.) Shestakov. 1916 jylgy kyterilistiñ on jyldygyna. 1916 – 1926. – M.

Qazaqstan Respublikasy Prezidentiniñ arhivi. - 811-q., 20-t., 752-is,

Qozybaev M.Q., 2015. Таңдамалы shygarmalar. – Алматы.

Qoigeldiev M.Q., 2008. Ult zııalylarynyñ 1916 jylgy kyterilis qarsaınyndagy jñne tusyndagy qyzmeti. Kyterilistiñ ultaralyq qaqtygysqa ulasuy // Alash qozgalysy. - Алматы: Mektep. - 240 -261 bb.

Miklashevskii A., 1924. Sotsialnoe dvijenie 1916 goda v Turkestane // Byloe. - № 27-28. – S. 255.

Nazarbaev N., 1999. Tarih tolqynynda. – Алматы: Atamura.

Omarbek T. Tarih eshkimniñ yqpalyna tuspeui kerek. 2016 // «Turkistan» gazetі, - №27, 7 shilde, (professor Talas Omarbektiñ jurnalist Jgnibek galymga bergen suhbaty. <http://turkystan.kz/suhbat/11270>. 19 shilde.

Ryskulov T., 1924. Iz istorii borby za osvobojdenie Vostoka (Vostanie tuzemtsev Turkestana protiv tsarizma v 1916 godu) // Novyi Vostok. - T. 6. – S. 267.

Ryskulov T., 1927. Vosstanie tuzemtsev v 1916 godu: v 2 ch. – Kzyl-Orda: Izdanie komissii pri KazTsIK-e. – S. 71.

Sarymoldaev K. Moe vospominanie o vosstaniı kazakov Merkensskogo raiona v 1916 godu // Krasnyi Kazahstan. – 1926. - № 2-3. - 70 b.

Shestakov A.V., 1927. Spornye voprosy vosstaniia v Srednei Azii v 1916 godu // Kommunisticheskaia mysl. - № 4. – S. 12-14.

Чеканинский И., 1926. Восстание киргиз-казаков и кара-киргиз Джетысуйском (Семиреченском) крае в июле-сентябре 1916 года. – Кзыл-Орда: Издание Обество Изучения Казахстана. – С. 135.

1916 jylgy ulttyq qozgalys turaly bolshevikterdiñ ytirigi // Shoqai M., 2007. Таңдамалы shygarmalar: 3 t. – Алматы: Qainar. – Т. 1.

**САЯСИ ТАРИХ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
POLITICAL HISTORY**

МРНТИ 03.20

Садвоқасова З.Т.¹

д.и.н, проф., ГНС

¹Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова КН МОН РК

ПРЕФЕРЕНЦИИ В ПОЛИТИКЕ САМОДЕРЖАВИЯ В КАЗАХСТАНЕ

В ходе проведения религиозной политики среди инородцев и иноверцев Российской империи, чиновники царского правительства и служители русской православной церкви предоставляли преференции верующим одной религии и притесняли других. На основе документальных материалов показано положение мусульманского населения в Казахстане и проведено сравнение с единоверцами, проживающими в других регионах. Проведенный анализ показал, что отношение к не православному населению на всей территории царской России не имело отличий. Стремление христианизировать казахский народ не дал желаемых результатов.

Ключевые слова: религия, преференция, политика, самодержавие, учебные заведения, регион, мусульмане.

Садвоқасова З.Т.¹

¹Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының
бас ғылыми қызметкері

**САМОДЕРЖАВИЕҢ ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ САЯСАТЫНЫҢ
ЖЕҢІЛДІКТЕРІ**

Ресей империясының шет аймақтарында діни саясатты жүргізу барысында патша үкіметінің шенеуніктері мен орыс православие шіркеуінің қызметкерлері бір дінге сенушілерге жеңілдік беріп, басқа діндегілерді шеттетті. Құжаттық материалдар негізінде Қазақстандағы мұсылман халқының жағдайы көрсетілді және басқа аймақтарда тұратын бір дінге сенушілермен салыстыру жүргізілді. Жүргізілген талдауға қарап, патшалық Ресейдің бүкіл территориясындағы православие емес халыққа деген қатынастың айырмашылығы болған жоқ. Қазақ халқын христиан дініне енгізуге талпыныс ойдағыдай нәтиже берген жоқ.

Кілт сөздер: дін, жеңілдік, саясат, самодержавие, оқу орындары, аймақ, мұсылмандар.

Статья выполнена в рамках научно-технической программы: BR05233709 «История и культура Великой степи» по теме исследования: 1.18 «Национально-освободительное движение в Казахстане в контексте сохранения и укрепления национальной идентичности».

Sadvokasova Z.T.¹

prof., doctor of historical sciences

¹Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology.
KN MES of the RK

PREFERENCES IN THE POLICY OF SELF CONSERVATION IN KAZAKHSTAN

During the conduct of religious policy among non-Russians and non-believers of the Russian Empire, officials of the tsarist government and ministers of the Russian Orthodox Church granted preferences to believers of one religion and oppressed others. Based on the documentary materials, the situation of the Muslim population in Kazakhstan is shown and comparisons are made with co-religionists residing in other regions.

The analysis showed that the attitude towards non-Orthodox population throughout tsarist Russia did not differ. The desire to Christianize the Kazakh people did not give the desired results.

Keywords: religion, preference, politics, autocracy, educational institutions, region, Muslims.

Введение

Современное положение отдельных нестабильных регионов, населенных мусульманами, все больше привлекает внимание мирового сообщества. Изменилась ситуация в вопросах религии и на постсоветском пространстве. Здесь больше наблюдается веротерпимость в отношениях между представителями разных мировых религий и сохраняется относительное спокойствие. Возможно, это объясняется возрождением духовной жизни, которая на протяжении более семи десятков лет не имела возможности себя проявлять. Традиционно мусульманскими являлись жители республик Средней Азии и Казахстана. Однако, на этих территориях, начиная с периода вхождения в состав Российской империи, на положении нежелательного элемента находился ислам и его приверженцы. Отсюда вытекала конфессиональная политика царского самодержавия, представлявшая собой односторонний характер предпочтений в вопросах веры.

Методология

Теоретическую, методологическую основу исследования в любой отрасли знания составляют соответствующее научное мировоззрение и адекватные ему принципы и методы научного познания. Системный подход к изучению исторических процессов заключается в рассмотрении объектов познания как целостных совокупностей. Системная парадигма призвана преодолеть односторонность и ограниченность классового подхода к изучению социальных явлений. Отход от концепций советской исторической науки позволяет исследовать другую сторону, а именно обратить внимание конфессиональную политику, на жизнь православных и мусульман, их взаимоотношений. В статье использованы научные методы исследования: анализ и синтез, сравнение и аналогия, логический и исторический методы, другие методы научного познания.

Обзор литературы

После распада советской державы историки чаще стали обращаться в религиозной тематике. Даже, если исследователи занимаются в целом проблемой колониальной политики царизма, они не оставляют без внимания вопросы религии (Ремнев А.В. Суворова Н.Г., 2013; Миронов Б.Н., 2017). Так, отмечая последствия массового движения крестьян на азиатскую часть, авторы монографии, ссылаясь на отчеты губернаторов, приходят к выводу, что расчет на то, что «своим примером православные переселенцы привлекут инородцев к христианству, не оправдались»

(Ремнев А.В. Суворова Н.Г., 2013: 205).

Недавно выпущенная монография Б.Н. Миронова посвящена исследованию присоединенных территорий Российской империи и деятельности царской администрации по интеграции проживавших на них народов в «единое имперское пространство. Чтобы в подобных обстоятельствах империя сохранила жизнеспособность и при этом модернизировалась, правительство должно было проводить достаточно эффективную этноконфессиональную политику» (Миронов Б.Н., 2017:5). При этом автор подчеркивает, что «ввиду дефицита административного ресурса, слабого развития транспортно-коммуникационной, административной и информационной инфраструктуры, империя недоуправлялась» (Миронов Б.Н., 2017:5).

Ученые дальнего зарубежья, на основе архивных документов и других источников изучают проблему религиозной политики Российской империи. В монографии Р.Джераси «Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России» исследуемый регион – Казань и Среднее Поволжье (Джераси Р., 2013). В данном труде привлекательны разделы, связанные с православным миссионерством, методами, используемыми проповедниками. Автор приходит к заключению, что для западных европейских государств Россия интерпретировалась как «варварская» страна и усилия правительства по «окультуриванию», «цивилизации» и «ассимиляции» народов, которые считались «азиатскими», заслуживают особенно пристального внимания.

Увеличилось количество научных исследований, основной проблемой которых выступают вопросы миссионерской деятельности в различных регионах Российской империи среди инородцев, ее результаты (Ефимов А.Б., 2007; Ю.А. Лысенко, 2011; Софронов В.Ю., 2007; Беляева Н.Ф., Яушкина Н.Н., 2012; Исхаков Р.Р., 2008; Малахатко У.В., 2011; Волков И.В., 2010; Катанов Н.Ф., ф.969; Религиозная тематика в деятельности Томского областного краеведческого музея, 2011).

Помимо привлечения в лоно христианства инородцев обращалось внимание на обращение в христианство язычников. К их числу отнесли и казахов. Так, в статье И.Волкова анализируется миссионерская деятельность РПЦ в Туркестанском крае. Он пишет: «Киргизы принадлежат к поклонникам Магомета, но считаются плохими мусульманами... Следы языческой веры удержались и поныне: киргизы верят в колдунов, боятся шайтана или злого духа, верят в заклятья, различают худые и хорошие приметы» (Волков И.В., 2010:149).

Отличительной среди современных изысканий является кандидатская диссертация, посвященная деятельности музея по вопросам религий. Удивительно, но сегодня среди экспонатов республиканских, областных, краеведческих музеев подобные выставки почти не встретишь. Соискатель подробно останавливается на каждом религиозном разделе Томского областного музея. Относительно комплекса по исламу она отмечает, что они представлены «томскими мечетями и иллюстрируют некоторые стороны религиозной жизни томских мусульман, а именно намаз и обряд имянаречения. Вещевые источники комплекса немногочисленны, разрознены и изготовлены преимущественно в Казани, что свидетельствует о связи религиозной жизни мусульман Томской области и Республики Татарстан. Сакральная атрибутика представлена вещным рядом намаза (намазлык, кумган, четки), религиозным декоративно-прикладным искусством (шамаилы), предметами магического свойства (амулеты).

Письменные источники представлены единственным, но уникальным экземпляром - переводом Корана на французский язык, изданным в XIX в. в Париже (ТОКМ 8601/290). Если учесть, что Европа начала знакомиться со Священным писанием мусульман лишь с конца XVII в., то ценность экземпляра ТОКМ представляется несомненной» (Малахатко У.В, 2011: 207).

Современная историография религиозной проблематики представлена

достаточным количеством трудов ученых: историков, религиоведов, философов и другими специалистами. Особенностью ее является свобода в выражении своих гипотез, заключений. Безусловно, в некоторых присутствуют спорные выводы, что может вызвать дискуссию. Одно неоспоримо, что полученное освобождение от давления идеологии, подтолкнуло к исследованию проблем, находящихся под запретом.

Цель статьи заключается в освещении предпочтений в вопросах религии колониальной администрации во второй половине XIX - начале XX веков.

Основная часть

Начало вхождения Казахстана в состав Российской империи относится к 1731 году, со времени принятия ханом Младшего жуза Абулхайром российского подданства. Несколько позже в 1740 году этот шаг предприняли хан Среднего жуза Абулмамбет и тогда еще малоизвестный султан Аблай. В публичной лекции «Киргизы: их прошлое и настоящее» в Казанском университете профессор Н.Ф. Катанов рассказывает об этих событиях. «Во второй половине XVIII века киргизы Средней и Малой орды изъявили подданство России. Но это было лишь формой. Изъявлением подданства киргизы хотели только обезопасить себя от других народов Средней Азии, получив на это помощь России (Катанов Н.Ф. , Ф.969:2-3). Профессор пытается объяснить поступки казахской верхушки. Он считает, что честолюбие и корысть толкнули ее на принятие подданства. Подмечает, чем обернулись подписанные акты для самой России, которой по мнению Н.Ф.Катанова «было лестно присоединить к себе без кровопролития несколько сот новых подданных и приобрести надежный оплот от калмыков. Но Россия жестоко ошиблась, ибо так называемые «верные и вечные подданные ея» вскоре под предлогом проучения за прежние обиды стали нападать на калмыков и башкир» (Катанов Н.Ф. , Ф.969:2-3). Доставалось от казахов и русским жителям, случайно оказавшихся в поле столкновений. Их вместе с другими уводили в плен.

Заканчивается процесс присоединения территории южного Казахстана во второй половине XIX века, после военного захвата Старшего жуза. В Российском военно-историческом архиве хранятся воспоминания последнего генерал-губернатора Туркестанского края А. Н. Куропаткина «70 лет моей жизни», где описывается завоевание Туркестана и установление порядка в этом регионе: «Горсть наших войск разбивала превосходные силы. Это видимое, всем понятное превосходство помогало населению усвоить взгляд на русского, как на существо как бы высшего разряда, чем туземец.

Наказания за убитых во время мира солдат и казаков отличались особою строгостью. Если виновный не находился, то к ответу иногда привлекалось все мужское население аула, где убитый был найден. Принятыми сразу суровыми мерами русская власть в Туркестане достигла того, что случаи убийства наших солдат и казаков стали весьма редки» (Куропаткин А.Н., 1994:186).

После таких «успокоительных» мер добивались «доверительного отношения» жителей. Происходят изменения в хозяйственной жизни казахов, в системе управления, в духовной сфере. Притеснение ислама должно было привести к увеличению численности православных. Управление единоверцами, на взгляд русского правительства, не создавало бы больших трудностей, по сравнению с представителями разных религий.

Во второй половине XIX века самодержавие активизировало свою деятельность на присоединенных казахских землях, ставших частью Российской империи. После ликвидации власти потомков белой кости путем отстранения их от управления и привлечения в чиновничий аппарат представителей из числа обогатившихся казахов, не имеющих отношения к генеалогии чингизидов, политическая жизнь стала полностью зависеть от указаний царского правительства. Уставы, реформы, правила и ряд других законов укрепляли положение царизма в казахских генерал-

губернаторствах.

Проводилась работа по разъяснению «благ», которые несет новая власть. Казахи, привыкшие к традиционным формам управления, не сразу принимали новшества, а порой даже им противились. Это объяснялось, по мнению, отдельных современников тем, что «дикое, кочевое население, едва ли могло оценить пользу или вред реформ» и подстрекательством султанов, потерявших бразды правления.

Не устраивали чиновников некоторые методы, применяемые по пропаганде перестройки жизни казахов, связанные с введением Положений 1867, 1868 годов. К примеру, «генерал-губернатор Крыжановский вместо того, чтобы восстановить твердыми мерами престиж русской власти, посылает в степь вице-губернатора Туркестанской области Юрковского с доктором Неймарком и переводчиком-султаном Джантюриным для того, чтобы разъяснить киргизам блага нового положения. Комические результаты этой команды не замедлили обнаружиться. Комиссия кочевала по степи совершенно пустой, и не встретив ни одного киргиза, вернулась обратно» (Федоров Г.П., 1913: 798). По-видимому, казахи, по беспроводному телефону – «узун-кулак», передавали друг другу маршрут передвижения комиссии и при ее приближении снимались с мест и отключивались. Позже казахское население стало проявлять недовольство, выливавшееся в вооруженные выступления за восстановление власти ханов и султанов и против установления нового управления. Однако, не смотря на сопротивление, на территории Казахстана были введены и окончательно закреплены российские порядки. Они затронули все сферы жизни казахов, в том числе и религиозную.

Изменение вероисповедания иноверцев в регионах Российской империи было одним из направлений проводимой политики. При этом ставилась задача: увеличивать численность православных на присоединенных территориях не только естественным путем, но и христианизацией нерусских народностей. Во второй половине XIX века, проводимая ранее политика поддержки мусульманской религии, выразившаяся в распространении ислама среди язычников, к которым были причислены и казахи, поменялась в сторону ее притеснения и создания условий для христианизации.

В распространении православия в Казахстане принимали участие священнослужители, миссионеры, чиновники колониальной администрации, различные слои населения. Безусловно, грамотные, подкованные, обученные в этом непрестом деле кадры имели большие преимущества по сравнению с теми, кто, находясь вблизи с церковными служителями, считал себя «мастером» в этом непрестом деле. В целях улучшения и успешного развития миссионерского дела в 1863 году возникает «Общество для распространения священного писания в России». Важнейшей задачей общества была поддержка существующих и открытие новых миссий, обращение в православие всех нехристиан Российской империи и утверждение новой паствы в «истинах святой веры».

Помимо этой организации, в 1889 году в Казани открываются Всероссийские миссионерские курсы. Это было вызвано необходимостью активизации миссионерской деятельности церкви. «Основной целью создания данного учебного заведения была подготовка сельских священников-миссионеров для «иностранческих» приходов, имеющих добротные знания по истории, этнографии, религиозным верованиям местного населения, основам религиозной полемики, миссионерской деятельности среди религиозных меньшинств». Во время учебных командировок слушатели курсов направлялись в иностранческие селения для закрепления полученных знаний, изучения языков и освоения методов миссионерской деятельности. Так, в 1900 году на время летних каникул «были командированы в Тургайскую область и Оренбургскую губернию слушатель первого курса И. Хохлов, а в 1902 г. в Букеевскую орду – Н. Краморенко, в Астраханскую губернию – И. Савичев и В. Андреевский» (Исхаков Р.Р., 2008: 77).

Предпринятые меры давали свои результаты. Среди коренного населения появлялись крещеные казахи. Но процесс христианизации не был столь интенсивным, как это можно было ожидать, исходя из прикладываемых усилий. Более того, в отдельных случаях он оказался обратимым. Многие из крещеных признавались, что, несмотря на принятие православия, в душе оставались мусульманами. Позже они обращались с просьбами о разрешении им вернуться в ислам, так как отказаться от веры своих отцов и дедов не могут. Подобные случаи вызывали недовольство российских чиновников и служителей церкви, поэтому они всячески стремились опорочить иноверцев и их веру.

В отдельных документах дается отрицательная оценка мусульманству и невозможность мирного сосуществования двух религий. В переписке с Туркестанским генерал-губернаторством, министрами и другими учреждениями отмечается, что «всякое христианское государство может рассчитывать на успешную борьбу с таким учением, но, конечно же не на дружбу и мир с ним. Одно своим существованием уже исключает другое. Поэтому, можно решительно сказать, что русская власть должна лишь изыскивать лучшие способы борьбы с мусульманством, а не искать путь примирения с ним» (РГИА. Ф.821: л.7 об.). Появились запретительные меры в отношении ислама, на которые опирались чиновники колониальной администрации. Они касались программы школ, выборов мулл, строительства мечетей и т.д.

Открывающиеся мусульманские учебные заведения, содержащиеся на средства местного общества обязаны были вводить изучение русского языка, русской истории и географии. В русско-туземных школах, где обучались казахские и русские дети, в программу были включены богословские дисциплины, жития святых, отмечались православные праздники, дни рождения императора, его семьи и тезоименитства. О мусульманских датах здесь не распространялись. Вместе с тем, среди представителей казахской аристократии находились личности, поддерживающие русское образование. Они видели перспективу для выпускников этих учебных заведений. Полученные знания в их стенах, по мнению сторонников, заключалась в возможности «быть хорошим должностным чиновником в орде, без таковых знаний скорее можно быть обманутым нехорошими людьми» (РГИА.Ф.1291: л. 41). Учитывался ими и дальнейший карьерный рост, так как «награждает учившихся чинами и разными отличиями, через это не только они, но и дети их могут быть счастливы и причислены к почтенному и благородному сословию дворян русских» (РГИА.Ф.1291: 41). Осуществить свои корыстные цели спешила незначительная часть казахского населения, особенно из числа тех, кто потерял власть и искал пути восстановления своего прежнего положения. Поэтому, среди первых учащихся этих школ были дети состоятельных родителей.

Но большая часть казахского населения не спешила отдавать своих детей в эти учебные заведения, опасаясь за то, что их будут здесь подвергать обряду крещения. И под разными предлогами отказывались от посещения этих школ. Чиновники от образования подобную реакцию восприняли как выражение неблагодарности инородцев к добру, которое несет им российское правительство. При этом следует заметить, что во второй половине XIX - начале XX веков знания в мусульманских школах ученики получали довольно слабые, связанные с отсталой методикой их обучения. Светские дисциплины стали включаться в программы новометодных школ, появившихся на рубеже веков. Их было немного в силу негативного отношения к ним мулл, стремившихся сохранить школы со старыми методами обучения и российских чиновников, видевших в них очаги пропаганды пантюркизма и панисламизма.

Все учебные заведения находились под контролем соответствующих органов. Попытки открыть свои национальные школы не имели поддержки. А тем более учебные учреждения, где готовились кадры для них. В 1907 году в Омске проходило

частное совещание, созванное степным генерал-губернатором по вопросам нужд киргизов Степного края. Одним из вопросов, обсуждаемых на этом собрании было учреждение мусульманской духовно-учительской семинарии «с определенно установленной программой, где преподавались бы как духовные науки, так и светские, с целью дать народу хороших учителей веры и науки, где основательно проходили бы арабский, персидский, татарский и турецкий языки и где русский язык в качестве учебного предмета допускаться не должен» (РГИА. Ф.1291: 36). Понятно, что такое заявление, идущее вразрез с образовательной политикой Российской империи, получило отказ. Но, на совещании все же было принято еще одно решение в пользу семинарий, носящих чисто национальный характер. Оно признало возможным ее существование на содержании исключительно на средства местных киргизских обществ. Был включен пункт об «обязательном изучении русского языка, русской истории и географии и с тем, чтобы семинарии эти были в ведении МПН» (РГИА. Ф.1291: 37). Семинарий с такой обширной программой: изучение нескольких языков, прошлое своего народа и русского, своя география и русская, другие светские дисциплины в истории народного просвещения Российской империи не встречались.

Обращалось внимание на кандидатуру мулл, особенно на полученное богословское образование. Окончившие духовные учреждения в России мусульманские служители не вызывали особых опасений, считались благонадежными и преданными царскому правительству. Их главное отличие состояло еще в хорошем знании русского языка. Совершенно иначе обстояло дело в случае, если мulla получил «свое духовное образование в одном из мусульманских центров, которые заведомо являлись главными очагами распространения панисламистского направления» (ЦГА РК. Ф.90: 55). К ним были отнесены медресе Бухары, Стамбула и другие исламские учреждения, независимые от контроля русских чиновников. Разрабатывались запреты для желающих учиться в них:

«1. Воспретить местным магометанам отправлять своих детей, для обучения в Константинополь, и паспортов для такой надобности не выдавать.

2. Воспретить, или по крайней мере обставить какими-нибудь стеснительными условиями и тем самым ограничить поездки магометан, как в европейскую, так и азиатскую Турцию для каких бы то ни было надобностей» (ЦГА РК. Ф.64: 4-4 об.).

Предъявлялись самые серьезные требования, одно из которых связывалось с обязательным знанием русского языка для всех духовных лиц. Такая необходимость объяснялась тем, что «делаются все сношения с различными учреждениями и потому незнание этого языка духовенством должно повлечь за собой полную его зависимость от переводчиков» (РГИА. Ф.1291: 34). Поэтому, в начале 20 века они избирались на должность «не прежде, как по выдержании при областном правлении известного испытания в знании русского языка» (РГИА. Ф.1291: 34). Духовные служители утверждались в должности еще при одном важном условии, если губернское правление располагало «сведениями об их политической благонадежности и непричастности к религиозно-племенной агитации» (ЦГА РК. Ф.90: 55 об.).

Запретительные меры коснулись наличия мечетей на казахской территории. Строительство мусульманских культовых зданий напрямую зависело от решения колониальной администрации. В новые правила было внесено положение, что «киргизским обществам, в составе не менее одной волости дозволяется иметь одного муллу» [19, с.88]. Теперь рассмотрим следующую картину. Волость состояла из 10-12 аулов, разделенных в силу особого ведения хозяйства, друг от друга десятками, а порой и сотнями километров. Мусульмане пятничный намаз – коллективную молитву должны совершать в мечети один раз в неделю. В условиях наличия лишь конного средства передвижения казахи, вынужденные выполнять российские гражданские законы, нарушали религиозные. Можно предположить,

что такая мера российского правительства была разработана намеренно, так как ограничивала казахов в исполнении исламских обрядов. Подобные действия в отношении мусульманства выразились в других законодательных правилах, в которых на первый план выдвигалась судьба православного населения.

Переселение крестьян в национальные регионы империи, усилившееся после отмены крепостного права, повлекло за собой неожиданные проблемы. Переселенцы на новых землях столкнулись с ранее неизвестными сторонами жизни. С одной стороны, необычные люди, быт, традиции, с другой, отсутствие привычного течения жизни. Не всегда переселенцев дожидались обещанных пособий, средств, поддержку от правительства. Порой они нанимались к инородцам на работу, пока государство не вспоминало о их существовании. А до этого времени они принимали образ жизни коренных жителей.

Должностные лица российского государственного аппарата сознавали, что невнимательное отношение к своим единоверцам может обернуться нежелательными последствиями. Принимались законодательные акты или вносились изменения в действующие, касающиеся вопросов религиозной жизни православных в среде представителей другой веры. На обеспокоенность земского начальника, который докладывал, что мусульмане, имеющие у себя православных работников, заставляют их трудиться в воскресные и праздничные дни. Вместе с тем лишают их возможности присутствовать на богослужениях и разрешают им отдыхать по пятницам и другим дням, празднуемым мусульманами. «Вместе с тем хозяева – магометане не допускают рабочих соблюдать посты, кормят в это время конским мясом и вообще доводят до того, что многие из православных батраков по 15-20 лет не бывают у исповеди и не приобщаются Святых Тайн» (РГИА. Ф.1151: 2). Реакция последовала быстро – 4 декабря этого же года были внесены изменения и излагались в другой формулировке в отличие от предыдущей.

Все усилия царского правительства, направленные на вовлечение казахов в имперское пространство, не дало желаемых результатов. Следует учитывать и то, что взаимоотношения между русскими переселенцами и казахами не всегда складывались дружелюбно. Правительство лишало последних родной земли в пользу русских крестьян, «защищавших» приобретенную территорию различными способами, вплоть до применения оружия. Причем такая жестокая мера оставалась безнаказанной, так как новых землевладельцев поставили на такую высоту, что они чувствовали себя намного цивилизованнее, по сравнению с инородцами. Автор «Очерков из поездки по Семиречью» пишет о презрительном отношении русских крестьян в местному населению, доходящее до отрицания в нем человеческой личности. «Бывают на этой почве случаи бесчеловечной и бессмысленной жестокости: крестьяне безжалостно убивают киргизов и не чувствуют угрызений совести. Чаще всего дело происходит так. Русские крестьяне возьмут в аренду киргизские земли, построят дома и отказываются уходить по окончании срока аренды. Приезжают киргизы. Начинается свалка, и дело кончается кровопролитием, причем либо вовсе не имеющие ружей, либо вооруженные старинными самопалами киргизы оказываются в таких случаях более слабую стороною.

Бывает и хуже. Мужик работает в саду, видит, что через забор тянется к яблоне киргиз, берет ружье и убивает киргиза наповал. Прибегают соседи. — «Что такое?» — «А вот, убил собаку!» — и даже не тронется с места, чтобы подобрать убитого» (Гинс Г., 1913:331-332). Такие действия свидетельствовали о неравноправных отношениях между коренным населением и русскими переселенцами. Безнаказанность влекла за собой новые преступления, совершаемые крестьянами. Утверждение некоторых чиновников о проявлении внимания к проблемам коренных жителей не соответствовала действительности.

Заключение

Царское правительство устраивали перемены, происходившие среди

инородцев, приближавшие их, по оценкам чиновников, к более культурной жизни завоевателей. Отмечая заботность мусульманской женщины, ее отсталость, превращенной в «безобразный манекен», а затем ее поразительное преобразование связывали с приходом одиноких русских офицеров и солдат. За короткий период появились туземные проститутки, употреблявшие водку и пиво «с разными Анохинымы, Сидоровыми и Ангуткинами. Туземная молодежь увлеклась изнанкой цивилизации и стала посещать своих соотечественниц в русской слободе, которые несомненно, представляли для них большой интерес своей развязностью, наглостью и развратом, нежели скотоподобные забитые жены» (Федоров Г.П., 1913: 35). Причем, в самой России скромную, домовитую, воспитанную в лучших русских традициях, наделенную красотой и умом девушку, хотели бы видеть в каждой семье. А в далекой российской окраине восточных красавиц превратили в женщин легкого поведения и этот факт преподносится как положительное влияние носителей более высокой культуры. Конечно, поголовного перехода туземных женщин в категорию гетер не произошло. Однако, появление за один год 200 проституток (Федоров Г.П., 1913: 37), охарактеризованное как «успех», не осталось незамеченным в обществе. В религиозном произведении «Обращение к богу» имеются следующие строки:

«Весь народ прилагает старание к греховным делам.

От завета и запрета много людей отказываются.

Кто захочет, тот занимается развратом, пороком и прелюбодеянием.

Кто пожелает – открыто творит зло и невежество.

Всякий идет в дома напитков /рестораны, кабаки/ с любовью.

Идти по направлению Медресе не имеет желаний» (ЦГА РУ: 23, 25, 28).

Неизвестный автор с горечью отмечает негативные последствия навязанной цивилизации, ведущие к отказу от заповедей мудрецов, от стремления к знаниям. Он обеспокоен тем, что многие человеческие пороки получили широкое распространение. И причиной тому навязанная безнравственность, которая в собственном обществе осуждалась и пресекалась.

Таким образом, к началу XX века, казахская территория превратилась в одну из национальных регионов Российской империи, разделенного на административные единицы. Добившись отстранения представителей белой кости от власти и завершив экономическое закабаление, царизму все же не удалось превратить казахов в преданных русских подданных. Создавая привилегии одной религии, притесняя другую, колониальная администрация не достигла поставленной цели по привлечению мусульманского населения в лоно православной церкви.

Литература:

Беляева Н.Ф., Яушкина Н.Н.6 2012. Религиозно-культурные предпочтения мордвы в XIX - начале XX веков в контексте межкультурного диалога. Российский научный журнал. - № 1. - 50 с.

Волков И.В. Миссионерская деятельность православной церкви на национальных окраинах Российской империи (на примере Туркестана второй половины XIX – XX начала в.).6 20107 Вестник РУДН. Серия История России. - № 1. - С.146-153.

Гинс Г. В киргизских аулах. (Очерки из поездки по Семиречью). Исторический вестник. 1913. Октябрь. - С.329-345.

Дело по письму епископа Томского и Семипалатинского о воспрещении разездов по киргизской степи татарам, бухарцам и туркам в видах устранения пропаганды ислама // ЦГА РК. Ф.64; Оп.1, д.3155. Л.4-20 об.

Джераси Р. Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России, 2013.– М., - 378 с.

Ефимов А.Б., 2007. Очерки по истории миссионерства Русской православной

церкви. М. - 279 с.

Исхаков Р.Р. Из истории Всероссийских миссионерских курсов в г. Казани. // Образование и просвещение в губернской Казани. – Вып. I. 2008. Казань7 - С.74-80.

История Казахстана. Сборник документов XVIII – начала XX веков. - Алматы: Қазақ университеті, 2001. 302 с.

Катанов Н.Ф. Киргизы: их прошлое и настоящее. НА РТ. Ф.969, оп.1, д.16. Л.1-9.

Куропаткин А.Н. 1994. 70 лет моей жизни. Исторический архив., - №4. - С.185-195.

Лысенко Ю.А.6 2011. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Казахстане. Автореф. дисс. д.и.н. Барнаул. -50 с.

Миронов Б.Н., 2017. Управление этническим многообразием Российской империи. - СПб. - 640 с.

О выборах мулл // ЦГА РК. Ф.90, оп.1, д.773 а, книга 1. Л.45-59.

Об изменениях и дополнениях действующих узаконений // РГИА. Ф.1151, оп.12, д.288. Л.2-17.

Обращение к богу // ЦГА РУ. Ф.1009, оп.1, д.23. Л. 10-37.

Письмо хана Внутренней киргизской орды Джангира Букеева // РГИА.Ф.1291, оп.84, д.96. Л.29-37.

Письмо в Департамент Духовных Дел Иностранных исповеданий // РГИА. Ф.821, оп.8, д.612. Л.5-9.

Ремнев А.В. Суворова Н.Г., 2013. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века. Омск. - 248 с.

Софронов В.Ю. Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви в Западной Сибири в конце XVII - начале XX веков. Дисс. д.и.н. Барнаул, 2007. 446 с. Труды частного Совещания, созванного Степным генерал-губернатором. РГИА. Ф.1291, оп.84, д.96. Л.34-68.

Федоров Г.П., 1913. Моя служба в Туркестанском крае (1870-1906 года) Исторический вестник. Историко-литературный журнал. Сентябрь. - С. 790-810.

References:

Belyaeva N.F., YAushkina N.N.6 2012. Religiozno-kul'turnye predpochteniya mordvy v XIX - nachale XX vekov v kontekste mezhkul'turnogo dialoga. Rossijskij nauchnyj zhurnal. - № 1. - 50 s.

Volkov I.V. Missionerskaya deyatel'nost' pravoslavnoj cerkvi na nacional'nyh okrainah Rossijskoj imperii (na primere Turkestana vtoroj poloviny XIX – XX nachala v.).6 20107 Vestnik RUDN. Seriya Istoriya Rossii. - № 1. - S.146-153.

Gins G. V kirgizskih aulah. (Ocherki iz poezdki po Semirech'yu). Istoricheskij vestnik. 1913. Oktyabr'. - S.329-345.

Delo po pis'mu episkopa Tomskogo i Semipalatinskogo o vospreshchenii raz'ezdov po kirgizskoj stepi tataram, buharcam i turkam v vidah ustraneniya propagandy islama // CGA RK. F.64; Op.1, d.3155. L.4-20 ob.

Dzherasi R. Okno na Vostok: Imperiya, orientalizm, naciya i religiya v Rossii, 2013.– М., - 378 с.

Efimov A.B., 2007. Ocherki po istorii missionerstva Russkoj pravoslavnoj cerkvi. М. - 279 с.

Iskhakov R.R. Iz istorii Vserossijskih missionerskih kursov v g. Kazani. // Obrazovanie i prosveshchenie v gubernskoj Kazani. – Vyp. I. 2008. Kazan'7 - S.74-80.

Istoriya Kazahstana. Sbornik dokumentov XVIII – nachala XX vekov. - Almaty: Қазақ университеті, 2001. 302 с.

Катанов Н.Ф. Киргизы: их прошлое и настoyashchee. НА РТ. F.969, оп.1, д.16. Л.1-9.

Куропаткин А.Н. 1994. 70 лет моей жизни. Исторический архив., - №4. - С.185-195.

Лысенко YU.A.6 2011. Missionerskaya deyatel'nost' Russkoj pravoslavnoj cerkvi v

Kazahstane. Avtoref. diss. d.i.n. Barnaul. -50 s.

Mironov B.N., 2017. Upravlenie etnicheskim mnogoobraziem Rossijskoj imperii. - SPb. - 640 s.

O vyborah mull // CGA RK. F.90, op.1, d.773 a, kniga 1. L.45-59.

Ob izmeneniyah i dopolneniyah dejstvuyushchih uzakonenij // RGIA. F.1151, op.12, d.288. L.2-17.

Obrashchenie k bogu // CGA RU. F.1009, op.1, d.23. L. 10-37.

Pis'mo hana Vnutrennej kirgizskoj ordy Dzhangira Bukeeva // RGIA.F.1291, op.84, d.96. L.29-37.

Pis'mo v Departament Duhovnyh Del Inostrannyh ispovedanij // RGIA. F.821, op.8, d.612. L.5-9.

Remnev A.V. Suvorova N.G., 2013. Kolonizaciya Aziatskoj Rossii: imperskie i nacional'nye scenarii vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka. Omsk. - 248 s.

Sofronov V.YU. Missionerskaya deyatel'nost' Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi v Zapadnoj Sibiri v konce XVII - nachale XX vekov. Diss. d.i.n. Barnaul, 2007. 446 s.

Trudy chastnogo Soveshchaniya, sozvanogo Stepnym general-gubernatorom. RGIA. F.1291, op.84, d.96. L.34-68.

Fedorov G.P., 1913. Moya sluzhba v Turkestanskom krae (1870-1906 goda) Istoricheskij vestnik. Istoriko-literaturnyj zhurnal. Sentyabr'. S.790-810.

МРНТИ 03.20.00

Ж.С. Мажитова¹, С.К. Кабылгаева², Б.К. Омарова³

¹ Доктор исторических наук, доцент. Университет «Астана».

Казахстан, Астана. e-mail: mazhitova_69@mail.ru.

² Доктор PhD. Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева.

Казахстан, Астана. e-mail: uteubaeva81@mail.ru.

³ Кандидат исторических наук, доцент. АО «Медицинский университет Астана».

Казахстан, Астана. e-mail: omarova.bibizhamal@mail.ru.

**СУД БИЕВ В РАННИЙ СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД:
ОТ ПРИЗНАНИЯ К ЛИКВИДАЦИИ**

В статье рассматривается история суда биев в раннее советское время. Отмечается, что после политико-правовых реформ Российской империи XIX в., суд биев не претерпел коренной трансформации: он продолжал оставаться инструментом по регулированию общественных отношений в казахском обществе. Однако положение суда биев начинает меняться с приходом к власти большевиков. В течение первого десятилетия своего существования советская власть от поддержки традиционного суда казахов перешла к постепенной ликвидации и запрету их деятельности на территории Казахстана.

Ключевые слова: история Казахстана, институт биев, суд биев, аксакальский суд, коренная ломка.

Ж.С. Мәжитова¹, С.К. Қабылтаева², Б.К. Омарова³

¹Тарих ғылымдарының докторы, доцент. «Астана» университеті.

Қазақстан, Астана. e-mail: mazhitova_69@mail.ru

²PhD докторы. Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті.

Қазақстан, Астана. e-mail: uteubaeva81@mail.ru.

³Тарих ғылымдарының кандидаты, доцент. АҚ «Астана медицина университеті».

Қазақстан, Астана. e-mail: omarova.bibizhamal@mail.ru.

ЕРТЕ КЕҢЕСТІК КЕЗЕҢДЕГІ БИЛЕР СОТЫ: МОЙЫНДАУДАН ЖОЮҒА ДЕЙІН

Мақалада ерте кеңестік кезеңдегі билер сотының тарихы қарастырылады. Ресей империясындағы XIX ғасырдың саяси-құқықтық реформаларынан кейін билер соты түбегейлі трансформациялауға ұшырамады: ол қазақ қоғамында қоғамдық қатынастарды реттеу жөніндегі құралы болып қала берді. Алайда, билер сотының ережесі билікке большевиктердің келуімен өзгере бастады. Өмір сүруінің бірінші он жылдық аралығында кеңес үкіметі Қазақстан территориясында қазақтардың дәстүрлі сот қолдауынан бірте-бірте жою және тыйым салу әрекеттеріне көшті.

Кілт сөздер: Қазақстан тарихы, билер институты, билер соты, ақсақалдар соты, түпкілікті өзгерту.

Zh.S. Mazhitova¹, S.K. Kabylytaeva², B.K. Omarova³

¹Doctor of history, associate professor. «Astana» University.

Kazakhstan, Astana. e-mail: mazhitova_69@mail.ru

²PhD. Gumilyov Eurasian National University

Kazakhstan, Astana. e-mail: uteubaeva81@mail.ru.

³Candidate of historical Sciences, Associate Professor. JSC «Astana Medical University». Kazakhstan, Astana. e-mail: omarova.bibizhamal@mail.ru.

THE COURT OF BIYS IN THE EARLY SOVIET PERIOD: FROM RECOGNITION TO ELIMINATE

The article reviews the history of the court of biys in the Soviet era. The court is stated to remain fundamentally unchanged after the Russian Empire reforms in the XIX c.: it still was a social regulative instrument in Kazakh society. However, as the Bolsheviks regime was rising, the status the biys court had changed. During the first decade, the Soviet regime changed the attitude towards Kazakh traditional court from support to gradual liquidation and its practice prohibition in the territory of Kazakhstan.

Keywords: History of Kazakhstan, court of biys, elder of biys, radical changes.

Введение

История судов биев (аксакальских судов) в первое десятилетие советской власти мало изучена. Она изучалась попутно, в контексте освещения успешной борьбы большевиков с классовыми врагами, отстаивавшими пережитки патриархально-родовых отношений. В этой статье мы использовали материалы фонда 1380 — «Народный комиссариат юстиции (НКЮ) КирАССР» Центрального государственного архива Республики Казахстан, а также фондов Р-25 — «Совет народных комиссаров Туркестанской республики», Р-38 — «НКЮ Туркестанской АССР» Центрального государственного архива Республики Узбекистан, в которых хранится многочисленная переписка отдела судостроительства НКЮ и СНК республик с губернскими судами о работе третейских судов, содержатся инструкции по проведению мероприятий, целью которых была дискредитация и

упразднение аксакальских судов на территории Казахстана. Наиболее важные из этих источников впервые используются в этой статье.

Материалы и методы

Статья базируется на общенаучных принципах историзма и объективности. Применение этих методов позволяет рассматривать научное знание как целостную систему, в которой каждый предшествующий подход косвенно или прямо влиял на последующий, что в совокупности позволило составить систематический ряд научно-теоретических выкладок по истории обычно-правовых институтов. Взгляды авторов рассматриваются вне зависимости от этнокультурных предпочтений и политических пристрастий ученого, что вызывает необходимость тщательного сопоставления исторических фактов и явлений в совокупности, то есть всестороннего изучения проблемы.

Обзор литературы

Проблема истории суда биев в первое десятилетие советской власти не стала предметом специального исследования в советской историографии. Очевидно, это связано с тем, что тема «обычного права», «истории традиционных обществ» была неактуальной, поскольку затрудняла исследователям в своих работах в полной мере применить классовый и формационный подход в изучении обществ, в которых трудно было найти классовый конфликт. Поэтому не случайно, первое целенаправленное исследование норм обычного права, истории суда биев в Казахстане в ранний советский период появляется лишь в середине 1980-х годов (Кенжалиев, 1984; Кенжалиев, 1986а; Кенжалиев, 1986б). Ученый показал особенности борьбы советской власти с традиционно-правовыми институтами казахского общества.

Немного позже исследователи З.Ж. Кенжалиев и С.О. Даулетова прослеживают историю бийского правосудия с момента его возникновения до времени его полного уничтожения советской властью (их работа представляет значительный научный интерес, в том числе благодаря такому подходу) (Кенжалиев, Даулетова, 1993).

Основное внимание авторы уделили истории бийских судов в советское время. З.Ж. Кенжалиев и С.О. Даулетова попытались адекватно отразить историю обычного права в советское время на основании изучения обширного круга материалов, большую часть из которых ученые не столько ввели в научный оборот (основная масса источников представлена директивными документами советской власти, докладными и обзорными записками чиновников и т. д.), сколько проанализировали их влияние на меняющуюся в свете этих документов ситуацию с обычно-правовыми институтами.

Истории бийских судов с момента возникновения до времени, когда этот институт потерял свое значение, посвящена работа А.А. Никишенкова (Степной закон, 2000). Его работа существенно дополнила наши представления о суде биев, поскольку автор сконцентрировал свое внимание на особенностях его возникновения, функционирования и ликвидации в конце 20-х гг. XX в.

Историографические исследования по истории института биев (Мажитова, 2014а; Мажитова, 2014б; Мажитова, 2015а; Мажитова, 2015б; Мажитова, 2016; Мажитова, 2017) отражают широкую палитру научной полемики и дискурсов, используемых исследователями в процессе изучения этой проблемы.

Таким образом, в настоящее время сложно говорить, что история суда биев в ранний советский период изучается весьма активно. Тем не менее, в последнее время в исторической науке наметился процесс перехода от описательного подхода к систематизации и анализу малоизвестных материалов, позволяющих с разных сторон рассмотреть предмет исследования. В рамках этой статье мы продолжили исследование вопросов трансформации политики советской власти в отношении суда биев в первое советское десятилетие.

Результаты

В XVIII—XIX вв. в результате вхождения казахских земель в состав Российской империи правительство приступило к реформированию административно-политической структуры казахского общества. С этой целью на территории Степи проводилась серия реформ: в 1822 и 1824 г. «Устав о сибирских киргизах» и «Устав об оренбургских киргизах», в 1844 г. «Положение об оренбургских киргизах». Эпоха «Великих реформ» ознаменовалась появлением судебных положений 1864 г., принципы которых легли в основание всех последующих правовых инициатив правительства в Степном крае. Выражением стратегического плана империи по реорганизации общества кочевников и дальнейшего внедрения норм имперского права стали в 1867 г. «Временное положение об управлении Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей», в 1868 г. «Временное положение об управлении Степными областями», в 1871 г. и 1873 г. «Проект генерал-адъютанта фон Кауфмана», в 1874 г. «Проект положения об управлении Туркестанским краем», в 1881 г. «Проект генерал-лейтенанта Колпаковского», в 1886 и 1892 г. «Положение об управлении Туркестанского края», в 1891 г. «Положение об управлении Степными областями».

Целью всего комплекса административно-правовых нововведений была максимально возможная адаптация традиционного общества казахов к общеимперской системе управления. Было создано три типа судов – имперский суд, военные и народные суды, это привело к тому, что, как выше было сказано, большая часть дел изымалась из ведения суда биев. Но, здесь важно подчеркнуть, что, как и адат, так и суд биев продолжали легитимно существовать в судебной структуре местных колониальных органов. Согласно статьям положений, «бием может быть выбран всякий, кто пользуется уважением и доверием народа, не опорочен по суду, не находится под следствием и имеет от роду не менее 25-ти лет. Выбранные в бии утверждаются губернатором. Бии избираются на три года» [Материалы, 1999]. Бии решали дела ценностью не выше 300 руб., для решения дел более 300 рублей созывались волостные съезды биев, иски по делам на сумму более 500 рублей выносились на рассмотрение чрезвычайного съезда.

Необходимо отметить, что реформы не затронули основ суда биев — он продолжал функционировать вплоть до начала XX в., отчасти это связано с тем, что российское правительство осторожно проводило мероприятия по реформации края, стараясь избегать радикальной ломки устоявшихся традиционных институтов. Более того суд биев, несмотря на административно-правовые реформы Российского правительства, не потерял влияние в Степи и продолжал оставаться тем инструментом, который аккумулировал рычаги по управлению кочевым коллективом. Таким образом, накануне установления советской власти в казахском обществе господствовали обычное право и традиционные правовые институты, регулировавшие все общественные отношения.

Однако ситуация в крае начала меняться после Октябрьского переворота. В 1917 г. - середине 1930-х гг. в Казахстане происходили поистине революционные изменения: формировалась командно-административная государственная система, менялась политико-правовая, материальная, духовная база культуры, трансформировался социальный облик казахского общества. Эти изменения коснулись и суда биев, судьба которого в первые два десятилетия с момента установления Советской власти сложна и драматична.

Советское правительство свою национальную политику провозглашает в двух важных документах — «Декларации прав народов России» (2 ноября 1917 г.) и обращении «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» (20 ноября 1917 г.). Народам России и Востока новая власть обещала: «Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными» (Декреты Октябрьской революции, 1917), а Декларация провозглашала «равенство и суверенность народов России» (Декреты

Советской власти, 1933). В сфере национальной политики большевистская партия провозглашала внимательное отношение к обычаям и традициям народов, к обычно-правовым нормам и институтам.

Советская власть с самого начала ставила задачу приведения в единую систему правовых отношений народов, входивших в состав дореволюционной России, которые по замыслу большевиков должны были стать неотъемлемой частью Советского государства. Поэтому обычное право и другие обычно-правовые институты со временем, как не отвечающие принципам социалистического общества, в котором все равны и нет сословных привилегий, должны были уступить место советским законам. Действительно, такая замена не могла стать делом ближайшего будущего, так как, с одной стороны, нормы обычного права еще твердо удерживали свои позиции среди кочевников; с другой — положение новой власти было неустойчиво, туманно, особенно в Казахстане, где национального пролетариата как основной ее опоры было крайне мало (к тому же активно вели антисоветскую агитационную деятельность другие политические силы, к примеру, партии «Алаш», «Шуро-и ислами» и др.). Понимание советами сложности борьбы не только с антисоветскими силами, но и в деле упрочения своей власти на местах привело к выработке формулы «национальная по форме, социалистическая (первоначально — пролетарская) по содержанию», которая позволяла «свободно трактовать эту «дилемму» и делать из этой схемы самые разные, даже противоположные, практические выводы, приспосабливаясь к меняющейся ситуации» (Абашин, 2011). Политическая ситуация в 1917 г. действительно складывалась не в пользу большевиков, так как «В революцию 1917 г. Туркестан вступил вполне «первобытно» (Сафаров, 1921). Поэтому большевики для завоевания доверия со стороны народных масс использовали лозунги, которые были просты и понятны: «Долой войну», «Вся власть Советам», «Строительство нового бесклассового общества, где не будет ни бедных, ни богатых» и др.

Наряду с использованием популистских лозунгов, партия большевиков в этот период видела важнейший путь укрепления своих позиций среди народов окраин в том, чтобы учитывать существующие традиции и обычаи коренного населения в различных областях общественной жизни, не допускать грубого вмешательства в основы социально-правового общежития народов, которые еще находились «в плену» патриархально-родовых пережитков. Основное отношение органов власти к обычно-правовым нормам было закреплено в декрете о суде № 1 от 22 ноября (5 декабря) 1917 г., в котором говорилось, что «Местные суды решают дела именем Российской республики и руководствуются в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию» Декреты Октябрьской революции, 1933: 125). Вопрос о правомочности действия традиционных судов в этом документе не рассматривался. Нормы обычного права оставались действующими и имели практическое применение, поскольку не противоречили советскому законодательству.

Данные положения касались и Казахстана. Так, 10 июля 1919 г. Народный комиссариат по делам национальностей на специальном совещании принял решение об организации Киргизского (с 1925 г. Казахского. — авторы) революционного комитета и утверждении декрета «Временное положение о революционном комитете по управлению Киргизским краем». В этом документе, в частности, говорилось: «Все тяжёбые дела между киргизами (далее казахами. — авторы) разрешаются по месту жительства ответчика при аульных и волостных председателях исполнительных комитетов третейским судом. Решения третейского суда (так официально в советский период именовались суды биев. — авторы) окончательно могут быть обжалованы в кассационном порядке в киргизский

отдел уездного народного суда. Дела между киргизами разрешаются народным судом по существу дела по обычному праву» (Временное положение, 1936: 4). Данная норма узаконивала сохранение и действие института «бийских судов», правда, с некоторыми ограничениями (их решения не должны были противоречить советскому законодательству).

Позиции бийского суда временно укрепились инструкцией отдела юстиции ревкома «О третейском суде» от 24 октября 1919 г., в которой было записано: «Суд посредников при решении дел руководствуется свидетельскими показаниями, обстоятельствами дела, народными правовыми обычаями и личным убеждением, сообразно интересам трудящихся масс» (ЦГА. Ф. 1380. Оп. 1. Д. 10 «А». Л. 95 оборот).

Победа советской власти в годы гражданского противостояния поставила новые задачи, решение которых означало претворение в жизнь ленинских лозунгов, и должно было содействовать укреплению ее позиций в регионе. Так, 26 августа 1920 года ВЦИК и СНК РСФСР приняли Декрет «Об образовании Киргизской (Казахской) Автономной Советской социалистической республики» (далее КазАССР) в составе РСФСР со столицей в Оренбурге. В том же году в Оренбурге состоялся Учредительный съезд Советов Казахстана, принявший Декларацию прав трудящихся Казахской АССР, которая закрепила создание КазАССР. Впрочем, дальнейшему упрочению позиций большевиков в регионе мешали сложившиеся традиционные принципы общественной организации казахского общества.

Особую озабоченность у правительства вызывала слабость местных кадров советской власти, которые проигрывали традиционным хранителям норм общеправовой культуры. С целью ослабления последней, а в последующем и ее упразднения на Учредительном съезде Советов КазАССР, который проходил 4-12 октября 1920 г., представителем секции юстиции Заромским были предложены основные принципы организации советского суда, согласно которым: «Третейские суды на теперешних началах узаконены быть не могут. С организацией правильно созданных народных судов* необходимость в третейских судах в значительной мере отпадает» (Учредительный съезд, 1936: 57). Вместе с тем, на съезде звучали и другие предложения. Так, при обсуждении резолюции съезда председателем уездного ревкома Тургая Б. Каралдиным (1877—1930) было выдвинуто предложение о сохранении родовой присяги и третейского суда, которые, по его мнению, «...весьма широко распространены и ...должны быть сохранены в качестве организации, вполне узаконенной» (Учредительный съезд, 1936: 97). В виду этого съезд не принял окончательного решения по этому вопросу.

Решение Учредительного съезда вызывало неясность правового статуса третейского суда, что в свою очередь приводило к непоследовательности действий исполнительных органов власти в отношении этого института. Так, 1 декабря 1920 г. председатель президиума Оренбургско-Тургайского губернского совета С.В. Остривидов вынужден был констатировать: «...эти суды фактически существуют на территории Кирреспублики, как видно из поступающих в Совнарсад дел и жалоб, и продолжают взыскивать в свою пользу за решение дел, так называемый “бийлык”, при чем решение их обращаются к немедленному исполнению через милицию» (ЦГА РК. Ф. 1380. Оп. 2. Д. 17. Л. 6).

* Определение «правильно созданный народный суд» довольно часто встречается в официальной переписке советских органов. Полагаем, что под ним подразумевался суд, руководствовавшийся в своей деятельности советским законодательством и который, по словам В.И. Ленина, был «...построен на принципе участия трудящихся и эксплуатируемых классов, — и только этих классов, — в управлении государством». См.: *Ленин В.И. Соч.*, Т. 27. С. 191. Очевидно, все остальные суды в крае стоит относить к «неправильно созданным народным судам».

Такая картина наблюдалась повсеместно по всей территории Казахстана, из-за чего Наркомюст КазАССР вынужден был выслать всем губернским судам 20 декабря 1920 г. циркулярное разъяснение, в котором говорилось: «Народные судьи КССР, впредь до издания некоторых предполагающихся изменений должны руководствоваться положением о едином народном суде и декретами Советской Власти, а в случае их неясности и неполноты, народными обычаями, поскольку они не противоречат декретам и основным положениям советской власти, а также общим духом Социалистического законодательства (социалистическим правосознанием)» (ЦГА РК. Ф. 1380. Оп. 2. Д. 17. Л. 7).

Однако уже 25 декабря 1920 г. Народный комиссариат юстиции (НКЮ) КазАССР принял циркуляр № 2 «Об упразднении третейских судов», согласно которому все действующие на территории республики третейские суды признавались «самочинными» и подлежащими «немедленному упразднению» (ЦГА РК. Ф. 1380. Оп. 2. Д. 17. Л. 8). Согласно этому циркуляру началась работа по роспуску и упразднению действующих на территории края третейских судов. В реальности мероприятия органов власти не привели к их фактическому исчезновению. Они продолжали существовать как «аксакальские суды», «аксакальские советы», основанные на традициях казахов. С этого времени большевики начинают менять правовой дискурс в отношении третейских (аксакальских) судов, их стали трактовать в марксистских категориях – «антинародные, антисоветские».

Аналогичная картина складывалась на территории Туркестанской советской республики, в северных районах которой кочевала значительная часть казахов. В 1922 г. заведующий отделом судостроительства Наркомюста Туркеспублики Уразаев в своем докладе «По вопросу об организации передвижных камер нарсудов среди кочевого населения Туркеспублики» отмечал, что «кочевые народы, разбросанные по всем областям Туркеспублики и составляющие 47 % населения», продолжали прибегать к традиционным судам, которые «оставались судами прежних баев», разрешающих споры по нормам адата (ЦГА РУз. Р-38. Оп. 2. Д. 275. Л. 6). Учитывая это, а также то, что обычное право казахов пока еще не противоречило «социалистическому правосознанию и декретам Рабоче-крестьянской власти», Уразаев предлагал создать передвижные камеры народных судов, как «особых форм судостроительства», одной из задач которых была пропаганда норм советского законодательства среди кочевников. Стоит отметить, что к претворению в жизнь данного проекта отдел судостроительства наркомюста Туркеспублики приглашал своих коллег из Казахстана. Однако, судя по ответному письму данная инициатива не нашла должного отклика, поскольку решение вопроса откладывалось на неопределенный срок и «находится еще в периоде разработки» (ЦГА РУз. Р-38. Оп. 2. Д. 275. Л. 13).

В ходе непродолжительной дискуссии в отделе судостроительства наркомюста Туркеспублики было принято постановление «считать проведение этого проекта в жизнь несколько преждевременным», ибо «для осуществления этого положения и проведения его в жизнь требуется ассигновка в 2 миллиарда рублей» (ЦГА РУз. Р-38. Оп. 2. Д. 275. Л. 17 оборот). Конечно, в условиях послевоенного времени данная сумма считалась астрономической, а проект Уразаева ненужным и несвоевременным, к тому же само существование бийских судов считалось «временной мерой, плодом политики и дипломатии» (ЦГА РУз. Р-25. Оп. 1. Д. 1802. Л. 27 оборот).

Очередной удар по этому институту был нанесен в 1924 г., когда были приняты два циркуляра НКЮ КазАССР. В первом документе от 22 августа № 50 говорилось, что «одно запрещение аксакальских судов и признание их решений недействительными не достигнут никакой цели. Поэтому необходимо прибегнуть к репрессивным мерам» (Вестник, 1920). В то же время данный правовой документ не позволял привлекать аксакалов к уголовной ответственности за разрешение

уголовных дел, предусмотренных статьями 151, 153 (ч.1), 172, 173, 175 УК РСФСР, уголовных дел, оканчивающихся примирением сторон, а также за разрешение гражданских дел о наследстве и дел, подсудных трудовым сессиям нарсуда (ЦГА РК. Ф. 1380. Оп. 1. Д. 27. Л. 123). Данное обстоятельство в письме от 8 октября 1924 г. представителя государственного политического управления по КазАССР Каширина наркому юстиции республики Н. Иралину называется «ошибкой, сводящей на нет всю положительную часть Вашего циркуляра» (ЦГА РК. Ф. 1380. Оп. 1. Д. 27. Л. 123). Решение вопроса ставилось в письме принципиально: или аксакальский суд или советские судебные органы. «Всякое исключение ведет к двойственности. Последствия такой путаницы Вами достаточно ярко обрисованы в словах того же циркуляра: “Благодаря тому, что аксакалы, принимая к разрешению уголовные дела, склоняют стороны к примирению, многие преступления в степи остаются безнаказанными”» (ЦГА РК. Ф. 1380. Оп. 1. Д. 27. Л. 123). Наркому юстиции Н. Иралину предлагалось «...взять твердо, решительно и уверенно курс на полное уничтожение аксакальских судов. Само собою, разумеется, что такой курс требует уголовной наказуемости деяний аксакальских судов по преступлениям указанным в 10 ст. Уголовно-Процессуального Кодекса» (ЦГА РК. Ф. 1380. Оп. 1. Д. 27. Л. 123).

Поэтому в том же году принимается другой циркуляр от 30 октября № 68 «Всем Губсудам и Губпрокурорам о привлечении аксакалов к уголовной ответственности за разрешение ими уголовных и гражданских дел», который не препятствовал властям применять судебно-процессуальные действия в отношении последних без каких-либо ограничений и исключений.

С этого момента можно говорить о том, что начинается уголовно-правовое преследование «аксакальских судов». Данная мера, судя по всему, не принесла ожидаемых результатов. В докладе наркома юстиции С. Мамбеева на заседании Совета народных комиссаров республики 28 ноября 1927 г. предлагалось продолжить систематическую борьбу с аксакальскими судами (их обвиняли в должностном взяточничестве, поскольку за свою работу они брали бийлык) (ЦГА РК. Ф. 1380. Оп. 2. Д. 200. Л. 60). В конце того же года участники заседания Комиссии по рассмотрению Положения о третейских судах были вынуждены признать: «Судебно-следственные органы еще не в состоянии обслуживать нужды всего населения и поэтому их в ауле заменяют аксакальские суды» (ЦГА РК. Ф. 1380. Оп. 2. Д. 200. Л. 39). Поэтому член комиссии Рузиев предлагал узаконить как временную меру аксакальские суды. Однако, судя по протоколу заседания комиссии, не все участники поддержали эту инициативу. Так, Аралбаев высказался за «создание какого-то гибкого и близкого населению органа для разбора мелких бытовых дел, которые до сих пор неизбежно разбираются аксакальскими судами» (ЦГА РК. Ф. 1380. Оп. 2. Д. 200. Л. 39-40). На основании решения комиссии ЦИК и СНК КазАССР принимает Постановление «О третейских судах в ауле, кишлаке и селе», в котором отмечалось: «Гражданские дела, по которым сторонами являются частные лица могут по соглашению последних рассматриваться в сельских местностях КазССР третейскими судами» (ЦГА РК. Ф. 1380. Оп. 2. Д. 200. Л. 40).

Постановление ЦИК и СНК республики не столько решило проблему, сколько усложнило. Дело в том, что легитимация правового статуса третейских судов вызвала реанимацию аксакальских судов, «которые по внешней форме подходят к третейским судам» (ЦГА РК. Ф. 1380. Оп. 2. Д. 200. Л. 54). Третейскими судьями тяжущимися сторонами, теперь уже на законных основаниях, выбирались аксакалы, которые решали дела на основании норм обычного права. Для устранения нежелательного для советской власти сосредоточения судебных полномочий в руках представителей традиционного правового института, Наркомюст республики внес на рассмотрение НКЮ РСФСР дополнительную главу к Уголовному Кодексу РСФСР о преступлениях, составляющих пережитки родового строя. В этой

главе интерес представляет 23 статья, предусматривающая «аксакальство», «т. е. принятие к производству и разрешение дел, подлежащих ведению судебных, административных или иных органов лицами, не имеющими на то права, влечет — лишение свободы до 2 лет и штраф до 1000 рублей» (ЦГА РК. Ф. 1380. Оп. 2. Д. 200. Л. 57). Однако уверенности в практическом применении этой статьи у правовых органов не было, так как, по словам наркома юстиции Ж. Садвакасова, население продолжает «обращаться к аксакальским баям и они разрешают судебные дела» (ЦГА РК. Ф. 1380. Оп. 2. Д. 200. Л. 55). Таким образом, можно говорить о том, что борьба большевиков с местными судами привела к формированию скрытого, по терминологии Гриффитса, «слабого» полиюридизма (Griffits, 1986).

Интересно заметить, что инициатива о полной ликвидации третейских судов на территории Казахстана принадлежит именно местным властям: «Одним из пережитков патриархального уклада казахского населения являются существующие у нас по сие время аксакальские суды, которые по внешней форме подходят к третейским судам. Судьями здесь, главным образом, являются аксакалы, баи и кулаки. Стороны обращаются к ним за разрешением судебных дел, и они решают дела зачастую на основании устарелых обычаев, причем их решения, несомненно, идут в разрез тем основным началам, коими судебные органы руководствуются в своей работе. Правительство КАССР давно борется с этими судами, привлекая судей-аксакалов к уголовной ответственности через судебные органы на местах. При наличии такого явления допущением по всей территории КАССР третейских судов, согласно Положения о них, утвержденном ВЦИКом (Собрание Узаконений 1924 г. № 78, ст. 783), значило бы совершенно отказаться от борьбы с аксакальскими судами, так как нет никакой гарантии в том, что те же аксакалы не будут участвовать в разрешении дел в качестве третейских судей. Поэтому президиум КЦИК в заседании своем от января 1928 г. постановил действие существовавшего Положения о третейских судах на аулы не распространять. Сообщая об изложенном, *КЦИК ходатайствует санкционировать указанное постановление* (курсив наш. — авторы)» (ЦГА РК. Ф. 1380. Оп. 2. Д. 200. Л. 53).

Такой общественно-правовой парадокс, на наш взгляд, можно объяснить слабостью местных советских судебно-следственных органов, пока еще сильными родовыми узами казахов, которые приводили к борьбе большевиков за власть с родовыми авторитетами (аксакалами, баями и т. д.) в кочевом ауле[□]. В совокупности эти причины вызвали ходатайство 6 января 1928 г. со стороны республиканских властей в лице ЦИК КазАССР в ВЦИК и СНК РСФСР о нераспространении на казахские аулы действия положения о третейских судах (1924 г.). На основании этого ходатайства ВЦИК и СНК РСФСР за подписью М. Калинина 3 апреля 1928 г. внес дополнение к статье 1 Положения о третейском суде следующего содержания: «Споры о праве гражданском между казахами в сельской местности (аулах) Казахской АССР не могут быть передаваемы на разрешение третейского суда» (ЦГА РК. Ф. 1380. Оп. 2. Д. 200. Л. 171).

Официальная отмена аксакальских (третейских) судов привела, судя по письму временно исполняющего делами наркома юстиции КазАССР Н. Жалнина в президиум КЦИК в конце 1928 г., к скрытым формам бытовых преступлений, «благодаря чему выявление их стало почти невозможным, что крайне осложнило борьбу с ними, ...в результате чего, дела теряют общественное значение, преступники остаются безнаказанными» (ЦГА РК. Ф. 1380. Оп. 2. Д. 200. Л. 215—215 оборот).

С конца 1920-х гг. можно говорить о постепенном исчезновении этого правового института. На их окончательное упразднение повлияли мероприятия «Малого Октября» — политического курса властей по советизации казахского аула и массовой коллективизации кочевого населения**.

Заключение

Таким образом, взяв за основание эволюционный подход, центральные власти придерживались курса на поэтапный процесс инкорпорации местного права в имперское соционормативное пространство. Однако проведение наиболее последовательной и продуманной судебной реформы российского правительства с целью создания унифицированной правовой системы, нацеленной на изменение правового сознания казахов, в определенной степени не увенчалась успехом. Адат продолжал повсеместно использоваться в судебных практиках казахов. Суд биев, претерпев изменения в период реформ российского правительства XIX в., оставался инструментом по регулированию общественных отношений среди казахов. Однако после прихода в 1917 г. к власти большевиков положение суда биев начинает кардинально меняться. Декларативные лозунги советской власти о равенстве и равноправии народов, неустойчивое положение, незнание механизма и путей ломки традиционных институтов, вынуждали Советы в первое время терпимо относиться к политико-правовой культуре народов окраин. В эти годы суды биев продолжали действовать в качестве аксакальских (третейских) судов и советов.

Таким образом, в течение первого десятилетия своего существования советская власть, исходя из сложившейся социально-политической ситуации в крае, меняет свое отношение к обычному праву и традиционным институтам - от лояльного (обычно-правовые нормы признавались и действовали наряду с советским законодательством) к постепенной ликвидации и запрету их деятельности на территории Казахстана.

В 1920-х гг. понятие «бай» имело нарицательное значение, подразумевающего любого классового врага советской власти.

**«Малый Октябрь» секретаря краевой партийной организации Ф.И. Голощекина (1925—1933) претворял в жизнь курс на обострение классовой борьбы в Казахстане под лозунгом «советизации аула», целью которого было изыскание средств для индустриализации путем их перекачки из сельского хозяйства. Превращение единоличных хозяйств в коллективно-колхозные, борьба с байско-кулацким элементом путем конфискации имущества, выселения и репрессии привели к окончательной победе в «классовой борьбе с деревней» государства и, как следствие, исчезновению как класса зажиточной части общества, кризису и развалу кочевого хозяйства. См.: *Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б.* и др. История Казахстана народы и культуры. — Алматы: Дайк-Пресс, 2001. — С. 285–294.

Литература:

Абашин С.Н. (2011) Советская власть и узбекская махалья // Неприкосновенный запас. - № 4(078). - С. 78-96.

Вестник рабоче-крестьянского правительства КАССР (1920). - № 15. - С. 48.

Временное положение о революционном комитете по управлению киргизским краем (1936). Декрет совета народных комиссаров // Учредительный съезд Советов Киргизской (Казакской) АССР. 4-12 октября 1920 г. Протоколы. - Алма-Ата–Москва: Казакстанское краевое издательство. - С. 1-5.

Декреты Советской власти. (1957) Т. 1. - Москва: Политиздат. – 320 с.

Декреты Октябрьской революции (1933) (Правительственные акты, подписанные или утвержденные Лениным, как председателем Совнаркома). - Т. 1. От октябрьского переворота до роспуска Учредительного собрания / Под ред. М.Д. Орахелашвили и В.Г. Сорина. - Москва: Партиздат. - 464 с.

Кенжалиев З.Ж. (1984) Некоторые нормы обычного права в Советском Казахстане в 1917-1920 гг. // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук. - № 1. - С. 66-71.

Кенжалиев З.Ж. (1986а) Уголовно-правовая борьба с пережитками прошлого в Казахстане в 1920-1924 гг. // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук. - № 4. – С. 82-88.

Кенжалиев З.Ж. (1986b) Декреты Казахской Автономной Советской Социалистической Республики, отменившие патриархально-феодалные обычное-правовые институты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Алма-Ата: ИФиП КазССР. - 22 с.

Кенжалиев З.Ж., Даулетова С.О. (1993) Казахское обычное право в условиях Советской власти (1917-1937 гг.). - Алматы: Гылым. - 143 с.

Мажитова Ж.С. (2014a) Виды доказательств в казахском традиционном суде в отражении российской историографии XIX в.» // История государства и права. - № 23. - С. 23-27.

Мажитова Ж.С. (2014b) Институт биев в казахском обществе: к историографии происхождения термина // Вестник Московского университета. Серия 8. История. - № 6. - С. 37-55.

Мажитова Ж.С. (2015a) Институт биев: подходы и интерпретации в российской и казахстанской историографии. Монография. - Москва: «КДУ», «Университетская книга». - 352 с.

Мажитова Ж.С. (2015b) Суд биев в казахском традиционном обществе (по материалам дореволюционной российской историографии второй половины XIX – начала XX века) // Вестник Новосибирского государственного ун-та. Серия «История, филология». - Т. 14. - Вып. 5. - С. 97-103.

Мажитова Ж.С. (2016) Дискуссии о путях реформирования суда биев в дореволюционной российской историографии (середина XIX – начало XX вв.) // Вестник КазНПУ имени Абая. Серия «Исторические и социально-политические науки». - № 3(50). - С. 184-190.

Мажитова Ж.С., Ибраева А.Г. (2017) Суды биев и правовой плюрализм в Казахской степи (по материалам чиновников Оренбургской пограничной комиссии) // Вестник КазНПУ имени Абая. Серия «Исторические и социально-политические науки». - № 2(53). - С. 183-189.

Материалы по введению русской политической системы управления в Казахстане (1999). - Алматы: Қазақ университеті, - 255 с.

Сафаров Г.И. (1921) Колониальная революция (Опыт Туркестана). - Москва: Госиздат. - 148 с.

Степной закон. Обычное право казахов, киргизов и туркмен (2000) / Сост., автор вступ. статьи, коммент. и глоссария А.А. Никишенков; под общ. ред. Ю.И. Семенова. Москва: Старый сад. 288 с.

Учредительный съезд Советов Киргизской (Казахской) АССР (1936): Протоколы. - Алма-Ата–М.: Казакстанское краевое издательство. - 128 с.

ЦГА — Центральный государственный архив Республики Казахстан.

ЦГА РУз — Центральный государственный архив Республики Узбекистан.

Griffiths J. (1986) What is Legal Pluralism? // Journal of Legal Pluralism. - № 24.

References:

Abashin S.N. (2011) Sovetskaya vlast' i uzbekskaya mahalya [Soviet power and Uzbek mahalya] // Neprikosnovennyj zapas. - № 4(078). - pp. 78-96. [in Russia].

Vestnik raboche-krest'yanskogo pravitel'stva KASSR (1920) [Announcer of working-peasant government of KASSR]. - № 15. - St. 48. [in Russia].

Vremennoe polozhenie o revolyucionnom komitete po upravleniyu kirgizskim kraem (1936). Dekret soveta narodnyh komissarov [Temporal position about a revolutionary committee on a management by the Kirghiz edge. Decree of advice of folk commissars] // Uchreditel'nyj s'ezd Sovetov Kirgizskoj (Kazakskoj) ASSR. 4-12 oktyabrya 1920 g. Protokoly. - Alma-Ata–Moscow: Kazakstanskoe kraevoe izdatel'stvo. - pp. 1-5. [in Russia].

Dekrety Sovetskoj vlasti (1957) [Decrees of Soviet power]. T. 1. - Moscow: Politizdat.

- 320 p. [in Russia].

Dekrety Oktyabr'skoj revolyucii (1933) (Pravitel'stvennyye akty, podpisannyye ili utverzhdennyye Leninyim, kak predsedatelem Sovnarkoma) [Decrees of October revolution (Governmental acts, signed or ratified by Lenin, as chairman of soviet folk commissariat)]. - T.1. Ot oktyabr'skogo perevorota do rospuska Uchreditel'nogo sobraniya / Pod red. M.D. Orahelashvili i V.G. Sorina. - Moscow: Partizdat. - 464 p. [in Russia].

Kenzhaliev Z.Zh. (1984) Nekotorye normy obychnogo prava v Sovetskom Kazahstane v 1917-1920 gg. [Some norms of ordinary right in Soviet Kazakhstan in 1917-1920 years] // Izv. AN KazSSR. Ser. obshchestv. nauk. - № 1. - pp. 66-71. [in Russia].

Kenzhaliev Z.Zh. (1986) Ugolovno-pravovaya bor'ba s perezhitkami proshlogo v Kazahstane v 1920-1924 gg. [Criminal and legal fight against vestiges of the past in Kazakhstan in 1920-1924 years] // Izv. AN KazSSR. Ser. obshchestv. nauk. - № 4. - pp. 82-88. [in Russia].

Kenzhaliev Z.Zh. (1986) Dekrety Kazahskoj Avtonomnoj Sovetskoj Socialisticheskoy Respubliki, otmennivshie patriarhal'no-feodal'nye obychno-pravovyye instituty [Decrees of Kazakh Autonomous Soviet Socialist Republic, abolishing patriarchal-feudal usually-legal institutes]: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. - Alma-Ata: IFiP KazSSR. - 22 p. [in Russia].

Kenzhaliev Z.Zh., Dauletova S.O. (1993) Kazahskoe obychnoe pravo v usloviyah Sovetskoj vlasti (1917-1937 gg.) [Kazakh ordinary right in the conditions of Soviet power (1917-1937 years)]. - Almaty: Gylym. - 143 p. [in Russia].

Mazhitova Zh.S. (2014a) Vidy dokazatel'stv v kazahskom tradicionnom sude v otrazhenii rossijskoj istoriografii XIX v.» [Types of proofs in the Kazakh traditional court in reflection of the Russian historiography of the XIX century] // Istoriya gosudarstva i prava. - № 23. - pp. 23-27. [in Russia].

Mazhitova Zh.S. (2014b) Institut biev v kazahskom obshchestve: k istoriografii proiskhozhdeniya termina [Institute of biys in the Kazakh society: towards a historiography of the origin of the term] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya. - № 6. - pp. 37-55. [in Russia].

Mazhitova Zh.S. (2015a) Institut biys: podhody i interpretacii v rossijskoj i kazahstanskoj istoriografii [The Institute of Biys: approaches and interpretations in the Russian and Kazakh historiography]. Monograph. - Moscow: «KDU», «University Book». - 352 p. [in Russia].

Mazhitova Zh.S. (2015b) Sud biev v kazahskom tradicionnom obshchestve (po materialam dorevolucionnoj rossijskoj istoriografii vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka) [Court of biys in the Kazakh traditional society (based on the materials of pre-revolutionary Russian historiography of the second half of XIX-early XX century)] // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo un-ta. Seriya «Istoriya, filologiya». - T. 14. - Vyp. 5. - pp. 97-103. [in Russia].

Mazhitova Zh.S. (2016) Diskussii o putyah reformirovaniya suda biev v dorevolucionnoj rossijskoj istoriografii (seredina XIX - nachalo XX vv.) [Discussions on ways of reforming the court of biys in pre-revolutionary Russian historiography (mid XIX – early XX centuries.)] // Vestnik KazNPU imeni Abaya. Seriya «Istoricheskie i social'no-politicheskie nauki». - № 3(50). - pp. 184-190. [in Russia].

Mazhitova Zh.S., Ibraeva A.G. (2017) Sudy biev i pravovoj plyuralizm v Kazahskoj stepi (po materialam chinovnikov Orenburgskoj pogranichnoj komissii) [Courts of biys and legal pluralism in the Kazakh steppe (based on the materials of officials of the Orenburg border Commission)] // Vestnik KazNPU imeni Abaya. Seriya «Istoricheskie i social'no-politicheskie nauki». - № 2(53). - pp. 183-189. [in Russia].

Materialy po vvedeniyu russkoj politicheskoy sistemy upravleniya v Kazahstane (1999) [Materials on the introduction of the Russian political system of governance in Kazakhstan]. - Almaty: Kazak universiteti, 255 p.

Safarov G.I. (1921) Kolonial'naya revolyuciya (Opyt Turkestana) [Colonial revolution (Experience of Turkestan)]. - Moscow: Gosizdat. - 148 p. [in Russia].

Stepnoj zakon. (2000) Obychnoe pravo kazahov, kirgizov i turkmen [Steppe law. Ordinary right for Kazakhs, Kirghiz and Turkmen] / Sost., avtor vstup. stat'i, komment. i glossariya A.A. Nikishenkov; pod obshch. red. YU.I. Semenova. - Moskva: Staryj sad. - 288 p.

Uchreditel'nyj s'ezd Sovetov Kirgizskoj (Kazahskoj) ASSR (1936): Protokoly [Constituent convention of Advices Kirghiz (Kazakh) ASSR: Protocols]. - Alma-Ata-Moscow: Kazakstanskoe kraevoe izdatel'stvo. *128 p. [in Russia].

CGA RK - Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan [Central state archive of the Republic of Kazakhstan].

CGA RUz. - Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Uzbekistan [Central state archive of the Republic of Uzbekistan].

Griffits J. (1986) What is Legal Pluralism? // Journal of Legal Pluralism. - № 24. [In English].

МРНТИ 0327

Владимир Сергийчук¹

¹профессор Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, доктор исторических наук

ГОЛОДОМОР 1932-1933 ГОДОВ КАК ГЕНОЦИД УКРАИНЦЕВ: ПРАВОВОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ, КОЛИЧЕСТВО ЖЕРТВ

В статье рассматривается вопрос о признаках геноцида во время Голодомора 1932-1933 годов в Украине через оценку действий большевистской власти СССР. В частности, к причинам, приведшим к этой трагедии, называются принудительное изъятие продовольствия у крестьян, запрет голодающему населению выехать в другие регионы страны за хлебом, замалчивание голода перед мировой общественностью с целью скрытия преступления и отказ принять продовольственную помощь от международного сообщества. Кроме этого, к уменьшению количества украинцев в СССР привело прекращение украинизации, а также переселение в вымершие украинские села представителей других народностей, в первую очередь русских. Утверждается, что в 1932-1933 годах в Украине от голода погибло от 7 до 10 миллионов человек.

Ключевые слова: коллективизация, признаки Голодомора-геноцида 1932-1933 годов в Украине, количество жертв.

Volodymyr Serhiichuk¹

¹Professor of the Taras Shevchenko National University of Kyiv,
Doctor of Historical Sciences

HOLODOMOR 1932-1933 AS A GENOCIDE OF UKRAINIANS: LEGAL DEFINITION, NUMBER OF VICTIMS

The article deals with the question of the signs of genocide during the Holodomor of 1932-1933 in Ukraine through the evaluation of the actions of the Bolshevik power of the USSR. In particular, the reasons leading to this tragedy are the forced withdrawal

of foodstuffs from the peasants, the prohibition to the starving population to go to other regions of the country for bread, hushing up the hunger before the world community with a view to concealing the crime and refusal to accept food aid from the international community. In addition, the reduction in the number of Ukrainians in the USSR was caused by the cessation of Ukrainianization, also the resettlement to the extinct Ukrainian villages of representatives of other nationalities, primarily Russians. It is alleged that between 1932 and 1933, 7 to 10 million people died from starvation in Ukraine.

Keywords: collectivization, signs of the Holodomor-genocide of 1932-1933 in Ukraine, number of victims.

Введение

В XX столетии украинский народ понес самые крупные потери среди своих соседей. И на протяжении многих десятилетий нам разрешали вспоминать лишь тех, кто погиб за установление или утверждения коммунистической власти. Одновременно запрещалось даже помнить тех, кто погиб за украинскую государственность. Под строжайшим запретом была и память о голодоморах, а тем более о многомиллионных жертвах 1932-1933 годов, что стало следствием геноцида украинства.

Основная часть

В свете Конвенции ООН о предотвращении преступлений против человечества считаем за необходимым указать на следующие признаки геноцида во время Голодомора 1932-1933 годов, который осуществлялся большевистской властью СССР:

1. Изъятие продовольствия. Осознав еще в 1919 году, что судьбу Российской советской республики решает в первую очередь украинский хлеб, большевики уже никогда не отступали от этого убеждения, развязывая проблемы своей власти как внутри страны, так и на внешнем именно через присвоение результата самого важного труда нашего крестьянина.

Это отчетливо просматривалось в действиях Кремля уже с конца 1920-х годов. И когда с урожая 1931 года в крестьян забрали почти все, то с начала 1932 года в Украине разразился небывалый голод. В частности, 15 мая 1932 года секретарь Винницкого обкома партии Алексеев писал генеральному секретарю ЦК КП (б) У Станиславу Косиору: в Уманском районе «в селе Фурманка за 10 дней апреля от недоедания умерло 27 душ, а с 1/V по 5/V еще 24 чел (ЦГАООУ: Ф. 1. – Оп. 20. – Д. 5256. – Л. 27).

В апреле этого года подобрано по г. Умани на улицах 48 мертвецов, причина – недоедание. Подобранные мертвецы – сельяне, частично сел Уманского и других районов» (ЦДАГОУ: Ф. 1. – Оп. 20. – Спр. 5256. – Арк. 28).

*В основание статьи положено выступление автора на Международной конференции в Калифорнийском университете (Фресно, США) в октябре 2017 года.

В Бабанском районе в апреле 1932 года, как свидетельствовал тот же Алексеев, от голода умерло: в Подвисоцком - 20 человек, Ляtkивцах – 12, Косенивке – 9, Камянечем – 37, Вишнеполье - 61(ЦГАООУ: Ф. 1. – Оп. 20. – Д. 5256. – Л. 29).

А в спец сообщении Винницкого облотдела ГПУ от 27 июня 1932 года указывается, что в селе Животивка Оративского района за два дня умерло 18 человек, а на протяжении весны - 120. В Осичном 20 июня умерло 9 человек, а «за весь период продзатруднений умерло 139 человек». В Оратове за один день умерло 8, а всего – 80, в Ключах – 20... (ГАВО: Ф. П-136. – Оп. 3. – Д. 11. – Л. 11 – 13).

О массовом голоде в Украине сообщается в письме Сталину еще 15 марта 1932 года Косиором. Последний указывал тогда, что «свыше 70 % всех смертей падает на Днепропетровскую область. Из 49 районов области тяжелыми есть 35 районов. На втором месте Киевская область, 31 район тяжелый» (ЦГАООУ: Ф. 1. – Оп. 20.

– Спр. 5460. – Арк. 7).

Особенно тяжелое положение, указывал Косиор, «так называемых поворотцев, т. е. тех, кто во время коллективизации вместе с семьей бродил где то, а теперь у значительных колличеств возвращаются в свои села и колхозы. Вот почему голодующие есть почти во всех районах...» (там же. - Л. 8).

Ничего подобного о массовом голоде на территории России весной 1932 года, скажем, не сообщается таким авторитетным пензенским исследователем, как Виктор Кондрашин. В тоже время он утверждает, что в 1932 году «сам факт голода на Украине был шоком для русских крестьян. Показательна в этом плане реакция белорусов. Летом 1932 г. Белоруссия оказалась заполнена голодающими сельскими жителями с Украины. Изумленные белорусские рабочие писали в «Правду» и высшему руководству страны, что они не помнят, чтобы когда бы то ни было «Белоруссия кормила Украину» (Кондрашин В. Голод 1932-1933 годов: трагедия российской деревни. - Москва, 2008. - С. 241).

Кстати, Виктор Кондрашин приводит факты, подтверждающие смертность от голода в российских деревнях только в 1933 году. Например, «на территории Малошербининского сельсовета Романовского района Нижне-Волжского края из 151 умершего в 1933 г. 103 чел. зарегистрированы загсом как умершие от «голода», «истощения», «истощенности», «отошания» и т. д. В 1932 г. смертность на территории данного сельского Совета составила 18 чел., и никто от указанных выше причин не умер» (там же. - С. 184, 185).

Что касается конкретного плана заготовок с урожая 1932 года, то 21 июня 1932 года в ЦК КП (б) У и Совнарком УССР за подписью Сталина и Молотова была направлена телеграмма, в которой указывалось выполнить план при любых условиях (Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925 – 1936 гг. – М., 1995. – С. 242).

Как это осуществлялось на практике, можно узнать только из секретного решения ЦК КП (б) У, в котором приводились факты выполнения хлебозаготовок «при любых условиях»: «несдатчиков хлеба и других государственных поставок, вызывая в сельсоветы, раздевали до гола, заставляли стоять на коленях, наклеивали на грудь плакаты с разными написями и водили по селу, им наносили тяжелые побои; раздевали женщин, выводили их в таком виде на мороз и в степь, держали по несколько дней в холодных ямах, не давали кушать и спать, били револьверами, разрушали строения, хаты, печи, расшивали кровли (хат) несдатчиков, организовывали сквозняки и т. п. нечеловеческие истязания...» (ЦГАООУ: Ф. 1. - Оп. 20. – Д. 5488. – Л. 17).

А суды и прокуратура старались при этом неукоснительно выполнять утвержденную ЦК ВКП (б) инструкцию Верховного суда СССР, прокурора Верховного суда и ГПУ о внедрении в жизнь закона ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 года об охране общественной собственности. Так, по состоянию на 29 декабря 1932 року было отправлено областным судам 552 копии по расстрельным делам, рассмотренных с 1 ноября по 28 декабря: Днепропетровская область – 150, Киевская – 69, Винницкая – 66, Одесская – 71, Молдавская АССР – 19, Харьковская – 111, Черниговская – 2, Донецкая – 70 (там же. – Л. 87).

С целью добиться выполнения этих нереальных планов, российские большевики, кроме того, задействуют так называемые черные доски, когда вооруженной силою окружали селения и вывозили оттуда все продовольственные товары, а наиболее непокорных власти жителей арестовывали. Массово эти драконовские акции применяются в первую очередь на Кубани. Так, 4 ноября бюро Северокавказского крайкома ВКП (б) при участии Лазаря Кагановича и Анастаса Микояна принимает решение о введении «черных досок» в отношении первых трех станиц, которые, как считают большевистские функционеры, саботируют хлебозаготовки.

В самой Украине систему «черных досок» почувствовали на себе свыше

десяти миллионов крестьян. Уже 9 ноября 1932 года Станислав Косиор, получив сталинскую директиву брать за пример в борьбе за выкачку хлеба упомянутое выше постановление Северокавказского крайкома ВКП (б), угрожает руководителям районов УССР подобными акциями (ЦГАООУ: Ф. 1. – Оп. 20. – Д. 5384. – Л. 122).

А 6 декабря 1932 года Совнарком УССР и ЦК КП (б) У за подписями Чубаря и Косиора приняли постановление «О занесении на черную доску сел, которые злобно саботируют хлебозаготовки» (ЦГАВОВУ: Ф. 423. – Оп. 6. – Д. 1183. – Л. 40).

Через три дня после этого заместитель наркома снабжения УССР Берлин разослал телеграмму в областные торговые организации о немедленном прекращении завоза товаров и вывоза их запасов из указанных в постановлении б сел (там же. – Л. 39).

Тот же Берлин 20 декабря 1932 года срочно разъяснял своим подчиненным в областях, что это указание касается всех без исключения товаров, в том числе спичек, керосина и соли (там же. – Л. 93).

А окончательным ударом по голодному селу была телеграмма Сталина от 1 января 1933 года ЦК КП (б) У в отношении добровольной сдачи припрятанного хлеба, после чего в украинских селян будут выметать все съедобное, и они будут обречены на голодную смерть. В украинском селе на централизованное продовольственное обеспечение тогда могло рассчитывать только 2.147,4 тыс. чел. из наявных 25.553 тыс. жителей (ЦГАВОВУ: Ф. 423. – Оп. 6. – Д. 1283. – Л. 35).

К чему это привело можно узнать из воспоминаний выживших. Вот одно из Луганщины: «Шла со своим крестным отцом по Айдар-Николаевке. В одном дворе стоит девочка лет шести и плачет. Мы спросили: «Девочка, чего ты плачешь». Она сказала: «Я есть хочу». «А папа и мама у тебя есть?». «Они не разговаривают», - ответила она. Из хаты доносился детский плач. Мы зашли в хату, увидели страшное – отец лежал на земле мертвый, мать на помосте тоже мертвая, у нее на груди – годовалый пухлый мальчик, он кричал и тербил ее за одежду, надерсь добраться до груди. Это страшно вспомнить.

В школе каждый день не досчитывались учеников. Учитель спрашивает: «Почему нет сегодня Вани и Коли?». Ответ один: «Они уже умерли» (Вестник Новоайдаровщины. – 1993. – 24 июля).

Бывший директор неполно средней школы на Полтавщине Иванюк свидетельствовал, что из 225 учеников на 1 сентября 1932 года весной 1933 пришли на занятия только 109 детей (Українські вісті (Новый Ульм). – 1953. – 22 декабря).

Да, беспристрастная статистика подтвердила потери украинской детворы уже осенью 1933 года: скажем, если в Петриковском районе Днепропетровской области в 1932 году в первый класс пошло 1737 учеников, во второй - 1275, в третий – 1126, в четвертый – 1121, а всего в начальные классы – 5259, то в следующем учебном году картина была совсем другой. Соответственно цифры были такими: 1313, 911, 749, 759 и 3724 (ГАДО: Ф. П-19. – Оп. 1. – Д. 483. – Л. 154).

То есть, почти половина ребят не продолжили учебу, поскольку уже лежали в сырой земле. Кстати, детские потери 1933 года скажутся на наполнении школ Петриковского района и в 1939, и 1940 годах, когда в начальную школу придут рожденные в 1932 - 1927 годах:

Годы	1 кл.	2 кл.	3 кл.	4 кл.	1 – 4 кл.
1932	1737	1275	1126	1121	5259
1933	1313	911	749	759	3724
1939	920	1261	1375	1348	4904
1940	770	922	1266	1385	4343

(ГАДО: Ф. Р-3101. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 103 об.).

В тоже время, когда местные крестьяне умирали от недостатка продовольствия, секретарь Днепропетровского обкома партии Хазанов просит секретаря ЦК ВКП (б)

Кагановича санкционировать продажу зерна завербованным из Средневожского края на стройки области колхозникам с правом вывоза его из Украины (ЦГАООУ: Ф.1. – Оп. 20. – Д. 6243. – Л. 71).

2. Запрет на выезд за хлебом. Оставшись без продуктов питания, украинские крестьяне пробовали запастись ими в соседней России и Белоруссии. Второго мая 1933 года генеральный секретарь ЦК КП (б) У Косиор по дороге из Старобельска в сторону Марковки нынешней Луганской области «своими глазами увидел опухших людей, которые еле двигались в сторону Воронежской области, неся с собой нехитрый домашний скарб, чтобы в россиян выменять вещи на то, что можно съесть. Были и такие, что гибли прямо по дороге» (Радянське слово (Марковка). – 1993. – 13 октября).

Как свидетельствуют жители Донцовки Новопсковского района Луганской области, они ходили в Воронеж менять барахло на хлеб и муку. Колхозный механизатор Павел Калиниченко из Новопскова весной 1933 года также бросил работу и подался со старшей сестрой в Воронеж: «Итти пришлось пешком несколько суток, ночевать где придется. На повозках они везли одежду, некоторые домашние пожитки, чтоб обменять их на продукты питания. Юноше пришлось снять с себя свою наилучшую рубашку-вышиванку и обменять ее на тарелку муки, а за картуз выменял тогда двадцать картофелин. Вернувшись домой с некоторым запасом харчей, Калиниченкам удалось спастись от голодной смерти. А соседи не выжили... Понесли непоправимые потери семьи Ковалевых, Дмитренкив, Зинченкив...» (Перемога (Новопсков). – 1993. – 19 октября).

Но советская власть, изъяв все продовольствие в украинского населения, вскоре не позволила ему раздобывать его в других регионах СССР. Постановление ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР за подписями Сталина и Молотова от 22 января 1933 года о запрете выезда касалось крестьян Украины и Кубани, где по переписи 1926 года украинцев насчитывалось 915.450, то есть больше двух третей от всего населения.

Этим документом, кстати, карательным органам поручалось арестовывать тех «крестьян Украины и Северного Кавказа, что пробрались на север», а после того, когда среди них будут отобраны «контрреволюционные элементы, возвращать других в места их проживания» (ЦДАГОУ: Ф. 1.- Оп. 20.- Д. 5243.- Л. 237).

По состоянию уже на 14 февраля 1933 года было задержано 31.783 чел., из которых 28.351 возвращено в места их прежнего проживания, а 3.434 привлечено к ответственности, 579 отобрано для направления в Казахскую АССР (Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ – НКВД. – Январь 1922 – декабрь 1936. - С. 406, 407).

3. Соккрытие правды о голодоморе. Третий признак геноцида украинства со стороны большевистской власти - это сознательное соккрытие правды о Голодоморе перед мировой общественностью, которая могла бы оказать продовольственную помощь голодающему населению. Известно, что небольшой части голодных украинских крестьян удалось прорваться через советскую границу в Польшу и Румынию, где они рассказывали о страшных событиях, творившихся на их родине.

Но большевистские вожди задействовали широкомасштабную систему дезинформации, в которую были втянуты выдающиеся деятели мировой культуры Ромен Роллан, Бернард Шоу, премьер-министр Франции Эрио. Именно они после ознакомления со специально подготовленными объектами убеждали мир об отсутствии голода в Украине. В частности, в докладной советского дипломата Величко, который сопровождал Эрио в поездке по Украине, указывалось, что последний «интересовался тем, что ему показывали, и тем, что он видел из окна вагона или из автомобиля» (ЦГАООУ: Ф. 1. – Оп. 20. – Д. 6204. – Л. 111). Поэтому и неудивительно, что «он вынес твердое убеждение, что никакого голода в нас нет...» (там же. – Л. 111 зв.). В тоже время подкупленный Сталиным американский журналист Волтер Дюранти сознательно скрывал правду о голоде в своих

материалах на страницах «Нью-Йорк таймс».

4. Отказ от продовольственной помощи из Запада. Четвертый признак геноцида большевистской власти в Украине - это сознательно недопущение той материальной помощи для голодающих в Украине, которую всё-таки организовывала наша эмиграция. Кроме того, даже денежную помощь, которую переводили из Германии (сам Гитлер сдал в фонд помощи голодающим немцам Украины тысячу марок), большевистская власть насильственно забирала себе, обрекая тех, кому адресовались средства, умирать. Доведя украинское крестьянство до такого состояния, Москва в тоже время грела на этой трагедии руки, организовав систему так называемых торгсинов, которые фактически даром скупали в голодных людей золото, серебро и другие ценности – 33 тонны золота и 1420 тонн серебра было таким образом изъято в населения.

По этому поводу специальные решения могли приниматься только в Москве. К примеру, вопрос о скупке серебра Торгсином рассматривался на заседании политбюро ЦК ВКП (б) 24 ноября 1932 года (Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б). Повестки дня заседаний 1919 – 1952. – Т. II. 1931– 1939. – С. 375).

5. Доприиселение в вымершие украинские села. Это процесс переселения в вымершие украинские села жителей России и Белоруссии, чем сознательно размывалась сплошная украинская этническая территория, в частности, в юго-восточных областях Украины. А впервые это было апробировано касательно кубанской станицы Полтавская, в которую после ее депортации в Казахстан вначале 1933 года уже начали прибывать уволенные в запас красноармейцы и ветераны ОГПУ - по 350 с Ленинградского, Белорусского и Московского военных округов, 250 - с Украинского и 200 - с Приволжского. В конце месяца их уже насчитывалось здесь свыше двух тысяч. В переименованной на Красноармейскую начал выходить боевой листок «Красноармейская звезда». На это переименование краевая газета «Молот» откликнулась таким пассажем: «Нет больше «черной станицы» Полтавской, а есть цветущая станица Красноармейская». В другом выпуске этой газеты на первой странице большими буквами было набрано: «Нет больше станицы Полтавской-националистического кулацко-петлюровского гнезда на Кубани! Есть станица Красноармейская - верная опора советской власти и колхозного строя!» (цит. за: Проблеми історії України. Факти, судження, пошуки. Міжвідомчий збірник наукових праць. Спеціальний випуск. - С. 124).

Как свидетельствует российский исследователь В. Чуркин, операция по уничтожению украинства Кубани и заселения ее выходцами из российской глубинки планировалась заблаговременно и разрабатывалась очень тщательно. Так, за неделю до депортации станицы Полтавской заместитель наркома по военным и морским делам СССР Михаил Тухачевский подписал секретную директиву, которой предусматривалось к 10 января 1933 года осуществить отбор «особенно надежных в политическом отношении» среди тех, кто был в армейских рядах для заселения опустевших хат. При этом особенно акцентировалось, что „уроженцы Северного Кавказа и Украины вербовке не подлежат” (цит. за: Чуркин В. Неизвестная война. - С. 145).

Не менее болезненным ударом по суцільній украинской этнической территории были последствия Голодомора-геноцида в УССР. Уже с весны 1933 украинские села были страшными пустками. К осени это страшное видение еще больше усилилось – были целые села, особенно в степной части Украины, где фактически не осталось жителей. Понятно, Москву этот вопрос волновал лишь в плане отсутствия рабочей силы, которая должна возделывать опустелый чернозем. Поэтому необходимо было переселить сюда тех, кто будет выращивать хлеб, восстановит животноводство. И в первую очередь сюда должны были привезти выходцев с неукраинских регионов. Этой проблемой в 1933 году, опять таки самым активным образом опекался Лазарь Каганович, который вопрос о переселении в

Украину и на Северный Кавказ докладывал на заседании политбюро 15 октября 1933 года (Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б). – Т. II. – С.468).

В результате, в порядке первоочередности в районы тогдашней Одесской области переселяли с осени 1933 года: Великоалександровского – 500 семей (из БСРР), Ровнянского – 900 (из Горьковского края), Компанеевского – 800 (БССР), Каховского – 406 (БССР), Новоукраинского – 1.100 (БССР), Зиновьевского – 500 (БССР), Снегуриевского – 400 (БССР), Великовиковского – 800 (БССР), Любашевского – 300 (Горьковский край), Вradiевский – 600 (Горьковский край), Кривоозерский – 200 (Горьковский край); в Днепропетровскую из Западной области (нынешняя Смоленщина в основном): Белозерского – 450, Новотроицкого – 450, Лепетиского – 780, Великотокмацкого – 500, Мелитопольского – 500, Михайловского – 300, Люксембурзского – 300, Новосерогозского – 550, Акимовского – 600, Апостоловского – 500, Васильевского – 300, Васильковского – 650, Долинского – 400, Божедаровского – 300; в Донецкую из Ивановской области: Беловодского – 600, Белолуцкого – 500, Новопсковского – 600, Старокоранского – 400, Старобельского – 350, Сватовского – 150, Покровского – 510, Марковского – 390; в Харьковскую из Центрально-Черноземной области: Сахновщанского – 1600, Краснокутского – 750, Двуречанского – 600, Близнюкиевского – 550, Тростянецкого – 250, Великобурлукского – 250, Красноградского – 300, Барвенковского – 200 (ЦГАООУ: Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 2417. – Л. 75 – 80).

Постановлением Совнаркома СССР для этой категории переселенцев предусматривались всяческие льготы в местах выезда, обеспечения в дороге и по прибытии на место вселения. В частности, выделялось 250 походных кухонь с военными поварами (Голодомор 1932 – 1933 років в Україні. Документи і матеріали. Упорядник Р. Пиріг. – С. 969).

Кроме того, в дороге им, как это указывалось в специальной телеграмме, должны были выдавать газеты на русском языке. Ясно, что и на местах вселения сразу же организовывались русские класы и школы, что усилит ассимиляцию украинского крестьянства, в первую очередь юго-восточных областей. Вот как это выглядело в колхозах Тростянецкого района нынешней Сумской области:

1. Путь к коммунизму	41	русские 39	русская школа	
2. Коммунар	17	- «	17	- «-
3. им. Ленина	45	- « -	не охвач.	- « -
4. им. Сталина	28	- « -	12	- «
5. Перемога				
незаможника	80	- « -	80	- « -

(ЦГАВОВУ: Ф. 539. – Оп. 19. – Спр. 219. – Арк. 105).

Политика допри селения в УССР инородцев будет продолжена и в 1934 году. Тогда, 26 марта, ЦК КП (б) У предложит обкомам партии подать дополнительные заявки на переселение в УССР, учитывая количество свободного жилья по каждому району. В конце апреля заявки поступили от Днепропетровской области, которая просила дополнительных 5.000 хозяйств, Донецкой – 10.000, Одесской – 7.000, Харьковской – 7.000, Молдавской АССР – 340, всего - 27.340 (ЦГАООУ: Ф. 1. – Оп. 20. – Д. 6585. – Л. 3).

Кроме пополнения вымерших украинских сел выходцами из неукраинских регионов, будет поставлено задание заселить пограничные колхозы демобилизованными из рядов Красной армии. Датированная 19 февраля 1934 года директива по этому поводу звучала именно так: «Вербовку производить на добровольных началах из кр-цев и мл. командиров кадра, предстоящих к увольнению в бессрочный отпуск в 1934 году, кроме уроженцев Азовско-Черноморской и Северо-Кавказских областей и Казахстанской автономной республики. Вербовку производить из лучших ударников боевой и политической подготовки. Среди завербованных должно быть не менее 75-80 % партийцев и

комсомольцев, а рабочих не должно быть более 15 %)» (ЦГАООУ: Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 2417. – Л. 70). **То есть, речь шла о том, чтобы в украинские села не попали собственно украинцы, в том числе из Казахстана.**

6. Прекращение украинизации. На территории УССР. Голодомор 1932-1933 годов привел не только к физическому уничтожению украинства. Значительные потери наша нация понесла и от в мотивированных репрессиями отказов от украинства, особенно после постановления ЦК ВКП (б) и Совнаркома СССР от 14 декабря 1932 года «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области», где Москва означила очень четко свое отношение к украинизации: «ЦК и СНК отмечают, что вместо правильного большевистского проведения национальной политики в ряде районов Украины украинизация проводилась механически, без учета конкретных особенностей каждого района, без тщательного подбора большевистских украинских кадров, что облегчило буржуазно-националистическим элементам, петлюровцам и пр. создание своих легальных прикрытий, своих контрреволюционных ячеек и организаций...

Предложить ЦК КП (б) и СНК Украины обратить серьезное внимание на правильное проведение ее, изгнать петлюровские и другие буржуазно-националистические элементы из партийных и советских организаций, тщательно подбирать и воспитывать украинские большевистские кадры, обеспечить систематическое партийное руководство и контроль за проведением украинизации» (ЦГАООУ: Ф. 1.- Оп. 20.- Д. 5243.- Л. 237).

Оставив без внимания этот документ, составители московского сборника «Голод в СССР» заявляют: «Не обнаружен ни один документ, подтверждающий концепцию «голодомор – геноцид» на Украине или хотя бы намек в документах на этнические мотивы случившегося, в том числе в Украине» (Голод в СССР. – С. 7).

За пределами УССР. Уже упомянутое постановление ЦК ВКП(б) и Совета Народных Комиссаров СССР ” О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области «от 14 декабря 1932 года не только указывает «Северокавказскому крайкому и крайисполкому, что легкомысленная, не вытекающая из культурных интересов населения, не большевистская «украинизация» почти половины районов Севкавказа при полном отсутствии контроля за украинизацией школы и печати со стороны краевых органов дала легальную форму врагам советской власти со стороны кулаков, офицерства, реэмигрантов-казаков, участников Кубанской Рады и т.д.», но и ставит задание с целью «разгрома сопротивления хлебозаготовкам кулацких элементов и их партийных и беспартийных прислужников» принять целый ряд репрессивных мер:

«а) Выселить в кратчайший срок в северные области СССР из станицы Полтавской (Северный Кавказ), как наиболее контрреволюционной, всех жителей за исключением действительно преданных соввласти и не замешанных в саботаже хлебозаготовок колхозников и единоличников и заселить эту станицу добросовестными колхозниками-красноармейцами, работающими в условиях малоземелья и на неудобных землях в других краях, передав им все земли и озимые посевы, строения, инвентарь и скот выселяемых» (ЦГАООУ: Ф. 1.- Оп. 20.- Д. 5243.- Л. 237).

Вместе с тем это постановление запрещает в дальнейшем развитие украинской духовности в заселенном украинцами регионе:

«д) Немедленно перевести на Северном Кавказе делопроизводство советских и кооперативных органов „украинизированных» районов, а также все издающиеся газеты и журналы с украинского языка на русский язык, как более понятный для кубанцев, а также подготовить и к осени перевести преподавание в школах на русский язык. ЦК и СНК обязывают крайком и крайисполком срочно проверить и улучшить состав работников школ в «украинизированных» районах» (там же. - Л. 237).

Эта целенаправленная репрессивная политика большевистской власти в отношении украинства была подтверждена 15 декабря 1932 года, когда Сталин и Молотов подписали новое постановление Кремля о прекращении украинизации на Дальнем Востоке, в Сибири, Поволжье, Центрально-Черноземной области, в Казахстане (ЦГАООУ: Ф. 1. - Оп. 20. - Д. 5288. - Л. 4).

В ответ появляется постановление Центрально-Черноземного обкома ВКП(б) от 19 декабря 1932 года о прекращении украинизации как директива к немедленному исполнению, направленная телеграммой во все районы области, где она и внедрялась в жизнь. Так, с 1 января 1933 года деловодство во всех районных и сельских организациях переводилось с украинского на русский язык. К осени 1933 года необходимо было подготовить полный перевод преподавания с украинского на русский язык в школах украинизированных районов. Одновременно ликвидировались Борисовский и Волоконовский украинские педтехникумы, а вскоре и Белгородский украинский пединститут. Закрывалась областная украиноязычная газета «Ленінський шлях», а все украинские районные газеты переходили на русский (Дроздов К. Государственное регулирование российско-украинских национальных отношений в Центральном Черноземье (1923-1933 гг.). - С. 27).

В результате этих мер, считает указанный автор, «на русско-украинском пограничье (ЦЧО, Кубань) во второй половине 1930-х гг. произошла смена этнической идентичности с украинской на русскую, что было зафиксировано переписями населения 1937 и 1939 года. Больше всего численность украинцев (почти в 2 раза) сократилась в пределах РСФСР, а не на Украине. Именно в этот период (1933-1939 гг.) миллионы украинцев, проживавших в РСФСР, выбирали русскую национальность» (там же. - С. 27, 28). Большевистская власть Казахстана также немедленно откликнулась на решение Кремля о прекращении украинизации. Уже 18 декабря 1932 года бюро Казахстанского крайкома ВКП(б) решает: «а) Предложить Актюбинскому обкому существующие украинские газеты перевести на русский язык; б) предложить Культпропу вместе с Наркомобразом разработать меры по переводу украинских школ в 33 году на русский язык» (ГААО: Ф. 13. - Оп. 1. - Д. 363. - Л. 262).

В Кремле, кстати, не забывали о своем решении относительно прекращения украинизации. Так, 20 февраля 1933 года заведующий секретным отделом ЦК ВКП(б) Поскребышев написал секретарю Казахстанского обкома ВКП(б) Мирзояну: «Прошу сообщить о ходе выполнения постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 15.XII.32 г. (пр. ПБ № 126, п. 50/22) «Об украинизации в ДВК, Казахстане, Средней Азии, ЦЧО и других районах СССР» (АПК: Ф. 141. - Оп. - 1. - Д. 5827. - Л. 59).

Докладывая ЦК ВКП(б) о выполнении этого постановления, руководители идеологического отдела Казахстанского крайкома большевистской партии 9 июня 1933 года указывали, что из 96 украинских школ в Восточно-Казахстанской, Алма-Атинской, Южно-Казахстанской и Актюбинской областях на русский язык переведено лишь 44, а «в таких главнейших украинских районах, как Акбулакский и Федоровский, переведено только 3 школы. Переведены на русский язык Атбасарский и Акбулакский педтехникумы. Всего в крае было 3 украинские газеты («Більшовицький штурм» у Федоровском районе, «Прапор колгоспу» - Атбасарском р-не и «За соц. Будову» - Акбулакском р-не), они все сейчас переведены на русский язык» (там же: Ф. 141. - Оп. 1. - Д. 5827. - Л. 119).

Подобных репрессий к другим нациям большевистская власть во время Голодомора 1932 - 1933 годов не применяла. Наоборот, те же казахи, к примеру, могли тогда даже организовывать свои землячества в Москве и Ленинграде за счет бюджета республики, о чем принимал специальное решение Совет Народных Комиссаров КАССР 25 декабря 1932 года (ГАК: Ф. 81. - Оп. 3. - Д. 126. - Л. 23).

Утверждая, что главный удар голодомором направлялся против украинства,

мы признаем также: в среде украинского хлеборобского населения пострадала определенная часть и представителей других народов. И в УССР, и когда речь идет о геноциде украинства вне пределов Украины. Одновременно утверждаем, что наибольших потерь при таких обстоятельствах понесло именно украинство. И не только собственно в Украине, но и на наших этнических расселениях за пределами УССР.

Под влиянием чего не стало каждых десять из одиннадцати украинцев только на Кубани - разве не целенаправленный геноцид именно против украинства привел к таким ужасным последствиям? Разве не после страшного Голодомора 1932-1933 годов перепись 1937 года в Казахстане с учетом миграционных процессов показала, к примеру, в два раза меньшее количество украинцев? Подобные тенденции, к сожалению, будут засвидетельствованы и касательно Поволжья и Слобожанщины, где компактной массой проживали украинцы-хлеборобы.

И еще одна цифра: украинцев в СССР в 1926 году было 31.194.976 душ, а в 1937 – 26.421.212. Для сравнения: количество русских за указанный период увеличилась с 77.791.124 до 93.933.065 чел., белорусов соответственно с 4.738.923 до 4.874.061... (Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги. – С. 97).

Сколько погибло от голодомора в Украине – до сих пор нет ответа, ибо те архивные документы указанного периода, в которых должна быть отражена смертность, как правило, не оказались на месте. И лишь по выводам Международной комиссии юристов, которая в 1988 году специально исследовала этот вопрос, можно говорить о минимальном количестве потерь в 7 миллионов человек. Кстати, именно этот своеобразный международный трибунал, сравнив две переписи в СССР – 1926 и 1939 годов – впервые огласил страшную для украинцев статистику: если за указанные годы население СССР увеличилось на 16 процентов, РСФСР – на 28, БССР – на 11, 2, то в УССР оно уменьшилось на 9, 9 процента.

Кстати, дипломаты Генерального консульства Германии в Харькове 11 декабря 1933 года писали: «С достоверных источников известно, что по официальным оценкам, семь миллионов жертв не станоят большой потери, но это означает, что уничтожено четвертую часть крестьянства, что даже в сравнении с жертвами мировой войны есть страшным числом» (Голодомор в Україні 1932 – 1933 років. За документами політичного архіву Міністерства закордонних справ Федеративної Республіки Німеччини. – С. 161).

А сотрудник Посольства Германии в СССР Шиллер додавал: «Как на меня, названная цифра в 10 млн жертв голода не есть преувеличением» (там же. - С. 130).

Наша диаспора, начав с 1953 года массовое чествование этой трагедии, также использовала указанные цифры. Скажем, 2 августа 1953 года в Манчестере (Великобритания) было проведено манифестацию под лозунгом «Обвиняем Москву за смерть семи миллиов украинцев, уничтоженных голодом 1933 года» (Українські вісті (Новий Ульм). – 1953. – 22 октября).

С провозглашением независимости данное утверждение перешло в Украину, и почти четверть столетия это выражение воспринималось в сознании широких масс. Но за несколько недель до открытия 7 ноября 2015 года в Вашингтоне Мемориала жертвам Голодомора 1932 – 1933 годов, руководители пяти украинских научных институций Северной Америки – Украинского научного института Гарвардского университета, Канадского института украинских студий, Научного общества имени Шевченко, Украинской свободной академии наук и Американской ассоциации украинских студий - неожиданно обратились к председателю Оргкомитета с просьбой не употреблять уже всеми принятую цифру потерь от 7 до 10 миллионов, а обмежитися выводами профессоров Андре Грациози, Тимоти Снайдера и Станислава Кульчицкого, которые утверждают, что эта трагедия унесла жизни во всяком случае в два раза меньше нашего крестьянства. Иначе, мол, это вызовет протесты в определенных антиукраинских кругах, чем немедленно воспользуются

кремлевские пропагандисты, обвиняя украинскую науку в некомпетентности и т. д. (Слово «Просвіті». – 2018. - № 11).

Параллельно с названным письмом за океаном появляется и под статью ему публикация в Киеве - статья «Потери городского и сельского населения Украины вследствие Голодомора в 1932 – 1934 гг.», авторы (демографы и историки) пишут: «на протяжении 1932 – 1933 гг. около 8,7 млн смертей в СССР было спрочинено голодом. Почти 98 % этих потерь падает на три советских республики: Украину (3,9 млн), Россию (3,3 млн) и Казахстан (1,3 млн)» (Левчук Н., Боряк Т., Воловина О., Рудницький О., Ковбасюк А. Втрати міського й сільського населення України внаслідок Голодомору в 1932 – 1934 рр. // Український історичний журнал. – 2015. - № 4. – С. 87).

Однако, по нашему мнению, статистика, на которую они ссылаются, не дает возможности наиболее полно оценить потери сельского населения УССР, поскольку авторы охватили длительный период, на протяжении которого и до сих пор не реконструированы все события, влияющие на общий подсчет.

Первой ошибкой наших демографов в подсчете потерь украинского крестьянства в 1932 – 1933 годах необходимо считать их базовую ссылку на обнаруженные Москвой данные всесоюзных переписей 1937 и 1939 годов по УССР. Они не только не дают возможности определить миграционные потоки населения через отсутствие соответствующего вопроса, как это было в предыдущих переписях 1897 и 1926 годов, но и грешат существенными неточностями в подсчетах. Особенно это касается последнего. Скажем, по официальным документам большевистской власти известно, что на начало 1939 года в Украине насчитывалось 30.946.218 человек (Правда. – 1939. – 2 июня).

Совсем другую картину подает начальник Управления народнохозяйственного учета УССР Рябичко в своей секретной докладной на имя председателя Совета народных комиссаров УССР Коротченко от 2 февраля 1939 года: «всего по переписи 1939 года мы имеем 29,4 млн. чел.», а контрольный обход через три недели выявил дополнительно по республике лишь 17553 не зарегистрированных раньше граждан (ЦГАВОВУ: Ф. 2. – Оп. 12. – Д. 70. – Л. 5, 7).

Как видим, свыше полтора миллиона населения УССР в 1939 году было приписано, а это не дает демографам возможности получить правильные выводы. А что касается поданных из Москвы данных переписи 1937 года, которая вообще была засекречена, то в сравнении с первичными документами, сохранившимся в Киеве (ЦГАООУ: Ф. 1. – Оп. 20. – Д. 7163. – Л. 24 – 46), цифра, по нашим подсчетам, увеличена на 532 тысячи чел. – до 28.387.609 (Всесоюзная перепись населения 1937 года. Краткие итоги. – С. 58).

Кроме предостережения касательно взятия за основу сфальсифицированных переписей, особенно 1939 года, считаем ошибочным включение в подсчет 1937 – 1938 годы, поскольку очередная всесоюзная перепись населения состоялась в начале 1937 года, и в период до следующей – в 1939 – уже состоялась совсем другие события. Так, вывоз осужденных за пределы республики включительно с 1938 годом охватывает период, когда отправляли из УССР и тех, кто становился «врагом народа» уже никак за «преступления», которые инкриминировались голодным людям в связи с появлением 7 августа 1932 года так называемого закона о 5 колосках.

Подобное можно сказать и о миграции евреев за пределы республики в 1928 – 1938 годах в количестве 57 тысяч душ и организованном наборе рабочей силы с сельской местности на новостройки за пределами Украины в 1935 – 1938 годах. В частности, 1 октября 1932 года на заседании в Культпропа ЦК КП (б) У по вопросу строительства социалистического Биробиджана указывалось: «Нам вменили в обязанность в течение 32 года заполнить фонд украинских национальных районов, и мы в этом отношении вели определенную политику... Мы целиком и

полностью поддерживаем Биробиджан, но в тоже имеем четкую директиву ЦК партии, который записал, что надо раз навсегда закрепить национальные районы на Украине» (ЦГАООУ: Ф. 1. – Оп. 20. – Д. 5288. – Л. 5, 11).

Можно добавить: на этом совещании подчеркивалось: «Из 8 тыс. поехавших туда переселенцев осталось всего 2 тыс. чел» (ЦГАООУ: Ф. 1. – Оп. 20. – Д. 5288. – Л. 41).

И не поглотила индустрия УССР всех голодных крестьян Украины – лишь незначительную часть, ибо горожан в УССР с 1926 по 1937 стало больше только на 4,3 миллиона чел. Но и это также не значит, что весь прирост городского населения за указанный период можно только за счет оттока с украинского села. Украинский город рос в это время за счет в первую очередь собственного естественного прироста и механического прилива рабочей силы, в том числе и из России, начиная еще со строительства Дне прогресса в 1927 году. Но как только начали ставить в строй действующих новые заводы в УССР, то планировалось обеспечивать их квалифицированной рабочей силой именно из России. Да, завозили из России и Белоруссии, отказывая своим голодным крестьянам, которые хотели устроиться на заводы и фабрики, чтобы получить продовольственный паек.

Выдающийся украинский ученый, один из фундаторов отечественной демографии, профессор Арсен Хоменко в конце 1932 года опубликовал статью «Население УССР в перспективном исчислении», в которой на основании анализа движения населения с 1927 года сделал расчет количества жителей республики на будущую пятилетку. Опираясь на базовое количество населения по состоянию на 1 января 1932 года - 32.241 тысяч человек (очевидно, без спец контингентов, ибо правительственная цифра на эту дату несколько выше – 32.680,7 тысячи) и соответствующий коэффициент прироста, этот исследователь спрогнозировал, что на 1 января 1937 года в УССР должно быть 35.617 тысяч человек (Слово «Просвіти». – 2018. № 11).

Ясно, что такой опытный специалист, как А. Хоменко учитывал тенденции миграционных потоков за минувшие годы, изменения в рождаемости и смертности, усиливающиеся с урбанизацией, окончанием раскулачивания и т. д. Но 9 января 1937 года состоялась Всесоюзная перепись населения, которая зафиксировала в УССР по официальным данным только 28,2 миллиона человек (без спец контингентов, численность которого в 1937 году была установлена в количестве 165 тысяч). То есть, в УССР стало населения меньше, нежели в 1926 году. Как будто бы и вовсе не рождались люди, а только вымирали, или выехали за пределы республики почти 7,5 миллиона человек.

Об этих расчетах А. Хоменко наши современные демографы почему то не вспоминают, когда представляют свой анализ событий Голодомора 1932 – 1933 годов, заявляя о цифре прямых потерь УССР в количестве 3,9 миллиона душ, о чем, кроме вышеупомянутой, свидетельствует и публикация Александра Гладуна и Емельяна Рудницкого (Голос України (Киев). – 2016. - 26 ноября).

Действительно ли мог ошибиться в своих расчетах такой известный ученый, как А. Хоменко, или его нынешние коллеги просто не берут во внимание его методику научного поиска? Но дело в том, что расчеты А. Хоменко об увеличении населения УССР дают возможность получить очень близкие к реальным потери от Голодомора. Скажем, если к известной нам официальной цифре населения УССР в 32.680,7 тысячи по состоянию на 1 января 1932 года (Довідник з основних статистично-економічних показників господарства районів Київської області. – Харків, 1933. – С. 8) прибавляем 1.212,7 тысячи родившихся за указанные два года, то должны иметь на 1 января 1934 года 33.853,5 тысячи человек (расчетная цифра А. Хоменко - 33.464 тысячи).

Теперь от официальной цифры Всесоюзной переписи 1937 года в 28.387,6 тысячи минусуем выведенную на основании порайонных результатов разницу,

которая на 532 тысячи меньше, нежели поданная в Москву, а также прирост за 1934 – 1936 годы (1934 - 88,2 тысячи душ, 1935 – 417,2 тысячи, 1936 – 533,7 тысячи – всего 1.039,1 тысячи), то по состоянию на 1 января 1934 года имеем лишь 26.812 тысяч. Отняв эту цифру от реальной по состоянию на 1 января 1932 года, получаем общее количество умерших в 1932 – 1933 годах: 5.868,7 тысячи. Минусуем возможные потери за 1932 и 1933 годы в количестве 1.029,4 тысячи умерших (как в 1930 и 1931 годах, соответственно 514,7 тысячи и 533,1 тысячи) и получаем 4.839,300 душ прямых потерь. Но давайте к этой цифре добавим и тех, кто родился в 1932 (782,0 тысячи) и 1933 (470,7 тысячи), то есть 1.252,7 тысячи. Таким образом, прямые потери за 1932 - 1933 годы уже выражаются в сумме 6.092 тысячи человек.

На эту цифру выходим, если будем осуществлять подсчет другим путем: до количества населения по состоянию на 1.1.1932 года в 32.680,700 прибавим рожденных в 1932 - 1933 годах - 1.252,700 и таким образом должно быть на 1.1.1934 года 33.933,400 душ. Имели ж только 26.812,000. Разница - 7.121,400. Опять таки, отнимаем предполагаемые естественные потери за два года в сумме 1.029,400 душ и получаем те же 6.092,400 человек прямых потерь.

Но почему ж мы настаиваем сегодня на цифре потерь минимум в 7 миллионов душ? Потому, что и доныне не исследовано **всей составляющей потерь, а это не дает возможности получить реальные результаты научных изысканий.**

Во-первых, почему-то не анализируется такой специфический миграционный поток в 1932 – 1933 годах, когда тысячи голодных украинских крестьян пытались через полесские болота, Збруч и Днестр добраться в Польшу и Румынию, но были расстреляны советскими пограничниками, либо так и не доплыли до спасительного противоположного берега, где надеялись раздобыть так желаемого хлеба.

Исследователь Голодомора Иван Чигирин приводит данные, что за 1932 год пограничники ГПУ расстреляли 5.450 человек (<http://you-books.com/book/I-Chigirin/Mif-i-pravda-o-Stalinskom-golodomore-Ob-ukrainskoj>). Сколько изнеможенных от недоедания беглецов поглотили волны Днестра или Збруча – неизвестно. Как не ведаем и о всех тех, кто умер от застудных болезней после перехода границы в ледяной воде. Касательно потерь 1933 года на западной границе - до сих пор вообще никакого обобщения.

Во-вторых, никто не считал тех украинских крестьян, которые умерли от голода на территории России или Белоруссии, куда они пришли еще до постановления ЦК ВКП (б) и Совнаркома СССР от 22 января 1933 года, запрещавшего им выезд в эти регионы за продовольством. Например, секретарь Кантемировского райкома ВКП (б) Журилов писал секретарю обкома Центрально-Черноземной области Варейкису еще 1 апреля 1932 года, что в Кантемировке «только за последние дни похоронено 12 человек пришедших за хлебом с украинских соседних районов» (Голос України. - 1995. - 15 квітня).

В-третьих за четверть столетия не исследовано фактически ни одного массового захоронения неизвестных ходаков за хлебом, трупы которых сбрасывали в общие ямы без надлежащей регистрации возле железнодорожных станций и речных портов. А разве раскопано ту огромнейшую братскую могилу возле Днепрогесса в Запорожье, куда сходились голодные из окружающих сел, да и з других регионов Украины, в надежде на паек строителя, но их, совсем изнеможенных, никто не взял на работу, и они умерли безымянными...

А сколько растянуто одичавшими собаками трупов неизвестных по дорогам? Параска Луценко из Варваровки Бахмачского района Черниговской области вспоминала: «Ища спасения, подалась и я в совхоз... Иду, помню, проведать маму полевой тропинкой, а посреди нее лежит человек пухлый, неподвижный, весь мухами облеплен. Душа, значит, уже до Господа отлетела. Перекрестилась и не знаю, что делать: преступить не смогу и обходить боюсь ...» (Голос Присеймів'я

(Бахмач). – 1993. – 31 марта).

В-четвертых, не исследован вопрос о возвращении в 1932 – 1936 годах раскулаченных в Украину. Многим кулацким женам и их детям удавалось вернуться благодаря искусственному разрыву брачных отношений с главой семьи. По этому поводу сохранились многочисленные постановления президиумов гор райисполкомов, однако они никем не анализировались.

В-пятых, все члены кулацких семей отзывались с Красной армии как ненадежный социальный элемент. Если им посчастливилось перебраться в украинские города, то они, пополнив ряды рабочих, могли спастись – в родных селах их ожидала, как правило, судьба земляков во время Голодомора.

В-шестых, не посчитано возвращения тех крестьян, которых Москва согласилась освободить согласно записки заместителя председателя СНК СССР В. Чубаря от 20 сентября 1936 года в политбюро ЦК ВКП (б) «О порядке освобождения из труд поселений лиц, ранее осужденных за разные преступления на срок от 3 до 5 лет и отбывших наказание» (Политбюро и крестьянство: высылка, спец поселение 1930 – 1940. – Кн. 1. – С. 732).

То есть тех, кто был осужден по закону «о 5 колосках». 31 марта 1933 года нарком юстиции и генеральный прокурор УССР В. Поляков рапортовал генеральному секретарю ЦК КП (б) У С. Косиору, что за период от 27 ноября 1932 года на север вывезено 86.884 правонарушителей из числа крестьян, которым инкриминировались преступления за «посягательство на социалистическую собственность» или злостное невыполнение хлебозаготовок. Сколько из них вернулось к январю 1937 года в УССР, а сколько их там умерло от голода, застудных заболеваний и непосильной работы? Известно, что в 1932 году умерло с числа «кулацкой ссылки» 87,7 тысячи лиц, а в 1933 – 151,6 тысячи. Каково количество из них украинское – никто еще не посчитал.

В-седьмых, очевидно, к потерям от Голодомора нужно относить и тех, кому был вынесен смертный приговор согласно закона от 7 августа 1932 года. Тогда же, за вторую половину августа, расстрел применен к 27 осужденным, за сентябрь – к 193, за октябрь – к 121, за ноябрь – к 159. А за время от 26 ноября до 7 декабря 1932 года к расстрелу было осуждено 137 лиц (ЦГАООУ: Ф. 1. – Оп. 20. – Д. 5491. – Л. 172, 173).

Подобное продолжалось и в 1933 году. За январь 1933 года в Харьковской области осуждено до расстрелу 117 лиц. За первую пятидневку февраля в Днепропетровской области к смертной казни осуждено 44 человека (ЦДАГОУ: Ф. 1. – Оп. 20. – Д. 6353. – Л. 80, 151)

В-восьмых, всюду ли учитывали умерших от голода и болезней в камерах предварительного содержания, или их смерть считалась естественной? Так, в Зиновьевском ДОПрЕ в декабре 1932 года таких было 20, в январе 1933 – 117, феврале – 163, за 13 дней марта – 105 (ЦГАООУ: Ф. 1. – Оп. 20. – Д. 6390. – Л. 61).

Посчитаны подобные потери во всех местах лишения свободы, в которых карались нашей крестьяне? Один пример: когда двух невинно арестованных братьев Параски Луценко из Варваровки Бахмачского района Черниговской области пришли выпускать на свободу, то они уже умерли там с голода (Голос Присеймів'я (Бахмач). – 1993. – 31 марта).

В-девятых, отдельную статистику необходимо применить для учета тех смертельных случаев, порожденных большевисткой «твердостью» в осуществлении репрессий за невыполнение хлебозаготовок. В частности, жена члена управы артели «Восход» Волновахского района Донецкой области, которого привлекли к ответственности за как будто бы неправомерный расход колхозного хлеба, зарубила двух детей и пыталась сама повиситься (ЦГАООУ: Ф. 1. – Оп. 20. – Д. 6353. – Л. 6).

На Черниговщине повесился середняк Болоховец, уже выполнивший свое

задание, но от кого требовали и дальше сдавать хлеб, изъяв все питание семьи до нового урожая (там же. – Л. 7).

А крестьянин Коломиец из Нововладимировки Александровского района Днепропетровской области, в котрого 10 января 1933 года пытались изъять продукты, убив с ружья руководителя комиссии и активистку, а сам, забрав жену, исчез из села (там же.- Л. 8).

Где статистика подобных случаев? Разве она не порождена организованным Голодомором?

В-десятих, не надо забывать, что возвращались и из города в село. Например, 150 тысяч не получило паспортов в Харькове, Киеве, Одессе, Сталино, Днепропетровске и Виннице, поэтому вынуждены были оставить город. Свыше 30 тысяч из них выпадало на бывших зажиточных крестьян, 40 тысяч на так называемые паразитические элементы и 15 тысяч – на рабочих, не имевших постоянной работы.

Еще одна волна поворотцев: в июле 1934 года великие харьковские заводы уволили 8.230 лиц, один тракторный – 3.227, из них 936 вчерашних зажиточных крестьян (Голодомор в Україні 1932 – 1933 років. За документами політичного архіву Міністерства закордонних справ Федеративної Республіки Німеччини. – К.: Національний інститут стратегічних досліджень, 2008. – С. 269). Они возвращались в село, заполняя места вымерших от голода.

В-одиннадцатых, неисследованной проблемой остается и каннибализм. В украинском селе он не имел тех классических признаков, представляющих элементы своеобразной культуры, например, отдельных африканских племен. Украинский каннибализм 1932 – 1933 годов – это, как правило, отчаяние умалишенных от голода людей спасти еще живых за счет определенных жертв. То есть, своего рода каннибализм во имя жизни. Сколько было его жертв – до сих пор загадка.

Есть данные, например, что в марте 1933 года в Харьковской области было зарегистрировано 9 случаев людоедства, в апреле – 58, в мае – 132, в июне – 221 (Маяк (Богодухов). – 1993. – 27 августа).

В-двенадцатых: а кем посчитано, сколько конкретно завезено в украинские города заробитчан из России и других советских республик. Ведь в переписи 1937 года, показавшего уменьшение населения УССР в сравнении с 1926 годом, они фактически занимают места тех, кого Украина потеряла тогда. Скажем, официальные данные за 1934, 1935 и три квартала 1936 года свидетельствуют, что этот поток составлял 1.435,969 лиц (Виконання народногосподарського плану УСРР за 1936 рік. – К.: Народне господарство та облік, 1937. – С. 500).

Нет основания утверждать, что столько же в эти годы уехало обратно, поскольку архивы свидетельствуют о массовом переходе завербованных на другие предприятия и стройки соседних областей УССР. А там они уже были приняты как прибывшие с украинских регионов.

К сожалению, власть не оставила обобщающих документов о ввозе завербованных и прибывших самотеком в Украину в 1932 – 1933 годах. Но тенденция о преимущественном формировании рабочего класса УССР за счет чужих четко просматривается, как это было и раньше. Так, 10 апреля 1932 года члены и кандидаты в члены политбюро ЦК КП (б) У рассматривали записку о необходимости «для пополнения убыли в рабочей силе произвести новую вербовку рабочей силы для Донбасса в количестве 20 тыс. человек. Из них 10 тыс. в пределах Украины, а остальные 10 тыс. в пределах РСФСР, о чем просить ЦК ВКП (б)» (ЦГАООУ: Ф. 1. – Оп. 20. – Д. 5313. –Л. 84).

Скажем, на шахты треста «Кадиевуголь», что в Донбассе, в октябре 1932 года на работу принимали в основном не голодных украинских крестьян – вот как выглядят пятидневки этого месяца по тресту «Кадиевуголь»:

Украина	–	5	35	35	–	48	123
---------	---	---	----	----	---	----	-----

Татарстан	49	114	49	85	52	54	403
Белоруссия	20	14	16	21	7	47	124
ЦЧО	16	45	22	7	7	97	194
Западная	-	-	-	10	-	4	14
Всего	85	178	122	158	66	250	859

(ЦГАООУ: Ф. 1. – Оп. 20. – Д. 5315. – Л. 42, 43).

А 26 октября 1932 года политбюро ЦК КП (б) У постановило, что из 48.961 необходимого рабочего для угольных шахт Донбасса на четвертый квартал 1932 года 20.000 должна покрыть Украина, а 28.961 – БССР и РСФСР. В частности, из БССР должны были прислать 8.200 человек, Татарстана – 9.000 и ЦЧО – 11.760 (ЦГАВОВУ: Ф. 2623. – Оп. 1. – Д. 6807. – Л. 45).

В-тринадцатых: все исследователи едины в том, что сама официальная регистрация смертей в украинском селе охватила далеко не всех умерших, ибо часто не было и кому фиксировать их. В специальном докладе на имя генерального секретаря ЦК КП (б) У Косиора от 21 апреля 1933 года указывается, что в Володарском районе Киевской области на протяжении всего 1931 года умерло 690 человек, а только в январе 1933 – 540 – 550, феврале – 710 – 720, марте – 1450 – 1500, за 15 дней апреля – 350 – 370 (ЦГАООУ: Ф. 1. – Оп. 20. – Д. 6275. – Л. 193).

Как свидетельствует этот документ, «учет смертности не налажен и по сегодняшний день. Ни в одном сельсовете не ведутся записи в книгах ЗАГСа. Районное руководство не занималось вопросами учета смертности и только 23 / II на основе опросов сельсоветов был сделан приблизительный учет. Такой же учет сделан 20 / III и наконец 15 / IV. По этим данным с 1 января по 15 апреля умерло 3.427 человек» (там же. – Л. 194).

Но подобной проверки учета смертности по каждому населенному пункту УССР в январе – марте и последующих месяцев 1933 года – аж до нового урожая – никто не проводил. А ситуация складывалась тогда повсюду одинаковая.

Заключение

Не исследованы ни историками, ни демографами и много других проблем, зафиксированных в воспоминаниях свидетелей Голодомора. Скажем, почему в отдельных регионах запрещали записывать в акты гражданского состояния умерших до 1 года детей? И почему после марта 1933 года там прекратили составлять акты о смертности? Учитывались ли смерти всех тех подброшенных к детдомам детей, которые не дождались помощи, ибо дверь так никто и не открыл на плач младенца...

Вот почему окончательно о количестве потерь украинского крестьянства от Голодомора-геноцида можем говорить только после исследования всех 13 выше указанных и других направлений научного поиска. Однако и до установления конкретной цифры путем тщательной проверки всех обстоятельств этой трагедии, по нашему мнению, оправданным есть сегодня утверждать о минимальной цифре потерь в 7 миллионов и продолжать кропотливую работу по выявлению, прежде всего в украинских архивах, первичных материалов, которые помогут установить наиболее близкую к реальной истину. И речь не только о тех, кто погиб от голодной смерти на украинском черноземе, но и о тех жертвах, которые порождены Голодомором и до сих пор не учитываются нашими демографами.

Литература:

- Архив Президента Казахстана.
 Вестник Новоайдаровщины (Новоайдар Луганской области).
 Виконання народногосподарського плану УСРР за 1936 рік. – К.: Народне господарство та облік, 1937.
 Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги. – М., 1991.
 Голод в СССР. – М., 2009.

Голодомор 1932 – 1933 років в Україні. Документи і матеріали. Упорядник Р. Пиріг. – К., 2007.

Голодомор в Україні 1932-1933 років. За документами політичного архіву Міністерства закордонних справ Федеративної Республіки Німеччини. – К.: Національний інститут стратегічних досліджень, 2008.

Голос Присеймів'я (Бахмач Черниговской области).

Голос України (Київ).

Государственный архив Актыбинской области.

Государственный архив Винницкой области.

Государственный архив Днепропетровской области.

Государственный архив Республики Казахстан.

Довідник з основних статистично-економічних показників господарства районів Київської області. – Харків, 1933.

Дроздов К. Государственное регулирование российско-украинских национальных отношений в Центральном Черноземье (1923-1933 гг.). Автореферат диссертации на соискание научной степени кандидата исторических наук. – М., 2010.

Кондрашин В. Голод 1932-1933 годов: трагедия российской деревни. - Москва, 2008.

Левчук Н., Боряк Т., Воловина О., Рудницький О., Ковбасюк А. Втрати міського й сільського населення України внаслідок Голодомору в 1932 – 1934 рр. // Український історичний журнал. – 2015. - № 4.

Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ – НКВД. – Январь 1922 – декабрь 1936. – М., 2003.

Маяк (Богодухов Харьковской области).

Перемога (Новопокров Луганской области).

Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение 1930 – 1940. – М.: РОССПЕН, 2005. – Кн. 1.

Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б). Повестки дня заседаний 1919 – 1952. – Т. II. 1931– 1939.

Правда (Москва).

Проблеми історії України. Факти, судження, пошуки. Міжвідомчий збірник наукових праць. Спеціальний випуск. До 75-х роковин голодомору-геноциду в Україні. - К.: Інститут історії Національної академії наук України, 2008.

Радянське слово (Марковка Луганской области).

Слово «Просвіти» (Київ).

Українські вісті (Новый Ульм, Западная Германия).

Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины.

Центральный государственный архив общественных организаций Украины.

Чуркин В. Неизвестная война // Дон (Ростов на Дону). – 1990. - №7.

References:

- Arhiv Prezidenta Kazahstana.
Vestnik Novoaidaroviny (Novoaidar Luganskoi oblasti).
Vikonannia narodnogospodarskogo planu USRR za 1936 rik. – К.: Narodne gospodarstvo ta oblik, 1937.
Vsesoiuznata perepis naseleniia 1937 g. Kratkie itogi. – М., 1991.
Golod v SSSR. – М., 2009.
Golodomor 1932 – 1933 rokiv v Ukraïni. Dokumenti i materialı. Uporiadnik R. Pirig. – К., 2007.

Golodomor v Ukraini 1932-1933 rokov. Za dokumentami politichnogo arhivu Ministerstva zakordonnih sprav Federativnoi Respubliki Nimechchiny. – K.: Natsionalnu institut strategichnih doslidjen, 2008.

Golos Priseimiv'ia (Bahmach Chernigovskoi oblasti).

Golos Ukraini (Kiev).

Gosudarstvennyi arhiv Aktiubinskoi oblasti.

Gosudarstvennyi arhiv Vinnitskoi oblasti.

Gosudarstvennyi arhiv Dnepropetrovskoi oblasti.

Gosudarstvennyi arhiv Respubliki Kazahstan.

Dovidnik z osnovnih statistichno-ekonomichnih pokaznikov gospodarstva raioniv Kiivskoi oblasti. – Harkiv, 1933.

Drozhdov K. Gosudarstvennoe regulirovanie rossijsko-ukrainskih natsionalnyh otnoshenii v Tsentralnom Chernozeme (1923-1933 gg.). Avtoreferat dissertatsii na soiskanie nauchnoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk. – M., 2010.

Kondrashin V. Golod 1932-1933 godov: tragediia rossijskoi derevni. - Moskva, 2008

Levchuk N., Boriak T., Volovina O., Rudnitskii O., Kovbasjuk A. Vtrati miskogo i silskogo naselennia Ukraini vnaslidok Golodomoru v 1932 – 1934 rr. // Ukrainskii istorichnyi jurnal. – 2015. - № 4.

Lubianka. Stalin i VChK-GPU – NKVD. – Ianvar 1922 – dekabr 1936. – M., 2003.

Maiak (Bogoduhov Harkovskoi oblasti).

Peremoga (Novoposkov Luganskoi oblasti).

Politbiuro i krestianstvo: vysylka, spetsposelenie 1930 – 1940. – M.: ROSSPCN, 2005. – Kn. I.

Politbiuro TsK RKP (b) – VKP (b). Povestki dnia zasedanii 1919 – 1952. – T. II. 1931– 1939.

Pravda (Moskva).

Problemi istorii Ukraini. Fakti, sudjennia, poshuki. Mijvidomchu zbirnik naukovih prats. Spetsialnu vipusk. Do 75-h rokovin golodomoru-genotsidu v Ukraini. - K.: Institut istorii Natsionalnoi akademii nauk Ukraini, 2008.

Radianske slovo (Markovka Lvganskoi oblasti).

Slovo «Prosviti» (Kiev).

Ukrainski visti (Novyi Ulm, Zapadnaia Germania).

Tsentralnyi gosudarstvennyi arhiv vysshih organov vlasti i upravlenyia Ukrainy.

Tsentralnyi gosudarstvennyi arhiv obestvennyh organizatsii Ukrainy.

Churkin V. Neizvestnaia voina // Don (Rostov na Donu). – 1990. - №7.

**ӘЛЕУМЕТТІК-ЭКОНОМИКАЛЫҚ ТАРИХ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
SOCIAL AND ECONOMIC HISTORY**

МРНТИ 03.20

Таскужина А.Б.¹

доктор исторических наук, ассоциированный профессор.
²Костанайский Государственный Педагогический институт.
Казахстан, г. Костанай. e-mail:serik_tapaev@mail.ru

**РАЗВИТИЕ ГОРОДОВ КАЗАХСТАНА КАК АДМИНИСТРАТИВНЫХ
ЦЕНТРОВ СТЕПНОГО КРАЯ В XIX в.**

Статья посвящена развитию городов Казахстана: Акмолинска, Семипалатинска и Омска в XIX веке как административных центров Степного края. Город как центр материального производства и расселения людей соответствующего региона всегда оказывает позитивное воздействие на развитие производительных сил, формирование производственных отношений, притягивая к себе сельское окружение. Многие аспекты хозяйственной, политической жизни общества не могут быть освещены достаточно объективно, детально без конкретного анализа и критического обобщения разнородных первоисточников, раскрывающих специфику и общие закономерности в развитии городских поселений.

Важность исследования истории городов продиктовано тем, что на их материалах можно одновременно проследить отдельные стороны истории края, области, республики, выделить характерные особенности и этапы развития общественной мысли и политической жизни. Без детального изучения истории городов, городской жизни невозможно объяснить многие явления жизни населения, нельзя с достаточной полнотой представить социально-экономическую историю народа в целом. Огромную роль в укреплении экономических, социально- политических и культурных связей между различными территориально-экономическими районами России и Казахстана сыграли города: Омск, Акмолинск, Семипалатинск и др.

Ключевые слова: город, центр, приказ, область, управление, население, заселение

Таскужина А.Б.¹

тарих ғылымдарының докторы, қауымдастырылған профессор.
¹Қостанай мемлекеттік педагогикалық институты.
Қазақстан, Қостанай қаласы. e-mail:serik_tapaev@mail.ru

**XIX ҒАСЫРДАҒЫ ДАЛА ӨЛКЕСІНДЕГІ ҚАЗАҚСТАН ҚАЛАЛАРЫНЫҢ
ӘКІМШІЛІК ОРТАЛЫҚ РЕТІНДЕ ДАМУЫ**

Берілген мақалада Далалық өлкенің XIX ғасырдағы Қазақстан қалаларының оның ішінде Ақмола, Семей, Омбының әкімшілік орталығы ретінде дамуына арналған.

Қала тұрғындары өнеркәсіп, сауда, қызмет көрсету орындарында және ғылыми, мәдени, басқару мекемелерінде жұмыс жасайтын, халқы тығыз орналасқан ірі елді мекен. Қалалық мекендердің дамуындағы жалпы заңдылықтар мен алғашқы деректердің ерекшелігін ашатын егжей-тегжейлі нақты сыни талдау жок, сондықтан шаруашылық, қоғамның саяси өмірінің көптеген аспектілері жеткілікті объективті

түрде жарактандырылмаған.

Қалалардың тарихын зерттеудің маңыздылығы, облыс, республика, өлке тарихының жекелеген тараптарынның даму кезеңдері мен қоғамдық-саяси өмірге тән ерекшеліктерін бір мезгілде бақылауға болады. Қалалар тарихын толыққанды зерттелмесе, қала тұрғындарының әлеуметтік-экономикалық тарихы жайлы жалпы мәліметтерді жеткілікті түрде түсіндіру және ашып көрсету мүмкін емес. Ресей мен Қазақстанның әртүрлі аумақтық-экономикалық аудандарының әлеуметтік - саяси және мәдени байланыстарын нығайтуда Омбы, Ақмола, Семей және басқа да қалалар үлкен рөл атқарды.

Кілт сөздер: қала, орталық, бұйрық, облыс, басқарма, халық, көшіп-қону.

Taskuzhina A.B.¹

Doctor of History, Associate Professor.

²Kostanay State Pedagogical Institute.

Kazakhstan, Kostanay. e-mail:serik_tapaev@mail.ru

DEVELOPMENT OF KAZAKHSTAN CITIES AS ADMINISTRATIVE CENTRES OF THE STEPPE REGION IN THE XIX CENTURY

The article is devoted to the development of the cities of Kazakhstan: Akmolinsk, Semipalatinsk and Omsk in the XIX century as administrative centers of the Steppe region. The city as the center of material production and resettlement of people of the respective region always has a positive impact on the development of productive forces, the formation of production relations, attracting the rural environment. Many aspects of the economic and political life of the society can not be adequately covered in detail, without detailed analysis and critical generalization of heterogeneous sources that reveal the specifics and general patterns in the development of urban settlements.

The importance of exploring the history of cities is dictated by the fact that on their materials it is possible to trace simultaneously certain aspects of the history of the region, the region, the republic, to highlight the characteristic features and stages in the development of social thought and political life. Without a detailed study of the history of cities and urban life, it is impossible to explain many phenomena of the life of the population, it is impossible to represent the socio-economic history of the people as a whole with sufficient completeness. A huge role in strengthening economic, socio-political and cultural ties between various territorial and economic regions of Russia and Kazakhstan played the cities: Omsk, Akmolinsk, Semipalatinsk and others.

Keywords: city, center, order, area, administration, population, settlement.

Введение

В настоящее время наблюдается повышенный интерес к вопросам истории городов. Он обусловлен стремлением людей знать свое прошлое, вычленив то общее и особенное, что есть в исторических судьбах каждого народа, и всенабирающей темпы урбанизации, проблемы которой невозможно решить без соответствующих исторических знаний. Понять особенности современных городов нельзя без конкретного анализа и научного обобщения истории их возникновения, становления и дальнейшего развития.

В проведении колониальных мероприятий царского правительства сыграли города-крепости, как Семипалатинск, Оренбург, Омск, Усть-Каменогорск, ставшие опорными пунктами распространения царизма в Казахстане в первой половине XIX в.

Методы исследования

Сравнительно-сопоставительного, проблемный и историко-системный.

Основная часть

К числу городов административно-политическое и хозяйственное развитие которых в немалой мере предопределялось историческими событиями, происходящими в казахских степях, следует отнести Омск, основанный в 1716г. Он прошел в своем развитии путь от незначительной крепости на Иртыше до крупного центра Степного края, сыграв немаловажную преобразующую роль в социально-экономическом развитии одноименного губернаторства. Исследуемый город являлся и относительно значительным центром хозяйственной деятельности, культурно-политической жизни обширного региона.

Создание Омской области в составе общего управления Западной Сибири было предпринято с целью постепенного введения между сибирскими казахами того же устройства, что и в центре России. Омск постоянно посещали представители наиболее влиятельных и богатых казахских родов для решения возникавших вопросов. Здесь утверждались в звании старшие султаны, которым вверялось управление казахами в определенных районах, называемых округами.

Омск, конечно, привлекал купцов, которые способствовали развитию его торговли. Казахи оставляли большие деньги в руках лиц местной администрации, так или иначе помогавших их делу.

После того, как Омск стал крупным административным центром, в городе намечился рост численности населения. Если в 1823г. она составила 9325 человек, то в 1851г.-13253 человека, этим самым опередив по количеству жителей столицу Сибири Тобольск, города Томск,Тару.

В первой половине XIX в. в Омске возникли первые предприятия по переработке продуктов животноводства. Сырье приобреталось у крестьян и казахов по всей линии расположения Сибирского казачьего войска, а красильные материалы в Москве или на Ирбитской ярмарке. Промышленные предприятия Омска в начале XIX в. в основном, принадлежали казачьей войсковой верхушке, которая совмещала войсковую службу с предпринимательством. На протяжении первой половины XIX в. объем годовой продукции Омских заводов был незначителен. В 1841году было выработано продукции на сумму лишь 20246 рублей, так как в среднем на каждом предприятии работало 3-4 человека. Продукция этих предприятий поступала для продажи на местные ярмарки. Омск, как и другие города Юго-Западной Сибири, поддерживал торговые связи с казахским населением, однако торговый обмен был незначительный. Он обслуживал лишь небольшой район степи, потому что, как подтверждают многие данные, основной поток товаров, направляющихся из казахских степей и Средней Азии, шел не на Омск, а на Петропавловск и Семипалатинск.

Развитие города Омска как одного из центров торговли между казахами скотоводами и оседлым населением имело важное значение для обеих сторон. Торговые связи удовлетворяли потребности кочевников, притягивали их к городскому рынку, способствовали расширению хозяйственных контактов, углубили взаимосвязи населения города Омска, с русскими и среднеазиатскими торговцами. (Таскужина, 1997:24)

Омск во второй половине XIXв. для Западной Сибири стал значительным городом по численности населения и крупным административным центром В 1860г. в нем проживало 19.220 человек. (Статистические сведения по г. Омску. 1911: 15)

И.Завалишин писал: «Население его почти все состоит из служащих, или имеющих прикосновение и служащим,- вот опять громадная разница между ним и всеми прочими губернскими городами сибирскими, странно переполненными ссыльными...». (Завалишин, 1862: 150-151) Омск продолжал расти также за счет переселенцев из Центральной России и ссыльных. Кроме того, здесь проживали купцы третьей гильдии (11 мужчин и 16 женщин) ,мещане (290 мужчин и 262

женщин), цеховые (50 мужчин и 54 женщин), крестьяне-13 и ямщики в количестве 14. (Завалишин, 1862: 150-151).

Общее управление каждой области сосредоточено в областных правлениях, имеющих свое пребывание в г. Омске и Семипалатинске. В областных советах, состоящих при канцеляриях областных начальников, кроме русских чиновников есть по одному члену из казахских султанов, как главных защитников интересов своего народа, от которого они уполномочены. Местное управление в каждой области разделено между окружными приказами, подчиненными областным правлениям. (Старков, 1860: 11).

Учреждение областей из Средней орды, занимавшей обширную степную полосу земли, простиравшуюся более чем на 900 тыс.кв.кв.верст, устранило крайне затруднительное управление казахами, сосредоточившееся в одном Омске, и дало возможность к быстрейшему и более точному решению дел под наблюдением двух начальников, могущих обзирать подробно вверенные им области и с точностью вникать в нужды, в дела казахов. С утверждением двух областей уничтожилась мысль о существовании за нашу границу Средней орды. Одним росчерком пера, так сказать, без малейших сомнений и колебаний, обширная страна, поделенная на две области, со своим населением до 400 тыс. жителей, с будущими надеждами вошла окончательно в пределы империи на прочное с нею слияние, так характеризовал Ч.Ч.Валиханов. (Валиханов, 1985: 416).

В своих сообщениях о поездках в казахскую степь генерал-губернатор Западной Сибири указывал «...я удостоверился лично и получил засвидетельствование военного губернатора области Сибирских казахов и Семипалатинской, что некоторые из почетных казахских султанов и волостных управителей Средней орды, состоя в этих должностях несколько лет, обращают на себя особенное внимание начальств благоразумным управлением вверенными им частями, бездоимочным взносом ясака, похвальной деятельностью к нуждам народным, справедливым разбором просьб казахов и оказанием пособия при производстве казенных построек, и вообще особенною преданностью нашему правительству». (РГИА. Ф.1265.Оп.8.Д.8.Л.2-2об.).

Постепенно вовлечение в сферу капиталистических отношений Степного края, ставшего во второй половине XIX в. составной колониальной частью России. внесло немало изменений в хозяйственную жизнь кочевого казахского населения, заинтересованного развивать взаимовыгодные торгово-экономические связи с оседлым русским крестьянством и городским населением. Посредническую роль в этом сыграли такие города, как Омск.

В 1861 году здесь насчитывалось 31 фабрик и заводов из них 6 салотопенных, 4 кожевенных, 4 свечных, 1 маслобойный, 1 пивоваренный, 12 кирпичных и 3 гончарных. Для этих предприятий сырье приобреталось у населения города Омска и близлежащих к городу сел. Изготавливались свечи, мыло, кирпичи, масло конопляное и другие товары, в которых остро нуждалось население Степного края. Одновременно Омск, Петропавловск и Акмолинск превратились в главные пункты постоянной торговли в Акмолинской области. Здесь были оборудованы склады для европейских мануфактурных бакалейных, галантерейных, кожевенных, металлических и других и отчасти азиатских товаров, коими снабжалось местное, как оседлое, так и кочевое население.

Второе, после Петропавловска, место по количеству проходящего (транзитом) скотоводческого сырья, занимал Омск, являющийся посредником в сбыте его между Семипалатинской областью и Тобольской губернией. Кроме сырья, собирающегося здесь на осенней ярмарке, значительное количество его, а также хлеба проходило из глубины Семипалатинской области летом, мимо Омска, более 500 тыс. пудов кож и шерсти, 75 тыс. пудов сала и более 2 млн. пшеницы. (Таскужина, 1997: 24)

История города Омска во второй половине XIX в. стала более интересной,

многогранной. Определенная роль в этом принадлежала развитию народного образования, распространению грамотности. Косвенно это способствовало приобщению казахского населения к культуре других народов. В целях обеспечения кочевого населения медицинской и ветеринарной помощью казахским обществам была возможность иметь своих стипендиатов в Омских центрально-фельдшерской и войсковой ветеринарной школах. Ежегодно ассигновались акмолинскими казахами до 3 тыс. рублей на 12 стипендиатов, а семипалатинскими-до 6 тыс. рублей на 24 стипендиата. С целью распространения грамотности среди казахского населения были открыты интернаты в г.Омске, Петропавловске, Акмоле, Кокчетаве.

Одним из старейших учебных заведений Сибири был Сибирский кадетский корпус. При обучении руководствовались типовыми программами военных учебных заведений России. Среди выпускников кадетского училища было немало отважных первопроходцев и путешественников, увлеченных исследователей. Они совершали смелые военные экспедиции, основывали крепости и города (Кокчетав, Верный и др.), составляли карты и описания дотоле неизвестных земель и народов. С 1847 по 1853гг. в этом учебном заведении обучался Ч.Ч. Валиханов - казахский просветитель, ученый. Из Омска он отправился с секретной миссией в Кульджу, посетил Кашгар. В поездках по Заилийскому краю ему удалось записать отрывок киргизского эпоса «Манас». (Таскужина, 1997: 24).

Важным событием для Степного края и Западной Сибири было открытие в г.Омске в 1872 г. учительской семинарии, которая начала готовить кадры учителей начальных училищ для городов северо-восточного Казахстана. Особое место среди учебных заведений занимало техническое училище, которое готовило мастеров, техников и чертежников для промышленных предприятий и транспорта. В данном училище обучались представители из Акмолинского, Кокчетавского и Каркаралинского уездов. Жизнь и деятельность Алихана Букейханова тесно связана с Омском. Большой период его биографии принадлежит этому городу, он провел здесь более 14 лет, с 1894 по 1908 годы, стал руководителем партии кадетов в городе. Алихан будучи учащимся 3 курса технического училища, которое готовила кадры среднего звена для сибирской железной дороги, начал сотрудничать с редколлегией особого приложения к Акмолинским областным ведомостям. В целом, в развитии образования не было выработано стройной системы. Все сводилось к тем или иным случайным распоряжениям в организации учебного дела. Народное просвещение в Степном крае развивалось медленно. Царское правительство выделяло очень мало средств на содержание школ. Большая часть населения оставалась неграмотной.

Омск, как просветительский центр Степного края оказал существенное влияние на образование и гражданское становление большинства ярких представителей казахской интеллигенции: Кошке Кеменгерова, М. Айтпенова, С. Сейфуллина, Асылбека и Мусульманбека Сеитовых, Айдархана Турлыбаева, Ережепа Итбаева и других.

Омск явился своего рода колыбелью сибирского областничества. Здесь родился главный идеолог областничества Н.М. Ядринцев, здесь учился и служил известный ученый и общественный деятель Г.Н. Потанин. Впервые областники начали пропаганду областнических идей, заговорили о неравноправии Сибири, о необходимости дать ей больше самостоятельности.

В своих экономических интересах царское правительство ставило перед собой задачу как можно более подробное исследование природных богатств края, для чего в Омске еще в 1877 году был организован Западно-Сибирский отдел РГО. Отделом организовывались крупные экспедиции по изучению Северного, Центрального, Восточного Казахстана и Семиречья, проводились публичные лекции среди населения на различные темы.

Кроме военно-стратегического значения г. Омск являлся одним из главных мест ссылки. Ссылали сюда, главным образом, на каторжные работы, на поселение

и военную службу. Источником существования ссыльных служило мизерное казенное пособие, помощь от родных и членов семей, а также заработки на месте отбывания наказания. Оседала в Омске наиболее образованная и деятельная часть репрессированных. Из отчета генерал-губернатора Западной Сибири мы узнаем, что в г. Омске всегда скапливалось много людей, лишенных средств существования. Источником для их пополнения служили выведенные из Сибири регулярные полки, которые увеличивали ряды семейств нижних воинских чинов, находящихся в крайне тяжелом положении, без средств пропитания. Уже в 1870г. в г.Омске проживало 30,5 тыс. человек. (История городов Сибири досоветского периода, 1977: 242).

Вся жизнедеятельность Омска была связана с положением города как административного центра. Это подтвердила перепись населения 1877г. в г.Омске, по данным которой непроизводительное население составляло 60,5%, полупроизводительное-17,1%, производительное-22,4%. Сельским хозяйством было занято 2,3%. Иначе говоря только для каждого пятидесятого взрослого человека земледелие и скотоводство являлось основным источником получения средств к жизни. Жителей насчитывалось 24818 человек, из них 13,943 мужчин и 10.875 женщин, из которых только 9259 местных уроженцев. Мещане составляли 21,4% всего населения, купцы-1,48%, почетные граждане-6%, нижние воинские чины - служащие, запасные и отставные-32,8%, личные и потомственные дворяне-9,9%. Рост населения происходил за счет военных сословий, мещан и крестьян. Большая часть самодельного населения находилась в прислуге, занималась извозом и мелкой торговлей. Немалая часть населения города работала на фабриках и заводах. (Город и деревня Сибири досоветского периода в их взаимосвязи, 1988:133).

С преодолением кризисных явлений в 80-х годах наблюдалось увеличение численности в городах Акмолинской области. Омск по численности населения вышел на первое место (34070), Петропавловск на второе (13873), в других городах значительно меньше: Кокчетав (5896), Акмолинск (4718),Атбасар (1615). Казахов в Акмолинской области проживало 335930 человек. (Обзор Акмолинской области за 1886г, 1887:2).

К 1888 году население г. Омска увеличивалось более чем на 10 тыс.человек, значительно выросло число мещан и крестьян, однако по-прежнему доля рабочих и ремесленников среди населения не превышало 5%. В г. Омске уже в 1893г. , как центре военного и гражданского управления дворяне и военное сословие составляли наибольший процент, сравнительно с другими городами. В Петропавловске заметно преобладание мещанского, крестьянского и купеческого населения. (Обзор Акмолинской области за 1893г, 1895:5).

Относительные показатели сословий в северных городах Казахстана.

сословие	Омск	Петропавловск	Акмолинск
дворяне	12,9%	2,1%	2,4%
военные	17,0%	6,9%	10,0%
купцы	0,8%	2,8%	1,2%
мещане	39,0%	46,8%	29,3%
крестьяне	23,2%	25,5%	19,7%

Главную массу населения Омска составляли мещане 43,9% всех жителей. В связи сосредоточением разных административных управлений видное место занимали дворяне и чиновники (23,7%). За ними следовали нижние воинские чины и их семейства, составляющие 15%, крестьяне-11,5%, казаки-2,8%, купцы и почетные граждане-1,5%, прочие же сословия-1,6%. В религиозном отношении православные составляли 93,5% всего населения, католики-2,7%, протестанты-0,7%, евреи-2,2% и магометане-0,9% . (Долгоруков, 1897: 23).

Возникшая в начале XVIII в. как пограничная крепость-Семипалатинск по

мере развития превратился в важный пункт торговли не только между Россией и Казахстаном, но и между Средней Азией и Западным Китаем, а в XIX в. становится областным центром. Семипалатинская крепость, занимавшая немаловажное место в системе сибирских укреплений, прошла в XIX веке большой путь развития от уездного города до областного центра. В 1804г. она была отнесена к Томской губернии. С организацией общего учреждения для управления Сибири позднее была образована область, и Семипалатинск был возведен в окружной город этой области. В 1838г. с изданием особого положения для управления сибирскими казахами Омская область была упразднена. Семипалатинск и крепость Усть-Каменогорская с казахскими станицами на Иртышской линии снова причислены к Томской губернии. Указом от 19 мая 1854г. предписывалось: «из частей, находящихся на левом фланге казахской степи, именно Кокпектинского и Аягузского внешних округов и Семиреченского края, городов: Семипалатинска, Усть-Каменогорска и Бухтарминского управления и земель, занимаемых ныне казахами, кочующими на внутренней стороне Сибирской линии по правую сторону Иртыша, образовать особую область под наименованием Семипалатинской». Город Семипалатинск был назначен местопребыванием военного губернатора и областного правления. По данным 1825г. в Семипалатинске проживало 5849 жителей обоего пола. В 1867 году население города составило 8550 человек. Дальнейшее развитие города Семипалатинска было связано с административными реформами царизма в Казахстане в 1867-1868гг. В состав Семипалатинской области по реформе 1867-1868гг. вошли: Семипалатинский, Баян-Аульский, Каркаралинский и Кокпектинский округа, а также некоторые районы округов Сибирского казачьего войска. Семипалатинск стал центром обширной области по своей территории почти равной пространству тогдашней Франции. Это обстоятельство, бесспорно, способствовало росту численности населения. Оно составило 188796 человек. (Касымбаев, 1998:76).

Важным стратегическим центром в осуществлении этого процесса в Казахстане стала Акмолинская крепость. После издания Положения 1822г. началось строительство внутри степи окружных приказов. Административные пункты, расположенные в центре степи представляли для царизма благоприятные условия в политическом и экономическом управлении края. Заселение некоторых крепостей казаками с линий и крестьянами из внутренних и сибирских губерний, продвинуло значительное русское население вглубь степи. Мера эта предполагала развития гражданственности между казахами и сближению их с русскими. Места постоянного расположения приказов послужили началом русских поселений в степи. Образовавшиеся здесь селения превратились впоследствии в города, каковы: Акмолинск, Копал и Сергиопаль, составлявшие позже, центры местной торговой деятельности.

В истории Казахстана Акмола всегда занимала особое место. Люди начали осваивать берега Ишима и Нуры еще в каменном веке, а в эпоху средневековья на акмолинских просторах развевались знамена над ставками могущественных и грозных степных владык. Не случайно именно здесь развернулись основные события, связанные с одним из крупнейших в мировой истории антиколониальных восстаний XIX века под руководством последнего хана казахов - Кенесары Касымова. В начале 30-х годов XIX века на правом берегу Ишима, недалеко (гг урочища Караоткель, где обычно делали остановку торговые караваны, шедшие с Востока на Запад и обратно, было основано Акмолинское военное укрепление, вокруг которого возникло одноименное поселение, получившее в 1862 году статус окружного города.

9 января 1832 г. император Николай I, ознакомившись с докладом Сибирского комитета, санкционировал открытие на территории Казахстана внешнего округа под названием Акмолинский. Открытие данного округа

облегчит охрану верноподданных волостей от хищнических набегов казахов.

Акмолинский внешний округ включал в себя территорию примерно в следующих координатах : от 50 северной широты (бассейн реки Терисак-кан-озеро Кургальджин- река Нура) до 52 северной широты (правобережье Ишима) и от 35 восточной долготы (река Убаган-верховья Тургая) до 44 восточной долготы (Ерейментауские горы-река Чидерты). В них проживали 70961 мужчин и 60301 женщин, состоящих из следующих племен: аргынов, кереев, кыпчаков. В 10 волостях аргынских родов было 53 аула, в которых насчитывалось 2665 юрт. В 7 волостях племени керей находились 45 аулов (2930 юрт) с населением 10307 человек. В 6 волостях кыпчаков располагалось 40 аулов, в которых было 2380 юрт. Совместно с кыпчаками кочевало 7 аулов, непосредственно подчиненных султанам, в которых насчитывались 379 юрт с населением 1656 человек. Зимовки акмолинских казахов сосредоточились в горах Алатау, Ортау, Алабас, по рекам Малой Нуре, Атасу, Манак и др., по урочищам, степным озерам. Летом кочевали по рекам Ишим, Кокпекты, Уленты, Чидерты и др., к озерам Майбалык, Талдыкуль, к урочищам рек Шортанды, Нура и т.д. (Муканов, 1998:160)

В 1838г. согласно «Положение об отдельном управлении сибирскими казаками» Омская область была упразднена, внутренние округа переданы российским губерниям: Тобольской и Томской (Петропавловский, Усть-Каменогорский, Семипалатинский). Местопребывание областного управления назначено в Акмолинске. Акмолинскую область предполагалось разделить на 4 уезда, с назначением местопребывания уездных управлений в г.Омске, Петропавловске, Акмолинске и станции Атбасарской. Станице Атбасарской предоставлялось право городского поселения. (РГВИА.Ф.400,Оп.1.Д.120.Л.46.). В 1840г. в округе состояло 1096 м.п. и 325 ж.п. (ЦГА РК.Ф.374.Оп.1.Д.1468. Л.2 об.- 3).

Увеличение населения в Акмолинском округе свидетельствует о получении статуса административного центра областного управления. Акмолинск в связи расположением в центре рассматриваемого пространства представлял удобства к сосредоточению военных сил и гражданского управления. Со временем сюда были переведены как гражданское, так и военное управление, пограничного начальника для удобного надзора и управления степью. Акмолинская крепость ,занимавшая видное место, в системе сибирских укреплений, прошла в XIX в. значительный путь развития от окружного города в 1832 г.до уездного центра в 1868г. Это можно проследить по численности населения.

В начале 40-х годов население окружного приказа состояло почти полностью из представителей военного сословия, солдат и офицеров, военнослужащих различных инженерных, артиллерийских и других команд, сибирских казаков, чиновников гражданских ведомств, окружной администрации. В 1842г. гарнизон Акмолинского округа состоял из 342 человек пехоты и 521 казаков (РГВИА Ф.414. Оп.1.Д.61.Л.89.).

Согласно отчету Акмолинского окружного приказа численность жителей одноименного округа составляла в 1853г.-65281, в 1854г.-64520 душ обоего пола, а на 1 января 1860г.- 66506 человек обоего пола. Бросающиеся в глаза колебания в численности населения Акмолинского округа следует объяснить изменениями в территориально-административном управлении «Области сибирских киргизов», т.е. упразднением или образованием отдельных окружных приказов, часть которых в 1854г. была отнесена в состав вновь созданной Семипалатинской области. Вскоре после обнаружения в 1863г. указа о возведении Акмолинского селения в степень окружного города приписались сюда на постоянное место жительства купцы 2 гильдии с семьями в количестве 41 человека. Эти факторы в некоторой степени обусловили не только рост численности жителей города, но также изменение сословного, национального состава населения города. О сословной структуре

населения г. Акмолинска за 1867г. свидетельствуют данные: дворян, почтовых служащих насчитывалось 240 человек обоего пола, духовенство, православные состояли из 7, мусульмане из 4, солдаты и их семейства-1320, казаки-1487, крестьяне-10, татары податного состояния -130, казахи, постоянно проживающие из 15 человек, кочевые -245, выходцы из среднеазиатских владений («иностранные»)-1319. Всего их насчитывалось 4777 человек обоего пола (Касымбаев, 1995: 112).

Заключение

Таким образом, изменения происшедшие в политическом и экономическом развитии городов Омска, Акмолинска и Семипалатинска ставшие в XIX в. административными пунктами отразились на численности населения Города и крепости, основанные более 300 лет назад как военно-оборонительные пункты, с течением времени претерпели серьезные изменения. Они постепенно стали выполнять торгово-экономические, посреднические функции, развивая взаимовыгодные хозяйственные связи с коренным русским переселенческим населением. Акмола в этот период играла очень важную роль в укреплении политических и экономических позиций России в Казахстане. В свое время ставился даже вопрос о переносе сюда из Омска резиденции Западно-Сибирского генерал-губернатора и Пограничного управления. Спустя более 130 лет перенос столицы из Алматы в Акмолу, инициированное Президентом Н.А. Назарбаевым, стало, таким образом, своеобразным итогом всего предшествующего развития города. Выбор не был случайным - учитывались как исторические, так и геополитические, этнокультурные и экономические особенности развития страны на современном этапе.

Литература:

- Алихан Букейханов 150 лет - alihan-bukeihan.ucoz.net/index/0-2
Валиханов Ч.Ч. Полное собрание сочинений в 5 томах. - Т.2. - Алма-Ата, 1985. - 416 с.
Город и деревня Сибири досоветского периода в их взаимосвязи.- Н.,1988. - 133с.
Город Омск как центр учебы казахов Степного края [studiobook.net 526088/istoriya/gorod_omsk...kazahov](http://studiobook.net/526088/istoriya/gorod_omsk...kazahov)
Завалишин И.Описание Западной Сибири. - Т.1. - М., 1862. - 434 с.
История городов Сибири (досоветского периода). - Н.,1977. - 303 с.
Касымбаев Ж.К.История города Акмола (1832-1917гг.). Приложение к энциклопедии Акмола. - Алматы, 1995. - 112 с.
Касымбаев Ж.К. История города Семипалатинска (1718-1917гг.). -Алматы, 1998. -276с.
Колесников А.Д.Рост, сословный состав и занятость населения дореволюционного Омска // История городов Сибири/досоветского периода. - Новосибирск,1977.- С.225-238.
Муканов М.С. Из исторического прошлого (родословная племен керей и уак).- Алматы, 1998. - 160с.
Обзор Акмолинской области за 1886г.- О.,1887.-С.2.
Обзор Акмолинской области за 1893г.- О.,1895.-С.5.
Путеводитель по всей Сибири и среднеазиатским владениям России. Составил В.А.Долгоруков. - Т., 1897. -712с.
РГВИА.Ф.400,Оп.1.Д.120.Л.46.
РГВИА Ф.414.Оп.1.Д.61.Л.89.
РГИА.Ф.1265.Оп.8.Д.8.Л.2-2об.
Старков В.Краткое обозрение киргизской степи в географическом и статистическом отношениях.-Тобольск,1860. -113с.
Статистические сведения по г. Омску. - О., 1911.

Таскужина А.Б. Развитие города Омска как центра политических, хозяйственных и культурных отношений в Степном крае 1822-1914 гг./ автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук.- Алматы, 1997. – 24с.

ЦГА РК.Ф.374.Оп.1.Д.1468. Л.2об.- 3.

References:

- Alihan Bukeihanov 150 let - alihan-bukeihan.ucoz.net/index/0-2
Valikhanov Ch.Ch. Polnoe sobranie sochinenii v 5 tomah. T.2. -Alma-Ata, 1985. - 416 s/
Gorod i derevnia Sibiri dosovetskogo perioda v ih vzaimosvyazi.- N.,1988.-133s.
Gorod Omsk kak tsentr uchēby kazahov Stepnogo kraia studbooks.net/526088/istoriya/gorod_omsk...kazahov
Zavalishin I. Opisaniye Zapadnoi Sibiri. T.I.- M., 1862.-. 434 s.
Istoriia gorodov Sibiri (dosovetskogo perioda). - N., 1977. – 303 s.
Kasymbaev J.K. Istoriia goroda Akmoly (1832-1917gg.). Prilojenie k entsiklopedii Akmola. –Almaty, 1995. - 112 s.
Kasymbaev J K. .Istoriia goroda Semipalatinska (1718-1917gg.). –Almaty, 1998. –276s.
Kolesnikov A.D. Rost, soslovnii sostav i zaniatost naseleniia dorevoliutsionnogo Omska // Istoriia gorodov Sibiri/dosovetskogo perioda. –Novosibirsk,1977.- S.225-238.
Mukanov M.S. Iz istoricheskogo proshlogo (rodoslovnaia plemen kerei i uak).- Almaty, 1998.-160s.
Obzor Akmolinskoi oblasti za 1886g.- O.,1887.-S.2.
Obzor Akmolinskoi oblasti za 1893g.- O.,1895.-S.5.
Putevoditel po vsei Sibiri i sredneaziatskim vladeniim Rossi. Sostavil V.A.Dolgorukov. - T., 1897. -712s.
RGVIA.F.400,Op.1.D.120.L.46.
RGVIA F.414.Op.1.D.61.L.89.
RGIA.F.1265.Op.8.D.8.L.2-2ob.
Starkov V.Kratkoe obozrenie kirgizskoi stepi v geograficheskom i statisticheskom otnosheniiah.-Tobolsk,1860. -113s.
Statisticheskie svedeniia po g. Omsku. - O.,1911.
Taskujina A.B. Razvitie goroda Omska kak tsentra politicheskikh, hoziaistvennykh i kulturnykh otnosheni v Stepnom krae 1822-1914gg./ avtoreferat na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk.- Almaty,1997.-24s.

МРНТИ 03.20

М.Д. Шаймерденова¹

к.и.н., профессор, академик МАИН, ¹КазНАИ имени Т.К. Жургенова
e-mail:mena_MS@mail.ru., Казахстан, г. Алматы

А.А. Кульшанова²

к.и.н., профессор, ²КазНАИ имени Т.К. Жургенова
e-mail:armankulshanova@mail.ru., Казахстан, г. Алматы

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ И В РЕТРОСПЕКТИВЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ИСТОЧНИКОВ О КАРАЧАЕВО- БАЛКАРСКОМ НАРОДЕ КАЗАХСТАНА)

В данной статье авторы анализируют проблему депортации народов в Казахстан, в частности, карачаево-балкарского народа. В ходе исследования авторы

провели исторический экскурс по данной теме, выделили несколько периодов насильственного переселения. Особое внимание в статье уделено современному положению карачаево-балкарского народа, государственной поддержке языка, культуры, истории; возрождению традиций и обычаев этноса.

Ключевые слова: этнос, этничность, депортация, репрессия, полиэтничность.

М.Д. Шаймерденова¹

т.ғ.к., профессор, ¹Халықаралық ақпараттандыру академиясының академигі

Т.Жургенов атындағы Қазақ Ұлттық Өнер академиясы

e-mail:mena_ms@mail.ru., Қазақстан, Алматы

А.А. Кульшанова²

Тарих ғылымының кандидаты, профессор,

²Т.Жургенов атындағы Қазақ Ұлттық Өнер академиясы

e-mail:armankulshanova., Қазақстан, Алматы

ҚАЗІРГІ КЕЗЕҢДЕГІ ЭТНОМӘДЕНИ БІРЛЕСТІКТЕР ЖӘНЕ РЕТРОСПЕКТИВАДА (ҚАЗАҚСТАННЫҢ ҚАРАШАЙ-БАЛҚАР ТУРАЛЫ АҚПАРАТ КӨЗДЕРІНДЕ)

Бұл мақалада авторлар Қазақстанға, атап айтқанда, карашай-балқар халқына депортациялау мәселесін талдайды. Зерттеу барысында авторлар осы тақырып бойынша тарихи дигрессия жүргізді, мәжбүрлі көшірудің бірнеше кезеңдерін анықтады. Карашай-балқар тұрғындарының қазіргі жағдайына, тілдің, мәдениеттің, тарихтың мемлекеттік қолдауына ерекше көңіл бөлінеді; этнос дәстүрлері мен өдет-ғұрыптарын жандандыру.

Кілт сөздер: этнос, этностық, жер аудару, репрессия, полиэтникалық.

M.D. Shaimerdenova¹

Candidate of Historical Sciences, Professor

¹Academician of the International Academy of Informatization

Kazakh National Academy of Art by T. Jurgenov

e-mail:mena_ms@mail.ru., Almaty, Kazakhstan

A.A. Kulshanova²

Candidate of Historical Sciences, Professor,

²Kazakh National Academy of Art by T. Jurgenov

e-mail:armankulshanova., Almaty, Kazakhstan

ETHNO-CULTURAL ASSOCIATIONS AT THE PRESENT STAGE AND IN RETROSPECT (ON THE MATERIAL OF SOURCES ABOUT THE KARACHAY-BALKAR PEOPLE OF KAZAKHSTAN)

In present article authors analyze the problem of the deportation of people to Kazakhstan, in particular, the Karachay-Balkar people. In the course of the research, the authors conducted a historical overview on this topic, identified several periods of forced relocation. Particular attention is paid to the present situation of Karachay-Balkar ethnic group, state support of their language, culture, history; revival of traditions and customs of the ethnos.

Keywords: ethnos, ethnicity, deportation, repression, polyethnicity.

Введение

В настоящее время во всем мире наблюдаются активные культурные и языковые взаимодействия, рост этнического, гражданского самосознания, глобализационные

процессы, что актуализирует темы, связанные с историей, культурой, языковым развитием всех этносов, населяющих мир и находящихся в процессе постоянной миграции. При этом важнейшими аспектами исследования являются исторические, связанные с периодом депортации народов в Казахстан, а также вопросы, связанные с межэтническими отношениями, социально-политической историей, ассимиляцией, аккультурацией, возрождения языков, проявление этнических стереотипов и многие другие.

«Современный мир развивается с невероятной быстротой, и жизнь требует от нас скорейшей адаптации к различным меняющимся ситуациям общения с людьми, странами и континентами, разными культурами» – так написали в своем учебном пособии «Социоллингвистика» Е. В. Пиневиц и В. Ф. Стародубцев (Пиневиц Е.В., Стародубцев В.Ф. 2011).

За двадцать семь лет независимости Казахстана проделана большая работа в области языкового строительства и образовательной системы, что очень важно для всех народностей, проживающих в Казахстане, для их адаптации, возрождения и поддержания своей культуры, языка, традиций, обычаев. Полиэтнический, многоязычный, мультикультурный Казахстан – это конкурентоспособное государство, в котором, согласно данным социоллингвистического справочника «Языки народов Казахстана» Э.Д. Сулейменовой, Н.Ж. Шаймерденовой, Д.Х. Акановой, проживают 126 этносов, и, где созданы все условия для развития и функционирования языков (Сулейменова Э.Д., Шаймерденова Н.Ж. 2007: 31). При этом, как указано в основополагающем документе Казахстана – Доктрине национального единства, государственный язык – главный фактор духовного и национального единства народа Казахстана» жизнестойкость и функционирование казахского языка имеет важное стратегическое значение для молодого государства, территория которого составляет девятую часть Земли (Указ Президента Республики Казахстан 2011).

Как складываются межэтнические и межъязыковые отношения в Казахстане и в мире, каковы условия их взаимодействия, сколько языков, каков их статус – все это в настоящее время особенно интересует историков, социологов и лингвистов. К данному аспекту обращаются также философы, психологи, политологи, которые проводят исследования в рамках различных научных проектов, что позволяет предоставить наиболее полную этническую и языковую картину Казахстана.

Методология

Материалы исследований представляют собой статистические данные переписи населения Республики Казахстан 2009 года, анкетные данные, интервьюирование. При работе над исследованием, фрагменты которого представлены в виде статьи использовались методические наблюдения, открытое и закрытое анкетирование, которое проводилось в этнокультурных обществах, этнопросветительских воскресных школах, контент-анализ медийных ресурсов Казахстана различных периодов с целью сбора материала, публикаций представителей анализируемой этнической группы.

Результаты исследования сводятся: представлена динамика переезда кабардино-балкарского народа в Казахстан, проведен обобщающий обзор литературы по теме с выявлением основополагающих трудов по проблеме, охарактеризован этноязыковой ландшафт Казахстана с учетом научных исследований Э.Д. Сейлейменовой и Н.Ж. Шаймерденовой и выявлены документы институциональной поддержки языков этносов, проживающих в Казахстане

Обсуждения

Для Казахстана, в котором исторически связаны судьбы различных этносов, данная проблематика особенно важна. Этнокультурное, этноязыковое строительство Казахстана сегодня – важная составляющая государственной политики и находит отражение во всех государственных документах. В частности, утвержденная и

действующая «Государственная программа развития и функционирования языков в Республике Казахстан на 2011-2020 годы» намечает все основные пути реализации устойчивого и эффективного развития языка титульного этноса, казахского как государственного и языков всех этнических групп, проживающих в Казахстане (Указ Президента Республики Казахстан от 29 июня 2011 года № 110, 2011).

Казахстан в настоящее время является многонациональным государством, где в согласии и дружбе проживают представители различных этносов и где идея Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева о создании ЕАС, ЕАЭС, модели мира и общественного согласия, Ассамблеи народа Казахстана находят свою реализацию и становятся образцом единения и конкурентоспособного развития государства. Многие из представителей, депортированных в Казахстан в разное время народов, обрели здесь свою Родину и об этом написаны труды ученых и на данную тему проводятся исторические форумы на государственном уровне. Так, трагические периоды насильственного переселения представлены во многих казахстанских источниках, в проекте «Память во имя будущего», в отмечаемом ежегодно государственным Дне памяти репрессированных народов, в музейно-мемориальном комплексе «АЛЖИР» (Музей «Алжир», Астана), в музее памяти жертв политических репрессий «Карлаг» (Музей памяти. Караганда).

В годы сталинского режима репрессиям и принудительному выселению, подверглись, как известно, представители всех социальных групп и слоев населения от общественно-государственных деятелей до целых народов и этнических групп, в одночасье насильственно депортированные из постоянных мест проживания. В знак осуждения эпохи тоталитаризма Указом Президента Республики Казахстан 1997 год был объявлен Годом общенационального согласия и памяти жертв политических репрессий (Указ Президента Республики Казахстан от 30.12.1996 г. № 3299, 1997).

Как правило, с периода Великой Отечественной войны начинают рассматривать историю массового выселения народов, ставших негодными тоталитарному режиму. Однако такое видение не совсем верно и не совсем полно раскрывает сути проблемы. Согласно архивным источникам и историческим данным, депортация представителей различных социальных групп и сословий, а также национальных меньшинств и этнических групп имело место сразу же в послереволюционный период, то есть задолго до начала Великой Отечественной войны.

Первый ее этап начался вскоре после Октябрьской революции, когда из центральных городов России-Москвы, Ленинграда и других были высланы в Казахстан, Сибирь и на Урал представители имущего класса, лица из числа аристократии, интеллигенции, политические деятели, военачальники, организаторы национально-государственного строительства, а также представители духовенства и чиновники бывшего царского административного аппарата и т.д. (Бугай Н.Ф. 2014: 37).

Второй этап депортации и выселения отдельных личностей и сословий связан уже с периодом гражданской войны, когда началась осуществляться ликвидация такого сословия, как казачество, кулаки, зажиточные крестьяне. Так называемые зажиточные крестьяне, раскулаченные в ходе коллективизации, выселялись из центральных районов России, Украины и Белоруссии. Так, например, в начале 30-х годов численность, выселенных в Казахстан, достигла свыше 189 тысяч человек (ЦГА РК, ф. 1987, оп. 1, д.12, л. 17). В тот же период впервые выселение коснулось и зажиточных семей балкарцев и карачаевцев, ссылаемых преимущественно в Казахстан и Узбекистан.

Начавшееся насильственное выселение негодных людей в Казахстан в качестве спецпереселенцев продолжалось и в последующие годы. Выселяемых людей старались расселять компактно для удобства иметь их под постоянным контролем со стороны властей. Так постепенно складывался механизм широкомасштабных

репрессий против неугодных режиму групп населения.

Сталин и его соратники избрали Казахстан местом ссылки не только для отдельных людей, но и для целых народов. В казахстанскую степь, где были сложные условия для проживания, особенно в северных районах, высылали поляков, евреев, немцев, корейцев, балкарцев, карачаевцев, чеченцев, ингушей, турок-месхетинцев, крымских татар, калмыков, курдов. Таким образом, Казахстан уже в 30-е годы превратился в своеобразную ссылку для выселенных народов.

Следующий этап репрессий против целых народов продолжался и в предвоенные 1939-1941 годы. Одним из первых народов, кто подвергся насильственной депортации в предвоенные годы, были корейцы, проживавшие тогда на территории Советского Дальнего Востока. Выселение (депортация) корейцев объяснялась необходимостью обеспечения безопасности приграничных районов Дальнего Востока СССР. 21 августа 1937 года под грифом «совершенно секретно» было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О выселении корейского населения из пограничных районов Дальне-Восточного края». В этом постановлении было указано о необходимости завершить выселение корейцев к 1 января 1938 года (О выселении корейцев из Дальневосточного края, 1992). Из пограничных зон СССР в Казахстан наряду с корейцами были выселены румыны, латыши и другие.

Из погранзоны Украины в Казахстан были переселены 70 тысяч поляков и немцев; из погранзоны Азербайджана подверглись выселению курдское население и 2500 иранских поданных; были высланы 700 семей так называемых «контрреволюционных элементов»; из Дальнего Востока китайцы были депортированы в Китай – в Синьцзян. Также в предвоенные годы до 110 тысяч поляков были высланы на север Казахстана (Ткаченко А.А. 2012: 58-65). В эти же годы переселялись турки и армяне. По причине возможного шпионажа в пользу иностранного государства и необходимостью нейтрализации были тотально депортированы российские немцы с ликвидацией их государственности в Поволжье.

Самый пик депортации пришелся на период Великой Отечественной войны, период вступления Германии в войну против СССР. Для многих народов Кавказа военные годы оказались самыми трагичными. Трагическая участь постигла депортированных кавказских народов, которые стали жертвой имперских интриг. Так, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 октября 1943 года и Постановлением СНК от 14 октября 1943 года о выселении карачаевцев из Карачаевской автономной области в Казахскую и Киргизскую ССР в принудительном порядке были депортировано 69 267 граждан карачаевской национальности. Выявлялись и карачаевцы, проживавшие в соседних автономных республиках, областях и краях. А также в постановлении ГКО от 5 марта 1944 года уже было зафиксировано, что НКВД обязуется направить балкарцев в Казахстан (25 тыс. человек) и в Киргизию (15 тыс. человек). 11 марта 1944 года Берия доложил Сталину, что «балкарцев выселено 37 103 человека» (Бугай Н.Ф. 2004).

В очень жестких условиях были депортированы балкарцы и карачаевцы, на которых навесили ярлык «предателей Родины» и отправили в ссылку в отдаленные места на постоянное проживание. Таким образом, 2 ноября 1943 года было депортировано в основном в Казахстан и Киргизию почти 70 тысяч человек карачаевского народа (86%) и 8 марта 1944 года 37 (по некоторым архивным источникам около 40 тыс.) тысяч балкарцев (Канафина Ж. 2005).

Осенью 1944 года курды, турки-месхетинцы и хемшины были высланы из 5 районов (Буровский А.М. 2009, Канафина Ж. 2005). С 23 февраля по 9 марта 1944 года была произведена насильственная депортация чеченцев и ингушей с мест их постоянного проживания, причем в самые отдаленные северные районы Казахстана, по огульному обвинению в «измене родине». Переселенцы, хотя и в

меньших масштабах, продолжали прибывать в Казахстан до конца войны.

Для депортированных поселенцев адаптация в новых местах проживания протекала очень трудно и сложно. Переселенцы оставались без медицинского обслуживания, не было предоставлено нормальных бытовых условий, семьи размещались в основном в общих бараках, в которых отсутствовало отопление (за исключением тем, кто находил приют у местных жителей), плохо были обеспечены питанием, а в некоторых отдаленных местах первое время вообще не были обеспечены питанием, в силу сложившихся условий того времени.

Автор статьи «История депортации народов России» А. Ткаченко, отмечает, что «тотальная депортация с последующим применением репрессивных мер, направленных на ущемление гражданских прав по признаку этнической принадлежности, была признана преступлением в декларации Верховного Совета СССР, принятой 14 ноября 1989 года. Самое важное, с нашей точки зрения, в этой декларации даже не констатация необходимости принятия соответствующих законодательных мер для безусловного восстановления прав эти народов. А главное – это признание этих актов репрессивными и процесса в целом – искажением общечеловеческих принципов гуманизма». Так же автор приходит к выводу, что «восстановление каких-либо прав репрессированных по национальной принадлежности в 1956 году и о формировании после XX съезда идеологии реабилитации репрессированных народов не приходится. Эта идеология практически не выработана по сей день» (Ткаченко А.А. 2011).

В настоящее время (согласно переписи населения 2009 года в Казахстане) в Казахстане проживает около 2 тысяч карачаевцев и 3 тысяч балкарцев (Бугай Н.Ф. 2004, Невзгоды и лишения не сломили балкарский народ. 2012). В этом – 2014 году – исполняется 70 лет как балкарцев и карачаевцев приняла казахстанская земля как своих родных детей, помогла не умереть от голода. Большинство из депортированных народов вернулось на историческую родину, но и значительная часть депортированных, из-за преступного режима того времени, из-за произвола и беззакония, несла тяготы лишений, потерю родных и близких, умерших в дороге от голода, холода и сопутствующих их болезней. Так, за годы депортации народы, граничащие с Грузией, потеряли около 50 процентов своих родных и близких (балкарцы – 48 %, карачаевцы – 44, 7%, ингуши – 43,7%, чеченцы – 53,4 %) (Невзгоды и лишения не сломили балкарский народ 2012).

Тема депортации была закрыта на многие десятилетия для исследователей и ученых, тем самым нанося существенный ущерб исторической науке. Но благодаря тому, что в 90-е годы XX века открылся доступ ко многим архивным документам, исследователи и ученые получили возможность изучить материалы и дать достоверную оценку масштабным репрессиям и депортациям, геноциду и гонениям. Все это позволило представить наиболее полную картину развития культур и языков народов, депортированных в Казахстан, в том числе и карачаево-балкарского народа.

В 2010 году по инициативе президента фонда «Эльбрусид», председателя президиума Конгресса народов Кавказа Али Тоторкулова была создана объединяющая большую часть карачаевских и балкарских фамилий общественная организация «Барс-Эль» с целью возрождения и сохранения традиций, воспитания и образования подрастающего поколения, развития культуры и спорта. По словам руководителя отделения организации в Кабардино-Балкарии Абузеида Гериева, филиалы могут появиться в Казахстане и Киргизии, где живет большая карачаево-балкарская диаспора, оказавшаяся в этих республиках в результате депортации народа в 1944-1957 годах. А также отмечает, что существует очень много проблем, связанных с сохранением народа, что после геноцида карачаевцы, балкарцы растеряли свой фольклор, традиции, а сейчас перенимают танцы, обычаи соседей. Созданная организация «Барс-Эль» поможет возродить традиции, фольклор и

обычаи народа (Тикаева Ф. 2012).

Согласно «Государственной программе развития и функционирования языков в Республике Казахстан на 2011-2020 годы» (Указ Президента Республики Казахстан от 29 июня 2011 года № 110) в Казахстане находят государственную поддержку языки всех этносов. Так, в Словаре «Языки народов Казахстана» под ред. Э.Д. Сулейменовой представлены словарные статьи и статистические данные по всем этническим группам и референтным языкам, которые в настоящее время имеются в Казахстане. Объединенные данные 1989 года о носителях карачаево-балкарского языка дают возможность убедиться в достаточно высокой степени этнического и языкового самосознания карачаевцев и балкарцев (65%), существующей на фоне низкого владения языком своей национальности (1,4%) (Сулейменова Э.Д., Шаймерденова Н.Ж., Аканова Д.А. 2007: 157).

Степень двуязычия ингушей Казахстана переписью 1999 года определена следующим образом: 5 629 человек (33,3%) являются монолингвами, 11 251 человек (66,7%) – билингвами (11, 149); балкарцев: 3 953 чел. (57,2%) являются монолингвами, 2 962 чел. (42,8%) – билингвами (Сулейменова Э.Д., Шаймерденова Н.Ж., Аканова Д.А. 2007: 131); степень двуязычия карачаевцев Казахстана оказалась близкой степени двуязычия родственных балкарцев: 587 чел. (28,2%) являются монолингвами, 1 492 чел. (71,8%) – билингвами» (Сулейменова Э.Д., Шаймерденова Н.Ж., Аканова Д.А. 2007: 158). Тамбиева М. отмечает что, так как казахский, балкарский и карачаевский языки относятся к тюркской языковой группе, то поэтому 95 % балкарцев и карачаевцев владеют родным, государственным и официальным языками без особых усилий (Тамбиева М. 2012).

На сегодняшний день, благодаря проводимой в республике национальной политике, в Казахстане действует «Карачаево-балкарский общественно-культурный центр «Минги тау», который прилагает все усилия по сохранению и развитию этнической культуры и языка; создаются этнопросветительские школы, культурные центры. В Алматы издается журнал «Минги-Тау»; создан танцевальный фольклорно-этнографический ансамбль; открыты молодежные спортивные секторы; открыты воскресные школы в двух поселках, один из которых расположен близ культурной столицы Казахстана (Карачаево-балкарский общественно-культурный центр «Минги тау» 2012). Дети имеют возможность изучать не только казахский язык как государственный, но и карачаево-балкарские языки, знакомиться с культурой своего народа, историей, традициями, обычаями и обрядами. При Ассамблее так же работает общественное объединение карачаевцев и балкарцев «Бирлик».

Члены карачаево-балкарского общественно-культурного центра активно участвуют в общественной жизни республики, проводят различные культурно-массовые мероприятия, внося свой вклад в укрепление межэтнических отношений в Казахстане. А главное, центр проводит большую работу по сохранению и приобщению к обычаям и традициям, развитию этнической культуры, обучению детей языку, культуре, народным танцам.

Как отмечает профессор Светлана Аккиева в своем исследовании – «активисты карачаево-балкарской диаспоры участвуют и в политической жизни стран Центральной Азии, избираются в различные структуры представительной власти, занимаются бизнесом, принимают участие в публичных дискуссиях и «круглых столах» по актуальным проблемам формирования гражданского общества в Казахстане, Киргизии и других странах (Аккиева С. 2014).

Выводы

Сегодня Республика Казахстан – полиэтническое государство, в котором каждая диаспора имеет широкие возможности для изучения родного языка, традиций, культуры и истории своего народа.

Благодаря грамотной национальной политике Президента Казахстана

Н. Назарбаева, которая направлена на мирное сосуществование разных народов, были созданы и создаются условия по оказанию помощи реабилитированным народам, созданы условия для сохранения культурных ценностей народов, проживающих в Казахстане. Так же указом Президента РК была создана Ассамблея народа Казахстана, состоящая из 32 культурно-национальных центров, целью которой является реализация национальной политики страны по содействию культурного и этнического взаимодействия всех народов, проживающих в Казахстане.

Литература:

Аккиева С. Карачаево-балкарская диаспора в странах Центральной Азии. Нальчик, 2014.

Бугай Н.Ф. 20-40-е годы: депортация населения с территории европейской России // Отечественная история, 1992, № 4, с. 37.

Бугай Н.Ф. Война и общество, 1941-1945. // Депортация народов. Книга вторая. М, Наука, 2004.

Буровский А.М. 1937. Контрреволюция Сталина. - М., 2009. - 288 с.
Канафина Ж. О депортации вайнахов в Казахстан. Операция «Чечевица». «Gazeta.kz». 2005, 5 апреля.

Карачаево-балкарский общественно-культурный центр «Минги тау». Сайт аппарата акима Бостандыкского района. 2012. Электронный ресурс [Режим доступа]: .

Музейно-мемориальный комплекс «АЛЖИР». Астана, Малиновка.

Музей памяти жертв политических репрессий «Карлаг». Караганда.

Невзгоды и лишения не сломили балкарский народ. 2012.

Электронный ресурс [Режим доступа]: http://kavpolit.com/articles/nevzgody_i_lisheniya_neslomili_balkarskij_narod-1466/

О выселении корейцев из Дальневосточного края //Отечественная история. 1992. - №6. - С. 142.

Пиневиц Е.В., Стародубцев В.Ф. 2011. - Социоллингвистика. Москва. 216 с.

Сулейменова Э.Д., Шаймерденова Н.Ж., Аканова Д.А. Языки народов Казахстана. Социоллингвистический справочник // Алматы, 2007. 304 с.

Тамбиева М. Родная чужбина. Потомки ссыльных карачаевцев и балкарцев тоскуют по Родине, но не спешат возвращаться на беспокойный Кавказ. 2012. Электронный ресурс [Режим доступа]: <http://kavpolit.com/karachaev-balkarskaya-diaspora-v-srednej-azii/>.

Ткаченко А.А. История депортации народов России. Российский демографический журнал. Москва, 2011. № 1. С. 58-65.

Тикаева Ф. Карачаевцы и балкарцы хотят объединиться с соотечественниками. Старейшины фамилий за сохранение традиций. 2012. Электронный ресурс [Режим доступа]: <http://www.islamnews.ru/news-136051.html>.

Указ Президента Республики Казахстан от 29 июня 2011 года № 110. Государственная программа развития и функционирования языков в Республике Казахстан на 2011-2020 годы. Алматы, 2011.

Указ Президента Республики Казахстан от 30.12.1996 г. № 3299 «Об объявлении 1997 года годом общенационального согласия и памяти жертв политических репрессий». Алматы, 1997.

ЦГА РК, ф. 1987, оп. 1, д.12, л. 17.

References:

Akkieva S. Karachaev-balkarskaya diaspora v stranah Central'noj Azii. Nal'chik, 2014.

Bugaj N.F. 20-40-e gody: deportaciya naseleniya s territorii evropejskoj Rossii //

Otechestvennaya istoriya, 1992, № 4, s. 37.

Bugaj N.F. Vojna i obshchestvo, 1941-1945. // Deportaciya narodov. Kniga vtoraya. M, Nauka, 2004.

Burovskij A.M. 1937. Kontrevolyuciya Stalina. M., 2009. 288 S.

Kanafina ZH. O deportacii vajnahov v Kazahstan. Operaciya «CHEchevica». «Gazeta.kz». 2005, 5 aprelya.

Karachaevo-balkarskij obshchestvenno-kul'turnyj centr «Mingi tau». Sajt apparata akima Bostandykskogo rajona. 2012. EHlektronnyj resurs [Rezhim dostupa]: .

Muzejno-memorial'nyj kompleks «ALZHIR». Astana, Malinovka.

Muzej pamyati zhertv politicheskikh repressij «Karlag». Karaganda.

Nevezgody i lisheniya ne slomili balkarskij narod. 2012. EHlektronnyj resurs [Rezhim dostupa]: http://kavpolit.com/articles/nevzgody_i_lisheniya_ne_slomili_balkarskij_narod-1466/.

O vyselenii korejcev iz Dal'nevostochnogo kraja //Otechestvennaya istoriya. 1992. - №6. S. 142.

Pinevich E.V., Starodubcev V.F. - Sociolingvistika. Moskva, 2011. 216 c.

Sulejmenova EH.D., SHajmerdenova N.ZH., Akanova D.A. YAzyki narodov Kazahstana. Sociolingvisticheskij spravochnik // Almaty, 2007. 304 S., str. 31, 157.

Tambieva M. Rodnaya chuzhbina. Potomki ssyl'nyh karachaevcev i balkarcev toskuyut po Rodine, no ne speshat vozvrashchat'sya na nespokojnyj Kavkaz. 2012. EHlektronnyj resurs [Rezhim dostupa]: <http://kavpolit.com/karachaevo-balkarskaya-diaspora-v-srednej-azii/>.

Tkachenko A.A. Istoriya deportacii narodov Rossii. Rossijskij demograficheskij zhurnal. Moskva, 2011. № 1. S. 58-65.

Tikaeva F. Karachaevcy i balkarcy hotyat ob'edinit'sya s sootechestvennikami. Starejshiny familij za sohranenie tradicij. 2012. EHlektronnyj resurs [Rezhim dostupa]: <http://www.islamnews.ru/news-136051.html>

Ukaz Prezidenta Respubliki Kazahstan ot 29 iyunya 2011 goda № 110. Gosudarstvennaya programma razvitiya i funkcionirovaniya yazykov v Respublike Kazahstan na 2011-2020 gody. Almaty, 2011.

Ukaz Prezidenta Respubliki Kazahstan ot 30.12.1996 g. № 3299 «Ob ob'yavlenii 1997 goda godom obshchenacional'nogo soglasiya i pamyati zhertv politicheskikh repressij». Almaty, 1997.

CGA RK, f. 1987, op. 1, d.12, l. 17.

**ҚАЗІРГІ ЗАМАНДАҒЫ ҚАЗАҚСТАН
НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ КАЗАХСТАНА
CONTEMPORARY HISTORY OF KAZAKHSTAN**

МРНТИ 03.20

Л.Н. Нұрсұлтанова¹

¹ т.ғ.д., қауымдыстырылған профессоры
Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті,
Астана қ., Қазақстан. e-mail:2012nura@bk.ru

Д.Р. Айтмағамбетов.²

² т.ғ.д., доцент міндетін атқарушы
Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті,
Астана қ., Қазақстан. e-mail:dumanad@mail.ru

А.М. Азмұханова³

³ т.ғ.к., профессор міндетін атқарушы
Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті,
Астана қ., Қазақстан. e-mail:aiaz67@mail.ru

**ҚАЗАҚСТАН МЕН ҮНДІСТАН АРАСЫНДАҒЫ ЫНТЫМАҚТАСТЫҚ:
ТАРИХИ АСПЕКТ**

Қазақстан мен Үндістан арасындағы өзара сенім мен түсіністік жоғары деңгейде дамып, өзара тиімді ынтымақтастыққа ықпал етеді. Осы қарым-қатынастардың дамуының жаңа кезеңі 2009 жылдың қаңтар айындағы Нью-Делиге Қазақстан Президенті Нұрсұлтан Назарбаевтың сапары кезінде Стратегиялық әріптестік туралы бірлескен декларация қабылданғаннан кейін басталды. Қазақстанның Еуропа мен Азия қиылысында геосаяси орналасуы, оның экономикалық, саяси мүдделері және ресурстары халықаралық аренада оның орташа аймақтық державалар қатарында болуына себеп болды. 2001 жылғы 2 желтоқсанда Президент Н.Назарбаев еліміздің сыртқы саясатының негізгі бағыттарын алғаш рет белгіледі. Қазақстанның геостратегиялық орналасуы оның Еуропа мен Азия арасындағы көпір болуын анықтайды.

Қазақстан мен Үндістан арасындағы Стратегиялық әріптестік туралы бірлескен декларацияның қабылдануы егемендік пен теңдік негізінде өзара тиімді қарым-қатынастарды орнату мен дамуына үлес қосты. Серіктестіктің стратегиялық сипаты саяси, экономикалық, ғылыми, технологиялық, білім беру және гуманитарлық салаларда белсенді ынтымақтастықты қамтиды. Үндістан әлемдегі ең жылдам дамып келе жатқан елдердің бірі ретінде танылған және ұлттық экономиканың дамуында елеулі табыстарға қол жеткізген мемлекет ретінде Қазақстан үшін болашағы зор серіктес болып қарастырылады. Қазақстан өте перспективалы серіктес ретінде осы мемлекет қарастыруда. Қазақстанның экономикалық әлеуетінің өсуімен және аймақтық көшбасшы ретінде мақұлдандуымен Үндістанның Қазақстанға қызығушылығы айтарлықтай өсті. Жоғары деңгейдегі сапарлар мен екі елдің көшбасшылары арасында орнатылған жылы қарым-қатынастар біздің халықтарымыз арасындағы өзара түсіністікке қызмет етеді.

Кілт сөздер: Қазақстан Республикасының сыртқы саяси бағыты, келісімдер, мемлекеттік сапарлар, акционерлік қоғамдар мен бірлескен кәсіпорындар құру, гуманитарлық байланыстар.

Л.Н. Нурсултанова.¹

¹ д.и.н., ассоциированный профессор,
Евразийский национальный университет им. Л.Н.Гумилева,
г. Астана, Казахстан. e-mail:2012nura@bk.ru

Д.Р. Айтмагамбетов.²

²к.и.н., и.о доцента, Евразийский национальный университет
им. Л.Н.Гумилева, г. Астана, Казахстан. e-mail:dumanad@mail.ru

А.М. Азмуханова.³

³к.и.н., и.о профессора, Евразийский национальный университет
им. Л.Н.Гумилева, г. Астана, Казахстан. e-mail:aiaz67@mail.ru

СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ КАЗАХСТАНОМ И ИНДИЕЙ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Между Казахстаном и Индией сложился высокий уровень доверия и взаимопонимания, что помогает дальнейшему взаимовыгодному сотрудничеству. Новый этап развития этих отношений наступил после принятия Совместной декларации о стратегическом партнерстве, которая была подписана в ходе визита Президента Нурсултана Назарбаева в Нью-Дели в январе 2009 года. Геополитическое расположение Казахстана на перекрестке Европы и Азии, его экономико-политические интересы и ресурсы предопределили место страны на международной арене в качестве средней региональной державы. 2 декабря 2001 года Президент Н. Назарбаев впервые очертил основные направления внешней политики страны. Казахстану суждено стать мостом между Европой и Азией – ввиду его геостратегического положения.

Подписание между Казахстаном и Индией Совместной декларации о стратегическом партнерстве способствовало установлению и развитию взаимовыгодных отношений на основе принципов суверенитета и равенства. Стратегический характер партнерства предполагает активное сотрудничество во всех сферах, включая политическое, экономическое, научно-технологическое, образовательное и гуманитарное развитие. В контексте достигнутых Индией значительных успехов в развитии национальной экономики и признания ее в качестве одной из наиболее динамично развивающихся стран в мире, Казахстан рассматривает это государство как весьма перспективного партнера. С ростом экономического потенциала Казахстана и утверждения его в качестве регионального лидера интерес Индии к Казахстану заметно возрос. Визиты на высшем уровне и теплые отношения, установившиеся между руководителями обеих стран служат взаимопониманию между нашими народами.

Ключевые слова: внешнеполитический курс Республики Казахстан, соглашения, государственные визиты, создание акционерных обществ и совместных предприятий, гуманитарные контакты.

Nursultanova L.N.¹

¹ Doctor of Historical Sciences., Associate Professor, L.N.Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan., e-mail:2012nura@bk.ru

Aitmagambetov D.R.²

² Candidate of Historical Sciences., A.A.P, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan., e-mail:dumanad@mail.ru

Azmukhanova A.M.³

³ Candidate of Historical Sciences, A.A.P, LN Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan., e-mail:aiaz67@mail.ru

COOPERATION BETWEEN KAZAKHSTAN AND INDIA: THE HISTORICAL ASPECT

Between Kazakhstan and India a high level of trust and mutual understanding has developed, which helps further mutually beneficial cooperation. A new stage in the development of these relations came after the adoption of the Joint Declaration on Strategic Partnership, which was signed during the visit of President Nursultan Nazarbayev to New Delhi in January 2009. Kazakhstan's geopolitical location at the crossroads of Europe and Asia, its economic and political interests and resources predetermined the place countries in the international arena as an average regional power. December 2, 2001. President N. Nazarbayev for the first time outlined the main directions of the country's foreign policy. Kazakhstan is destined to become a bridge between Europe and Asia - in view of its geostrategic position.

The signing of the Joint Declaration on Strategic Partnership between Kazakhstan and India facilitated the establishment and development of mutually beneficial relations based on the principles of sovereignty and equality. The strategic nature of the partnership implies active cooperation in all spheres, including political, economic, scientific and technological, educational and humanitarian development. In the context of the significant progress made by India in the development of the national economy and its recognition as one of the most dynamically developing countries in the world, Kazakhstan views this state as a very promising partner. With the growth of Kazakhstan's economic potential and its approval as a regional leader, India's interest in Kazakhstan has increased noticeably. Visits at the highest level and warm relations established between the leaders of both countries serve a mutual understanding between our peoples.

Keywords: Foreign policy of the Republic of Kazakhstan, agreements, state visits, creation of joint-stock companies and joint ventures, humanitarian contacts.

Кіріспе

Қазақстанның Азиядағы сыртқы саяси қызметі халықаралық аренадағы геосаяси аспекті мен экономикалық өзара әрекеттесу тұрғысынан алғанда саясаттың негізгі бағыттарының бірі болып табылады. Азия елдерімен қарым-қатынастардың саяси аспектілері негізінен Қазақстанның ұлттық қауіпсіздігін қамтамасыз ету мүдделері арқылы айқындалады. Осыған байланысты республикаға халықаралық террористік ұйымдардың қызметіне, заңсыз көші-қонға байланысты теріс әсердің ену қаупі бар.

Қазақстанның сыртқы саясаты дипломатиялық әрекеттердің халықаралық жағдайға және сол жылдары сыртқы әлеммен өзара іс-қимылдың кең ауқымды тұжырымдамасына қатысты қиын жолдардан өтті.

Алғашқы кезеңде басқа елдермен ынтымақтастық құру стратегиясы екі жақты және халықаралық форумдар шеңберінде қалыптасты. Ал екінші кезеңде белгілі бір тәжірибе жинақтала отырып, шетелде ұлттық- стратегиялық мүдделерді қамтамасыз ету үшін механизм құрылды.

Зерттеулерге шолу

Осы мақаланың мақсаты - екі ел арасындағы түрлі салалардағы ынтымақтастықты талдау.

Бұл жұмыстың мақсаты Қазақстан мен Үндістан арасындағы көп жақты қатынастарды зерттеу болып табылады

Методология

Зерттеу әдістері. Бұл жұмыста зерттеу объектісінің қозғалысын уақытылы көрсететін тарихи әдіс; көп жақты үдерістердің мәнін анықтайтын логикалық әдіс; екі елдің арасындағы түрлі салалардағы және өзара тығыз өзара қарым-қатынастарды қарастыратын жүйелік әдіс сияқты жалпы ғылыми әдістер қолданылады.

Отандық ғалымдар өздерінің ғылыми жұмыстарында Қазақстан мен Үндістан арасындағы қатынастардың әр түрлі аспектілерін қарастырады.

Қазіргі кезеңдегі қазақстан-үнді қарым-қатынастарын ескере отырып, Қазақстанмен қарым-қатынастар бұрынғы кезден бастау алады. Қазақстан арқылы өткен Жібек жолы Үндістанда аяқталады. Қазірдің өзінде біздің елдеріміз арасында тауарлар мен идеялар алмасу орын алуда. Бұрынғы күндері буддизм арқылы берілетін бейбітшілік пен даму туралы идеялар бүгінгі күні өзекті болып табылады. Ғасырлар бойы үнді халқы, сондай-ақ Қазақстан халқы әртүрлі дінді адамдарды өз жерінде қабылдады. Мұндай қарым-қатынас - идеялар, білім және әлемдік қабылдау арқылы байытумен өз нәтижесін берді. Мәдениеттер мен әр түрлі діндердің осы тіркесімі біздің халықтарымызға ішкі күш пен бірегей ұлттық сипатты берді.

Негізгі бөлім

Геосаяси өзгерістер Үндістан Республикасының рөлі және халықаралық қатынастардың қазіргі жүйесінде оның әсерінің нығаюын көрсетеді. Бұл, мысалы, қолайлы геостратегиялық жағдайы, маңызды әскери және саяси мүмкіндіктері, ең алдымен, ядролық қаруды иеленуі, сондай-ақ ақпараттық технологиялар перспективасы саласында айтарлықтай экономикалық әлеуеті, адам ресурстарын және салыстырмалы күшті ұстанымы ретінде объективті факторлар ықпал етуде. Үндістан әскери одақтарға қатыспау принциптеріне негізделген сыртқы саясатын белсенді жүргізеді, әлемнің барлық дерлік елдерімен қалыпты сындарлы қарым-қатынас жүргізуде, аймақтық интеграцияны дамытуға талпынады. Сонымен қатар, Дели полиорталық әлемін құру тұрақты жақтасы, белгілі державалардың басымшылығына қарсы шығады, «гуманитарлық араласу» тұжырымдамасы арқылы күш қолдану әрекеттерін айыптайды, терроризм, сепаратизм және діни экстремизмге қарсы күрес саласындағы халықаралық ынтымақтастықты кеңейтуге шақырады.

Абдыхалыков К.С., Даулетова Г.Б. мақаласында Қазақстан мен Үндістан арасындағы негізгі байланыс салалары көрсетіліп, ортақ мүдделер мен мақсаттар көрсетіледі. Екі ел ұлттық мүдде мен толеранттылық принциптеріне негізделген сыртқы саясатын таңдайтын қарқынды дамып келе жатқан Азия елдері. Бұл елдер азиялық континентте салыстырмалы түрде жақын орналасқан жерімен ғана емес, саяси мәдениет пен экономикалық даму принциптерінің ұқсастығымен да байланысады. Қазақстан мен Үндістан экономикалық либерализация, еркін экономикалық реформа, жеке кәсіпкерлік үшін барлық жағдайларды жасау, экономиканы мемлекеттік реттеудің төмендеуі және т.б. арқылы әлеуметтік-экономикалық көрсеткіштердің айтарлықтай жақсаруына ортақ үмтылуда [1].(Абдыхалыков К.С., Даулетова Г.Б., 2011: 28-32)

2011 жылы 18 қаңтарда Нью-Делиде (Үндістан) «Үндістан-Қазақстан: стратегиялық әріптестіктің болашағы» тақырыбына халықаралық семинар өткізілді. Бұл семинарды «Үндістан-Орталық Азия» Қорымен (ICAF, Нью-Дели) және Қазақстан Республикасының (ҚР) Президентінің жанындағы Қазақстан стратегиялық зерттеулер институтымен (ҚСЗИ, Алматы) ұйымдастырылды. Материалдар жинағына екіжақты қатынастардың дамуы, қауіпсіздікті қамтамасыз етудегі бірлескен әрекеттер, сонымен қатар экономикалық, ғылыми-техникалық, білім беру, адам ресурстарын дамыту салаларындағы ынтымақтастық сияқты кең ауқымды мәселелер қарастырылатын қазақстандық және үнділік қатысушылардың баяндамалары енгізілді. Жинақ саясаттанушыларға, халықаралық мамандарға, аймақтанушыларға, мемлекеттік қызметкерлерге, жоғары оқу орындарының оқытушылары мен студенттеріне, сонымен қатар қазіргі геосаяси жағдайлардағы Қазақстан мен Үндістан қатынастарына қызығушылық білдіретін оқырмандардың кең ауқымына арналған.

Асанбаев М.Б., Байменов Б.Т. мақаласы Орталық Азия елдерінің Үндістан

энергетикалық қауіпсіздігі мен саясатындағы рөліне арналған. Энергетика елдің сыртқы саясатының ажырамас бөлігі болып табылады. Экономиканың жұмыс істеуі тұтастай алғанда көмірсутектерді үздіксіз жеткізуге байланысты. Жеткізілімдердегі бұзылулар елдегі экономикалық өсу мен әлеуметтік-саяси тұрақтылыққа кері әсерін тигізеді. Экономиканың жоғары өсу қарқыны энергия шикізатын тұтынудың өсу динамикасының негізгі факторы болып табылады. Өз кезегінде, энергия ресурстарына деген сұраныстың кеңеюі және мұнайдың жоғары бағалары сыртқы саясаттың белсенділігін ынталандырады, басқаша айтқанда, энергетика сыртқы саясаттың негізгі басымдықтарын айқындайды [2]. (Асанбаев М.Б., Байменов Б.Т., 2013: 7-10).

Троицкий Е.Ф. мақаласында Орталық Азиядағы Үндістан дипломатиясының қарқынды дамуының себептері және өңірдегі Үндістан саясатының негізгі бағыттары қарастырылады. Орталық Азиядағы Үндістанның позициясын нығайтуға кедергі келтіретін факторлар талданады. 2000 жылдары Үндістан Орталық Азия елдеріне және халықаралық қатынастардың аймақтық кіші жүйесіне әсер ететін мемлекеттердің бірі болуға тырысып отыр. Орталық Азияда неғұрлым белсенді саясат жүргізу үшін Үндістанның саяси элитасы, ең алдымен, Қытайдың экономикалық және әскери күштерінің тұрақты өсуі және саяси салмаққа байланысты қауіп-қатерлер итермелейді. Үндістанның қытайлық ықпал бар мемлекеттердің белдеуінде «қоршауда» қалу мүмкіншілігі Делиді сыртқы байланыстарды әртараптандыруға мүдделі және Қытай күшеюінің ұзақ мерзімдік әсеріне алаңдайтын азиялық елдермен қарым-қатынастарын күшейтуге итермелейді. Үндістан саясатының Орталық Азиядағы бөлек бағыты ретінде Орталық Азия елдерінің мұнай-газ ресурстарын өндіруге және тасымалдауға қатысу ниеті орын алады. Тек 2009 жылдың қаңтарында Үндістан қазақстандық мұнай ресурстарын дамытуға қатысатын елдердің қатарына қосылды: Н.Ә. Назарбаев Делиде «ҚазМұнайГаз» және «ONGC Mittal Energy» арасында Каспий кен орнын игеру туралы келісімге қол қойды. Индия жағы бірлескен кәсіпорынның 25% үлесін (мұнай өндірісінің рентабельділігін растаған жағдайда тағы 10% сатып алу мүмкіндігі бар) иемденіп, геологиялық барлау жұмыстарының шығындарын толығымен көтеруге уәде берді [3]. (Троицкий Е.Ф., 2013: 106-108).

Шикин В.В. мақалада Үндістанның Орталық Азиядағы энергетикалық мүдделері және олардың жүзеге асырылуына ықпал ететін факторлар талданады. Делидің аймақтағы энергетикалық саясатын сүйемелдеу үшін дипломатиялық құралдар талданды. Орталық Азиядан Үндістанға көмірсутектерді тасымалдау мәселесіне ерекше назар аударылады. Атом өнеркәсібіндегі ынтымақтастық. 2011 жылы қол қойылған үкіметаралық келісім негізіндегі ядролық салада Қазақстанмен ынтымақтастық Үндістанның энергетикалық қауіпсіздігіне қол жеткізу үшін маңызды болып табылады. Бұл құжат Үндістандағы атом электр станцияларына «Казатомпром» уран жеткізілімін қалыптастырудың құқықтық негізі болды. Қазақстан уранның жетекші экспорткерлерінің бірі болып табылады, осы отынның әлемдік резервтерінің шамамен 15% құрайды. Үндістан басшылығы шетелден келетін қуат көздерін тасымалдаудан тәуелділікті еңсерудегі жетекші рөлдердің бірін ядролық энергетикаға береді. Ең перспективалы - Үндістан мен Орталық Азия республикаларының мұнай-газ саласындағы ынтымақтастығы. Облыстың бес мемлекетінің екеуі - Қазақстан мен Түрікменстан - Каспий теңізіне қол жеткізе алады. Болашақта бұл аймақ әлемдік нарыққа көмірсутегі шикізатын жетекші жеткізушілердің бірі бола алады. Шельф қорынан басқа, Қазақстан мен Түрікменстанда жердегі мұнай мен газдың мол қоры бар. Көршілерінің пайдасына қарағанда, Өзбекстанның көмірсутек қорлары да бар, алайда оның аумағында ескі кен орындары құлдырауда, ал жаналарын құру үлкен салымдар талап етеді [4] (Шикин В.В., 2014: 148-159).

Ордабаев А. Қытайдың экономикалық қуаты және онымен бірге өсіп келе

жатқан сыртқы саяси мүдделері Қытайға көршілес аймақтардағы геоэкономикалық сәулетке түзетулер енгізуде. Пекиндік «Бір белдік - бір жолы» ірі инфрақұрылымдық жобасы Еуразия құрлығының бірқатар елдеріне тек белсенуге серпін ғана бермей, сонымен қатар Кеңестік Социалистік Республикалар Одағы (КСРО) ыдырағаннан бері сақталған күштер балансын өзгертуі мүмкін. Оңтүстік Азиядағы Қытай мен Үндістанның қайшылықтары геосаяси және геоэкономикалық бірқатар факторлармен түсіндіріледі. Геосаясат Пекиннің де, Делидің де аймақ елдерімен күрделі қарым-қатынастарымен анықталады. Қиыншылық экономикалық мүдделердің саяси мүдделермен араласуында және барлық мүдделі ойыншылардың қорқыныштарында жатыр. Әлбетте, ойын ережелері Дели мен Пекинде анықталатын болады. Оңтүстік Азиядағы Қытайдың күшеюімен Үндістанның осалдығы арта түсетін болады, бұл өз кезегінде Қытай Халық Республикасы (ҚХР) өзінен алға басуға және өнімнің елдері үшін экономикалық, саяси және мәдени сілтеме болып қала беруге итермелейді [5]. (Ордабаев А., 2016: 53-66).

Екі жақты қатынастардың трансформациясы

50-ші жылдардың ортасында Қазақстанға Үндістан Премьер-министрі Д.Неру өзінің қызы Индира Гандиден келуімен Қазақстан мен Үндістан арасындағы байланыстардың негізі қаланды. Алматы ауыр машина жасау зауытының (ААМЖЗ) мамандар тобы Рончи қаласында ірі машина жасау зауытының құрылысына көмектесті. Қазақстандық металлургия КСРО техникалық қолдауымен салынған Бхилай және Бокар қалаларындағы металлургия алыалыптарын пайдалануға көмектесті. Үндістанда қазақстандық дәрігерлер, геологтар, құрылысшылар жұмыс істеді. 1989 жылы Қазақстан ғылымдар Академиясы Үндістанның ғылыми мекемелерімен тікелей байланыстарды орнату үшін ядролық физика, металлургия мен байыту, сейсмология институттарынан ғалымдар мен мамандар делегациясын жіберді. Келіссөздер нәтижесінде ядролық физика мен металлургия бойынша бірлескен зерттеу жүргізу туралы хаттамаларға қол қойылды. 1989 - 1991 жылдар аралығында республикамыздың ғылыми мекемелеріне Үндістанның он ғалымы мен мамандары келіп, онда бірлескен зерттеулер өткізіліп, ынтымақтастық мәселелері талқыланды.

ҚР-ның сыртқы саясатының басым бағыттарының бірі – Үндістанмен қарым-қатынасты нығайту болып табылады. Қазіргі уақытта Үндістан аймақтағы ірі державалардың бірі және Біріккен Ұлттар Ұйымының (БҰҰ) Қауіпсіздік Кеңесінде тұрақты мүше болуға үміткер елдердің қатарында. Экономика және ақпараттық технологиялар саласындағы жетістіктер елдің халықаралық сахнадағы беделінің артуына ықпал етті. Үндістан белсенді сыртқы саясат жүргізіп отыр, ол әскери одақтарға қосылмаушылық және қатыспаушылық принципінен ұстанады және өлемнің барлық елдерімен конструктивті қатынастар орнатқан.

1991 жылы қыркүйекте Үндістанның сыртқы істер министрінің орынбасары Арундхати Гхош және Ташкенттегі Үндістанның бас Елшісі А.Мукерджи Алматы қаласына келді. Үндістан Үкіметінің тапсырысы бойынша А.Гхош Қазақстан мен Үндістан арасындағы тікелей ынтымақтастықты дамытуға Үндістанның үкіметтік және іскер топтарының мүдделі екендігін хабарлады.

Министр орынбасарының сапарының мақсаты – Қазақ Кеңестік Социалистік Республикасының (Қазақ КСР) Президенті Н.Ә. Назарбаевтың Үндістанға ресми сапарының мүмкін мерзімін анықтау болды, сол арқылы үнді тарапы ресми шақырту жіберіп, дайындаушы іскер топтарды қабылдауға дайын болады. Үнді тарапы іс-сапар мерзімі анықталғаннан кейін, сапар барысында қол қойылуы мүмкін екі келісім жобасын іске асыруға дайындық жұмыстарын бастауды ұсынады (сауда-экономикалық және мәдени, ғылым-техникалық салалардағы ынтымақтастық бойынша). Онымен қоса, үнді тарапы осы іс-шара аясында Қазақстан тарапынан ұсынылатын ұсыныстардың барлығын қарастыруға дайын болды.

Үндістандық қонақтарды Қазақ КСР Премьер-министрінің орынбасары

Байкенов К.К қабылдап, республикадағы жағдаймен таныстырды. Қонақтар өздерін қызықтырған барлық сұрақтарға жауап алды, оның ішінде Қазақстан үкіметінің жекешелендіруге, нарықтық қатынастар орнатуға, басқарушы құрылымдарды қайта ұйымдастыруға, сыртқы саяси және сыртқы экономикалық даму тенденцияларына қатысты саясаты туралы сұрақтарға жауап алды [6]. (ҚР ПА, 1996: 2)

1991 жылы қазанда Үндістанның «Бирла» сауда-өнеркәсіптік тобы БК құру туралы және мұнай өңдеу, қағаз өнеркәсібі, құрылыс, дәрі-дәрмек, азық-түлік және шикізат өнімдерін өндіру саласындағы жобаларды жүзеге асыруға қатысу жайлы сұрақтарды көтерді.

«Казлегпром» концерні «АэроТрейдерс» (Үндістан) фирмасының мамандарымен кездесу ұйымдастырып, кездесу барысында «Союзвнешстройимпорт» контрактісі бойынша 1991 жылы қыркүйекте қол қойылуы тиіс болған Шу қаласындағы тері-былғары фирмасын жобалау, құрастыру, техникалық жабдықтау бойынша дайындалған жұмыс және коммерциялық сұрақтар қарастырылды.

1991 жылы Үндістанда «Қазақстанмен ынтымақтастық бойынша Кеңес» атты жаңа қоғамдық ұйым құрылды. Оның негізгі мақсаты екі ел арасындағы мәдени және экономикалық байланыстарды орнату мен дамыту болды. «Эверест» (Калькутта) өндірістік тобының төрағасы А. Гупту 1991 жылы сәуір айында Алматы қаласына үнділік шайдың үлгісіндей етіп Алматылық фабрикалар арқылы шай пакеттерін шығаруды ұйымдастыру үшін келді, сонымен қатар Қазақстандықтардың мақта киімдеріне, сыра, жеміс-жидек өндіру, қонақ үй қайта құруы және құрылысы сияқты өнеркәсіп салаларының технологиясын және сұранысын зерттеуді мақсат етті. Жалпы алғанда жеңіл өнеркәсіп саласында, қонақ үй құрылысында, құрылыс материалдары, дәрі-дәрмек, көкөніс саласы, зергерлік бұйымдар, үнділік жиһаз саудасы салаларында барлығы 22 жоба бойынша ынтымақтастық жолға қойылды [7]. (ҚР ПА, 1996: 43)

1992 жылы ақпан айында ҚР Президенті Н. Назарбаевтың Үндістанға алғашқы ресми сапары болды, осы іс сапар барысында екі ел арасында негізгі бағыттар мен принциптер айқындалған Декларацияға, дипломатиялық қарам-қатаныстар орнатқандығы туралы Хаттамаға, сауда-экономикалық қатынастар саласындағы ынтымақтастық келісіміне, ғылым және технология, мәдениет, өнер, білім, жалпы ақпарат құралдары мен спорт салаларындағы келісімдерге қол қойылды.

1992 жылы қазан айында біздің республикамызға Үндістан елінен делегация келіп, өзара түсіністік Меморандумына қол қоюмен қатар Қазақстанға 10 млн. АҚШ доллары көлемінде мемлекеттік несие беру мәселесі шешілді, тікелей әуе жолын ашу, бірлескен дүкендер, үндістер тарапынан 300 орындық қонақ үй салу мәселелері де шешімін тапты.

Қазақстанда сауда саласымен айналысатын 3 үнділік фирма аккредиттелген, 4 ұлттық ас мәзіремен мейрамханалар фото, кино, видео қызметтері, ресурстарды қайта өңдеу, халықтың сұранысына ие тауар өндіру дамуда. 1993 жылы ақпанда Нью-Делиде қазақстандық кәсіпорындардың қатысуымен жәрмеңке өткізілді. 1992 жылы Қазақстан мен Үндістан арасында сыртқы сауда 9 млн. 530 АҚШ долларын құрады. 1993 жылы 25-26 мамырда Қазақстанға Үндістан премьер-министрі Н.Рао ресми іс сапармен келді. Екі ел арасында ғылым және технология саласында ынтымақтастық туралы келісімге және СІМ арасында ынтымақтастығы Хаттамасына қол қойылды [8]. (ҚР ПА, 1996: 52, 71)

1993 жылы наурызда «Наурыз» халықаралық халықтық шығармашылық фестивалына Үндістаннан музыкалық ұжым арнайы шақыртылды, 1994 жылы қыркүйекте Алматыда Үндістан елшілігі жанынан ашылған Үнді мәдени орталығының ашылуына да Республикалық халықтық музыкалық аспаптар музейі қорына берілген үнділік музыкалық аспаптар сүйемелдеуімен концерт берді.

1994 жылы 5-7 маусымда Алматыда Үндістанның мемлекеттік сыртқы істер министрі Салман Хуршид мырза келді. Қонақпен бірге 20 үндістандық

бизнесмендер келіп, біздің республиканың басшылығымен кездесу өткізді.

1994 жылы 21-23 желтоқсанда Үнді мәдени орталығының (ҰМО) директоры Насим Бхатия Ал-Фараби атындағы Шымкент мәдени педагогикалық институтында екі ел арасында мәдени алмасуды орнату мақсатында арнайы келді. 1994 жылы қаңтарда Д.Неру атындағы әдеби сыйақы иегері (1993) Аманжол Шамкеновтың шығармашылық кеші өткізілді. 1994 жылы 29 қараша мен 5 желтоқсан аралығында өткен Үнді әдебиеті күндерін тойлауға Алматыға А.Мурти бастаған үнді жазушылары мен ақындары делегациясы келді [9]. (ҚР ПА, 1996: 7)

2015 жылы 7-8 шілдеде бизнесмен және өнеркәсіпшілер топтары, жоғары деңгейдегі өкілдері сүйемелдеген Үндістан Премьер-министрі Нарендра Модидың Қазақстанға ресми сапары болды. Премьер-министр Н.Моди сапар барысында ҚР Президенті Н.Назарбаевпен, Премьер-министр К.Масимовпен кездесті. Келіссөздер қазақстан-үнді қатынастарын сипаттайтын дәстүрлі өзаратүсінушілік рухында, жылы және достық атмосферада өтті.

Сапар барысында екі мемлекет бизнес басшылары қатысуымен Бизнес форму өткізілді, бірлескен Искерлік Кеңес құрылды, бірлескен «Жол картасына» қол қойылды. Н.Моди Астанадағы Л.Н.Гумилев атындағы Еуразиялық Ұлттық университет бойындағы Қазақстан-Үндістан ақпараттық және коммуникациялық технологиялар салаларындағы озық зерттеулер орталығының ашылу мерейтойына қатысты. Жақтар түрлі деңгейдегі 7 бірлескен құжатқа қол қойды.

Қазақстан мен Үндістан арасындағы сыртқы сауда айналымы 2016 жылы 618,4 млн. АҚШ долл. құрады, бұл 2015 жылдан 33,9% жоғары. Қазақстаннан келетін экспорт 2015 жылмен салыстырғанда 88,4% өсті және 414,6 млн. АҚШ долл. құрады (195,3 млн. АҚШ долл. уран өнімдерін тасымалдау қайта жанданды). Үндістаннан Қазақстанның импорты 15,7% азайды және 203,8 млн. АҚШ долл. құрады (дәрі-дәрімек және чай тасымалының азаюына байланысты). Қазақстан мен Үндістанның 210,8 млн. АҚШ долл. көлеміндегі сауда балансы оң [10]. (www.export.gov.kz).

2016 жылы 8-10 қарашада Нью-Дели қаласында (Үндістан) «Қазақстан темір жолы» Ұлттық компаниясы (ҰК)» акционерлік қоғамы (АК) өкілдері Азия Тынықмұхит аймағының Халықаралық теміржол одағы Аймақтық ассамблеясының 22 отырысына қатысты. Отырыста «Қазақстан темір жолы» ҰК» АҚ магистральдық жүйе Дирекциясының директор орынбасары Б.Котырев сөз сөйледі.

2017 жылы 6 қаңтарда Делиде кірістер мен капиталға салынатын салық бойынша салықтан жалтаруға жол бермеу және қосарланған салық салуды болдырмау туралы Конвенциясына өзгертулер және қосымшалар енгізу туралы Қазақстан Үкіметі мен Үндістан арасындағы Протоколға қол қойылды (1996 жыл 9 желтоқсаннан). Құжатқа қазақстандық жақтан Үндістандағы Қазақстан Елшісі Булат Сарсенбаев және Үндістан жағынан Үндістан Финанс Министрлігінің тікелей салық бойынша Орталық басқарма басшысы Сушил Чандра қол қойды. Өткізілген іс-шара барысында жақтар сауда, энергетика, инвестицияны ынталандыру, индустрия, транспорт және логистиканы дамыту, таукен өнеркәсібі, әрі туризм саласындағы ынтымақтастықты дамыту салаларында, соның ішінде, «ӘКСПО-2017» өткізу шеңберінде, өзара тиімді қатынас перспективасы туралы сөйлесті.

2016 жыл нәтижесінде екі мемлекет арасындағы сауда саттық 500 млн АҚШ долл. құрады. Бұл көрсеткіш Үндістанның басқа Орталық Азия мемлекеттерімен сауда айналымының жалпы мөлшерін асып өтеді. Қазақстан Үндістанға уран концентратын, мұнай, асбест, болат, тұз, күкірт, әк, цемент, былғары шикізаты мен кара металдарды жеткізеді. Негізгі импорттық заттар кофе, шай, дәмдеуіштер, темекі, органикалық химия, фармацевтикалық өнімдер, пластмасса, резеңке, резеңке бұйымдар, электротехника және механикалық жабдықтар болып табылады.

2005-2017 жылдары Қазақстан Республикасына тікелей инвестициялардың жалпы ағыны 245 млн. АҚШ долл., Үндістанға қазақстандық инвестициялар 83

млн. АҚШ долл құрады. Қазіргі уақытта Қазақстанда Үндістандық қатысуымен 400-ге жуық кәсіпорын тіркелген, оның ішіндегі 100-ден астам үндістандық компаниялар Алматыдағы бірлескен қазақстан-үнді «Тенгри-Банк» банкінде шот ашты.

Сауда-экономикалық, ғылыми-техникалық, өнеркәсіптік және мәдени ынтымақтастық жөніндегі үкіметаралық қазақстан-үнді бірлескен комиссиясы жұмыс істейді. Комиссияның он екі отырысы өткізілді, олардың ең соңғысы Делиде 2015 жылы 16-18 маусымда өтті. 13-шісі 2016 жылдың 4 тоқсанында Астанада өтеді.

Сауда-экономикалық ынтымақтастық жөніндегі Бірлескен жұмыс тобы (БЖТ) жұмыс істейді. БЖТ 1-ші отырысы 2011 жылы 13-14 қаңтарда Нью-Дели қаласында өтті, 2-ші кездесу - 2012 жылы 19-20 шілдеде Астана қаласында, 3-ші кездесу – 2014 жылы 20-21 ақпанда Дели қаласында, 4-шісі 2015 жылы 20 қарашада Астанада, 5-шісі 2016 жылдың екінші жартысында Дели қаласында өтеді.

Мұнай және газ саласындағы ынтымақтастық, Премьер-министр Н.Модидың 2015 жылы 7-8 шілдеде Астанаға сапары кезінде «Казатомпром» Ұлттық атом компаниясы (ҰАК)» АҚ және «Nuclear Power Corporation of India Ltd.» Үндістанға уранды жеткізу туралы келісімге қол қойды [11]. (mfa.gov.kz).

2016 жылы ҚР Сыртқы сауда палатасының бойында құрылған Қазақстан-Үндістан Іскерлік Кеңесі (ҚҮІК) іскерлік топтар арасындағы қатынастарды жақсарту бойынша жұмысты жандандыруға, екі мемлекет экономикасына инвестиция және жаңа технология тартуға көмектеседі. 1994 жылы Қазақстан Сауда-өнеркәсіптік палатасы мен Үндістан сауда-өнеркәсіптік палаталар Федерациясы арасында төрт отырысы өткен Қазақстан-Үндістан Іскерлік Кеңесін құру туралы келісімге қол қойылды. ҚР Сауда-өнеркәсіп палатасы (СӨП) жойлуына байланысты 2015 жылы Қазақстан Сыртқы сауда палатасы мен Үндістан сауда-өнеркәсіптік палаталар Федерациясы арасында Қазақстан-Үндістан Іскерлік Кеңесін құру туралы келісімге қол қойылды.

Қазақстан-Үнді іскерлік кеңес (ҚҮІК) үкіметтік емес және коммерциялық емес ұйым болып табылады, банк, финанс, өндірістік, құрылыс, көлік, технологиялық, энергетикалық, білім және медицина секілді экономика секторларында қазақстан және үнді бизнесмендері арасындағы іскерлік қатынастарды кеңейту және одан әрі дамыту мақсатымен құрылды.

Жаңадан құрылған Іскерлік Кеңестің бірінші отырысы 2016 жылы 19 мамырда Астанада өтті. Тең төраға ретінде қазақстандық жақтан «TengriBank» АҚ басқарма Төрағасы Ержан Шайкенов және үндістандық жақтан «Sun Capital Partners Consultants Ltd.» серіктесі Динеш Суд таңдалды. Жалпы отырысқа инжиниринг, құрылыс, логистика, IT-технология, ауыл шаруашылығы жабдықтары, мұнай химия, дәрі-дәрмек, медицина салаларында жұмыс істейтін 30 үнді компанияларының және үнді серіктестерімен сауда-экономикалық қатынастарды жақсартуға мүдделі 40 қазақстандық компанияларының өкілдері қатысты.

Сауда-экономикалық ынтымақтастықты күшейтуге, сонымен қатар, екі мемлекет іскер топтары арасындағы тікелей қатынастарды жақсартуға Қазақстан және Үндістан басшыларының өзара сапарлары үлкен үлесін қосады. Бұл жерде 2015 жылы шілдедегі бизнесмендер мен өнеркәсіпшілер топтары сүйемелдеуімен Астанаға келген Премьер-министр Н.Модидың соңғы сапарын атап өту керек. Бұл сапар барысында үнді және қазақстандық ірі компаниялар өкілдерін, ұлттық холдинг, мемлекеттік орган, екі мемлекет іскер топтар өкілдерін қосатын 100 шақты адам қатысқан бизнес-форум ұйымдастырылды. Форум нәтижесінде түрлі салалардағы 26 перспективті жобаны қосатын Қазақстан Республикасы мен Үндістан Республикасы арасындағы сауда-экономикалық және инвестициялық ынтымақтастық бойынша Жол картасына, әрі қазақстандық және үнді серіктестер арасындағы ынтымақтастық туралы 12 Меморандумға қол қойылды. Жол картасы

энергетика, көлікқұрылысы, металлургия, ақпараттық технологиялар, химиялық өнеркәсіп және дәрі-дәрімек салаларындағы жобаларды қосады, екі мемлекет секторлары мен компаниялары арасындағы ынтымақтастықтың белгілі бағыттарын айқындайды.

Сонымен қатар, қазіргі уақытта Үндістан мен Еуразиялық Экономикалық Одақ (ЕЭО) еркін сауда туралы Келісімге қол қою мүмкіншілік сұрақтары келіссөз жүргізу сатысында.

Қазақстан Республикасы мен Үндістан Республикасы арасындағы сауда-экономикалық қатынастар, ғылым және технология салаларындағы ынтымақтастық туралы келісім. Келісімге 1992 жылы 22 ақпанда Нью-Дели қаласында қол қойылды. Бұл келісім сауда-экономикалық және ғылыми ынтымақтастық бойынша негізгі жағдайларды өзіне қосады. Бұл тармаққа байланысты екі жақ сауда және коммерциялық ынтымақтастықтың барлық сұрақтарын шешуде бір-біріне ынғайлы жағдай жасауы керек. Сонымен қатар, бұл келісімнің 4 тармағына сәйкес Қазақстан және Үндістан шикізат материалдарын қайта өңдеу, туризм, кең қолданыстағы тауарларды өндіру, телекоммуникациялық жабдықтар, транспорт, өндіріс, ақпарат және т.б. салаларында ынтымақтастық салаларын қосатын, бір-бірінің территориясында ішкі нарыққа, әрі үшінші мемлекеттер нарығына бағытталған бірлескен мекемелер құруды қосатын технологиялық ынтымақтастықта және өзара технологияларды беруде көмектесу керек. Келісім, сондай-ақ, бизнес және кәсіпкерлік аймақтарындағы ынтымақтастықты қосады. 6 тармаққа сәйкес екі жақ бизнесмендер мен кәсіпкерлер, делегациялар сапарларымен алмасу арқылы, жәрмеңке, көрмеге қатысу және ақпарат алмасу арқылы Қазақстан және Үндістанның сауда және өнеркәсіптік мекемелері арасындағы қатынастарды жақсартуға көмектесу керек.

2001 жылдан Қазақстан Республикасы Үкіметі мен Үндістан Республикасы Үкіметі арасындағы туризм саласындағы ынтымақтастық туралы келісім. Бұл келісімге сәйкес екі мемлекет өзара мемлекеттер пайдасы үшін туризм саласында ұзақ мерзімді ынтымақтастықты дамытуда қолайлы жағдай жасауы керек. Екі мемлекет өз еліндегі ұлттық заңға байланысты туризм мақсатымен екі мемлекет арасында саяхаттайтын азаматтарға жеңілдетілген рәсімдерді қолдануға көмектесуі керек.

Қазақстан Республикасы Үкіметі мен Үндістан Республикасы Үкіметі арасындағы атом энергиясын бейбіт мақсатта пайдалану бойынша ынтымақтастық туралы келісім (Астана қаласы, 15 сәуір 2011 жылы). Бұл келісімнің мақсаты атом энергиясын бейбіт мақсатта пайдалану саласында екі мемлекеттің өзара тиімді ынтымақтастығы үшін, халықаралық құқыққа, мемлекеттер ішкі саясатына және халықаралық міндеткерліктерге тиісті назар аудару арқылы олардың арасындағы екіжақты ынтымақтастықты күшейту үшін құқықтық негіздер құру.

Жақтар арасындағы ынтымақтастық келесі формаларда жүргізіледі: Жақтар өкілдерінің ресми сапарлары; екі мемлекеттер делегацияларының жұмыс кездесулері; келісімдер мен контракттарға қол қою; әскери-техникалық бағдарламалар жасау; тәжірибемен алмасу және консультациялар жүргізу; оқу, тағылымдама жобаларына, біліктілік арттыру курстарына қатысу; әскери оқуларға қатысу; конференция мен семинарларға қатысу; қару және әскери техника құрастыру, өндіру, жөндеу және жаңарту аймақтарында бірлескен мекемелер құру; құжат және ғылыми жұмыстармен алмасу; көрме және түрлі басқа мәдени шаралар.

Қорытынды

Қазақстан Республикасының тәуелсіздік жылдарындағы сыртқы саяси қызметі өз жолын бастады және де Қазақстанның көптеген мемлекеттермен шарттық-құқықтық негіздегі қарым-қатынастардың қалыптасқаны туралы, әлемдік қауымдастықтың елге деген сенімі мен құрметінің артқаны жайлы атап өту керек. Қазақстанның жаһандық және аймақтық экономикалық үдерістерге

интеграциялануы үшін қажетті алғышарттар жасалып, сыртқы саясаттың басым бағыттары таңдалды.

1991-1999 жылдары Қазақстан дипломатиясы өзін табысты жариялады: мемлекет басшысының қойған сыртқы саяси міндеттерін табысты шешетін отандық дипломатиялық корпус құрылды. Қазақстан әлемдік қоғамдастықтың толыққанды субъектісі болды. Осы жылдар ішінде еліміздің сыртқы саясаты қалыптасты және мемлекеттік егемендік нығайып, Қазақстанның сыртқы саясатының негізгі бағыттары анықталды.

Қазақстан мен Үндістан арасында сенім мен өзара түсіністіктің жоғары деңгейі қалыптасқан. Сонымен қатар, аталған екі елдің халықаралық қатынастардың маңызды мәселелеріне қатысты ұстанымдары сәйкес келетінін де айта кеткен жөн. Қазақстан Үндістанды экономикалық және мәдени салада перспективалық серіктес ретінде қарастырады. Қазақстанның Үндістанға деген қызығушылығын осы елдің қазіргі әлемдегі орны мен рөлі анықтайды: Үндістан экономикасы әлемдегі ең серпінді дамып келе жатқандардың бірі. Екіжақты қатынастардың шарттық-құқықтық базасы одан әрі дамуды қажет етеді.

Қаржы-экономика, ғылым және білім, ғарыш салалары перспективті болып саналады. Әлемнің жаңа ғылыми картасында Үндістан өте маңызды орынды ие: ғылымға жұмсалатын шығындар артты және 2000-2016 жылдарға арналған халықаралық рейтингтік ғылыми жарияланымдардың саны артты.

Сонымен бірге, екі ел арасындағы тығыз ынтымақтастыққа кедергі келтіретін бірнеше факторлар да бар, мысалға: бір-бірінен географиялық тұрғыдан алшақ орналасуы, Ауғанстандағы тұрақсыздық, Ресей мен Қытайдан экономикалық бәсекелестік және т.б.

Қазақстан мен Үндістан арасындағы қарым-қатынас екі елдің халықтарының мүдделеріне қызмет ете отырып, Орталық Азия өңіріндегі халықаралық қатынастарды жақсартуға өз ықпалын тигізеді.

Әдебиеттер:

Абдыхалыков К.С., Даулетова Г.Б. К истории межгосударственных отношений Республики Казахстан и Индии в конце XX - начале XXI века // Вестник КазНУ. Сер. Международные отношения и Международное право (МОМП) – 2011. №6. -С.28-32.

Асанбаев М.Б., Байменов Б.Т. Энергетическое сотрудничество Индии и стран Центральной Азии // Вестник КазНУ. Сер. востоковедения. – 2013. №1. -С. 7-10.

Взаимная торговля Казахстана с Индией [Электрон.ресурс]. – 2016. – URL: <http://www.export.gov.kz/public/files/analytics/countryReview/references/2016/%D0%98%D0%BD%D0%B4%D0%B8%D1%8F%202016.pdf> (айналым мерзімі: 10.07.2018)

Қазақстан Республикасы Президентінің Архиві (ҚР ПА).Қ.7 Т.2 І.47 Б.2

ҚР ПА.Қ.7 Т.1 І.644 Б.43.

ҚР ПА.Қ.5-Н Т.1 І.2177 Б.27,51.

ҚР ПА.Қ.75-Н Т.1 І.1770 Б.7.

Ордабаев А. Китайско-индийские геополитические противоречия в Южной Азии // Казахстан в глобальных процессах. – 2016. №3. - С. 53-66.

Официальный сайт Министерства иностранных дел Республики Казахстан. – URL: <http://mfa.gov.kz/ru/content-view/sotrudnichestvo-respubliki-kazakhstan-s-respublikoj-indiya> (айналым мерзімі: 11.07.2018)

Троицкий Е.Ф. Политика Индии в Центральной Азии (2001-2012 гг.) // Вестник Томского государственного университета. – 2013. № 375. -С. 106-108.

Шикин В.В. Энергетическое измерение политики Индии в Центральной Азии (2000-2014 гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Международные отношения. -2014. №4, -С. 148-159.

References:

Abdykhalykov K.S., Dauletova G.B. K istorii mezhgosudarstvennykh otnosheniy Respubliki Kazakhstan i Indii v kontse XX - nachale XXI veka [On the history of interstate relations of the Republic of Kazakhstan and India in the late twentieth and early twentieth centuries], Vestnik KazNU [Bulletin of KazNU]. Ser. Mezhdunar. otnosheniya i Mezhdunarodnoye pravo (MOMP), 6, 28-32 (2011). [in Russian].

Asanbayev M.B., Baymenov B.T. Energeticheskoye sotrudnichestvo Indii i stran Tsentral'noy Azii [Energy cooperation of India and Central Asian countries], Vestnik KazNU [Bulletin of KazNU]. Ser. Vostokovedeniya, 1, 7-10 (2013). [in Russian].

Vzaimnaya torgovlya Kazakhstana s Indiyey [Mutual trade of Kazakhstan with India] [Elektron.resurs]. - 2016. URL: <http://www.export.gov.kz/public/files/analytics/countryReview/references/2016/%D0%98%D0%BD%D0%B4%D0%B8%D1%8F%202016.pdf> (data obrashcheniya: 10.07.2018.)

Kazakstan Respublikasy Prezidentiniñ Arkhivn [Archive of the Presedent of the Republic of Kazakhstan](KR PA).K.,7 T.2 H.47 B.2.

KR PA.K.,7 T.1 H.644 B.43.

KR PA.K.,5-N T.1 H.2177 B.27,51.

KR PA.K.,75-N T.1 H.1770 B.7.

Ordabayev A. Kitaysko-indiyskiye geopoliticheskiye protivorechiya v Yuzhnoy Azii [Sino-Indian geopolitical contradictions in South Asia], Kazakhstan v global'nykh protsessakh [Kazakhstan in global processes], 3, 53-66(2016). [in Russian]

Ofitsial'nyy sayt Ministerstva inostrannykh del Respubliki Kazakhstan [Official website of the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Kazakhstan]. – URL: <http://mfa.gov.kz/ru/content-view/sotrudnichestvo-respubliki-kazakhstan-s-respublikoj-indiya> (data obrashcheniya: 11.07.2018.)

Troitskiy Ye.F. Politika Indii v Tsentral'noy Azii (2001-2012 gg.)// Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk State University], 375, 106-108(2013). [in Russian].

Shikin V.V. Energeticheskoye izmereniye politiki Indii v Tsentral'noy Azii (2000-2014 gg.) [Energy Dimension of India's Policy in Central Asia (2000-2014)]

Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov [Bulletin of the Russian University of Peoples' Friendship], Ser. Mezhdunarodnyye otnosheniya, 4, 148-159 (2014). [in Russian].

ТАРИХ ҒЫЛЫМДАРЫНЫҢ МЕТОДОЛОГИЯСЫ МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ METHODOLOGY OF HISTORICAL SCIENCE

МРНТИ 03.20

Бекмағамбетов Р.К.¹,

¹к.и.н., Костанайский государственный педагогический институт, Казахстан,
Костанай., e-mail: Ruslan69_07@mail.ru

Бекмағамбетова М.Ж.²

²к.и.н., доцент, Костанайский государственный педагогический институт,
Казахстан, Костанай., e-mail: Maisara75@mail.ru

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ САКРАЛЬНОЙ ГЕОГРАФИИ (О ТЕРМИНЕ «САКРАЛЬНЫЙ»)

В статье на основе историографических источников рассматривается сущность и интерпретация понятия «сакрального». На современном этапе, в связи с реализацией программы по духовной модернизации, данный термин приобретает новое звучание и наполнение. При этом авторы опираются на культурологические, философские, религиоведческие составляющие дефиниции. На сегодня определение «сакрального» не сводится исключительно к обозначению религиозных объектов, а обозначает все особенно ценное, особо значимое в историко-культурном наследии народов. Все активнее в отношении сакрального применяют понятие иеротопия, создание сакральных пространств, включение памятников природы или истории в ритуалы, в том числе и ритуалы жертвоприношений, а также мифологизация этих мест и культовых объектов. Исследования в области сакрального ведет к формированию теоретико-методологической базы изучения священных территорий, которые с древнейших времен и по сегодняшний день почитаются местным населением, продолжают функционировать и тем самым привлекают большое количество исследователей, паломников, а также туристов. Это обуславливается потребностью в духовном единении, духовном средстве, обеспечивающем сохранение целостности человеческого коллектива при признании суверенности личности.

Ключевые слова: сакральный, духовная модернизация, сакральное пространство, иеротопия, метод этимологии.

Бекмағамбетов Р.К.¹,

¹тарих ғылымдарының кандидаты, ҚМПИ,
Қазақстан, Қостанай қ., e-mail: Ruslan69_07@mail.ru

Бекмағамбетова М.Ж.²

ҚМПИ ²тарих ғылымдарының кандидаты,
Қазақстан, Қостанай қ., e-mail: Maisara75@mail.ru

КИЕЛІ ГЕОГРАФИЯНЫҢ ТЕОРИЯЛЫҚ ЖӘНЕ ӘДІСТЕМЕЛІК АСПЕКТІЛЕРІ («ҚАСИЕТТІ» ТЕРМИНІ БОЙЫНША).

Мақалада тарихнамалық деректер негізінде «сакрал» түсінігінің мәні мен түсінігі қарастырылады. Қазіргі кезеңде рухани жаңғыртуды жүзеге асыруға байланысты бұл термин жаңа дыбыс пен мазмұнды алады. Сонымен бірге автор анықтаманың мәдениеттанулық, философиялық, діни және діни компоненттеріне сүйенеді. Киелі орынның киелі болуы – ондағы кешеннің халықтың санасында

туған діни-мифологиялық таным-түсінік, ғұрыптық әрекеттердің және оның ертедегі ескерткіштермен қаншалықты байланыстылығында. Оны біз былайша түсіндіріп көрсек, таңбалы тас кешені және өзге де ғұрыптық кешенді тұрғызушы қандай да бір тарихи тұлғаның немесе халықтың (ол кешен мысалға: ғибадатхана, мешіт, некропольдік: пирамида, кесене, мазар, сағана там, күмбезді түрлі құрылыс, қорымдарда болуы мүмкін) өз дүниетанымында пайда болған, өлгендерге көрсеткен құрметін, тарихтың қилы кезеңін сипаттайтын петроглифтер немесе қандай да бір билік жүргізушінің өзінің өзгелер алдындағы үстемдігін көрсетуі, оны әлемге паш етудегі бөлкім, өз ойынан жасаған, тудырған дүниесі болуы мүмкін. Әрбір халықтың, әрбір өркениеттің баршаға ортақ қасиетті жерлері болады, оны сол халықтың әрбір азаматы біледі. Бұл – рухани дәстүрдің басты негіздерінің бірі. Біз ұлан-ғайыр жері мен аса бай рухани тарихы бар елміз. Ұлы даланың көз жеткізгісіз кең-байтақ аумағы тарихта түрлі рөл атқарған.

Кілт сөздер: қасиетті, киелі, рухани жаңғыру, қасиетті кеңістік, иеротопия, этимология әдісі.

Bekmagambetov R.K.¹,

¹Candidate of Historical Sciences, KGPI, Kostanay., e-mail: Ruslan69_07@mail.ru

Bekmagambetova M.Zh.²

Candidate of Historical Sciences, KGPI, Kostanay., e-mail: Maisara75@mail.ru

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF SACRAL GEOGRAPHY (ON THE TERM “SACRED”).

In the article on the basis of historiographical sources, the essence and interpretation of the concept of «sacral» is considered. At the present stage, in connection with the realization of spiritual modernization, this term acquires a new sound and content. At the same time, the author relies on the culturological, philosophical, religious and religious components of the definition. Today, the definition of “sacred” is not limited exclusively to the designation of religious sites, but refers to all particularly valuable, particularly important in the historical and cultural heritage of peoples. The concept of hierotopy, the creation of sacred spaces, the inclusion of natural or historical monuments in rituals, including the rituals of sacrifices, as well as the mythologization of these places and religious objects are increasingly used in the attitude of the sacral. Research in the field of sacred leads to the formation of theoretical and methodological basis for the study of sacred territories, which from ancient times to the present day are revered by the local population, continue to function and thus attract a large number of researchers, pilgrims and tourists. This is due to the need for spiritual unity, a spiritual means that ensures the preservation of the integrity of the human collective with the recognition of the sovereignty of the individual.

Keywords: sacred, spiritual modernization, sacred space, hierotopy, etymology method.

Введение.

В статье президента РК Н.А. Назарбаева «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания» в повестку на ближайшие годы предложил проект «Духовные святыни Казахстана», или, как говорят, «Сакральная география Казахстана». Задаемся вопросом, что есть сакральное?

Термин «сакральное» сегодня популярен как никогда прежде. Пишутся диссертации и книги на тему сакрального, проводятся диспуты и конференции. Понятие «сакральное» прижилось в повседневной речи. Мы говорим о «сакральных местах», о судьбе «сакрального» в современном мире и пытаемся понять, что же

такое «сакральное» для нас. В интернете на запрос «понятие сакральное» дается 156 000 результатов.

Методы. Оценка вклада ученых в изучение сакральности невозможна без признания принципов и основ историко-антропологического и историко-психологического подходов, новой исторической науки, социокультурной истории, их разных трактовок. Для раскрытия темы используются проблемный, типологический и компаративно-типологический методы. Проблемный и типологический методы дают возможность выявить ключевые вопросы, на которые обращали внимание исследователи разного периода. Необходимость применения компаративно-типологического метода вызвана стремлением выявить персональный вклад каждого историка в изучение сакральности. Метод систематизации позволит провести обобщающий анализ и выявить тенденции и нормы исторического исследования, свойственные конкретным взглядам и научным направлениям.

Основная часть

Этимология слова. Происходит слово «сакральный» от латинского *sacralis*, что означает «священный». Основа *sac*, по-видимому, восходит к праиндоевропейскому *sac*, вероятное значение которого - «ограждать, защищать». Таким образом, первоначальная семантика слова «сакральный» - это «отделенный, защищенный». Религиозное сознание со временем углубило понимание термина, внося в него оттенок целенаправленности такого отделения. То есть священный - это не просто отделенный (от мира, в противоположность профанному), а отделенный с особой целью, как предназначенный к особому высшему служению или употреблению в связи с культовыми практиками (Что такое..., 2018).

Термин «сакральное» появляется в научной литературе на рубеже XIX–XX вв. в работах Э. Дюркгейма, А. Юбера и М. Мосса. Активно он начинает использоваться в XX в. вместе со своими смысловыми синонимами «священное», «святое», «нуминозное» и «символическое» В. Вундтом, Р. Отто, Н. Зедербломом, З. Фрейдом, М. Шелером, Г. ван дер Леувом, Р. Мареттом, Л. Леви-Брюлем, Ж. Батаем, Р. Кауяй, М. Лейрисом, П. Клоссовски, К. Пенью, Ф. Хейлером, Й. Вахом, Б. Малиновским, М. Элиаде, Г. Меншингом, К. Голдаммером, К. Леви-Строссом, К. Г. Юнгом, М. Хайдеггером, М. Годелье, В. Буркертом, Р. Жираром, Ж. Бодрийяром, Э. Левинасом и др.

Пристальное внимание проблема сакрального привлекла в начале XX столетия. Обстоятельные исследования предприняли немецкий евангелический теолог, религиовед, феноменолог Рудольф Отто и французский социолог и философ Эмиль Дюркгейм, работы которых по достоинству признаны классическими. Ими были сформулированы две модели сакрального. Отто развивал теологическую концепцию, которая была поддержана английским антропологом Робертом Мареттом и скандинавским религиоведом Натаном Зедербломом. Дюркгейм разработал теорию фундаментальной связи феномена сакрального с самими основами социальной жизни. Этот подход был поддержан его племянником, этнографом и социологом Марселем Моссом (Медведев, 2000:73).

Отечественная философская, культурологическая и религиоведческая мысль в отличие от западноевропейской, обратилась к исследованию комплекса проблем, связанных с сакральным, лишь в последние десятилетия XX века. Как верно отмечает В.А. Кокина потребность в сакральном - потребность в духовном единении, духовном средстве, обеспечивающем сохранение целостности человеческого коллектива при признании суверенности личности. Сакральное - средство социальной сплоченности и солидарности, незаблемости и вечности какого-либо коллектива (Кокина).

В современной научной литературе сакральная география — это система знаний о соотношении тех или иных объектов на земной поверхности с категориями

священного.

Слово священный (синонимами которого являются латинизмы сакральный и сакраментальный) в русском языке обозначает целый ряд понятий. В узком смысле «священным» называется нечто, «обладающее святостью, освященное, связанное с религиозным культом»; также священным может называться и «нечто, ведущееся в интересах религии». В более широком смысле данный термин может употребляться и по отношению к вещам, не связанным с религией; так, священный — это:

«Особенно дорогой, глубоко чтимый, заветный.

Такой, на который нельзя посягнуть; неприкосновенный.

Нерушимый, незыблемый.

Возвышенный, благородный.

Высокий, почетный.

Предпринятый, ведущийся с освободительной целью, за справедливое дело (о войне, сражении, бое).

Почтительный, благоговейный».

Кроме того, в понятии «сакральный» присутствует также значение «обрядовый, ритуальный».

По представлениям Е.И. Шубницыной, понятие сакрального пространства включает идею постоянного действия священных сил, которые когда-то впервые осветили и преобразили данное пространство, придав ему особый смысл, и таким образом отделили его от окружающего пространства. Обычно понятие сакрального мы связываем со священным. Это, в принципе, так, хотя существуют и другие толкования этого термина. Сакральное — это феномен духовной жизни, который может проявляться только в обществе и только в символической форме, сохраняется в коллективном бессознательном (Шубницаина). Сакральное дает людям цель в жизни, спасает их от неизвестности и неопределенности, помогает им справиться с сомнениями и страхами, оправдывает их существование. Опыт сакрального дает начало религии.

Сакральное пространство — это грань человеческого и природного миров, это посредник, который связывает небо и землю, людей и богов, видимое и невидимое, естественное и сверхъестественное; оно объединяет крайности и соединяет противоположности.

Можно добавить, что сакральное, священное мотивирует людей. Сакральные объекты лежат в основе исторической самоидентификации народов, их самооценки, национальной гордости, и, несомненно, в сильнейшей степени влияют на их дальнейшее развитие. Сакральное — это движущая причина для большинства социальных процессов как в традиционном, так и в современном обществе.

В целом определение «сакрального» не сводится исключительно к обозначению религиозных объектов, а обозначает все особенно ценное, особо значимое в историко-культурном наследии народов.

Усиление интереса к изучению культовых мест как у нас в стране, так и на всем постсоветском пространстве обусловлено, конечно, не только повышением интереса к истории религии. Сейчас весь мир, осознает, что, когда речь идет о духовной культуре, то начинается она не с предметов, не с артефактов, а с идей, и с рожденных этими идеями сакральных пространств. Именно поэтому для обновления жизненной силы мы возвращаемся к колыбели наших предков, к сакральным местам — неиссякаемому источнику силы, месту приобщения к священному.

В понятие сакрального пространства входит весь ландшафт, включающий и горы, и вода, и деревья. Французский философ Леви-Брюль, описывая структуру сакрального пространства, писал: «Священное место никогда не выступает в сознании ... как нечто отдельное, изолированное. Всякий раз оно является элементом более широкого комплекса, куда входят определенные виды растений

и животных, изобилующие в данном месте в определенные периоды; мифические герои, которые здесь жили, творили, действовали, - герои, нередко слитые с этой почвой, воплощенные в данной местности, - наконец, чувства, пробуждаемые этим мифологическим комплексом».

Этнограф В. Л. Огудин, изучая почитаемые объекты, выделил шесть функций, которые эти объекты выполняют для населения, проживающего на прилегающей к ним территории:

1) консолидирующая – объединяющая функция — культовый объект выступает как условный центр определенной территории, в пределах которой проживают члены родовых групп или религиозных общин;

2) медиаторная – посредническая функция — культовый объект играет посредническую роль между человеком и богом в религиозной структуре мироздания;

3) коммуникативная – собирательная функция — культовый объект является центром общественной жизни;

4) протекторная – защитная функция — объект или стоящие за ним силы защищают людей, проживающих на определенной территории или входящих в определенную социальную группу;

5) лечебная функция — объект способствует оздоровлению;

6) природоохранная функция — объект способствует сохранению и преумножению животного и растительного мира на окружающей территории(Огудин, 2000: 97).

В сакральном пространстве можно выделить материальную и нематериальную составляющие. Материальная – это собственно сакральные объекты и неразрывно связанный с ними окружающий ландшафт. Среди материальных объектов, например, можно назвать:

- Храмы, мечети, церкви
- Святые места, жертвенные места
- Дороги, тропы
- Священные горы, скалы, камни
- Священные реки и озера
- Священные рощи и отдельные деревья
- К нематериальной сфере относятся:

1. Мифы, легенды и предания, связанные с данным местом;

2. Экологические традиции, которые можно разделить на:

- хозяйственно-бытовые,
- иррационально мотивируемые правила поведения человека в естественной среде;

- обряды и праздники, содержащие символику уподоблений человеческого и природного мира, элементы поклонения силам природы, животным, растениям или бережного их использования;

- территориально приуроченные обычаи и обряды: почитание и сбережение рощ, родников, деревьев и других природных объектов; паломничество к святым местам и др.

- традиции, связанные с отдельными видами животных, растений (поверья, приметы, устные рассказы, колыбельные, в которых раскрывается значение этих видов).

3. Топонимы, указывающие на священное назначение данной местности.

Исследователь А.М. Лидов в отношении понятия сакрального предлагает термин «иеротопия». «Иеротопия» как отдельное понятие и слово, состоящее, как и многие другие термины, из двух греческих корней «иерос» (священный) и «топос» (место, пространство). Понятие «сакрального пространства» эту задачу не выполняло, так как оно всеохватно и по сути покрывало всю сферу религиозного.

Смысл иеротопии может быть сформулирован так: создание сакральных пространств может быть отнесено к особой форме творчества, которая должна стать отдельной, самостоятельной областью исследований, которые выявляют и анализируют конкретные примеры данного творчества[6].

Образы сакральных пространств, монументальные и образы в прикладном искусстве и в литературе, создавались конкретными людьми. Это тоже принципиальная особенность иеротопии. Не должны заниматься мистикой, феноменологией мистического. Лидов пытается исторически реконструировать то, что было создано умами и руками людей и, соответственно, умами других людей может быть познано. Он предлагает ввести создателя сакрального пространства как историческую или историко-культурную фигуру, которого до сих пор в нашем дискурсе не было. Это те, кто создавал проекты и образные системы сакральных пространств. И многих из них мы знаем.

Сознание людей, которые организуют отношения между артефактами и географическими объектами (природная среда), помещает их в пространство символического дискурса. Управляющее воздействие людей на природный или обжитой (например, городской или сельский) ландшафт в процессе превращения его в сакральный выражается в создании артефактов, которые организуют смысловое ядро сакрального ландшафта.

Человек архаического и традиционного общества Древней Евразии управлял природными ландшафтами (Лидов, 2006: 53), упорядочивая и организуя их с помощью технологий структурирования: установки конкретных маркёров (скалы с рисунками, стелы, каменные насыпи в форме животных, поля погребений и курганных могильников, сооружения для наблюдения за движением небесных тел) и социо-коммуникативных технологий: ментального картографирования сакральных ландшафтов, иеротопизации физических пространств. Иеротопизация – это создание сакральных пространств, включение памятников природы или истории в ритуалы, в том числе и ритуалы жертвоприношений, а также мифологизация этих мест и культовых объектов. Иными словами, сакральное – это управляемое и организуемое человеком пространство. Сегодня число иеротопических технологий не только расширяется, но и трансформируется за счёт возникновения новых техник оперирования объектами почитания.

Сегодня, используя методики культурной антропологии, можно изучать не только старые, т. е. уже описанные в научной и популярной литературе, но и новые технологии иеротопизации сакральных ландшафтов. Сегодня такими технологиями иеротопизации стали групповые и индивидуальные практики использования культовых объектов, близкие к эзотерическим. Процесс иеротопизации, т. е. создания культовых объектов как правило, проходит несколько стадий. Первая стадия процесса иеротопизации сакрального ландшафта – одна из начальных стадий – включает личные эмоциональные опыты переживания городских или сельских легенд. Вторая стадия иеротопизации сакрального ландшафта – это опыты воссоздания культового объекта на индивидуальном и групповом уровнях. Третья стадия иеротопизации сакрального ландшафта – извлечение коммерческой и иной формы выгод из «работы» или использования воссозданного культового объекта. Первый вариант извлечения выгоды – это включение культовых объектов, формирующих сакральный ландшафт, в систему туристической индустрии. Яркий пример такого включения – туристическая деятельность. Второй вариант – использование воссозданного культового объекта для эзотерических и психотерапевтических практик народного врачевания. Третий вариант – применение культовых объектов для верификации научной (этнографической информации).

Проблему понятия сакрального Шуканов рассматривает через призму методологии, выделяя метод этимологии. Примером использования данного

метода, отмечает он, может быть необходимость совершенствования понятийно-терминологического аппарата при осуществлении сакрально-географических исследований. Например, термин «сакральный» происходит от латинского слова *sacrum* — священная вещь или действие, и касается религиозного культа и ритуала. Индоевропейские корни сакральности связаны с такими значениями, как «праздновать, святить, освящать». В древнерусском смысле сакральность ассоциируется с понятиями «святой», «праздничный», «святыня». В современном значении «сакральный» предусматривает связь соответствующего объекта с религиозно-почтительной, божественной и дорогой святыней. Соответственно, сакрализация объекта предусматривает предоставление предметам, явлениям и людям священного, религиозного содержания.

Значение этимологического метода заключается в том, что с его помощью можно, во-первых, более полно раскрыть сущность сакральной географии и других проявлений сакрально-научного знания; во-вторых, данный метод позволяет определить основное значение слова и на этой основе совершенствовать научный понятийно-терминологический аппарат с целью повышения эффективности общественно-географических исследований. Итак, для успешного решения проблемы определения стратегических путей развития географии необходимо синтезировать естественнонаучные и сакрально-научные подходы к изучению общества и географической оболочки в целом (Шуканов).

Есть ряд теоретических аспектов требующих к себе внимания в отношении сакральных мест. Существует целая система священных территорий, которые с древнейших времен и по сегодняшний день почитаются местным населением, продолжают функционировать и тем самым привлекают большое количество исследователей, паломников, а также туристов и просто любопытствующих. Долгое время ритуальные историко-культурные объекты были полем исследования археологов, а духовная составляющая сакральной сферы изучалась этнологами и антропологами. Как отмечает Жерносенко И.Н., за полтора столетия эти науки нарабатывали колоссальный объем фактологического материала, методик и методологических систем, но концу XX столетия назрела насущная необходимость комплексных междисциплинарных исследований сакральных объектов, позволяющих сформировать целостное понимание феномена сакрального центра в его неразрывном единстве духовных практик и их семиотических коннотаций в пространственно-временных реалиях. Первым шагом в направлении реализации такого холистического подхода явилось интегративное использование методов гуманитарного и естественнонаучного знания при изучении сакральных объектов (Жерносенко, 2016: 9).

Рядученых (Уваров М.С.) отмечают, что несмотря на то, что сакральная география постепенно выделяется в особую область исследования, ее принято считать одним из разделов культурной географии. Большинство работ, написанных в этом жанре, являются вполне культурологическими по содержанию и синтезируют такие области культурного познания, как художественное творчество, религиозное искусство и религиозная философия, культурно-исторические исследования. Представляется, что философско-культурологический взгляд на особенности культурной географии позволяет избежать многих субъективных предпосылок, связанных с ее развитием. В этой связи дальнейшее обобщение знаний в области культурологии неизбежно выводит последнюю на проблемы гуманитарной географии. Так, например, «поглощение» культурной географии географией гуманитарной терминологически можно объяснить тем, что понятие «гуманитарное» шире понятия «культурное», поскольку науки о культуре — это часть гуманитарных наук. Но вместе с тем «науки о культуре» включают в себя большой пласт антропологического знания, и в этом смысле ни о каком «поглощении» речи быть не может. Скорее, можно говорить о серьезном пересечении культурологии и культурной географии. Причем

таком пересечении, в котором культурно- географическое знание частично можно представить в качестве знания культурологического.

По мнению Голубева С.В. в отличие от религиозных объектов, предполагающих приобщенность к божественному, светские сакральные объекты основаны на иной мистике — восходящей к категориям рождения, совершенства, подвига, силы, Родины, героической смерти и др.

Следует отметить, что граница между «священным» и просто «особенно ценным» (в обыденном, не сакральном смысле) часто трудноуловима.

Например: глубоко мистичным понятием является смерть человека, и, как следствие, к числу сакральных объектов традиционно относятся захоронения, места кремации, памятники в честь событий, связанных со смертью (даже в том случае, если перечисленные объекты не относятся ни к какой религии).

Сакральный статус могут иметь объекты, связанные с культом предков, государственной властью, личностями носителями гениальности, величием природы, ратным героизмом ....

Таким образом, в числе географических объектов, имеющих сакральный статус, могут рассматриваться наиболее «значимые» места, связанные с жизнью выдающихся людей и судьбоносными историческими событиями, святыни государственной власти, мемориалы, хранилища культурных ценностей (музеи, библиотеки), знаменитые природные урочища, престижные учебные заведения и т. д.

Сакральные объекты особой значимости притягивают внимание людей, проживающих в отдаленных от них местах, в других городах и странах, людей с другими культурно-историческими традициями. Это явление издревле порождало потоки паломников и любопытствующих, к которым со временем добавились и потоки светских туристов, приносящих весомый вклад в бюджет государств, на территории которых расположены такие объекты.

Подобный познавательный туризм существовал и в СССР, а сейчас активно развивается и другая составляющая этого подсознательного любопытства - паломнический туризм.

Сакральная география — это система историко-географических знаний об особо почитаемых и священных объектах природного, культурного и исторического наследия. В сакральной географии изучаются виды объектов, их местонахождение, история возникновения, современные традиции связанные с этими объектами, их значение в жизни народа и другие свойства (Голубев, 2017: 47).

Заключение. На земле множество объектов, так или иначе соотносимых с категорией священных – сакральных, т.е. особо почитаемых, имеющих непреходящую ценность в индивидуальном и коллективном сознательном и бессознательном народов. Человечество присваивает статус «священных» горам и рекам, пещерам, камням, рощам, дорогам, местам жизни великих людей и кладбищам, развалинам древних сооружений, книгам, храмам и иным памятникам культурного, исторического и природного наследия.

Эти сакральные объекты лежат в основе исторической самоидентификации народов, их самооценки, национальной гордости, и, несомненно, в сильнейшей степени влияют на их дальнейшее развитие.

В заключение можно еще раз повторить: ни человек, ни общество немислимы без идеи сакрального - как в индивидуальном сознании, так и в коллективном бессознательном.

Если сакральное пространство интегрировано в социально-экономическую структуру региона, востребовано обществом, получает социальную поддержку, то оно воспринимается народом в качестве национального достояния. При этом важно изучение как самих объектов, так и окружающего их ландшафта, и нематериального наследия традиционной культуры, позволяющего понять развитие и изменение

этнических стереотипов отношения с окружающей средой.

Литература:

Голубев С.В. Сакральная география. Аспекты познавательного и паломнического туризма.// Материалы международной Научно-практической конференции «Сакральная география. Аспекты познавательного и паломнического туризма». Санкт-Петербург, 2017

Жерносенко И.Н. Сакральные центры Алтая: некоторые подходы к изучению феномена.// *Философская мысль*. — 2016. - № 1. - С.1-24.

Кокина В.А. Феномен сакральных мест. // [Электронный ресурс]: URL: file:///C:/Documents%20and%20Settings (дата обращения: 16.03.2018).

Лидов А.М. Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. Москва, 2006.

Медведев А. В. Сакральное как феномен культуры: Личностное бытие сакрального. Екатеринбург, 2000.

Огудин В.Л. Места поклонения как объект эколого-религиоведческого исследования. Москва, 2000.

Что такое «сакральное»: значение и толкование слова. [Электронный ресурс]: URL: <http://nlo-mir.ru/religia/43272-chto-takoe-sakralnoe.html> (дата обращения: 13.03.2018).

Шубницина Е.И. Сакральное пространство Урала и современное природопользование. [Электронный ресурс]: URL:<http://studydoc.ru/doc/3840011/sakral> (дата обращения: 16.03.2018).

Шуканов П. В. Использование этимологического метода в сакрально-географических исследованиях. [Электронный ресурс]: URL: http://fullref.ru/job_saz (дата обращения: 13.03.2018).

References:

Golubev S.V. Sakral'naya geografiya. Aspekty poznavatel'nogo i palomnicheskogo turizma.// Materialy mezhdunarodnoi Nauchno-prakticheskoi konferentsii «Sakral'naya geografiya. Aspekty poznavatel'nogo i palomnicheskogo turizma». Sankt-Peterburg, 2017

Zhernosenko I.N. Sakral'nye tsentry Altaya: nekotorye podkhody k izucheniyu fenomena.// *Filosofskaya mysl'*. — 2016. - № 1. - S.1-24.

Kokina V.A. Fenomen sakral'nykh mest. // [Elektronnyi resurs]: URL: file:///C:/Documents%20and%20Settings (data obrashcheniya: 16.03.2018).

Lidov A.M. Ierotopiya. Sozdanie sakral'nykh prostranstv v Vizantii i Drevnei Rusi. Moskva, 2006.

Medvedev A. V. Sakral'noe kak fenomen kul'tury: Lichnostnoe bytie sakral'nogo. Ekaterinburg, 2000.

Ogudin V.L. Mesta pokloneniya kak ob"ekt ekologo-religiovedcheskogo issledovaniya. Moskva, 2000.

Chto takoe "sakral'noe": znachenie i tolkovanie slova. [Elektronnyi resurs]: URL: <http://nlo-mir.ru/religia/43272-chto-takoe-sakralnoe.html> (data obrashcheniya: 13.03.2018).

Shubnitsina E.I. Sakral'noe prostranstvo Urala i sovremennoe prirodopol'zovanie. [Elektronnyi resurs]: URL: <http://studydoc.ru/doc/3840011/sakral> (data obrashcheniya: 16.03.2018).

Shukanov P. V. Ispol'zovanie etimologicheskogo metoda v sakral'no-geograficheskikh issledovaniyakh. [Elektronnyi resurs]: URL: http://fullref.ru/job_ca3 (data obrashcheniya: 13.03.2018).

FTAMPK 03.20:

Жұмабаева Ж.К.¹

т.ғ.к., қауымдастырылған профессор ,

¹Х. Досмұхамедов атындағы Атырау мемлекеттік университеті,

Жанибеков А.²

Магистрант

²Х. Досмұхамедов атындағы Атырау мемлекеттік университеті

ҚАЗАҚ ЭТНОГЕНЕЗІНДЕГІ ЭТНОНИМДЕРДІ МИФТІК-ЛИНГВИСТИКАЛЫҚ ТАЛДАУ (С. Қондыбай зерттеулері негізінде)

Мақалада қазақ этногенезіндегі «Алаш», «Эфталит» «Алан», т.б. атаулардың шығуы жаңа қырынан талданады. Маңғыстаулық зерттеуші С. Қондыбайдың қазақтың шығу тегіне қатысты этнонимдік атаулар туралы жаңаша пікірлері пәнаралық әдістер мен мифтік ұғымдар мен түсініктерді лингвистикалық талдау арқылы тұжырымдалады. Оның қазақ тарихының арғы кезеңінің евроазиялық және түркілік көне өркениеттермен байланыстылығы туралы пікірлері сараланады.

Кілт сөздер: С.Қондыбай, қазақ этногенезі, эфталит, «Алаш», «Алаша хан», «Алшын», «Алан», «Қыдырбай», «Қыдуар» этнонимдері, мифология, қазақ мифтері деректерін салыстырмалы талдау.

Жумабаева Ж.К.¹

к.и.н., ассоциированный профессор ,

¹Атырауский государственный университет имени Х. Досмухамедова

Жанибеков А.²

Магистрант

²Атырауский государственный университет имени Х. Досмухамедова

МИФИЧЕСКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭТНОНИМОВ В КАЗАХСКОМ ЭТНОГЕНЕЗЕ (на основе исследования С. Кондыбая)

В статье этнонимы «Алаш», «Эфталит», «Алаша», «Алшын», и т.п., рассматриваются с новых позиций. Анализируются оригинальные суждения и выводы мангистауского исследователя С. Кондыбая, сделанные на основе лингвистического, этимологического анализов и применения междисциплинарных методов (данных историографии, казахского шежира и мифов) о взаимосвязанности ранних этапов казахской истории с древними цивилизациями евразийского и тюркского миров.

Ключевые слова: С. Кондыбай, этногенез казахов, этнонимы «Алаш», «Алаша хан», «Алшын», «Алан», «Қыдырбай», «Қыдуар», мифология, сравнительный анализ сведений казахских мифов

Zhumabaeva Zh.K.¹

¹Candidate of Historical Sciences, Associated Professor,
H. Dosmukhamedov Atyrau State University

Zhanibekov A.²

Master's student

²H. Dosmukhamedov Atyrau State University

MYTHICAL-LINGUISTIC ANALYSIS OF ETHNONYMS IN KAZAKH ETHNOGENESIS (on the basis of the study of S. Kondybai)

In the article the ethnonyms «Alash», «Eftalit», «Alasha», «Alshyn», etc., are viewed from a new perspective. The original judgments and conclusions of the mangystau researcher S. Kondybaia based on linguistic and etymological analyzes and the application of interdisciplinary methods (data of historiography, Kazakh shezhira and myths) on the interconnectedness of the early stages of Kazakh history with the ancient civilizations of the Eurasian and Turkic worlds are analyzed.

Keywords: S. Kondybai, ethnogenesis of Kazakhs, ethnonyms «Alash», «Alasha Khan», «Alshyn», «Alan», «Kudyrbai», «Kiduar», mythology, comparative analysis of information of Kazakh myths.

Кіріспе

Қазіргі кезде біз қолданып жүрген этнонимдік көптеген атаулардың түп төркіні ежелгі дәуірлерге барып тіреледі. Қазақ тарихнамасындағы ең таласты мәселелердің бірі - ұлтымыздың егіз атауы «Алаш» мәселесі. Алаш этнониміне қатысты Ш.Уәлиханов, Ә. Бөкейханов, Ш. Құдайбердіұлы, Қ. Халид, О. Әлжанов, Б. Кәрібаев, Ә. Хасенов, А. Левшин, Н. Аристов, П. Рычков т.б. пікірлері бәрімізге белгілі. Осы мәселені жаңаша пәнаралық әдістер мен мифтік-лингвистикалық қырынан зерттеген зерттеушілердің бірі – С.Қондыбай.

Оның шығармашылық қызметінің шырқау шегі – байырғы қазақ шежіресін, әфсана аңыздарын, мифологиясын, тарихи этногенезін қамтитын «Маңғыстау географиясы», «Қазақ мифологиясына кіріспе» (1997), «Маңғыстау мен Үстірттің киелі орындары» (2000), «Есен-қазақ» (2002), «Гиперборея: түс көрген заман шежіресі» (2003), «Арғықазақ мифологиясы» (2004), «Эстетика ландшафтов Мангистау» (2005), «Маңғыстаунама» (2006), «Қазақ даласы және герман тәңірлері» (2006), «Жауынгерлік рух кітабы» (2006) сынды еңбектер (Маңғыстау энциклопедиясы, 1997).

Қондыбай шығармашылығы қазақ ғылымында үлкен серпіліс тудырды. Әлем халықтарының мифтерін ғылыми талдаудан өткізген ол қазақ мифология ғылымын қалыптастыруға өлшеусіз үлес қосты. Ол ежелгі шығыстық: египеттік, қос өзендік (шумерлік, вавилондық, ассириялық, т.б.), библиялық, үнділік, қытайлық, парсылық, гректік, римдік, скандинавтық-европалық, славяндық мифтік жүйелерді салыстыра келіп, қазақ мифтерінің жүйе түрінде емес, аңыз-ертегілер, мақал-мәтелдер, тұрмыстық салт-жоралғылар, әдет-ғұрыптар мен эпос мазмұндарында, сөз тіркестерінде сақталғанына және олардың әлем мифтерімен ұқсастығына назар аударды (Қондыбай С., 2004).

Ол қиыр шеттегі, шалғай жерде өмір сүріп, тым қысқа ғұмырында тағдыр тауқыметін тартып, ертеңінің не боларын білмей, дәрменсіз ауру болса да, жазылудың жолын іздеп, бар мүмкіндігін тән саулығын түзетуге жұмсаудың орнына бар арман-аңсарын елінің ғажайып ертеңіне ықпал ететін, бүгінде ұмыт қалған өткен тарихының ақтандақтарын ашуға жұмсады.

Шындығында, С.Қондыбай шығармаларын зерделей келе, оның қазіргі әлемдік тарихнама қолданатын жаңа әдістерді терең меңгергенін көруге болады. Пәнаралық тәсілді қолданған ол, жазба дәстүрі ұмытылған көшпелі қазақ халқының көне тарихының мифтік негізін ашып, лингвистикалық талдауға басты

мән берді. XX-XXI ғғ., тоғысындағы әлемдік тарихнамадағы жанаша тәсілдерді өз зерттеулерінде қолдануы және қазақ тарихы мен мәдениетін дүниежүзілік тарих пен мәдениетпен сабақтастыра зерделеуі оның шығармашылық, интеллектуальдық деңгейінің биіктігін дәлелдейді.

Зерттеуші қазақтың бай ауызша дәстүрі мен тілдік қорларындағы сөздер мен ұғымдар, түсінік – терминдер сырына үңіліп, қазақ тарихының арғы қатпарларының ежелгі өркениеттерден бастау алатыны туралы гипотезаны дәлелдеуге біраз еңбек сіңірді. Бұл пікірдің дақпырт еместігін гуманитарлық ғылымдардағы соңғы ғылыми жаналықтар аясында қарасақ, көз жеткізуге болады.

Қазір әлемдік тарихтың іргелі мәселелері қайта қаралуда. Батыс өркениеті дәріптеген евроцентристік, «арийлік» теорияларға негізделген «үндіевропалық тілдік жүйенің басымдығы» туралы тұжырымдар дағдарысқа ұшырауда. Осы тұрғыдан скиф, сармат тайпаларының «парсы тілділігі»(арийлігі) жөніндегі тұжырымдар қайта қаралуда. С. Қондыбай зерттеулеріне тікелей қатыссыз, ғалымдар адамзат өркениетінің ортақ бастаулары туралы гипотезаларды ұсынуда. Мұның бәрі С. Қондыбай болжамдары мен тұжырымдарының негізсіз еместігін көрсетеді. Оның мол ғылыми мұрасын зерделеудің қазақстандық ғылым үшін, қазақ халқының рухани қайнарларының тұңғығын түсіну үшін маңызы айрықша.

Зерттеудің мақсаты мен міндеттері С.Қондыбайдың қазақ этногенезінде қолданылатын этнонимдерді тарихи және тектік сабақтастық тұрғыда зерделеуінен туындайды. Автордың қазақ этнониміне егіз ұғым «Алаш» терминін талдау барысында ауызекі , шежірелік, аңыз- әпсана, эпостарда көрініс тапқан көптеген этнонимдердің түбірі бір ортақ атаудың әртүрлі тарихи уақыттардағы өзгертілген, бірақ мағынасы ортақ сөзден туындағаны туралы пікірлерін ғылыми негіздеу. Осыған орай, бұл мәселені зерттеген ғалымдар тұжырымдарын саралау арқылы С. Қондыбайдың қосқан үлесін айқындауға маңыз берілді.

Зерттеу методологиясында дәстүрлі ғылыми- танымдық әдістермен қатар, тарихи-слыстырмалық, тарихи генетикалық, интерпретация, типологиялық, пәнаралық , реконструкция әдістері қолданылып, тарихилық және жүйелік принциптер негізінде сараланды. Этнонимдік және эпонимдік атаулар туралы мифтік , аңыздық мәліметтер лингвистикалық салыстырмалы әдіспен талданып, тұжырымдар жасалды.

Мәселенің зерттелуі:

Қазақстандық тарихнамада «қазақ» этнонимінің синонимі - Алаш атауының шығу тегі жайлы тұжырымдар аңыздық бастаулармен байланыстырылып келді. Ортағасырлық түркілік авторлар М.Х.Дулати, Әбілғазы хан деректерін де, соларға сүйенген және халықтық ауызекі дәстүрге негізделген орыс шығыстанушылары – Аристов, А.И.Левшин, Г.Н. Вернадский, т.б., пікірлерін, қазақ ғалымдары Ш. Уәлиханов, М. Тынышбаев, Ш. Құдайбердіұлы, тіпті қазіргі қазақстандық тарихшылар пікірлерін салыстырсақ, ортақ негіздерді байқауға болады. Зерттеушілердің көбі Алаш этнонимін Алаша хан мәселесімен байланыста және оны тарихи тұлға ретінде қарастырады.

А.И. Левшин қазақтардың алаттар, сібір татарларымен туыстық, ортақ негіздерін көрсетіп, әртүрлі тарихи кезеңдерде бөлініп кеткен оларды біріктіруші, Алаша деген билеуші болғанын, оның тіпті Бұқараны да қосып алғысы келгенін жазады. Левшин халық арасында ауызекі сақталған аңызға сүйеніп, «...оның әскерлері негізінде қазақтың үш жүзі қалыптасқанын» (Левшин А.И., 1996: 147) жазады.

Түркі жұртына ортақ тарихи шежіре саналатын Рашид ад-диннің «Жылнамасы» мен Әбілғазы Баһадүрдің «Түрік шежіресінде» де «Алаш» атауына қатысты деректер бар. Айталық, Рашид ад-Диннің «Жылнамасында» Нұһ пайғамбардың немересі ретінде Абулджа хан атты кісі есімі аталады (Рашид ад-дин, 1952: 81). Ал, Әбілғазы Баһадүрдің «Түрік шежіресінде» де Нұх пайғамбардың ұлы Иафестің

алтыншы ұрпағы Алынша хан туралы дерек келтіріледі (Әбілғазы, 1991: 13-14). Белгілі этнограф Ж. Артықбаев бұл шежірелік деректерді талдай келе, Алынша ханға қатысты оқиғалар б.э.б. III-II мыңжылдықта болған деп болжайды (Артықбаев Ж.О., 2004: 63).

«Алаш» атауының пайда болуын діни тұрғыдан түсіндірген Құрбанғали Халид «Алаш» атауының шығуы жөнінде: «Бағзылар хазіреті Анас (Әнес) әулетінен болғандықтан, Анастан Алаш болды деседі...» (Құрбанғали Халид, 1992: 56) десе., М.Хайдар Дулати, Ш.Құдайбердіұлы деректерінде Алаша ханды Моғолстанның хан Жүніс ханның ұлы Сұлтан Ахмет деп келтіреді (Дулати М.Х., 2003: 144), (Құдайбердіұлы Ш., 1991: 23).

Қазақстандық тарихшылардың (Б.Кәрібаев, Ә.Хасенов) Қазақстан Ұлттық Энциклопедиясындағы пікірлері де осымен орайласады: «Алаш (ежелгі түрік сөзі – бауырластар, қандастар, туыстар) – көне заманда, түркі халықтары бөліне қоймаған қауым кезінде дүниеге келген ұғым. Ортағасырлық және одан ерте кезеңдегі деректерде қазақтың өз алдына ел болып, хандық құрғанға дейінгі ежелгі тайпаларының ортақ атауы. Алаш аты тарихта кездесетін ең көне атаулардың қатарына жатады. Моңғол-татар – қазақ шежірелерінде Алаш (Алашы) хан туралы айтылады. Кеген тас жазуында (б.з.д. IV ғ. шамасында) «Қаған алты бөріг алаш(а) ерті» деген жолдар, Алтай тауының Сібір жағында (Тува) Алаш атты өзен, Алаш атты тау сілемдері бар. Алаш атауы бүгінгі күнге дейін түрікмен, қырғыз, қазақ, ноғай, т.б. халықтардың есінде сақталған. Кеген тас жазуында «алты бөріг» («алты қасқыр») деген сөздің «алты алаш» мағынасын беретіні жөнінде (үйсін, қаңлы, қырғыз, хақас, татаб-татар, сяньби-ғұн тайпалары) ғылыми болжамдар бар (Қазақстан. Ұлттық энциклопедия, 1998: 248).

Негізгі бөлім:

Осы пікірлерді саралай келе, С. Қондыбай «Алаш» аңыздарының мифтік болмысын ашып, ұлтымыздың алғашқы атауының түбі терең дәуірлермен сабақтастығын пәнаралық әдістермен дәлелдеуге тырысты. Қазіргі тарих ғылымы қолдана бастаған мифтерді, тарихи ұғымдар мен көне атауларды, текстерді лингвистикалық талдау арқылы халқымыздың тарихының ежелгі өркениеттермен сабақтастығына назар аударды.

Мифті жазба тарихқа дейінгі халық өмірінің айнасы, тарихи сананың алғашқы баспалдағы ретінде қарастырсақ қана осы Алашқа қатысты аңыздарды тарихи тізбекке қоюға болады. Жалпы біз кеңестік кезеңде толыққанды дерек ретінде мойындалмай келген қазақ шежіресінің мәліметтерінің аңыз еместігінің бүгінде генетикалық зерттеулердің дәлелдеген айтуымыз қажет. Сондықтан зерттеуші Алаш этнонимін ғылыми сараптауда ауызекі дәстүр арқылы жеткен протоқазақтық этнонимдер Қалша Қадыр, Алаша хан, Алшын, Эфталит т.б атауларымен сабақтастырады.

С. Қондыбай қазақтың шежірелік түп-аталарының бірі – Қалша Қадыр мен аққу (қаз) құс кейпіндегі перінің қызы, перизаттан «Қазақ» атты ұл туғаны, ал одан Ақарыс, Жаңарыс, Бекарыс деген қазақтың 3 Жүзінің аталары таралатыны туралы мифті талдай отырып, қазақ этногенезінде кеңінен қолданылатын Қадырбай атауының Қалша сөзімен тіркесіп айтылуының себебін түсіндіреді. «Қалша» сөзі мен «Қалша» этнонимінің түркілер, оның ішінде, қазақтар үшін түп-ата» болғанын және оның мифтік, ықылым замандармен байланыстылығын тұжырымдайды.

Ол Қалша Қадыр батырдың пері қызына үйленіп, балалы болу сюжетінің үнді халқының «Рамаяна» мен «Маться Пурана» эпостарында кездесетіне назар аударады. Онда бір-бірімен жауласқан «Ай әулеті» мен «Күн әулеті» арасындағы соғыс жырланады. Сондағы Ай әулетінің бірінші патшасы Пуруравас Айла да Урваши атты нимфаға (су перісі) үйленеді. **С. Қондыбай Пуруравас Айла мен Қалша Қадырдың ұқсастығын көрсетіп қана қоймай, үнді эпостары сюжеттерінің Қазақстан мен Орта Азия арқылы өткен үндіарийлер ортасынан**

шығып, үнді эпосы мен қазақ мифтеріне негіз болған деген тұжырым жасайды (Қондыбай С., 2008). Бұл протоқазақ бабалардың үндіарийлермен кездескенін дәлелдейді.

Сонымен қатар зерттеуші түп ата – Қалша есімінің матриархат дәуірінде пайда болғанына назар аударады. Протоқазақ этногенезіндегі «Қалша» есімінің қазақтағы «келін», «келіншек», «қалыңдық», «қалыңмал», «қалжа» сияқты тек жас келіншектерге қатысты сөздермен түбірлестігін («қал» праформасы) көрсете келіп, «Қалшаның» әу баста түп – ана болып, кейін патриархатта–түп-ата болғаны туралы пікір ұсынады. **Қалшаның түп аналығын ол «қалжа» сөзімен сабақтастырып, оның тек жас босанған келінге (әйелге) арналып сойылатын жас мал сорпасы ғана емес, осы келіндердің «ірі» болған қазақтарда – Қалша, эзербайжандарда, курдте – Хал, осман түріктерінде, түркмендерде, т.б – Ал атанған матриархат дәуіріндегі бастапқы анаға, тәңіріеге арналған садақа атауы дейді (Қондыбай С., 2008: 696).**

Серікбол Қалшаның түп-аналығын ол әйелдерге қатысты қолданылатын «қатын-қалаш» деген біріккен сөздегі «қалаш» сөзімен де байланыстырады. Бұдан қандай қорытынды шығады? Бұл протоқазақтық этнонимдердің сонау мифтік заманнан бастау алып, бүгінге жеткенін, яғни қазақ халқының тарихының ежелгі замандардан бастау алатынын көрсетеді.

Осы пікірді бекіту үшін орыс ертегілеріндегі –Калин царь туралы деректі, солтүстік Кавказ, осман түркілеріндегі халықтарында кең тараған Гелинджик атауы мен оның тәңіріе болғандығы туралы мәліметтерді айтсақ та жеткілікті. Шындығында қазіргі Геленджик қаласының атауына негіз болған Калин тәңіріеге арналған конус түріндегі тас мүсіндер бар екені белгілі. Яғни Ресейдің Кавказдағы түркілері, осетин , адыгей халықтарына ортақ Калин тәңіріенің көне замандарда прототүркі тайпаларына да ортақтығын көруге болады.

Зерттеуші қазақтың мифтік-шежірелік комплексінің ең басты тұлғасы- Алаша хан есіміне қатысты аңыздардың мифтік сипатын Халаш, Қалша этнонимімен сабақтастырады. **Яғни «Алаш» сөзі XV ғ. қазақ боп құрылған ру-тайпалардың ең ежелгі замандардан бері атадан балаға ауызекі дәстүрмен жеткен түп-аталық атауы екендігін көрсетеді.** Ол «Алаш», «Қалша» сөздерінің этимологиясы ортақ, мұнда да оның әйел тұрпаттылығы «Ал-әже» (Ал-ажа, Ал-аджа, Хал-аджа) сөздерімен түсіндіріліп, алапес баланы туатын әйел образы, сірә, «Алаша» болған, кейін осы есім балаға қатысты айтылған деген пікір ұсынады (Казахская мифология. Краткий словарь, 2005: 133).

Бұл орайда С. Қондыбай протоқазақ тайпаларының Ұлы Ана тәңіріеге сенген үндіевропалық тайпалармен сабақтастығын дәлелдеуге тырысады. Қазақты құраған тайпалардың өздерінің аңыз-мифтерінде, этногенезінде сақтап қалған Алаш атауының матриархат кезеңімен байланыстылығын негіздейді.

С. Қондыбай «Ал» немесе «Қал», «Хал» терминдерінің сонау матриархат заманынан бері сақталып, прототүркі, протоқыпшақ, протоқазақ қауымдарында ортақ туыстықты білдіретін атауы ретінде қалыптасып, Алтайдан батысқа, Каспий мен Қара теңіз аралығына қоныс аударған түркілерде сақталғанын тұжырымдайды?. Осы тұрғыдан «Алаштың» Алшындармен, тіпті одан арғы замандардағы эфталит, ғұн, бұлғар, хазар, алан сабақтастығын көруге болады.

Зерттеуші Алаш этнонимінің көне түркі заманымен (VI ғ.) сабақтастығы туралы өзіне дейінгі ғалымдардың пікірлерін дамытады. Ол Алаша ханның әкесінің — Абдулла аталуын да көне түркі тайпаларының бірі болған ақ ғұндар-эфталиттермен байланыстырып, «эфтал» сөзіне этимологиялық, лингвистикалық талдау жасайды. «Эфтал» сөзінің ең қарапайым түсіндірмесі-«жеті ал»: «*іеті ал*» түсінігінің мифтік-шежірелік ұғым болғанына назар аударады. Яғни эфталиттер немесе оның билеуші руы өздерін «ерекше жаратылған, асыл тұқым» - «Жеті-ал»

- «Эфталдан» таратқан, солардың тікелей ұрпағы деп есептеген. **Бұдан шығатын басты қорытынды** - ортаазиялық ортада осы «жеті кейіпкерге» байланысты арнайы шежірелік-мифтік культ болған. Осыны жаңа әулет өздерінің әулеттік-рулық, кейін мемлекеттік атауы ретінде алған.

Бұл тұжырымның дұрыстығын ең көне ауыз әдебиетінде сақталған «Алаш» алаш болғанда, Алатай ат болғанда, Таңбасыз той, еңсіз қой болғанда» деген сөз тіркесі дәлелдейді. Егер 551/552 жылы құрылған Түрік қағанаты кезінде тайпалардың өзіне тән мүлік ерекшелігі, оларға жеке-жеке таңбалау дәстүрінің басталды десек, «Алаш» атауы одан бұрын қолданыста болған деген сөз. Олай болса, бұл ғұндардың Қытай шекарасынан батысқа қарай ығысқан II-IV ғғ., Аттила ғұндары мен эфталиттер кезіне сәйкес келеді.

Қазақстандық тарихшылар Ю. Зуев, А. Әбдірахманов орыс тарихшысы Аристовтың «Алшын-Алаша хан, яғни алшынның иелігінде ала шұбар, бұжыр адамдар туған, сондықтан этноним мәні ала адам» деген пікірін қолдағаны белгілі. «Алаш» сөзін, «алапес адам», «ала атпен» байланыстыру бағытын белгілі ғалым – Т.Омарбековтің (Омарбеков Т., 2007: 5), Б. Кәрібаев, Е. Пірімбетовалардың (Пірімбетова Е., 2005: 105-113) және «Алаш» тарихи-зерттеу орталығы ғалымдарының Кіші Жүздің Жетіру тайпалық одағына кіретін рулар туралы 2006 жылғы зерттеулерінен көруге болады. Олардың Кіші жүз ру тайпаларының Алтайдан, Жетісуға, одан Сырдария арқылы Қазақстанның батысына, одан әрі Кавказ-Қара теңіз жағалауына дейінгі кеңістіктерді жайлағаны жөніндегі жаңаша пікірлері қолдауға тұрарлық.

Қондыбай пікірінше, Алаша ханның әкесінің «Абдул-Әзиз» немесе «Абдулла» есімі де осы «жеті ал» - «иеті ал»-«эфтал»-«абдал» атауымен байланысты. Тарихи аңыз бойынша, Абдул-Әзиз (Абдулла) хан өзінің «алапес» болып туған баласын Сырдария өзеніне себетке салып ағызып жібереді. Кейін Сырдың төменгі ағысында, Арал маңында ержеткен Алаша бала сол жерде ұйымдасқан әскери қауымның топ басшысы, ханы болып шығады. С. Қондыбай эфталит-хиониттердің бастапқы ордасының Арал маңында, Амудария мен Сырдарияның төменгі ағыстары өңірінде пайда болғандығы жөнінде ғылыми жорамалды келтіріп, осы тұстағы үш бірдей сәйкестікке назар аударады:

1. Алаша ханның мемлекет құратын жері мен Эфталиттердің мемлекеттігінің бесігі болған жердің бірдей екендігі. Ол - Арал-Сыр аймағы.

2. Алаша ханның әкесі «Абдулла» немесе «Абдул» есімі мен «эфтал» сөзінің бірдей мағына беретіндігі. Яғни Алаш шежіресі мен эфталит билеушілерінің ықтимал шежіресінің типологиялық тұрғыдан бірдей болуы.

3. Алаша-Алаш есіміндегі «ал» сөзінің «эфталит» этнонимінде де негізгі сөз жасаушы болуы [12, 485 б.].

Зертеуші «ала», «алапес», «Алаш», «Алаша», «Алшын», «алып», «эльф» сөздері бүкіл адамзатқа ортақ әлемдік мифтерде көрініс тапқан бастаулардан шыққаны туралы пікір айтады. Осы «Жеті-ал» - «Эфталдан»- Абдулла есімі, оның ұлы Алаш образын С.Қондыбай Вивасват туралы үндірийлік мифтік сюжетпен ұқсастырады. Вивасват та, Алаш та аспандағы жарық сәулелі солярлық тәңіріе, адамдардың түп атасы, Оның әкесінің аты – «жеті ал» мағынасындағы Абдалла, ал Вивасваттың 7 тәңір ағасы бар; Алаш та, Вивисват та жарымжан (алапес, қол- аяғы жоқ); екеуінен де туыстары бас тартып, қайтып мойындаған, Вивисват –адамзаттың түп атасы болса, Алаш–прототүркі, протоқазақтардың түп атасы; Вивисват ұрпақтары егіздер: Яма –Ями, Ману–Шани болса, Алаш шежіресінде оның ұрпақтары: Жайылхан мен Сейілхан, Майқы мен Сабиян, Қазақ пен Созақ, Қарақалпақ–Айырқалпақ. Вивасват ұлы –Яма, Алаш ұлы–Майқы, т.б.с.с. (Казахская мифология. Краткий словарь, 2005: 51-52).

Осылайша, үнділік «Ведалар» мен «Рамаяна», «Махабхарата» сияқты эпостардағы сюжеттерінің қазақ этно-аңыздарындағы ортақ сюжеттермен

ұштасуы прототүркілер, яғни қазақты құраған тайпалардың адамзат өркениетінің бастауында тұрған халықтармен қатар тұрғаны туралы батыл пікір айтуға мүмкіндік береді.

Осыған орай, С. Қондыбай Алаша ханның алапестігін секпілдікпен, яғни «күн тектілікпен» (солярный герой) байланыстырып, қазақтың түп атасы Алаш атауын арғы замандарда(мифтік кезеңде) адамзатқа өмір сүруді, қоғам құруды үйреткен тәңіриенің халық жадында сақталған аты екенін ғылыми түрде дәлелдеуге тырысты.

С. Қондыбай мұраларын зерттеуші және насихаттаушы З. Наурызбаеваның пікірінше, алашұбарлық, - сол күннен тараған қаһарманның белгісі. Кейінгі фольклорда алғашқы сипаты ұмытылып, қарабайырланып, алапеспен түсіндірілген. Осы күнтекстіліктің қазақ санасында, түйсігінде қалып қойғанын Мағжан Жұмабаевтың өлеңінен көруге болады:

Ерте күнде отты Күннен Гүн туган,

Отты Гүннен от боп ойнап мен тугам...

Мен - Күн ұлы, көзімде күн нұры бар... (Жұмабаев М., 1989: 52). Бұлайша **ақиқатты түйсікпен сезінуді** неміс психологы К.Г. Юнг **«ұжымдық ессіздіктің архетипі»** (архетип коллективного бессознательного) деп атайды (Юнг К.Г., 1991: 52). *Архетип - көнеден келе жатқан, халықтың тұлсанасында мыңдаған жылдар сақталып, анда-санда жаңғырып отыратын бейнелер.*

Осы тұрғыдан С. Қондыбай Алаш атауын сақтаған қазіргі қазақ тілінің түп негіздері үндіевропалық, тіпті одан арғы гиперборейлік қатпарлармен байланысты деген батыл пікір айтады. Адамзатты өркениетке үйреткен ізгі ниетті тәңірие адамдар –гиперборейлықтарды меншіктеген үндіарийлердің көшу траекториясының Каспийдің шығыс жағалауы арқылы оңтүстік шығысқа –қазіргі Атырау , Маңғыстау, Арал маңы, Өзбекстан, Тәжікстан, Ауғанстан арқылы Үндістанға, және солтүстік – шығысқа Сібір, Қазақстан, Алтайға дейін тарағанын ескерсек, жоғарыда Қондыбай келтірілген дәйектер **дұрыс боп шығады.**

Европалық тарихнама әлдеқашан, ал қазіргі посткеңестік тарихшылар енді маңыз бере бастаған «лингвистикалық әдіспен» атадан балаға ауызша жеткен тарихи сананың көрінісін беретін «Алаша хан, Жошы хан, Ақсақ құлан жосыған» жыр жолдарын талдасақ, бұндағы "Алаша хан" сөзі "алғашқы" деген мағынада беріліп тұр. Себебі, «Алты Алаш» атанған протоқазақты монғол хандарынан тұңғыш басқарған осы Жошы хан. Сонда «Алаш хан» немесе «Алаша хан» атауы ежелден бері ұрпақтан-ұрпаққа өтіп, халық аузында сіңіп кеткен идеомаға айналған, сондықтан оны бірнеше алаш ұрпақтары(бұл жерде: қазаққа дейінгі этностар деп түсінуіміз керек-Ж.Ж.) пайдаланғанға ұқсайды» деген жергілікті өлкетанушы М. Жолжановтың пікірімен келіспеуге болмайды (Жұмабаева Ж.К., 2014: 20). Бұл С. Қондыбайдың «Алаш» этнонимін «Қалаш», «Қал» (матриархат дәуірі немесе арийлік кезең), «Жеті ал» (эфталит кезеңі), **алан** (I-IV ғғ.), Алшын (XIV-XVII ғғ.) атауларымен шендестірген тұжырымдарымен үйлеседі және олардың бәрі «алғашқы» деген мағына береді.

«Алшын», «Алау», «алан» этнонимдеріне келсек, Кіші Жүздің Байұлы, Әлім тайпалық бірлестіктерінің **Алшын** аталып, тарихының көне түркілерге тірелетінін орыс шығыстанушылары- И. Бичурин, Н. Аристов, тіпті тұңғыш қазақ ғалымы-Ш. Уәлиханов та айтқан болатын. Бұлар ғұн ұрпақтары ретінде түркі тайпалары- *қыпшақ, қарлықтардан көп бұрын батысқа қоныс аударып, аландарды, оғырларды бағындырып, нәтижесінде Қара - Азау-Каспий теңіздері аралығындағы Хазар мен бұлғарлармен этникалық байланысқа түскен. Аландармен байланыстылығы да осыдан* (Жұмабаева Ж.К., 2014). Бұл үндіарийлік тілдік жүйеге кіретін осы орыс, осетин, адыг халықтары мен түркі халықтарының ортақ қайнарларының болғанын дәлелдейді.

Яғни Алшындар түркі тумаластарынан ертеректе бөлінген, яғни «**қазақтықты**» бағзы замандарда бастаған (Ш. Уәлиханов), *кейінгі ғасырларда қазақ хандығының алғышарты болған түркілік мемлекеттер- түрік қағанаты, қыпшақ мемлекеті, Жошы ұлысы-Алтын Орда, Ноғай Ордасы құрамында болған*. Осы орайда жалпы қазаққа мәлім, зар-заман ақыны, Атыраудың тумасы- М.Мөңкеұлының (1843-1906): «Алаш-Алаш болғалы, Алаша атқа мінгелі, ала шұбар ту байлап, Алашқа ұран бергелі Әлім еді ағасы, Шолпан еді анасы» (Жұмабаева Ж.К., 2013:152) деп жырлағаны белгілі.

Қорытынды:

Қазақтың санасын жаңғыртатын рухани тетіктерді бір ғасыр бұрын іздеген Алаш зиялыларының жолымен қазақтың танымы мен мәдени мұрасын зерттеудің жаңа сұрлеуін салған С. Қондыбай шығармашылығы тарихшылар назарынан тыс қалмайды. Оның қазақ мифологиясының ғылыми негізін қалаған еңбектерінің тұжырымдарын қазақ тарихының ежелгі бастауларын зерттеуде әдіс ретінде қолдануға болады. Ол «Киелі Қазақтың Мөңгі елі - реалды географияда емес, біздің санамыз бен түйсігімізде, яғни әрбір қазақтың ішінде орналасқан, әбден түмшаланып, шаң басып, танылмай жатқан «ішкі елімізде». Мифология- осындай киелі кеңістікті қайтадан танып білуге жол ашып беретін кілттердің ішіндегі негізгісі» деп жазды (Қондыбай С., 2004).

Қазақ мифологиясын тарих ғылымында зерттеу әдісі ретінде қолдану рухани жаңғыруда жалпыұлттық патриотизмнің нағыз өзегіне айналатын маңызды шаралар: «**Туған жер**» бағдарламасын, «**Қазақстанның киелі жерлерінің географиясы**» жобасын, өлкетану жұмыстарын жүргізуде де маңызды рөл атқармақ. Бұл шаралар мемлекет құрушы қазақ халқына деген құрметімен ұласып, ұлттық бірегейлігінің мызғымас негізін қалайды және ұлтаралық келісімді қауіпті ықпалдардан қорғайтын символдар болып табылады.

Әдебиеттер:

- Артықбаев Ж.О., 2004. Историческое наследие М.Ж.Копеева. - Павлодар.
Әбілғазы, 1991.Түрік шежіресі. – Алматы: Ана тілі.
Досмұхамедұлы Х., 1924. Мұрат ақынның сөздері. I- бөлім. - Ташкент. - 152 б.
Дулати М.Х., 2003. «Тарих-и Рашиди». - Алматы.
Жұмабаев М., 1989. Шығармалары. Өлеңдер, поэмалар, қара сөздер. – Алматы: Жазушы, - 448 б.
Юнг К.Г., 1991. Архетип и символ. - М.
Жұмабаева Ж.К., 2014. Өлкетанушы М.Жолжановтың «Алаш» атауы туралы пікірлері// Материалы международной научно-практической конференции «Сапарғалиевские чтения»: пробл., госуд., стр.,-ва в РК в свете Стратегии «Казакстан-2050» от 16 мая. КазНПУ имени Абая, Институт права и экон..
Жұмабаева Ж.К., 2013. Қазақ этногенезі және Кіші Жүз тайпалары// Л.Гумилев ат. ЕҰҰ Қазақстан тарихшыларының 2 – конгресі мат. - Астана.
Қазақстан. Ұлттық энциклопедия. 1998. - Т.1. – Алматы. - 248 б.
Казакская мифология. Краткий словарь, 2005. – Алматы: Нұрлы Алем. - 272 с.
Қондыбай С., 2004. Арғықазақ мифологиясы. - Алматы:Дайк-Пресс. - 512 б.
Кұрбанғали Халид, 1992. «Тауарих Хамса». – Алматы: Қазақстан.
Қондыбай С., 2008. Жауынгерлік рух кітабы. Алпамыс ғаламы.// т.ш.ж. 8 т.
Қондыбай С., 2008. Гиперборея. түс көрген заман шежіресі. Т.ш.ж. – Т. 6. Алматы: Арыс. - 696 б.
Кұдайбердіұлы Ш., 1991. «Түрік, қырғыз һәм хандар шежіресі». Алматы. Алматы: Арыс. - 416 б.
Левшин А.И., 1996. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. – Алматы. -147 б.

Маңғыстау энциклопедиясы, 1997. – Алматы. - 385 б
Омарбеков Т., 2007. Жетіру тарихын қалай жаздық / Алаш. - № 1.
Пірімбетова Е., 2005. Жағалбайлы этнонимінің құпиялары / Алаш. - №2. - 105-113 бб.
Рашид ад-дин.. Сборник летописей, 1952. - Т.І. кн. 1. Москва-Ленинград: АН СССР.

References:

- Artyqbaev J.O., 2004. Istoricheskoe nasledie M.J.Kopeeva. - Pavlodar.
Abulgazy, 1991. Turik shejiresi. – Алматы: Ана тили.
Dosmuhameduly H., 1924. Murat agynynyn syzderi. I- bylim. - Tashkent. - 152 b.
Dulati M.H., 2003. «Tarih-i Rashidi». - Алматы.
Jumabaev M., 1989. Shygarmalary. Vleñder, poemalar, gara syzder. – Алматы: Jazushy, - 448 b.
Iung K.G., 1991. Arhetip i simbol. - M.
Jumabaeva J.K., 2014. Ylketanushy M. Joljanovtyn «Alash» atauy turaly pikirleri// Materialy mejdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferen-tsii «Sapargalievskie chteniyia»: probl., gosud., str.,-va v RK v svete Strategyi «Kazahstan-2050» ot 16 maia KazNPU imeni Abaia, Institut prava i ekon..
Jumabaeva J.K., 2013. Qazaq etnogenezi jōne Kishi Juz taipalary// L.Gumilev at. EUU Qazagstan tarihshtylarynyn 2 – kongresi mat. - Astana.
Qazaqstan. Ulttyg entsiklopediia. 1998. - T.1. – Алматы. - 248 b.
Kazahskaia mifologiya. Kratkiy slovar, 2005. – Алматы: Nurly Alem. - 272 s.
Qondybai S., 2004. Argyqazaq mifologiyasy. - Алматы: Daik-Press. - 512 b.
Qurbangali Halid, 1992. «Tauarih Hamsa». – Алматы: Qazaqstan.
Qondybai S., 2008. Jauyngerlik ruh kitaby. Alpamys galamy.// t.sh.j. 8 t.
Qondybai S., 2008. Gıperboreia. tьs kyrgen zaman shejiresi. T.sh.j. – T. 6. Алматы: Arys. - 696 b.
Qudaiberdiuly Sh., 1991. «Turik, gyrgyz ham handar shejiresi». Алматы. Алматы: Arys. - 416 b.
Levshin A.I., 1996. Opisanie kirgiz-kazachih ili kirgiz-kaisatskih ord i stepi. – Алматы. -147 b.
Mangystau entsiklopediyasy, 1997. – Алматы. - 385 б
Omarbekov Т., 2007. Jetiru tarihin qalai jazdyq / Alash. - № 1.
Pirimbetova E., 2005. Jagalbaily etnoniminiñ qupiyalary / Alash. - №2. - 105-113 bb.
Rashid ad-din.. Sbornik letopisei, 1952. - T.I. kn. 1. Moskva-Leningrad: AN SSSR.

Shamshidenova Fakiya¹

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

¹Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology

Turgynbayev Erlan²

²Candidate of Historical Sciences, Al-Farabi Kazakh National University

ISSUES OF METHODOLOGY OF KAZAKH SHEZHIRE AS A HISTORICAL SOURCE OF ETHNICAL TERRITORY

In the article the author considered the topical issues of genealogy. The Kazakhs treated shezhire like something sacred. Many modern Kazakhs are trying to reconstruct their genealogy and learn their ancestry. The article describes the specific results of studying shezhire of Kazakhs, learned by the author as a genealogical memory and historical source, as a cultural tradition and original forms of historical knowledge of the Kazakh people. In this article, shezhire represented as a set of historical and genealogical materials, which was used to study the law, tribal life and ethnic composition of the steppe population. The concept of «shezhire» means «family tree», «memory», «genealogy». In this article, the author describes shezhire as a document, containing the most diverse historical information, which includes, primarily, folk genealogy and make conclusion that it is necessary to use the shezhire as a historical source of the ethnical area but in connection with the entry of the territory of Kazakhstan to Russia, there have been changes in the ethnic territory of the clan-tribal composition.

Keywords: seven generations, shezhire, genealogy, genus, tribe, ethnical territory.
Статья написана в рамках ПЦФ BR05233709 «История и культура Великой степи»

Шамшиденова Факия¹

¹Тарих ғылымдарының кандидаты, қаумдастырылған профессор

Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты

Тұрғынбаев Ерлан²

²Тарих ғылымдарының кандидаты, Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті

ЭТНИКАЛЫҚ ТЕРРИТОРИЯНЫҢ ТАРИХИ ДЕРЕГІ РЕТІНДЕ ҚАЗАҚ ШЕЖІРЕЛЕРІ МЕТОДОЛОГИЯСЫНЫҢ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Шежіре тарихымыздың алтын діңгегі болып табылады. Сонымен қатар, шежіре халықтың шығу тегін, таралуын баяндайтын тарихтың тармағы. Мақалада шежіретану ғылымының қалыптасуын, даму тарихын сипаттап, ғұндар дәуірінен бастап Шыңғысхан бастаған моңғолдар үстемдік еткенге дейінгі Орталық Азия далаларында мекен еткен көшпелі тайпалардың шығу тегі мен ру-тайпалық қатынастарына талдау жасалған. Авторлар қазақ қоғамының қалыптасуындағы шежіренің ықпалын қарастырып, шежіренің қазақ қоғамында атқаратын қызметіне баса назар аударған. Ру, тайпалардың тарихын ұрпақтан ұрпаққа жеткізген, қалыптасқан ресми шежіре барлық түркі халықтарында кездеседі. Шежіре бүгінгі күнге дейін өзінің дәстүрлік мағынасын жоғалтпаған. Шежіредегі тарихи-генеалогиялық материалдар этнос пен қоғамның құрылымын бекемдейді. Мақалада авторлар қазақтардың генеалогиялық құрылысын сипаттап, әлі де шежіре саласын зерттеу жұмыстары, оның ақтаңдақ тұстарын анықтау, жаңа деректер іздеу өз жалғасын таба беруі тиіс, этникалық территорияның дерегі ретінде шежірені ұтымды пайдалану қажет, ал Ресей құрамына XVIII-XIX ғғ. Қазақстан территориясының енуімен этникалық территорияда өзгерістер болды деп тұжырымдайды.

Кілт сөздер: жеті ата, шежіре, генеалогия, ру, тайпа, этникалық территория.

Шамшиденова Факия¹

кандидат исторических наук, ассоциированный профессор

¹Институт истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова

Тургунбаев Ерлан²

²кандидат исторических наук, Казахский национальный университет имени аль-Фараби

ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ КАЗАХСКИХ ШЕЖИРЕ КАК ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА ЭТНИЧЕСКОЙ ТЕРРИТОРИИ

Отношение казахов к шежире является сакральным. Многие современные казахи пытаются восстановить свои корни и изучают свою родословную. В статье описаны отдельные итоги изучения шежиры казахов, исследуемые автором в качестве генеалогической памяти и исторического источника, культурной традиции и самобытной формы исторического знания казахского народа. В статье авторы затрагивают актуальные проблемы в области генеалогии. Шежире представлено как совокупность историко-генеалогических материалов, которая использовалась в целях изучения права, родового быта и этнического состава населения степи. Понятие «шежире» означает «родословная», «память», «генеалогия». В данной статье авторы описывают шежире как документ, содержащий самую разнообразную историческую информацию, которая включает в себя, в первую очередь, народную генеалогию и приходят к выводу, что шежире является историческим источником этнической территории, но в связи с вхождением территории Казахстана к России произошли изменения в этнической территории родо-племенного состава.

Ключевые слова: жеті ата, шежіре, генеалогия, род, племя, этническая территория.

Introduction

Like many Turkic peoples who were in the sphere of influence of the Muslim religion, and along with this in the sphere of influence of Islamic culture, Kazakhs created the richest monuments of oral folk art. Many of its monuments contain materials from the history of customary law and the social organization of Kazakhs, information about the social structure of society, ethnic history, resettlement, etc. These materials of historical folklore, in particular, the shezhire we considered, though not systematically, were used as additional sources (Vostrov V.V., Mukanov M.S.:1968; Mukanov M.S.:1974). As the famous ethnographer M.S. Mukanov noted, the uniqueness of the Kazakh shezhire is that they are the product of oral folk art and were transmitted by one generation to another, until in the end of the XVIII century, when they start recording it. Along with the fixed historical information in the works of Chinese, Arabian, Persian, Western European authors, Kazakh shezhire represents a great historical value, at least because in shezhire the Kazakhs tell about themselves, they have self-consciousness – the idea of themselves as one people (Mukanov M.S.:1998). However, shezhire is not yet a sufficient subject to a special study of Kazakhstan ethnographers, historians and researchers of ethnogenetic problems.

Main part

As known, shezhire is one of the most interesting and informative manuscript monuments of the XVII-XIX centuries, its beginnings dates back to an earlier period, when the tradition of oral forms of Kazakh genealogies and genealogical legends still existed. Shezhire, which is interpreted as a “family tree” in the semantic aspect, in many cases, along with genealogies, contain information about the social system of the Kazakhs during the period of feudal relations, economic development and political history. They

also brought to us ancient stories and legends.

By structure and content, Kazakh shezhires can be divided into the following groups: 1) the genealogical tree in the form of a set of taxonomic levels of generations of people; 2) the genealogical scheme with textual explanatory expressions; 3) shezhire-text, in form and content resembling a chronicle, the annals, a legend. In a separate group there also can be attributed the poetic form, often found in the Kazakh oral poetry. The pedigree where the members of the clan through the male lines are included. Each member of the clan should have a good knowledge of his ancestry. The knowledge in this field the Kazakhs passed on to their children and grandchildren.

Origin of this custom was connected, apparently, with the principle of generic exogamy among the Kazakhs. The Kazakh clan was only one of the links in the multistage tribal system. This link, like other links of the entire tribal system, was submitted to constant, but slow changes. The clan organization among the Kazakhs could turn into a tribal one, disintegrating into several clans, or, conversely, turn into a clan unit, merging into another, more powerful clan. Within this framework, of course, the adherence to the principle of exogamy that existed among the Kazakhs required accurate knowledge of the genealogy. Consequently, the compilation and knowledge of the genealogy at first was a necessity, dictated by the customs of patriarchal-clan relations. The tribal elders knew the pedigree most accurately and in detail, however, according to the customs, ordinary Kazakhs had to remember the names of their ancestors up to 10-15 generations. These traditions persisted for a long time.

However, already during the reign of patriarchal-clan relations, the shezhire began to outgrow its original purpose. Passing from father to children and grandchildren, the pedigrees gradually began to be accompanied by stories about the events that occurred during the life of one or another clan leader-chief. From generation to generation the shezhire began to turn into a kind of story of a clan or tribe. In this story there were reflected information about the clan origin, and events related to tribal relations, as well as the genealogy of tribal nobility, etc.

We warn, for all that, the shezhire retained its traditional significance. It was a story, a genealogical chronicle of a certain tribe, as such shezhire was an attribute of patriarchal-tribal life. The presence of the shezhire in the Kazakh genus was also necessary as such clan attributes as tamgha, watchword were necessary. Therefore, the Kazakhs in general took care of the survived oldest text of shezhire, trying not to make significant changes in them.

Shezhire, basically, are focused on reproduction of the real facts of the past. Setting the reliability is a characteristic feature of this genre. Even artistic fiction, elements of poetic convention, are transmitted and perceived in them as plausibility. This moment can't be ignored when studying the historical foundations of Kazakh shezhire.

It should be noted that with the right methodological approach shezhire can serve as an extremely interesting source for covering ethnic, socio-normative, economic, political and other processes in the life of the Kazakh society.

The historical situation in Kazakhstan developed in such a way that it did not necessitate the codification of pedigrees, which are very diverse in origin of the Kazakh tribes. This was not contributed either by the ethnic disunity of the Kazakh tribes, nor by weak tendencies towards political centralization of Kazakhstan. At the same time, there was a need to create official editions of the most popular shezhire, which were the pedigrees of large Kazakh tribes. In such tribes, there were their drafters of shezhire, who began to write them down and thereby create written versions of the shezhire, which later, when removing numerous copies from them, were changed less than usual. From what has been said above, it follows that, firstly, the pedigrees at a certain stage of social development were typical of many Turkic-speaking and Mongolian peoples, and secondly, the historical works of the Middle Ages, beginning with the "Secret History" and ending with the writings of Abu-l-Gazi, widely used as a source of genealogical data,

from century to century, persistently preserved in the memory of peoples (Petrushevsky I., 1952: 27; Kononov A.N., 1958: 20, 25).

The creation of the shezhire fund, which belongs today to the manuscript fund of Scientific Library of the National Academy of Sciences of Kazakhstan, the manuscript fund of the M.O. Auezov Institute of Literature and Art of the NAS RK, took several decades. The study and use of the shezhire in historical studies began much earlier. Among the works that are important for highlighting the above-mentioned issues, there should be mentioned the “Jami-at-Tavarih” (Collection of annals) of Rashid-ad-din. The first part of the work of the Persian scholar of the XIV century Rashid-ad-din is the most valuable source for the development of the ethnic history of the Mongol and Turkic peoples and tribes. In this work, along with earlier historical works, Rashid-ad-din widely used oral traditions and pedigrees of the Turkic and Mongolian tribes (Rashid ad-din, 1952).

Important information for the solution of problems of political, ethno-political, economic, social and cultural life of the population of medieval Kazakhstan, problems of historiography and source study is provided by the information of «Genghis-name”. Composition of Utemish-hodja covers the time of the reign of Genghis Khan and Genghisides - XIII-XIV centuries and contains information about the khans of the Golden Horde, beginning with Batu Khan and ending with the coming to power of Tokhtamysh Khan. It should be noted that “Genghis-name” (Utemish-Haji, 1992) is written mainly on the material of legends and oral information. The Turkic language composition of the late XVIth-early XVIIth century in Zhami at-Tavarikh, written by the Kazakh author Kadyrgali Zhalairi, is very valuable for historical scholarship especially when covering the chronicles of Kazakh khanates of the XVIth century, describing historical events in Central Asia, Kazakhstan, and with certain territories in the XIV-XVI centuries. Completely his work was published only two and a half centuries later by I. N. Berezin in the second volume of “Libraries of Oriental Historians” (Berezin I.N., 1854). The main significance of Kadirgali Zhalairi’s work is primarily in covering many events of the period of completion of the Kazakh nationality formation. In accordance with the level of historical science of the time, the author focused on the genealogy of Kazakh khans and sultans of the XIVth and XVIth centuries and the description of their campaigns.

When studying shezhire, we can’t fail to mention the works of Khiva Khan of the XVIIth century Abu-l-Ghazi “Shajara-i-Tarahima” (Genealogy of Turkmens) and “Shajari-Turk” (Genealogy of the Turks) (Kononov A.N., 1958; Abu-l-Ghazi, 1906). Both of these works were eventually based on genealogical legends of pedigrees, accompanied by stories of events, synchronous this or that person. In a certain sense, the writings of Abu-l-Gazi are the deified transcription of the shezhire common among the Turkic peoples. Thus, already the early summary historical works and chronicles as an important source used tribal genealogies, legends, pedigrees of the tribal aristocracy, etc., which, verbally transmitted from generation to generation, lived for hundreds of years in the memory of the people.

The study and use of the shezhire in historical studies is markedly enhanced in the works of pre-revolutionary researchers. Despite the fact that in the XVIII-XIX centuries ethnographic science in Russia was still in a fairly infancy, a large research work on the study of the use of shezhire in historical works was done by such researchers as P.I. Rychkov, A. Levshin, V.V. Velyaminov-Zernov, A. Kharuzin, V.V. Radlov, G.N. Potanin, N.A. Aristov, N. Pantussov, A. Divaev and others (Masanov E.A., 1966). Then, in the “History of Orenburg” and “Topography of Orenburg” of P.I. Rychkov (Rychkov P.I., 1896), which saw the light in the second half of the XVIII century contains ethnographic information about the tribal structure of Kazakh zhuzes and their resettlement, the economy of Kazakhs, legendary information about the origin of Kazakhs.

The result of many years of researches of A.I. Levshin on the history of the Kazakhs was a great work “Description of Kirghiz-Kazakh, or Kirghiz-Kaisak hordes and steppes” (Levshin A., 1832) in three parts, which was published in 1832. In essence, this is the first

academic study of the history of the Kazakh people, where the shezhire data are widely used.

The work of V.V.Velyaminov-Zernov "Study of Kassimov's tsars and princes" (part 2) is a serious and very valuable work, covering many confusing issues of the history of the XV-XVII centuries just at the time when the formation of the Kazakh people was coming to an end. The main historical books were, along with the eastern manuscripts, the data of the Kazakh shezhire. Fragments or just factual materials from the unpublished Kazakh shezhire are contained in the works of N.A. Aristov. His "Experience in ascertaining the ethnic composition of the Kirghiz-Cossacks of the Great Horde and Karakirgiz on the basis of genealogy legends and information about existing clan divisions and tribal tamghas...", "Notes about the ethnic composition of the Turkic tribes and nationalities and information about their numbers" (Aristov N.A., 1896) are valuable and it is especially significant because he widely used folklore and ethnographic material.

A special merit in the study and use of these shezhire in historical researches belongs to the outstanding scientist of the Kazakh people Ch.Ch. Valikhanov. Among the scientific works of Ch.Ch. Valikhanov, in terms of our researches, such works on the history and ethnography of Kazakhs as "Ablai", "Kirghiz genealogy", "Tales and legends of the Great Kirghiz-Kaisak Horde" (Valikhanov Ch.Ch.:273-277; T. 1: 216-228; T. 2.: 148-167) and others have scientific value. They differ in their realism and in the large amount of data on the relationship between the ancient tribes inhabiting the territory of Kazakhstan, as well as the wide involvement of these shezhire in their studies.

At the end of XIX and especially at the beginning of the XX century. shezhire becomes the subject of attention of representatives of the Kazakh national intelligentsia. In the works of Sh. Kudaiberdyuly, M.-Zh. Kopeyuly, N. Naushabayuly (Kudaiberdyuly Sh., 1911; Kopeyuly M.Zh., Handwritten fund of the Scientific Library of NAS RK, folder 1176; Naushabayuly N., 1903) and others quite often used shezhire. This was a period when the emerging Kazakh national historiography aspired along with traditional sources to use new, and especially shezhire, tribal ethnonyms, historical legends, legends, etc.

In the same period, the shezhire became the object of an in-depth researcher of such scholars and public figures as A.Bokeykhan, M.Tynyshpayuly, H.Dosmukhameduly (Bokeykhan A., 1995: 89-120; 137-153; Tynyshpayev M., 1925; Dosmukhameduly H., 1991), who along with other sources began to widely use shezhire's data to cover the ethnic history of the Kazakh people. Ahmet Baitursynuly gave his assessment and definition of shezhire as a historical folklore monument (Baitursynuly A., 1989: 213).

In the following years, local historians and expeditions, organized by local and central scientific institutions, engaged in the collection of Kazakh shezhire. The collected shezhire was concentrated in the manuscript collection of the Scientific Library of the Academy of Sciences.

In after years, although not systematically, shezhire was involved as a source in the works of M.Akhinzhanov (Akhninzhanov M., 1957; Author's abstract. Doct. diss. Alma-Ata, 1971) and others. Perhaps, almost the only fundamental works where the data of genealogical legends were widely used in the scientific plan are the works of M.S.Mukanov, V. V.Vostrov, Y.A. Zuev (Zuev Yu.A., 1981) In terms of using the shezhire data, examples like using of analysis of various tamghas of various clans for studying the tribal composition of the Bashkirs, conducted by R.G. Kuzeyev, are quite fruitful (Kuzeyev R.G., 1974).

One of the important scientific directions, which have a general turkological importance, is the study of the history of the language and written monuments. In the framework of the topic present the particular interest the works of S.A. Amanzholov "Problems of Dialectology and the History of the Kazakh Language" (Alma-Ata, 1959), "Some Information on the Ancient Tribal Dialects of the Kazakh Language" (Izvestiya AN KazSSR, Historical Series, philosophy and law, 1954, issue 1-2), and others.

The work of R.G. Syzdykova "The language of "Zhami at-tavarihi" by Zhalairi" is

dedicated to the issues of the historical development of the vocabulary of the Kazakh language according to the written monuments of the end of the XVI – beginning of the XVIII century. At the same time, there is none single monographic study that would cover the state of the lexicon of the Kazakh language on the basis of studies of the Kazakh shezhire language of an earlier period.

The main content of the text part of the shezhire is a description of the life of the ancestral life in the historical past, their struggle against various enemies, etc. Compilers of the shezhire often included to text the content on khan's labels, traditions, about the noble origin of their ancestral grandfathers and great-grandfathers.

The analysis of shezhire language of the XVIII-XIX centuries shows that already at the beginning of the studied period these varieties of written monuments appear as fully developed, possessing stable and concrete traditions that encompass both the language and the form of the sources themselves. A more correct approach will be taken in solving this issue if one sees a single line of development in the history of the Turkic script, if the Turks are viewed as a common historical background, as a common historical canvas in the development of the language and culture of most of the Turkic peoples (Khalikova R.Kh., 1990: 139).

Conclusion

Modern scientific research, whether historical or philological, depends not only on the application of systematically organized methods, but also on the sources on which it is built, and on the degree of mastery. So, it is source research shezhire would give specialists a whole complex of reliable fact-materials for objective and more comprehensive coverage of the problems facing him.

The reliability of sources such as shezhire expressed a lot of doubts. But it is known, for example, that in the Chinese historical tradition the problems of genealogy occupied a large place. This was one of the means put at the service of centralized political unity, based on the Chinese ethnos. Hence the strong tendency of historicalization of even mythological moments. Speaking about the reliability of many messages of shezhire, one must bear in mind that they are not the result of individual creativity. Any shezhire is the result of a long and collective activity of people. And by its nature it can never be completely objective, it will inevitably reflect a certain prejudice of the ethnic and social position of its author, which can lead to an exaggeration of the role of some components and to understate the role of others. Therefore, its data must necessarily be verified with the data of other disciplines.

Consequently, in scientific researches not only the methodology, but also the source base should be systematically integrated. Only then there will be an opportunity to determine the real essence of the stages of the development of Kazakh culture for several centuries. And in this respect, the high level and high archeographic culture of these studies requires that we take care of the further development of all spheres and aspects of studying shezhire in both archeographic and source-study, textological terms. Under this condition, shezhire as sources on the ethnic history of the Kazakhs acquire paramount importance.

In the 19th century, due to the introduction of the territory of Kazakhstan to Russia, changes occurred in the ethnic territory of the Kazakh clans. Shezhire is a source of ethnic territory. In the Shakarim Sham, the Kendirbai genus is mentioned, in Central Kazakhstan there is the Kendirbai River, the name of the genus is associated with toponymy.

References:

Абу-л-Гази, 1906. Родословное древо тюрков. Перевод и предисловие Г.С. Саблукова. - Казань.

Аристов Н.А., 1896. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и каракиргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических

данных о начинающихся антропологических исследований. // Живая старина, вып. III, IV. СПб., 1894. Его же. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. // Живая старина, вып. III, IV. СПб.

Ахынжанов М., 1957. Қазақтың тегі туралы. Алматы.

Ахынжанов М., 1971. Происхождение и формирование казахского народа. Автореф. докт. дисс. Алма-Ата.

Байтұрсынұлы А., 1989. Шығармалары. Алматы. Б. 213.

Березин И.Н., 1854. Библиотека восточных историков. Сборник летописей, татарский текст, т. II. ч. I, Казань.

Бокейхан А., 1995. Родовые схемы киргиз Каркаралинского уезда. Бокейхан А. Избранное. - Алматы. С. 89-120.

Бокейхан А. Казахи адаевского уезда. Избранное. - С. 137-153.

Валиханов Ч.Ч. Предания и легенды Большой киргиз-кайсацкой орды // Собр. Соч. Т. 1. С. 273-277;

Валиханов Ч.Ч. Исторические предания о батырах XVIII в.;

Валиханов Ч.Ч. Об управлении казахами Большого Жуза. - Т. 1. - С. 216-228;

Валиханов Ч.Ч. Киргизское родословие. - Т. 2. - С. 148-167.

Востров В.В., Муканов М.С., 1968. Родоплеменной состав и расселение казахов. Алма-Ата.

Зуев Ю.А. Историческая проекция казахских генеалогических преданий // Казахстан в эпоху феодализма. Алма-Ата, 1981.

Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского. М.-Л., 1958;

Кузеев Р.Г., 1974. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. - М.

Кудайбердыұлы Ш., 1911. Қазақ, қырғыз һәм хандар шежіресі. - Орынбор.

Көпейұлы М.Ж. Үш жүз: Сарыарқа қайдан шықты Рукописный фонд Научный библиотеки НАН РК, папка 1176;

Левшин А., 1832. Описание киргиз-казачьих и киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. II-III. СПб.

Наушабайұлы Н., 1903. Манзумат Казахия. Казань.

Масанов Э. А., 1966. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. - Алма-Ата.

Муканов М.С., 1974. Этнический состав и расселение казахов Среднего Жуза. - Алма-Ата.

Муканов М.С., 1998. Из исторического прошлого (родословная кереев и уаков). - Алматы.

Петрушевский И., 1952. Рашид-ад-дин и его исторический труд. Вводная статья в кн.: «Рашид-ад-дин». Сборник летописей Т. 1. М.-Л. С. 27;

Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1-2. М.-Л., 1952.

Рычков П.И., 1762. Топография Оренбургская. Изд. 1-е. СПб.

Рычков П.И., 1896. История Оренбургская (1730-1750). - Оренбург.

Тынышпаев М. Материалы к истории казахского народа Ташкент, 1925; Досмухамедұлы Х. Аламан. Алматы, 1991.

Утемиш-хаджи, 1992. Чингиз-наме / Факсимиле, перевод, транскрипция, текстологические примечания В.П. Юдина. Комментарии и указатели М.Х. Абусеитовой. - Алма-Ата.

Халикова Р.Х., 1990. Язык башкирских шежере и актов документов XVIII-XIX вв. - М.: Наука.

References:

Abu-l-Gazi, 1906. Rodoslovnoe drevo tiurkov. Perevod i predislovie G.S. Sablukova. - Kazan.

Aristov N.A., 1896. Opyt vyiasneniya etnicheskogo sostava kirgiz-kazakov Bolshoi ordy i karakirgizov na osnovanii rodoslovnnykh skazaniy i svedenii o suestvuiuih rodovyykh delenyiah i o rodovyykh tamgah, a takje istoricheskikh dannykh o nachinauiuihsia antropologicheskikh issledovaniui. // Jivaia starina, vyp. III, IV. SPb., 1894. Ego je. Zametki ob etnicheskoi sostave tiurkskikh plemen i narodnostei i svedeniia ob ih chislennosti. // Jivaia starina, vyp. III, IV. SPB.

Ahynjanov M., 1957. Qazaqtyñ tegi turaly. Almaty.

Ahynjanov M., 1971. Proishojdenie i formirovanie kazahskogo naroda. Avtoref. dokt. diss. Alma-Ata.

Baitursynuly A., 1989. Shyǵarmalary. Almaty. B. 213.

Berezin I.N., 1854. Biblioteka vostochnykh istorikov. Sbornik letopisei, tatarskyi tekst, t. II. ch. I, Kazan.

Bokeihan A., 1995. Rodovye shemy kirgiz Karkaralinskogo uezda. Bokeihan A. Izbrannoe. - Almaty. C. 89-120.

Bokeihan A. Kazahy adaevskogo uezda. Izbrannoe. - S. 137-153.

Valihanov Ch.Ch. Predaniia i legendy Bolshoi kirgiz-kaisatskoi ordy // Sobr. Soch. T. 1. C. 273-277;

Valihanov Ch.Ch. Istoricheskie predaniia o batyrah XVIII v.;

Valihanov Ch.Ch. Ob upravlenii kazahami Bolshogo Juza. - T. 1. - C. 216-228;

Valihanov Ch.Ch. Kirgizskoe rodoslovie. - T. 2. - C. 148-167.

Vostrov V.V., Mukanov M.S., 1968. Rodoplemennoi sostav i rasselenie kazahov. Alma-Ata.

Zuev Iu. A. Istoricheskaia proektsiia kazahskikh genealogicheskikh predaniy // Kazahstan v epohu feodalizma. Alma-Ata, 1981.

Kononov A.N. Rodoslovnaia turkmen. Sochinenie Abu-I-Gazi, hana hivinskogo. M.-L., 1958;

Kuzeev R.G., 1974. Proishojdenie bashkirskogo naroda. Etnicheskii sostav, istoriia rasseleniia. - M.

Kudaiberdyuly Sh., 1911. Qazaq, qyrǵyz hõm handar shejiresi. - Orynbor.

Kypeily M.J. Ush juz: Saryarqa qaidan shyqty Rukopisnyi fond Nauchnyi biblioteki NAN RK, papka 1176;

Levshin A., 1832. Opisanie kirgiz-kazachih i kirgiz-kaisatskikh ord i stepei. Ch. II-III. SPb.

Naushabauly N., 1903. Manzumat Kazahyia. Kazan.

Masanov E. A., 1966. Ocherk istoriyi etnograficheskogo izucheniia kazahskogo naroda v SSSR. - Alma-Ata.

Mukanov M.S., 1974. Etnicheskii sostav i rasselenie kazahov Srednego Juza. - Alma-Ata.

Mukanov M.S., 1998. Iz istoricheskogo proshlogo (rodoslovnaia kereev i uakov). - Almaty.

Petrushevskiy I., 1952. Rashid-ad-din i ego istoricheskii trud. Vvodnaia statia v kn.: «Rashid-ad-din». Sbornik letopisei T. 1. M.-L. S. 27;

Rashid-ad-din. Sbornik letopisei. T. 1. Kn. 1-2. M.-L., 1952.

Rychkov P.I., 1762. Topografiia Orenburgskaia. Izd. 1-e. SPb.

Rychkov P.I., 1896. Istoriia Orenburgskaia (1730-1750). - Orenburg.

Tynyspaev M. Materialy k istoriyi kazahskogo naroda Tashkent, 1925; Dosmuhameduly H. Alaman. Almaty, 1991.

Utemish-hadji, 1992. Chingiz-name / Faksimile, perevod, transkriptsyia, tekstologicheskie primechaniia V.P. Iudina. Kommentaryi i ukazateli M.H. Abuseitovoi. - Alma-Ata.

Halikova R.H., 1990. Iazyk bashkirskikh shejere i aktovykh dokumentov XVIII-XIX vv. - M.: Nauka.

Мажитов С.Ф.¹

¹Доктор исторических наук, профессор, академик Российской академии естественных наук и Международной академии информатизации, Генеральный директор Международного института интеграции социогуманитарных дисциплин «Интеллект Орда». Казахстан, г. Алматы. e-mail:sattar_f@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ НАРОДНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В КАЗАХСТАНЕ В КОНТЕКСТЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И САМОСОЗНАНИЯ КАЗАХОВ

Анализ исторической ретроспективы и основных факторов народно-освободительной борьбы в контексте сохранения и укрепления национальной идентичности преследует задачу доказать, что до обретения нашей страной независимости освободительная борьба рассматривалась больше как политический феномен. Ее социальные и конкретно-исторические аспекты были подвержены идеологическому влиянию, что часто приводило исследователей к подгонке источников для объяснения политической природы движений протеста. К тому же единый процесс народно-освободительного движения был искусственно заменен строгим набором наиболее известных восстаний, которые квалифицировались либо как прогрессивные, либо как реакционные. Из их содержания был выхолощен идеологический контекст, который подразумевал борьбу за независимое и суверенное развитие. Вместе с тем, из научного поля исследования народно-освободительных движений выпадал огромный пласт информации в виде общего фона живой истории с ее коллизиями и противоречиями, трудностями и успехами, а также собственно национальными особенностями. Существует настоятельная потребность в изучении вопросов этнической идентичности в призма вопросов социально-политических конфликтов и национального самосознания.

Ключевые слова: казахи, Казахстан, история, Российская империя, народно-освободительное движение, национально-освободительное движение, народные восстания, методология, национальная идентичность, самосознание.

Мажитов С.Ф.¹

¹Т.ғ.д., профессор, Ресей жаратылыстану ғылымдарының академиясы жөне Халықаралық ақпараттандыру академиясының академигі, «Интеллект Орда» Халықаралық әлеуметтік гуманитарлық пәндер интеграциясының халықаралық институтының Бас директоры. Қазақстан, Алматы қ. e-mail:sattar_f@mail.ru

ҚАЗАҚТАРДЫҢ ЭТНИКАЛЫҚ БІРЕГЕЙЛІГІ ЖӘНЕ ӨЗІНДІК ТАНЫМЫ КОНТЕКСТІНДЕ ХАЛЫҚ-АЗАТТЫҚ ҚОЗҒАЛЫСТЫ ЗЕРТТЕУ МЕТОДОЛОГИЯСЫНЫҢ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Үлттық бірегейлікті сақтау мен нығайту мазмұнындағы халық-азаттық күрестің тарихи ретроспективасы мен ең басты факторларын талдау өзінің мақсаты ретінде біздің еліміздің тәуелсіздік алғанша дейінгі азаттық күресті тек ғана саяси феномен аясында талданғанын дәлелдеуді көздейді. Оның әлеуметтік және нақты-тарихи аспектілері идеологиялық ықпалдың қысымында болып, зерттеушілерді көбінесе қарсыластық күрестердің саяси сипатын түсіндіруге итермелеген. Халық-азаттық қозғалыстың тұтас үдерісін жасанды прогрессивті немесе реакцияшыл ретінде

сипатталатын қатаң жіктелген ең белгілі көтерілістердің үстіртін тізімімен ауыстырған. Егеменді және тәуелсіз даму үшін жүргізілген күресті мақсат еткен идеологиялық контексті бұл көтерілістерді баяндау мазмұнынан мүлдем жойылған.

Сонымен қатар халық-азаттық көтерілістердің ғылыми зерттеу алаңынан кедергілер мен қарама-қайшылықтарға, қиыншылықтар мен жетістіктерге және де ұлттық ерекшеліктерге толы тірі тарих туралы ақпараттың басым бөлігі мүлдем тыс қалған. Бүгінгі таңда әлеуметтік-саяси қарама-қайшылықтар және ұлттық жеке сана мәселелерін талдау төңірегінде этникалық бірегейлікті зерттеу қажеттілігінде нақты сұраныс бар.

Кілт сөздер: қазақтар, Қазақстан, тарих, Ресей империясы, халық-азаттық қозғалыс, ұлт-азаттық қозғалыс, халық көтерілісі, методология, ұлттық бірегейлік, өзіндік сана.

¹Статья написана в рамках ПЦФ BR05233709 «История и культура Великой степи»

Majitov Sattar¹

¹Director of Historical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences and the International Academy of Informatization, Director General of the International Institute for the Integration of Social and Humanitarian Disciplines «Intellect Orda». Kazakhstan, Almaty. e-mail:sattar_f@mail.ru

PROBLEMS OF THE METHODOLOGY OF STUDYING THE PEOPLE'S LIBERATION MOVEMENT IN KAZAKHSTAN IN THE CONTEXT OF THE ETHNIC IDENTITY AND SELF-CONSCIOUSNESS OF THE KAZAKHS

Analysis of historical retrospective and main factors of national-liberation struggle in context of preserving and strengthening the national identity follows to prove the objective that national liberation struggle was considered as political phenomenon till the gaining independence by our country. It's social and important historical aspects were subjected by ideological influences that resulted in falsification the historical factors by historians for explain historical essence of the protest movement. Moreover, the common process of national liberation movement was replaced by h strong fight which were considered as reactive or progressive.

Keywords: Kazakhs, Kazakhstan, history, Russian Empire, national liberation movement, national liberation movement, popular uprisings, methodology, national identity, self-awareness.

Введение. Актуальность настоящей статьи в рамках широкого научного исследования проистекает от объективного содержания самой сути проблемы, которая состоит в том, что в условиях независимого развития любой страны историческая ретроспектива борьбы за свободное и суверенное развитие становится фундаментом строительства нового общества и государства. В то же время независимое государство всегда исходит из понимания того, что история, которая предшествовала ее строительству, была подвергнута фальсификации, идеологизации и лишена в первую очередь страниц, связанных с объективным отражением борьбы за национальную независимость. Однако, с точки зрения современной социальной истории и антропологии – прошлое следует рассматривать, прежде всего, как исторический и социально-политический феномен, содержащий опыт и уроки истории. В то же время важно понять внутренние аспекты данного феномена. Каким было представление о независимости в этнической среде; что понималось под нею

среди непосредственных участников этого процесса; как воспринимались победы и поражения; каков был состав участников; какие преследовались параллельные интересы; какова была повседневная жизнь участника борьбы за независимость до, в процессе и после его участия в народно-освободительном движении. Наконец, что следует понимать под национальной идентичностью в условиях противостояния колониальной политике властвующей империи.

Сегодня социальные науки и само общество столкнулось с фактом смещения дихотомии «борьба за независимость» и «народно-освободительное движение за независимость». Говоря о «борьбе за независимость» многие подразумевают собственно «народно-освободительное движение за независимость» от Российской империи. При этом упускается из виду, что сам процесс борьбы за сохранение независимого государства – это гораздо широкое понятие в историческом времени и пространстве. Говоря о борьбе за независимость в пределах XVIII – начала XX веков, нельзя все сводить только к противостоянию лишь Российской империи, объективный статус которой как метрополии никто не отрицает. Собственно, восемнадцатый век начинается с борьбы за независимость казахов от джунгар. Далее на протяжении рассматриваемого хронологического среза будут иметь место противостояния казахов другим соседним странам, вовлеченность Казахстана в мировые исторические события. К примеру, с точки зрения дефиниции «независимость» дипломатия хана Абылая также является одной из форм борьбы и протеста за сохранение цельности своего государства и свободы народа.

Актуальность исследований в рассматриваемой плоскости состоит также в том, что современный мир и международное сообщество ждет от исследователей научных разработок по предыстории независимых государств бывшего СССР. Для того, чтобы понять суть и внутреннюю жизнь, а также политику современных независимых государств, важно увидеть и понять опыт их борьбы за независимость. Тема исследования востребована объективно в свете того, что процессы глобализации актуализировали собственно проблему протеста и протестного движения в мире.

В целом, научные поиски в выбранном направлении позволяют раскрыть новые возможности отечественной исторической науки и сделать результаты научных исследований востребованными со стороны международного сообщества. Каждый из блоков настоящего исследования в перспективе может стать самостоятельным научным проектом, который будет носить междисциплинарный и компаративный характер.

Методы исследования. Системный подход является основным методом исследования, который позволяет установить причинно-следственные связи между историческими явлениями в общеисторическом движении. Из научных методов, использованных при разработке данного проекта, следует выделить, историко-временного среза, общегеографический, картографический, локально-исторический, проблемно-тематический, исторической реконструкции и метод логической последовательности и т.д.

Методологическая и концептуально-фактологическая основа исследования учитывает современные мировые тенденции разработки теории и истории Отечественной истории и нацелена на решение следующих задач:

- выявление и сбор эмпирического материала по исследуемому периоду;
- анализ источников и историографии;
- выявление истории народно-освободительного движения в Казахстане в потоке мировой истории освободительной борьбы рассматриваемого периода;
- комплексный и системный анализ истории народно-освободительного движения казахов рассматриваемого периода в проекции на цельность исторического процесса и с учетом новейших теоретико-методологических подходов.

Теоретико-методологической основой исследования являются общенаучные принципы познания, выработки нового знания и философия национальной идеологии с её приоритетом гуманистических ценностей и традиционных духовных ценностей народа. В основу анализа проблем положены также специально-исторические методы исследования: хронологический - предусматривает изложение исторического материала в хронологической последовательности; синхронный - предполагает одновременное изучение событий, происходящих в обществе; диахронный - метод периодизации; историческое моделирование; статистический метод. Изучаемые вопросы рассмотрены с концептуальных позиций нового исторического мышления, раскрывая исторические события и их историографическую оценку в реальном содержании, сквозь призму интересов духовно-национального возрождения. Используются методы и принципы собственно исторического, системно-исторического и сравнительно-сопоставительного анализа фактов, событий и их интерпретаций. Повсеместно производилось всестороннее, комплексное, компаративное и объективное исследование источников и исследовательской литературы по проблеме народно-освободительного движения в Казахстане в XVIII – начале XX вв. Особое внимание было уделено применению принципа феноменологии как альтернативной парадигмы исторического познания, позволяющей значительно расширить рамки изучения поставленной проблемы.

Идентичность и протест

История первой половины XVIII–XIX века в казахской истории и истории Центральной Азии в целом, несмотря на свою достаточно полноценную изученность, не теряет своей актуальности до настоящего дня. Для этого есть, по крайней мере, несколько причин. Во-первых, фундаментальная научная разработка такого важного периода истории Казахстана до сих пор базируется преимущественно на разработках исследователей советского времени и, в частности, Н.Г. Аполловой, Е.Б. Бекамаханова, Б.С. Сулейменова, Т.Ж. Шоинбаева, Ж.К. Касымбаева, М.К. Козыбаева, К.Н. Нурпеиса В.З. Галиева, Э.Ж. Валиханова и др. Во-вторых, за последнюю четверть века был выявлен и накоплен широкий пласт исторических документов и материалов, который не подвергнут обстоятельному научному анализу. До сих пор не проводилось сравнительного исследования по содержанию и выводам, сделанным из уже известных источников. В-третьих, исследователи заведомо ограничивались себя лишь политическими оценками, что соответствовало идеологии советской эпохи. Мало кто после Е.Б. Бекмаханова попытался исследовать в комплексе социально-экономические и политические факторы. В-четвертых, в советский период исследователям было запрещено оценивать исторические события с позиций геополитического видения. Этим суживалась картина того или иного события и тем более деятельности исторических героев. В конечном счете, это влияло на объективную оценку, как самого события, так и исторической личности. В-пятых, до последнего времени, когда речь шла о казахской или истории любого другого народа, входившего в состав Советского Союза, исследователи мыслили рамками конкретного региона, в котором он проживал, не выходя за рамки их географических границ в глобальном масштабе.

Обширная и сложная проблема противостояния колоний власти метрополий уже исследовалась многими отечественными и зарубежными учеными, в том числе и автором этих строк (2005: 1-264; Мажитов 2007: 1-350; 2007: 60-120). При изучении истории народно-освободительных движений в Казахстане на передний план выступает важный аспект этой проблемы, который связан с этнической идентичностью и самосознанием восставших. По мнению социолога М.Н. Губогло этничность определяется «количественно измеренными элементами (параметрами) этнической тождественности индивида со своим этносом – или интенсивностью

этнической идентификации», и под понятием этничность «понимается реализация существующего набора объективных и субъективных признаков, по которым каждая личность субъективно относит себя к определенной этнической общности и объективно себя в ней реализует» (Губогло 1994: 239). Этнический фактор и самосознание народа взаимосвязаны с понятиями нация и национализм. «Думается, однако, что определенные результаты в постижении феноменов национализма и нации мог бы дать философско-антропологический подход, основанный на рассмотрении этнической проблематики через призму понятия «человек» как центральной категории всего обществоведения, путем анализа сущностных структур личности как имеющего сложное строение центра духовных актов. При этом подразумевается, что за понятием «этническое» скрывается объективно присущее человеку фундаментальное свойство, которое заключается в диверсификации общечеловеческой ценностной системы, что через посредничество символов проявляется в различии ценностных ориентации и, как следствие, в разнообразии культур и конкретных «моралей» (Рыбаков 2001: 1-108).

Колониальное правление с его высокомерными претензиями на культурное и политическое превосходство интерпретировалось в научных кругах как противоречащее моральным принципам, – возможно, именно поэтому для изучающих историю колониализма в России всегда было естественным отыскивать примеры сопротивления местного населения колониальному правлению, чтобы подтвердить его незаконность и продемонстрировать неотъемлемо присущее угнетенным стремление к освобождению. Для западных наблюдателей статус Советского Союза как деспотического режима с сомнительной легитимностью мог лишь способствовать появлению такого императива. Способствовал этому и поиск изначального архетипа поведения советских властей. В частности, эмигрантские круги, склонные рассматривать свои этнические сообщества как исторически «покоренные нации», всегда страстно стремились подчеркнуть оппозиционность местного населения как часть нарратива «национальных мучеников». Если говорить об изучении царского периода, то данная точка зрения временами странным образом совпадала с императивом самой советской историографии, пыгавшейся документально подтвердить двойственный (национальный и социальный) характер угнетения нерусских народностей в царской «тюрьме народов». Выделенные таким образом примеры сопротивления, конечно же, должны были служить контрастом широко пропагандируемому представлению о «дружбе народов» в советский период. И сейчас, в постсоветские времена, ученые, по-прежнему подчеркивая «героический» характер сопротивления нерусских народов, во многих случаях просто сместили акценты в трактовке причин недовольства коренного населения – с недовольства «феодальным» и «капиталистическим» угнетением, которое выходило на первый план в исследованиях советских историков, на национально-религиозный протест (и, таким образом, рассматривают первое как производное от последнего). Если мы признаем тот простой факт, что противостояние народов обычно оставляет более заметные следы в анналах истории, чем гармоничное их взаимодействие, то едва ли нас удивит то значительное место, которое отводится вопросу о сопротивлении в историографии (Российская империя... 2004: 48-49).

В условиях советской историографии, которая была основана на примате коллективного над индивидуальным многие вопросы, связанные с этничностью и ее проявлением в действиях отдельно взятой личности, индивида, субъекта общества, а тем более его самосознание не могли быть объектами исследования. Вследствие этого исследователи были вынуждены часто обходить тот широкий пласт архивного и документального материала, который свидетельствовал о проявлении в народно-освободительном движении названных факторов. В лучшем случае, авторы могли привязать деятельность отдельной личности к народной массе. Поэтому в литературе появились термины «предводитель», «восстание

под предводительством» и т.д. Между тем, с точки зрения методологии истории освободительных движений данное понятие не отражает реальную историческую обстановку, будучи привязанным к той политической конъюнктуре, которая породила это понятие. Дефиниция «предводитель» есть отражение верховенства коллективного над индивидуальным, растворения личности в массе или предводительствуемой толпе, «шайке». В конечном счете, сказанное ведет к нивелированию как этнического, так и неповторимости позиции личности с его сознанием, моралью, ментальностью и мировидением. В подобной ситуации было бы целесообразным использование понятий «руководитель», «лидер». Будучи отражением обратного процесса признания коллективом личности, эти дефиниции отражают общественное признание индивидуальности, лидерских качеств того, кто становится во главе той или иной формы общественного или политического движения. Тем более в условиях казахского общества, где демократическое начало было исторически неотъемлемой частью жизнедеятельности социума, признание лидера было объективным индикатором социального и политического ориентира на стабильность и максимальную результативность предпринимаемых под его руководством действий. Поэтому не случайно еще со времени образования первых государственных образований на территории Казахстана и в особенности в период Казахского ханства, обращалось особое внимание на лидерские качества верховного правителя.

Многочисленные испытания, выпавшие на долю казахского народа на протяжении XVIII – начала XX вв., с особой остротой поставили вопрос о его выживании и сохранении как этноса. Окончательная ликвидация национальной государственности повлекла за собой превращение Казахстана в одну из провинций Российской империи. Потеря земли, массовое переселение российского крестьянства, хищническая эксплуатация природных ресурсов, разрушение традиционного способа хозяйствования, насильственная христианизация и русификация поставили перед казахами проблему самосохранения. Именно поэтому доведенный до отчаяния народ предпринимал безрезультатные попытки сопротивления колонизаторской политике России. Историческая ретроспектива освободительного движения в Казахстане в новой проекции на данные архивных документов содержит многочисленные сведения по проблеме связи этнической идентичности с процессом формирования национального самосознания в ходе освободительной борьбы. Правда, эти сведения часто приходится вычленять из общего содержания документов, поскольку в них всегда на первом месте находится информация по социальной и политической подоплеке событий. Так, например, в одном из сообщений генерал-майора Покотилова военному губернатору говорится о тактике и требованиях Исатая Тайманова. Но внутри контекста кроется информация по вопросу о тождественности восставших с подобным себе внешним миром. «Главное и общее намерение этих старшин и их единомышленников состоит в том, чтобы они непосредственно управляли русским начальством, подобно башкирам. Впрочем, они не чужды и примирения с ханом, но с тем, чтобы он устранил от управления частями орды некоторых султанов, старшин и возвратил те места, на которых они прежде кочевали, но которые у них взяты и отданы ханом султану Чингалию Урманову и некоторым другим лицам. Вооруженные партии собраны ими для охранения личной своей свободы, в которой они не уверены со стороны хана при настоящих обстоятельствах... Я бы полагал полезным и даже необходимым послать во Внутреннюю киргизскую орду опытного и доверенного чиновника, дабы узнать истинное положение орды в самом деле: не напрасно ли хан обижает вышепоименованных старшин с их едиородцами и в самом деле не расположены ли киргизы к установлению управления подобно башкирскому?» (ЦГА РК: 74-75).

С предметом анализа истории освободительного движения в Казахстане тесно

связан конфликтный аспект межэтнических отношений, точнее общая картина истории этнической конфликтности в рамках имперской России. Данная проблема впервые нашла подробное освещение в исследованиях В.В. Трепавлова (Российская многонациональная... 2003: 213-226).

В гуманитарной науке накопилось множество определений такого феномена как этнический конфликт, который все чаще рассматривается как часть конфликта вообще. Последний, как известно, скорее норма обыденной жизнедеятельности любого социума, нежели нечто чрезвычайное, экстраординарное. Можно сказать, что этнический конфликт, как разновидность конфликта, отнюдь не является прецедентом новейшего времени. Он сопровождает человечество на протяжении длительного исторического периода, полного насильственных действий, разрушений, войн и глобальных катастроф. Этнический конфликт – момент кульминации межэтнических противоречий, принимающих характер открытой конфронтации. Психологический словарь дает, к примеру, следующее определение: «Этнический конфликт - форма межгруппового конфликта, когда группы с противоречивыми интересами поляризуются по этническому признаку» (Психологический словарь... 2001: 452).

Современная теория конфликта предлагает методiku исследования этнического конфликта, в которой принята последовательная и логичная система его анализа: фиксация, классификация типов, причины возникновения, выделение характерных для него социальных функций, контроль и разрешение. Однако вряд ли корректно пользоваться современным аналитическим инструментарием применительно к этническим конфликтам вековой или полуторавековой давности, имевшим специфические особенности, обусловленные реалиями эпох. К этническим можно отнести конфликты как архаичного типа, так и современные.

Предмет исследования, касающийся реалий XVIII – начала XX вв., пожалуй, уместнее было бы отнести к некоему промежуточному типу: это уже не архаичный конфликт, который происходил в форме взаимоистребления, геноцида, не сдерживаемых какими-либо внешними институтами. Применительно к рассматриваемому историческому периоду речь идет уже о конфликте в современном его понимании, конфликте, «отягощенном» сдерживающими механизмами, но, прежде всего, до крайности политизированном, идеологизированном – с отчетливо обозначенной самоидентификацией участников противостояния и четко сформулированной мотивацией политических, социальных, конфессиональных, территориальных и иных требований.

Этническая тождественность и конфликт

Феномен этнического конфликта возникает с развитием и осознанием этничности. Известно, что каждый этнос в процессе своей исторической эволюции неустанно стремится обрести максимально благоприятные позиции относительно окружающей среды и соседних этносов. По этой причине социогенезу неизбежно сопутствовала ксенофобия, произраставшая из атавистической, но, увы, имманентной особенности человеческой психики - дифференциации по принципу «мы» и «они». «Они», т.е. чужие, изначально рассматривались как враждебная монолитная сила, потенциально угрожающая благополучию собственного этноса: страх быть дискриминированными, либо даже уничтоженными, нередко побуждал к упреждающим действиям в виде восстаний, протеста и иных форм противостояния. Не случайно подполковник Геке в период подавления восстания Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова писал: «Я очень опасался для бесприютных моих казаков, подверженных в обширности степей всей свирепости суровой стихии в настоящее время года, и тогда именно я решился на возвращение без разрешения на линию; ибо полагал, что если уже должен подвергнуться ответственности, то предпочитаю заслужить выговор за непоимку разбойника, доведенного мною, однако же, до самой крайности, чем заслужить укоризну за несбережение вверенных попече-

нию моему людей. Жизнь каждого из них, конечно, дороже для России, чем вся беспорядочная и буйная толпа, населяющая Внутреннюю орду. Лошади в отряде весьма плохи, впрочем, и не мудрено: оставленные во все время без овса дрожа от стужи, они, конечно, не обязаны после двух трудных месяцев быть еще годными для продолжения похода. Вообще, как для людей, так и для лошадей в зимнее время, в местах бесприютных и лишенных всех удобств, поход этот очень труден!» (ЦГА РК: 500-501). Позиция российского офицера являясь отражением патриотизма в отношении своих соотечественников, одновременно ставит их вместе с лошадьми выше беспорядочной толпы восставших соседей, которые пребывают в невозможных с его точки зрения природных условиях. Это есть признак ксенофобии.

Объективное неравенство этносов (по численности, уровню социального и хозяйственного развития, возможностям влияния на окружающий мир и прочим важным параметрам) являлось перманентным источником конфликтности, ибо сильные, обладая избыточной энергией самоутверждения, обрушивали ее на слабых и за их счет отвоевывали для себя более благоприятные условия существования.

Дюктябрьская эпоха казахстанско-русской истории дает богатую пищу для размышлений. На протяжении нескольких столетий в империи происходил интенсивный процесс политико-административного строительства: внутри государства шло территориальное структурирование периферийных регионов, когда большинство этносов обрели близкую современной пространственную конфигурацию. Впоследствии границы многократно перекраивались, дробились, практически никогда не совпадая с естественными контурами расселения этносов - административные пертурбации постоянно лихорадили империю. Однако они же парадоксальным образом обеспечивали устойчивость государственного фундамента. Условность внутренних границ, их аморфность, размытость и непостоянство – одна из характерных имперских примет, по-видимому, не случайно унаследованная большевистским государством (XX век... 2001: 1-236).

Этнические конфликты можно дифференцировать по разным признакам: в зависимости от масштабов (микро- и макроконфликты), форм протекания (латентные и вегетирующие), также по типам (этнос-этнос и этнос-власть). Последние исследованы гораздо больше первых. В советской исторической науке они освещались в контексте классовой борьбы и национально-освободительных движений. Особенно подробно прослежена фактическая канва многочисленных волнений, движений и восстаний на окраинах в устной народной историологии, что будет рассмотрено в данной работе в качестве отдельной проблемы. Именно в произведениях устного народного творчества наиболее рельефно проступают на передний план вопросы этнической самоидентификации и национального самосознания.

Тема этнизма применительно к данным сюжетам стала подниматься лишь в последние годы. Следует отдать должное национальным историкам, которые несмотря на превалярование в своих исследованиях на рассматриваемую тему этнонационального подхода, в большинстве своем не пытаются игнорировать полиэтнический колорит всей истории, связанной в прошлом с Россией.

История освободительного движения в Казахстане показывает, что в реальной социальной практике имел место тип конфликта «этнос-власть». Эта проблема подробно исследуется в монографии профессора истории Кельнского университета Андреаса Каппелера (Каппелер, 2000: 1-344). Он не только проследил сложную историю национальных движений, но и выстроил типологический ряд, в который поместил группы этносов по степени их продвинутости – в социально-политическом, экономическом, культурном и прочих отношениях. Каждую этническую группу Андреас Каппелер подверг детальному анализу. Большое внимание он уделил элитам и их взаимоотношениям с российским самодержавием.

Конфликт типа «этнос-этнос», сравнительно с конфликтом «этнос-власть», не получил должного внимания и освещения в исторической науке, поэтому мы акцентируем внимание именно на этом типе конфликта. На самом деле, оба типа конфликта тесно взаимосвязаны: конфронтация этнос-власть неминуемо приводит к фобии в отношении этноса, который власть олицетворяет. И, наоборот, противостояние этносов, как правило, вызывает вмешательство власти, оборачивающееся трансформацией конфликта.

Борьба и национальное самосознание

На внутриэтническом уровне обычно объединения осуществлялись по принципу комплиментарности. Внутриэтническая комплиментарность, по мнению Л.Н. Гумилева, становилась мощной охранительной силой для этноса. Однако она не бывала сколько-нибудь продолжительной: неизбежно возникали распри и раздоры (борьба между кланами за лидерство, дележка земли, имущества), то есть разрушительные процессы, поднимавшие «волны этнических морей» (В.И. Вернадский). Такие волны обрушивались в первую очередь на соседей. В процессе длительного сосуществования члены соседних этнических общностей вынуждены были вступать в контакты – как на индивидуальном, так и на групповом уровне. Это, собственно, и обуславливало самоидентификацию этноса. Члены этнической общности только в сравнении с другими индивидами могли осознать свою самобытность. Впечатления от разного рода контактов фиксировались сознанием и закреплялись в генетической памяти. Совокупность обоюдных впечатлений этносов, откладывавшихся в коллективном сознании на протяжении длительного исторического времени, формировала стереотипы их взаимного восприятия. Особенно легко складывались негативные стереотипы – как по объективным причинам, так и из-за порочной склонности человека ко всякого рода обобщениям. Гораздо чаще происходил перенос отдельного негативного случая, нежели позитивного, на весь этнос. Подобные обобщения, укоренявшиеся в сознании, порождали искаженное представление народов друг о друге. Нет нужды доказывать, что в конечном итоге большинство таких стереотипов оказывалось ложным, даже если когда-то они и основывались на вполне правдоподобных фактах.

Являясь порождением этнического сознания, субстанции весьма пластичной и неустойчивой, стереотипы, как правило, не были величинами постоянными. Напротив, каждая новая эпоха рождала свои стереотипы, зачастую полностью отрицавшие предыдущие. Отдельные стереотипы обнаруживали поразительную живучесть и даже дошли до наших дней в практически неизменном виде.

Часто негативные стереотипы искусственно поддерживались по «вине» внешних обстоятельств, в частности, под влиянием политического климата. Имперская власть, как, впрочем, и любая Власть, отнюдь не гнушалась манипулировать общественным сознанием, извлекая на свет Божий забытые или полужабытые стереотипы, а то и создавая собственные — в случае государственной «необходимости». Она умело провоцировала химеры этнических предубеждений, благо, что национальному чувству всегда была свойственна повышенная чувствительность и восприимчивость.

В документах XIX – начала XX вв. фигурировали самые разнообразные этнонимы. В большинстве случаев – если речь не шла об экстраординарных событиях – в документе бесстрастно описывалась суть. Предполагаемые или установленные зачинщики удаивались нелицеприятных определений. Наиболее распространенным из них было «хищники». Если фиксируемое событие относилось к разряду крупных, представлявших опасность в государственном масштабе, тон документа приобретал значительно более эмоциональный оттенок.

К сожалению, прояснить восприятие конфликта самими его участниками представляется невозможным – ввиду отсутствия, либо недостаточного объема соответствующих архивных материалов. Но в отдельных случаях это удается.

Анализ многочисленных инцидентов, происходивших в разное время и в разных регионах империи, отнюдь не всегда дает примеры этнических конфликтов в «чистом» виде. Большинство столкновений между этносами «замешивалось» на конфликтах между социальными группами, политическими или религиозными силами, государством в лице карательных органов и этническими общностями и т.д.

Комплексный характер конфликтов, безусловно, затрудняет возможность определить, насколько адекватно участники этих инцидентов (часть которых мы достаточно формально можем отнести к этническим), осознавали свою этническую принадлежность. По этой и другим причинам конфликты XVIII-XIX вв. уместнее именовать протозэтническими.

Во второй половине 1860-х и в 1870-х годов зоной этнических конфликтов становится только что присоединенный к империи среднеазиатский регион. В канцелярию III Отделения регулярно поступает информация о конфликтах и вооруженных столкновениях. Однако подавляющее большинство инцидентов, включая междоусобные распри в ханствах и народные волнения, никак не были связаны с этничностью. Противоположные стороны, даже в крупных восстаниях дифференцировались исключительно по локальной и клановой принадлежности. Им была свойственна сугубо трайбалистская форма самосознания. Политико-административная деятельность России (неизбежно вторгавшаяся в традиционный уклад и позднее стимулировавшая сложные этносоциальные и этнополитические процессы внутри местных социумов), только начиналась.

Взаимные налеты дунган и калмыков происходили в Закаспийской области, куда входила часть территории Казахстана. Основной целью нападений были кражи и грабежи. То же самое можно сказать и об Амударьинском отделе, Бухарском эмирате и Хивинском ханстве. Участниками вооруженных стычек здесь были туркмены, с одной стороны, и казахи, киргизы, каракалпаки, с другой. В соседней Сыр-Дарьинской области в начале 1870-х годов участились крупные вооруженные столкновения между русскими и казахами, киргизами. Последние часто нападали на узбеков в Ферганской области (РГВИА: 62-63).

В связи с угоном скота происходило большинство конфликтов в Семиреченской области. Среди сибирских киргизов (так именовались этнические казахи), особенно в Каркаралинском округе, постоянные ограбления чередовались с убийствами (виновники - казахи, киргизы, таджики, туркмены и русские) (ГАРФ: 291).

С 1863 по 1875 г. наблюдается пик инцидентов в Акмолинской и Семипалатинской областях. Казахи совершали налеты друг на друга и на русских, угоняя скот, уничтожая имущество (ГАРФ: 339).

Негативное воздействие на общую ситуацию скорее оказывало начавшееся еще в конце XIX в. переселение крестьян из центральных губерний России на восток страны, которое значительно расширилось в годы столыпинских реформ. Перераспределение угодий, как и в других регионах, приводило к ломке не только традиционных форм землепользования и порядка кочевания, но и устоявшихся взаимоотношений общин между собой. Дестабилизирующим фактором становились прежде всего проблемы землеустройства переселенцев.

Российское правительство всячески поощряло русскую крестьянскую колонизацию в Казахстан и Среднюю Азию. Столыпинская аграрная реформа дала переселениям новый импульс. Степной генерал-губернатор признавал, что именно массовое заселение лучших земель становилось источником антиправительственных настроений и сопротивления в самых разных формах. Особенно остро встал вопрос с колонизацией Семиречья и Туркестана. Массовый приток переселенцев порождал тревожные настроения среди казахов Семиречья. В этих условиях созрела идея о необходимости общеобластного съезда для обсуждения положения дел (ГАРФ: 4).

25 июля 1905 г. на Кояндинской ярмарке близ г. Каркаралы состоялся

Казахский съезд. Он принял петицию, которая получила в истории название «Каркаралинская петиция». Организатором антиправительственного митинга в Каркаралинске был Миржакып Дулатов. Основные требования участников съезда состояли в следующем: прекращение переселения крестьян из центральных губерний; организация отдельного духовного управления для казахов; отмена цензуры; введение официального делопроизводства на казахском языке; введение суда присяжных; участие казахских депутатов в работе совещания по разработке проекта о созыве Государственной Думы (ЦГА РК: 10-14).

Летом 1905 г. освободительное движение начинает приобретать новые формы. Казахские депутаты участвовали в Общероссийских мусульманских съездах в 1905-1906 гг. Один из казахских депутатов Шахмардан Кожажулов стал членом Президиума партии «Иттифак-аль-Муслимин» («Союз мусульман»). С 1905 г. появляются политические статьи казахских авторов как на страницах мусульманских изданий, так и в русской оппозиционной прессе.

В конце 1905 г. в г. Уральске состоялся Первый общеказахский съезд, поставивший задачу создания казахской национальной политической партии. Казахская партия должна была стать филиалом кадетской партии, однако более радикальной и отражающей интересы коренного населения края. Во главе национально-освободительного движения встали лучшие представители казахской интеллигенции – Алихан Букейханов, Миржакып Дулатов, Бакытжан Каратаев, Мухаметжан Тынышпаев, Мустафа Чокаев, Ахмет Байтурсынов и др. (Мамраева 1997: 24).

Царское правительство, обеспокоенное консолидацией казахской оппозиции, начало репрессии против ее руководителей. В январе 1906 г. как кандидат в Государственную Думу, А.Н. Букейханов попал в г. Павлодаре в тюрьму. В неопубликованной до сих пор статье «Дзянь-Дзюны киргизской степи», которая была написана в тюремных стенах и обнаружена нами в Государственном архиве Российской Федерации, А.Н. Букейханов писал: «Наш край (Семипалатинская и Акмолинская области) мирный; терпению его мог бы позавидовать сам доблестный герой русско-японской войны Куропаткин. Не считая генералов Сухотина, Роминова и Галкина, царствуют в киргизской степи 26 крестьянских и уездных начальников и около 20-30 урядников. Должность крестьянских начальников представляет собою как бы свалочное место, куда вся Россия бросает тех, кто в ней забракван борьбою за существование. Среди крестьянских начальников мы находим ротмистров, капитанов, священников, писарей и даже ветеринаров. Эти господа поступают с киргизами, как каждому бог на душу положит: кто порет киргиз розгами, что запрещено законом (о, закон, где ты!); кто дерется с киргизами, которые не остаются в долгах, хотя это редко; кто не представляет к утверждению общественных должностных лиц, избранных народом, оставляя на этих должностях друзей своих, кто не принимает от киргиз прошение на их языке, кто не распечатывает киргизские прошения, подаваемые по почте, так как личная подача сопряжена руганью и выталкиванием просителя, кто пользуясь бесплатным продовольствием от киргизских управителей (волостной старшина), показывает вид, что он на это не обращает внимание и т.д. и т.д. Жизнь киргизской степи была бы настоящим адом, куда она быстро идет, если б киргизы не имели религиозную веру в афоризм Филиппа Македонского: «Нет крепости, которую не взял бы осел, навьюченный золотом». Последней инстанцией, куда киргиз апеллирует, где он ищет и почти всегда находит восстановление своих прав, является осел Филиппа Македонского» (ГАРФ: 2-3).

В августе 1912 г. заведующий розыскным пунктом г. Верного доносил в особый отдел Департамента полиции: «Вопрос о разделе земель неожиданно враждебно настроил киргизскую массу, но неприязнь мусульман к русским нельзя объяснить только одним этим обстоятельством, так как враждебность разделяется

и другими мусульманскими народностями. Специально же у киргиз происходили и происходят с крестьянами, заселившими земельные участки, ряд столкновений и иногда кровавых» (ГАРФ: 1-3). «Неприязнь к русским имела не этническую или религиозную подоплеку, а чисто социальную. Однако она грозила перерасти, со временем в стойкую массовую этнофобию... Знаменитое восстание 1916 г. имело исключительно социальную подоплеку, однако все же способствовало разгоранию взаимных этнофобий. Активизация мусульманского движения в империи привела к тому, что особое совещание по веротерпимости под руководством графа А.П. Игнатьева в 1905 г. было вынуждено обсуждать «мусульманскую» угрозу. В 1910 г. правительство, под впечатлением масштаба мусульманских движений, собрало совещание, которому предписывалось выработать меры по сопротивлению «пантатаризму», «пантюркизму» и «панисламизму» (Российская многонациональная... 2003: 250-252).

В начале XX века тема этнической идентификации и роста национального самосознания становится на повестку дня как в Казахстане, так и во всей Центральной Азии. Кроме того, она дополняется взаимосвязью с религиозным фактором. Как отмечает известный узбекский исследователь С.Т. Саидкулов в своем исследовании «Очерки историографии истории народов Средней Азии»: «Еще в 1885 г. Н.И. Веселовский, которого многие современники считали ярким монархистом, наблюдая реальную действительность Средней Азии после ее завоевания царской Россией писал: «Вот уже подлинно военное управление... Мы думаем, что внесли цивилизацию, мы думаем, что дали покоренным нами азиатам мир, спокойствие, безопасность... Но есть еще и высшее благо, выше всего этого. Это национальность, национальное чувство... Надо войти в положение покоренных мусульман. Тяжела смерть политическая, еще тяжелее смерть национальная. А при нашем владычестве они именно обречены на обезличение. Можно ли променять национальность за какое-либо благополучие? Надо ли удивляться, что будут вспышки против нашего владычества?.. Есть национальные интересы, которые прорвутся наружу, несмотря на то, сыт и обут народ или голоден» (Лунин 1965: 34-35).

Заключение

Национальная идентичность и самосознание казахов в процессе освободительной борьбы в Казахстане обнаруживали себя как важный исторический фактор. Его присутствие сказывалось на специфике восприятия конфликтов и проявления конфронтации как внутри восставших, так и в отношении внешней силы.

История народно-освободительного движения в Казахстане XVIII – начала XX веков обнаруживает еще один глубинный фактор в виде национальной идентичности и самосознания и других народов, принимавших в ней участие. Данная проблема является предметом специального дальнейшего изучения для исследователей. Как пишет Президент Казахстана Н.А. Назарбаев в своей работе «В потоке истории»: «История оставила нам простое наследство. А времени для точного и быстрого ответа на новые вопросы остается все меньше. И среди таких вопросов едва ли не самый важный – это внутринациональная консолидация. Конечно, это и строительство новой экономики, и внешняя политика, и оборонное строительство. Однако в данном случае нас интересует несколько иная материя, а именно – сфера национального сознания, то, что происходит в национальной душе» (Назарбаев 1999: 54).

Литература:

- Назарбаев Н.А. В потоке истории. – Алматы: Атамұра, 1999. – С. 54.
ГАРФ. – Ф. 109. – Оп. 224. – Д. 39 – Л. 291 об.
ГАРФ. – Ф. 109. – Оп. 224. – Д. 40 – Л. 339.
ГАРФ. – Ф. 102. – ДП. – ОО. – 1905. – Д. 1000. – Ч. 17. – Л. 4.

- ГАРФ. – Ф. 563. – Оп. 1. - Д. 6. – ЛЛ. 2-3.
- ГАРФ. – Ф. 102. – ДП. – ОО. – 1905. – 2 отд. – Д. 9. – Ч. 82. – ЛЛ. 1-3.
- Губогло М.Н. Интегрирующая функция языка/ Социолингвистические проблемы развивающихся стран. – Москва: Наука, 1994. – С. 239.
- Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение, история, распад. – Москва: Прогресс-Грация, 2000. – 344 с.
- Мамраева А.К. Общественно-политическое развитие Казахстана начала XX века и Алихан Букейханов: автореф. ... канд. ист. н.: 07. 00. 02. – Алматы: Комплекс, 1997. – 24 с.
- Лунин Б.В. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. – Ташкент: ФАН, 1965. – С. 34-35.
- Мажитов С.Ф. Проблемы истории, теории и историографии народно-освободительного движения XVIII - начала XX вв. в Казахстане. Монография. – Алматы: Мектеп, 2007. - 350 с.
- Мажитов С.Ф. Историк Ермухан Бекмаханов. - Астана: Фолиант, 2005. - 264 с.
- Мажитов С.Ф. Проблемы методологии, теории и историографии народно-освободительного движения в Казахстане: новые парадигмы и реалии / Абылхожин Ж.Б. и др. Очерки по историографии и методологии истории Казахстана: монография. – Алматы: КазАТиСО, 2007. - С. 60-120.
- Психологический словарь. – Москва: Эврика, 2001. – С. 452.
- Рыбаков С.Е. Нация и национализм. – Москва: Старый сад, 2001. – 108 с.
- Саидкулов Т.С. Очерки историографии истории народов Средней Азии. – Ташкент: Укитувчи, 1992. – 189 с.
- XX век: Методологические проблемы исторического познания. Сб. обзоров и рефератов. – Москва: РАН ИНИОН, 2001. – Часть 1. – 236 с.
- ЦГА РК. – Ф. И-4. – Оп. 1. – Д. 1963. – ЛЛ. 74-75 об.
- ЦГА РК. – Ф. И-4. – Оп. 1. – Д. 1969. – ЛЛ. 500-501.
- ЦГА РК. – Ф. И-64. – Оп. 1. – Д. 2053. – ЛЛ. 10-14.
- РГВИА. – Ф. 1396. – Оп. 2. – Д. 96. – ЛЛ. 30-35, 62-63 об.

IRSTI 02.31.55

Margulan Aida¹

Master of Science, Researcher

¹Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology

ANALYSIS OF HISTORICAL PROCESSES ON THE BASIS OF THE FORMATIONAL AND CIVILIZATIONAL APPROACHES

The article deals with the formational and civilization approaches to the study of the historical process, their features, advantages and disadvantages. In particular, A. Toynbee's ideas affected civilization as a local, great historical community, not connected with itself.

The author shows special significance for the assessment and characteristics of civilization have a mentality, religion, culture. The author comes to the conclusion that the main disadvantage of the methodology of this approach is the formlessness of the criteria for distinguishing types of civilization. In the theory of N.Ya. Danilevsky, cultural-historical types of civilization are delineated into a combination of 4 basic elements: political, religious, socio-economic, cultural. The author also compares comparative

analysis to the formation and civilization approaches.

Keywords: methodology, historical process, civilization, formation, progress, culture.

Марғулан Аида¹

Магистр, научный сотрудник

¹Института истории и этнологии Ч.Ч. Валиханова

АНАЛИЗ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НА ОСНОВЕ ФОРМАЦИОННЫХ И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ПОДХОДОВ

В статье рассматриваются формационный и цивилизационный подходы к изучению исторического процесса, их особенности, преимущества и недостатки. В частности идеи А. Тойнби затрагивал цивилизацию как локальную, большие исторические общности, не связанные собой.

Автор показывает, что особое значение для оценки и характеристики цивилизации имеют менталитет, религия, культура. Автор приходит к выводу, что основным минусом методологии данного подхода является бесформенность критериев выделения типов цивилизации. В теории Н.Я. Данилевского, культурно-исторические типы цивилизации разграничивают на сочетание 4 основных элементов: политического, религиозного, общественно-экономического, культурного. Также автор приводит сравнительно-сопоставительный анализ на формационный и цивилизационный подходы.

Ключевые слова: методология, исторический процесс, цивилизация, формация, прогресс, культура

Марғулан Аида¹

¹Магистр, Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының ғылыми қызметкері

ФОРМАЦИЯЛЫҚ ЖӘНЕ ӨРКЕНИЕТТІ ТӘСІЛДЕР НЕГІЗІНДЕ ТАРИХИ ҮДЕРІСТЕРДІ ТАЛДАУ

Мақалада формациялық және өркениетті тәсілдерді тарихи үдерістерді талдағанда қолдану, олардың ерекшеліктері, артықшылықтары мен кемшіліктері қарастырылады. Әсіресе А. Тойнбидің тұжырымдары бойынша жергілікті жердегі өркениет сипатталады.

Автор өркениетке баға беруде менталитет, дін, мәдениет маңызды екенін көрсетеді. Талдау нәтижесінде автор бұл тәсіл методологиясының негізгі кемшілігі өркениет түрлерін бөлуде критерийлердің негізі жоқ екенін сипаттайды. Н.Я. Данилевскийдің теориясында өркениеттің мәдени-тарихи түрлерін 4 негізгі элементке бөледі: саяси, діни, қоғамдық-экономикалық, мәдени. Сонымен қатар, автор формациялық және өркениетті тәсілге салыстырмалы талдау жасайды.

Кілт сөздер: методология, тарихи үдеріс, өркениет, формация, прогресс, мәдениет.

Introduction

Today there defined two methodological approaches to the analysis of the historical process. One is formational, or monistic, the other is civilizational, or pluralistic. Within the framework of the first, two concepts are distinguished – Marxist and the theory of post-industrial society. The Marxist concept is based on recognition of the mode of production as a decisive determinant of development. On that basis there identified some stages in

the development of society – formations. The concept of a post-industrial society as the main determinant of the socio-historical process distinguishes three types of societies: traditional, industrial and post-industrial.

The main idea of the monistic approach is the recognition of the unity of human history and its progress in the form of stage development. The main idea of the second is denial of the unity of mankind history and its progressive development.

Formational approach appeared in the 18th century. The distinguished adherents of this theory are M. Weber, O. Spengler, A. Toynbee, and others (Weber M., 2011, Spengler O., 1924, Toynbee A., 1957). In domestic science, its supporters were K.N. Leontyev (Leontyev K.N., 1996), N.Ya. Danilevsky (Danilevsky N.Ya., 2002), P.A. Sorokin (Sorokin P.A., 1992). The word «civilization» comes from the Latin “civis”, it means «urban, state, civil».

According to this approach, the main structural unit is civilization. Initially, this term noted a certain level of social development. The appearance of cities, script, statehood, social stratification of society – all these were specific signs of civilization.

In a broad sense «civilization» also included high level of development of public culture. Adherents of this approach still dispute about the number of civilizations. Danilevsky identifies 13 distinct civilizations, A. Toynbee – 6 types, O. Spengler – 8 types.

In the civilizational approach, a number of positive aspects are singled out.

- The principles of this approach can be applied to the history of a certain country, or their group. This methodology has its own feature: this approach is based on the study of the society history, taking into account the individuality of regions and countries.

- This theory implies that history can be viewed as a multivariate, multi-line process.

- This approach implies the unity and integrity of human history. Civilizations as systems can be compared among themselves. As a result of this approach, one can better understand historical processes and fix their individuality.

- By singling out certain criteria for the development of civilization, one can assess the level of development of countries, regions, peoples.

- In the civilizational approach, the main role is played by the human spiritually-moral and intellectual factors. Mentality, religion, culture are of particular importance for the assessment and characterization of civilization.

The main disadvantage of this approach's methodology is the formlessness of the criteria for distinguishing the types of civilization. In the theory of N.Ya. Danilevsky, cultural-historical types of civilization are delineated into a combination of 4 basic elements: political, religious, socio-economic, cultural.

This theory of Danilevsky encourages to apply the principle of determinism in the form of domination. But the nature of this domination has a subtle meaning.

Yu.K. Pletnikov managed to single out 4 civilizational types: philosophical-anthropological, general historical, technological, sociocultural.

1) Philosophical-anthropological model. This type is the basis of the civilizational approach. It allows for clearer presentation of uncompromising difference between civilizational and formational research of historical activity. The civilizational approach explains this approach as a revival of ideas of outmoded cycle and anthropologism.

2) Common historical model. Civilization is a special kind of a particular society or their community. In accordance with the meaning of this term, the main evidence of civilization are civil status, statehood, urban-type settlements. In public opinion, civilization is opposed to barbarity, savagery.

3) Technological model. The method of development and formation of civilization are social technologies of reproduction and production of immediate life.

4) Sociocultural model. In the 20 century there was an “interpenetration” of such terms as culture and civilization. At the early stage of civilization, the concept of culture dominates. In particular, civilization is not compared with culture as a whole, but with

1) its rise or decline. For example, for O. Spengler, civilization is the most extreme and artificial state of culture. It carries an effect, as the completion and outcome of a culture.

F. Braedel, on the contrary, considers that culture is the civilization, which did not reach its social optimum, its maturity, did not ensure its growth (Braedel F., 1995).

Theories of local civilizations are based on the fact that there are separate civilizations, large historical communities that have a certain territory and their own characteristics of cultural, political, socio-economic development.

Arnold Toynbee, one of the founders of the theory of local civilizations, considered the history is not a linear process. This is the process of life and death of civilizations not interconnected with each other in different parts of the Earth. Toynbee identified local and major civilizations. The main civilizations (Babylonian, Sumerian, Hellenic, Hindu, Chinese, etc.) had a marked impact on the history of mankind and secondary influenced other civilizations. Local civilizations are within national frameworks, there are about 30 of them: German, Russian, American, etc. The challenge thrown outside of civilization, was considered the main driving force by Toynbee. Thus, all civilizations go through the stages: origin, growth, breakdown and decay, resulting in the complete disappearance of civilization.

Thus, within the framework of the civilizational approach, comprehensive schemes are made that reflect the general patterns of development for all civilizations.

Main part

Formational approach makes it possible to discover the society's integral structure, to determine its main elements, the main dependencies between them, and the main mechanisms of their interaction.

In Marx's teaching, the notion of socio-economic formations occupies the main position in explaining the driving forces of the historical process and the periodization of history. According to K. Marx, the basis of any socio-political organization is a certain way of production. The main production relations are property relations. All the diversity of society's life at different stages of its development, includes a socio-political formation.

K. Marx suggested several stages in the development of society:

- 1). Primitive communal;
- 2). Slave-owning;
- 3). Feudal;
- 4). Capitalist;
- 5). Communist.

Owing to the social revolution, there is a transition from one socio-economic formation to another. The emergence of a new formation is determined by the victory of the ruling class, which carries out revolution in all spheres of life. In Marxist theory, a significant role is attached to revolutions and class wars. The main driving force of history was the class struggle. According to Marx, revolutions are the "Locomotives of history".

Within the last 80 years, the mainstream view, based on the formational approach, was the materialist concept of history. The main advantage of this idea is that it creates a clear explanatory model of historical development. Human history is presented to us as a logical, progressive, objective process. The driving forces and milestones, process, etc. are clearly identified.

In the formative approach, the decisive role is assigned to the impersonal factors, and the secondary importance is assigned to human. It turns out that man is just a screw in the theory of the objective mechanism that drives historical development. It turns out that the human, personal content of the historical process is underestimated.

The formational concept assumes that the development of the historical process will proceed from the classless primitive communal phase through the class ones, to the classless communist phase. In the theory of communism, the proof of which took a lot of efforts, in any case, there will come an era when everyone will benefit by their own

forces, and receive according to their needs.

The formational approach prevailed under the conditions of domination of Marxist-Leninism in Soviet historical science. It proceeded from the philosophical category of “socio-economic formation” – a historically specific type of society, which represents a special stage in its development. This category occupies a central place in historical materialism, which is an integral part of Marxist-Leninist philosophy.

It is characterized, first, by historicism; secondly, by the fact that it embraces every society in its totality. The development of this category by K. Marx and F. Engels made it possible to place abstract analyzes on society in general, typical for the preceding philosophers and economists, a concrete analysis of the various types of society whose development is subject to the specific laws inherent in them. Each formation is a special social organism that differs from others no less deeply than the different biological species differ from each other. On the basis of a generalization of the history of mankind development, Marxism-Leninism singled out the following basic socio-economic formations, which constitute the steps of historical progress: the primitive communal system, slave-owning, feudal, capitalist, and communist.

At present, a lesser part of historians use the formational approach. Most historians prefer a civilizational approach. Its name comes from the notion of “civilization”. This concept appeared in the XVIII century in close connection with the notion of «culture». French philosophers-educators called «civilized» the society based on the principles of reason and justice. In the XIX century the concept of «civilization» was used as a characteristic of capitalism as a whole, but the notion of «civilizations» was not dominant.

Thus, the Russian scholar and publicist N. Ya. Danilevsky (1822-1885), whose sociological views adhered to the theories and ideas of the historical cycle, expressed the idea of isolated, local «cultural-historical types», whose relationships are in continuous struggle with each other. He singled out four categories of their historical manifestation: religious, cultural, political and socio-economic. According to N.Ya. Danilevsky, the course of history is expressed in the replacement of cultural-historical types that supplant each other. Of these types, he numbered ten types, completely or partially exhausted the possibilities of their development (Danilevsky N.Ya., 2002). At the same time, N.Ya. Danilevsky considered the «Slavic type» most fully expressed in the Russian people as a qualitatively new type, promising from the point of view of history.

The ideas of N.Ya. Danilevsky largely anticipated the historical and philosophical views of the German scholar-philosopher O. Spengler (1880-1936). In the concept of O. Spengler, the «civilization» is a definite final stage in the development of any culture; its main features are the following: the development of industry and technology, the degradation of art and literature, the emergence of a large numbers of people in big cities, the transformation of peoples into faceless «masses». Spengler not just believed that there is no common universal culture, but also thought that there cannot be. He numbered eight cultures: Egyptian, Indian, Babylonian, Chinese, «Apollonian» (Greco-Roman), «magical» (Byzantine-Arabic), «Faustian» (West European) and Mayan culture; he also expected the emergence of Russian-Siberian culture.

Under the influence of O. Spengler, the English historian and sociologist A.D. Toynbee (1889-1975) sought to rethink the entire socio-historical development of mankind in the spirit of the theory of local civilizations cycling. He believed that world history is only a collection of stories of individual peculiar and relatively closed civilizations. At the beginning of his study A.D. Toynbee numbered 21 civilizations, then reduced their number to 13, not counting secondary, collateral and not fully developed ones.

However, regardless of approaches to studying the history of Russia, its objective knowledge is provided by scientific methodology (from the Greek *methodos* – the path of exploration, the approach to cognition and the *logos* – teaching). In the modern literature, various definitions of methodology in general and the methodology of historical science in particular are given. On their basis, one can formulate such a brief and generalized

definition: the methodology of the history of Russia is a system of scientific principles and methods of historical research, based on the dialectical materialist theory of historical knowledge.

The civilizational concept does not recognize production relations as the main basis that determines the qualitative specificity of society, it uses a broader range of identifiable foundations of social life.

Differences:

1. According to the formational approach, the objective laws of socio-historical development, although they pave the way through the conscious activity of people, are universal, immutable and purified from historical accidents and fix the abstract theoretical model of the formation. Reflection of reality occurs at the level of essence, in a generalized theoretical form, which does not take into account the specifics of the history of a particular people. Within the framework of the civilizational approach, it is considered that the only subject of history is a person. It is his living socio-historical creativity in the form of a multitude of forms and products of labor, social and political activity that constitutes the content of the historical process.

2. The ratio of the role of material and spiritual factors of socio-historical development is differently interpreted. According to the formational approach, material (economic) factors play a decisive role in the development of society. According to supporters of the civilizational approach, all the factors of socio-historical development are recognized as equivalent, but with the primacy of spiritual values, which, in some cases, even determine the material conditions of life.

3. The understanding of the direction of historical development is fundamentally different. In the formational approach – this is the so-called linear construction, according to which the movement of history occurs progressively from the lowest formation to the higher one. In the civilizational approach, the absolutization of linearity is unacceptable, here history develops according to linear-concentric cycles.

4. Formational and civilizational approaches bear various interpretations of the notion of “progress”. From the formational point of view, progress is determined by material production, and therefore the main criterion for progress is the degree of development of the productive forces and the economic system. At the same time, progress is absolutized, since its development is considered irreversible, and the sphere of its manifestation is unlimited, including not only the economy, but also science, culture, and personality. From a civilizational point of view, the basis of progress is the development of the spiritual sphere that forms its universal human values, the criterion of progress is the degree of a person’s spiritual freedom. Progress is seen as a relative phenomenon, periodically followed by regression.

Conclusion:

Each of these approaches is necessary and important, but not sufficient in itself. So, the civilizational approach in itself can not explain the reasons and mechanisms of the transition from one phase of civilizational development to another, and within the framework of the formational approach it is difficult to describe the difference between the countries of the West and the East.

Both concepts (formational and civilizational) reflect different aspects of the complex and contradictory historical development of society. Each of the concepts of social development under consideration is necessary and important, but not sufficient in itself. Therefore, we should talk about a combination of these concepts for the most complete, multilateral and deep understanding of societies

Formational approach was developed by K. Marx and F. Engels. Its meaning consists in the regular change of socio-economic formations. They proceeded from the fact that the material activity of people always appears in the form of a concrete mode of production. The mode of production is the unity of the productive forces and production relations. The productive forces include the object of labor, the means of labor and man.

The productive forces are the content of the mode of production, and the production relations are the form. With change in content, the form also changes. It happens through the revolution. And, accordingly, different socio-economic formations replace each other. According to these formations, the following stages of society development are distinguished: primitive communal, slave-owning, feudal, capitalist, and communist.

Disadvantages of the formational approach are the following: many processes of cultural, spiritual life are considered sometimes simplistic; little attention is paid to the role of the individual in history, the human factor, as well as the fact that the transition from one formation to another was absolute (some peoples did not pass all formations and changes not always happen through revolutions).

The civilizational approach is the main criterion of the spiritual and cultural sphere. The concept of civilization has many different meanings. So many authors, so many interpretations of this concept. And consequently these authors single out a different number of civilizations, differently classify the state. In general, the denial of the unity of human history, universal historical patterns is characteristic.

The disadvantage of the civilizational approach is that it does not allow us to look at history as an integral, legitimate process; applying the civilizational approach it is difficult to study the laws of historical development.

Since the beginning of the 1990s, there has been a desire to “get rid” of the formative approach and everything that concerns Marxism. Therefore, the civilizational approach was actively introduced. By themselves these approaches are neither bad nor good. Each of them has both pluses and minuses. And both approaches have the right to exist. They just look at history from different angles. If these approaches are used to study history, monographs and articles written using these approaches are published – then it is good.

Another thing is bad. Introduction of the civilizational approach in the school without proper preparation was incorrect. First, in historical science, there was no consensus on which approach to apply. Hence, for now the most correct is to consider the formational approach (provided that all its shortcomings are taken into account). Secondly, supporters of the civilizational approach have not even decided on the key concept of their concept of “civilization”. And all this led to the emergence of a variety of textbooks – with a formational approach and different civilizational approaches.

The civilizational approach has a number of strengths:

1) its principles are applicable to the history of any country or group of countries. This approach is focused on the knowledge of the history of society, taking into account the specifics of countries and regions. The universality of this methodology originates from this;

2) orientation to taking the specificity into account assumes the idea of history as a multilinear, multivariate process;

3) the civilizational approach does not reject, but, on the contrary, assumes the integrity, the unity of human history. Civilizations as whole systems are comparable to each other. This makes it possible to make extensive use of the comparative-historical method of investigation. As a result of this approach, the history of the country, the people, the region is viewed not in itself, but in comparison with the history of other countries, peoples, regions, civilizations. This provides an opportunity to understand historical processes better, to fix their features;

4) singling out certain criteria for the development of civilization allows historians to assess the level of achievements of certain countries, peoples and regions, their contribution to the development of world civilization;

5) the civilizational approach assigns an appropriate role in the historical process to the human spiritual, moral and intellectual factors. In this approach, for the characterization and evaluation of civilization is religion, culture, mentality re important.

The weakness of the civilizational approach methodology is the amorphism of the criteria for distinguishing the types of civilization. This distinguishing is carried out by

supporters of this approach based on a set of characteristics, which, on the one hand, should be of a fairly general nature, and on the other, it would be possible to identify the specific characteristics typical for many societies. In N.Ya. Danilevsky's theory of cultural-historical types, civilizations differ in a peculiar combination of four fundamental elements: religious, cultural, political and socio-economic. In some civilizations the economic beginning burdens, in others – political, in the third – religious, and in the fourth – cultural. Only in Russia, according to Danilevsky, there is a harmonious combination of all these elements.

The theory of cultural-historical types of N.Ya. Danilevsky to some extent involves the application of the principle of determinism in the form of domination, that determines the role of some elements of the system of civilization. However, the nature of this domination is hardly perceptible.

Researchers face even greater difficulties in the analysis and evaluation of types of civilization, when the main element of a particular type of civilization is the type of mentality, mindset. Mentality (from the French *mentalite'* - thinking, psychology) is a kind of common spiritual mood of people of a particular country or region, fundamental stable structures of consciousness, a set of socio-psychological attitudes and beliefs of the individual and society. These settings determine the worldview of a person, the nature of values and ideals, form the subjective world of the individual. Guided by these attitudes, a person acts in all spheres of his life activity – he makes history. Intellectual and spiritual and moral structures of man, undoubtedly, play a major role in history, but their indicators are poorly understood, vague.

There are a number of claims to the civilizational approach connected with the interpretation of the driving forces of the historical process, the direction and meaning of historical development. All this taken together allows us to conclude that both approaches – formational and civilizational – provide an opportunity to view the historical process from different angles. Each of these approaches has strengths and weaknesses, but if we try to avoid the extremes of each of them, and take the best that is available in one or another methodology, then the historical science will only benefit.

Conclusion. Formational approach to understanding the historical process involves the replacement of formations, the existence of which depends on the development of material production. Marx did not affirm the globality of such a character, it was his followers who did it. Although at the present stage of development of society there is dissatisfaction with a formal understanding of the historical process, since in formation the economic relations define all other relations (this understanding is in the spirit of economic materialism).

The civilizational approach, unlike the formational one, reflects attention not only to economic aspects, but also to the socio-cultural dimensions of society, the spiritual attitude. He speaks of the continuity and evolutionary development. If there is a predetermination in the formational approach, an orientation, then in the civilizational approach there is a multivariance of history. However, despite the different understanding of history in both approaches, in spite of all the pros and cons in each of them, both the approaches I have considered – formational and civilizational – provide an opportunity to view the historical process from different angles of view, therefore they not so much deny as supplement each other. Probably, in the future, social scientists will succeed in synthesizing these two approaches, avoiding the extremes of each of them.

History is a multifaceted phenomenon and it is necessary to study it from all sides. When studying history, it is useful to apply a variety of approaches – formational, civilizational, culturological, sociological and others.

References:

- Braudel F., 1995. A History of Civilizations. - New York: Penguin Books. p. 573.
Данилевский Н.Я., 2002. Россия и Европа. - М.: ИЦ «Древнее и современное». - 550 с.
Леонтьев К.Н., 1996. Восток, Россия и славянство. – Т. 5. – М.
Плетников Ю.К., 2000. Будущее – социализм. Новые черты современной эпохи. – М.: Былина. – 127 с.
Сорокин П.А., 1992. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат. – 370 с.
Spengler O., 1923. Sunset Europe. - Petrograd.
Weber M., 2011. Methodology of Social Sciences - Henry A. Finch – Transaction publishers. - New Brunswick (USA) and London (U.K). - p. 256.
Toynbee A.J. 1957. A Study of History – Abridged, p.414

References:

- Braudel F., 1995. A History of Civilizations. - New York: Penguin Books. p. 573.
Danilevskii N.Ia., 2002. Rossiia i Evropa. - M.: ITs «Drevnee i sovremennoe». - 550 s.
Leontev K.N., 1996. Vostok, Rossiia i slavianstvo. – T. 5. – M.
Pletnikov Iu.K., 2000. Bvdzee – sotsializm. Novye cherty sovremennoi epohi. – M.: Bylina. – 127 s.
Sorokin P.A., 1992. Chelovek. Tsivilizatsiia. Obestvo. – M.: Politizdat. – 370 s.
Spengler O., 1923. Sunset Europe. - Petrograd.
Weber M., 2011. Methodology of Social Sciences - Henry A. Finch – Transaction publishers. - New Brunswick (USA) and London (U.K). - p. 256.
Toynbee A.J. 1957. A Study of History – Abridged, p.414

**КНИГА О ЖЕНЩИНАХ КАЗАХСТАНА: НОВЫЙ АСПЕКТ
ИСТОРИИ СТАЛИНИЗМА¹**

Ж.Б. Абылхожин²

В статье анализируется монография Ж.Б. Кундакбаевой «Модернизация ранней советской эпохи в судьбах женщин Казахстана, 1920-1930-е годы». Автор отмечает, что это исследование представляет собой новое слово в отечественной исторической науке, так как в ней впервые системно исследуются гендерные аспекты преобразования большевиков. В монографии на основе большого количества разнообразных источников рассматриваются такие, еще мало изученные казахстанской историографией проблемы, как использование большевиками символического потенциала праздничной культуры, малоизвестные аспекты функционирования передвижных пунктов агитации «Красные юрты», методы и пути репрезентации новой советской женщины на страницах женского журнала «Айель Тендиги», двойственность отношения казахских советских писателей к насильственной и быстрой ломке гендерных отношений в казахском обществе (отвечать на запрос властей и в то же время изображать поиск новой маскулинности и новой феминности как поистине трагического). Также автор обращает внимание, что Ж.Кундакбаева на основе эго-документов изучает внутренний мир, внутреннее «Я» женщин и их отношение к советской власти. В статье делается вывод о том, что монография Ж.Кундакбаевой является заметным событием в интеллектуальной жизни нашей страны.

Ключевые слова: модернизация советской эпохи, символический потенциал праздничной культуры, репрезентация новой советской женщины, казахские советские писатели, субъективность женщин.

Для цитирования: Абылхожин Ж.Б. Книга о женщинах Казахстана: новый аспект изучения сталинизма // Отан Тарихы. 2018. - № 2.

Zh. Abylkhozhin³

THE NEW LOOK TO THE HISTORY OF KAZAKHSTANI WOMAN LIVED IN STALINIST EPOCH⁴

For citation: *Abylkhozhin ZH.B. Kniga o zhenshchinah Kazahstana: novyy aspekt izucheniya stalinizma // Otan Tarihy. 2018. №.2.*

The review paper presents the monograph of Zh. Kundakbayeva “Modernization of the Early Soviet Epoch and Kazakhstani Woman, 1920-1930s”. It is noted the novelty of research because the approaches of new social and cultural history as well as poststructuralist methodology are applied by the first time to the gender aspects of the Bolshevik’s transformation in Kazakhstan examination. It is considered that in monograph on the basis of wide range unknown sources the author studied such problems that still tend to receive little attention in our science as Bolshevik usage of symbolic potential of new holidays in their fight with such old marriage customs as bride price and polygamy, restored everyday history of “Red Yurt”, showed the representation of the image of a new soviet women on the pages of woman magazine, ambivalence of the Kazakh writers discourse toward new soviet gender relation in Kazakh society, also investigated the inner world and Self of women on the basis of ego-documents. It is concluded that the monograph of Zh. Kundakbayeva is substantial contribution to the intellectual life of

contemporary Kazakhstan

Keywords: modernization of early soviet epoch, symbolic potential of holiday culture, representation of new soviet women, the Kazakh soviet writers, women's subjectivity.

В конце прошлого года в издательстве Казахского национального университета им. аль-Фараби вышла научная монография профессора исторического факультета Жанат Кундакбаевой «Модернизация ранней советской эпохи в судьбах женщин Казахстана, 1920-1930ые годы» (Кундакбаева Ж., 2017). Думается, что в нашей современной историографии это очень заметное и интересное исследование. Эта книга – особенная. Она вызывает интерес не только своим большим объемом (в ней 411 страниц текста при большом формате, что говорит о скрупулезной исследовательской работе, проведенной автором), но главное, самой темой. Книга посвящена женщинам, поколению наших матерей и бабушек, которые пережили большевистское преобразование. Это – простые женщины, голос, которых остался только в наших сердцах. Это – и женщины-активистки, которые навсегда остались в истории нашей страны. И, наконец, это – женщины, чья счастливая жизнь в браке с представителями научной, политической и культурной элиты с арестом мужей, превратилась в череду бесконечного страдания. Женщины, о которых идет речь в книге – разные. Но всех их объединяет одно - им пришлось жить во время эпохи - когда большевики в короткий срок хотели изменить веками существовавшие порядки. В своих преобразованиях большевики уделили особое внимание женщине, при этом громко заявив, что теперь женщина имеет равные права с мужчиной. Для этого она должна была стать грамотной, понять новую идеологию, чтобы воспитывать своих детей как будущих строителей социализма. Большевики хотели, чтобы казахские женщины по-другому вели хозяйство и дом, то есть социализировать их согласно большевистским целям. Женщина и рожать, растить детей теперь должна была по-другому: под контролем медицинских работников и воспитателей государственных учреждений. Самое главное – казахская женщина должна была освоить профессию, чтобы более не зависеть от власти мужа, она должна была стать способной прокормить себя и свою семью сама. И вот профессор Кундакбаева в своей книге показывает, что хотели большевики? Как они это достигли? И что из этого получилось? Кто-то может сказать, что в советское время об этом было писано - переписано. Да, это так. Но не надо забывать, что в советское время это делалось с акцентом на руководящую роль партии, и только, безусловно, положительных аспектах изменений.

¹Работа выполнена при поддержке гранта МОН РК «В эпоху коренной трансформации общества: жизненные истории женщин в Казахстане периода сталинской модернизации, 1920-1930-ые гг.», шифр 3915/ГФ4, руководитель Ж.Б. Кундакбаева

²Абылхожин Жулдыз Бекмухамедович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела истории Казахстана советского периода Института истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, Республика Казахстан, 050010, Алматы, ул. Шевченко, 28, abylkhozhin@mail.ru

³Abylkhozhin Zhyldyz - Doctor in History, Senior Researcher of the Department of Soviet period history, The Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology of the Committee of Science, Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, 28 Shevchenko street, Almaty, Kazakhstan, 050010, abylkhozhin@mail.ru

⁴The research “During the radical social transformation: women life stories in Kazakhstan during the Stalinist modernization, 1920-1930s” headed by Zh. Kundakbayeva was supported by the Ministry of Science and Education of the Republic of Kazakhstan research grant 3915/ГФ4 (2015-2017)

К тому же состояние исторической науки в нашей стране было на другой ступени развития, она была насквозь идеологизирована. сегодня отечественная историческая наука, с одной стороны, стала самостоятельной наукой, а не частью исторической науки великой страны. Безусловно, мы теперь пишем на темы, которые интересны нам, важны для нас, а не на те, на которые, указывал центр. Но это обстоятельство накладывает на нас, историков большую ответственность. Если мы теперь – самостоятельные акторы, то мы должны знать обо всем, что происходит в мировой исторической науке. Поэтому прежде чем рассказать о новой книге, хочу несколько слов сказать об авторе книги - Жанат Бековне Кундакбаевой, так как она как раз относится к новому поколению историков нашей страны, которые имеют зарубежные контакты, часто выезжают за границу, и следят за всем новым, что происходит в науке, а потому свободно ориентируется в так называемой западной историографии.

Жанат Кундакбаева, вернувшись из Америки, где она стажировалась в Калифорнийском университете Беркли, получив Президентскую стипендию Болашак, стала заниматься периодом сталинизма. На мой вопрос, почему у тебя появился такой интерес к этой эпохе, она ответила, что ей стало досадно, что в то время как Америка пережила целый бум в исследовании сталинизма с 70-х годов XX века, у нас наблюдается некоторое отставание, как в методологии исследования, так и в количестве исследований в целом. В 1970-е годы американский историк Шейла Фицпатрик исследования изучения периода сталинизма пришла к очень интересным выводам, ну, например, к постановке вопроса о том, мог бы режим существовать только путем принуждения, без социальной поддержки (Кундакбаева, 2015; Фицпатрик, 2008). Следующее поколение американских историков уже изучают внутренний мир советского человека. Наши историки вслед за ними тоже ищут ответа на вопрос, как система функционировала внутри человека, как наедине с собой человек определяет свое место в системе. Другой момент, который мотивировал Жанат Кундакбаеву к написанию этой книги, дискуссии на Западе о характере советского государства. Одни считают, что СССР был многонациональным государством (Yuri Slezkine, 2000), другие считают, что СССР был империей или колониальной державой (Paul Michaels 2003). Третьи говорят, что СССР имел черты и того и другого (Oliver Roy 2000). И, наконец, последний момент. В данный момент мы говорим об изучении преобразования женщин в ранний советский период. Поэтому историк, взявший на себя смелость писать с новых позиций, должен знать западные работы о гендерных исследованиях периода сталинизма. А это очень большой корпус литературы, если говорить о масштабах всей страны. Но даже работы по Средней Азии впечатляют своим размахом (Adrienne Edgar 2006; Edgar , Adrienne 2003; Gregory Massell 1974; Douglas Northrop 2004; Marianne Kamp 2006). Профессор Кундакбаева взяла на себя смелость поучаствовать в этом хоре. Положение казахских женщин до революции и после установления советской власти остается малоизученной темой на Западе по ряду причин. Во-первых, казахские женщины обладали более высоким статусом в семье, их положение считалось более приемлемым, по сравнению с узбекскими. Во-вторых, эмансипация казахских женщин не сопровождалась такими кровавыми и жестокими актами как публичные показательные убийства за открытие лица и выход на публику. Кундакбаева смогла показать особенности советской гендерной политики в Казахстане. По мнению профессора в Казахстане в каждой республике большевики имели четкий план преобразований, с учетом культурной специфики. Так, к примеру, в Казахстане во главу угла были поставлены вопросы деконструкции родового строя, тогда как в Узбекистане боролись против укорененности исламских практик, символически проявляющиеся в закрытии/открытии женщин. Достижение гендерной революции в советском Казахстане осуществлялось через криминализацию практик, которые устанавливали контроль

за женщинами - практики создания семьи (выплата калыма, полигамия, браки с несовершеннолетними). Таким образом, по-моему мнению, ценность данной книги состоит в том, что она написана с учетом новейших достижений мировой исторической науки.

Следующий момент, на который хочу обратить внимание читателей - огромное количество использованных источников, а самое главное – методы их анализа. Можно с уверенностью сказать, что все документы Архива Президента РК, которые касались деятельности партийных органов Казахстана по женскому вопросу, были тщательно проработаны. Это – сложный корпус документов, сложный по характеру, языку и стилю. Также в книге использованы рукописи, автобиографии, письма и дневники женщин, так называемые эго-документы, которые весьма важны для изучения внутреннего мира женщин довоенной эпохи. Данные документы выявлены в личных фондах женщин (Центрального Государственного архива РК), представителей творческой, научной и партийной элиты довоенного времени. Вообще следует отметить чрезвычайное разнообразие исторических источников в работе: это и статьи из журнала Айель Тендиги (написанные арабской графикой и латиницей), а также литературные произведения казахских писателей того времени. Ну и, кроме того, особую ценность имеют опубликованные в книге фотографии из Архива кино-фото-фоно документов.

Книга хорошо продумана и точки зрения структурной композиции. Она состоит из трех частей, которые связаны между собой логически. В первой части рассматривается, чего хотели добиться большевики? Каков был проект большевиков по созданию советской женщины в Казахстане? Какие методы они использовали, чтобы изменить женщину в Казахстане? Вторая часть книги посвящена публичному пространству. С одной стороны, рассматривается, как государство через женский журнал пытается внедрить в массовое сознание образ новой советской женщины. С другой стороны, анализируется отношение казахских писателей к новой роли казахских женщин. В третьей части на основе документов, исходящих от самих женщин рассматривается насколько женщины стали советскими? Каждая часть книги представляет собой завершенный очерк. Но все вместе они показывают, что хотели изменить большевики в жизни казахской женщины? Как они этого добивались? Что из этого получилось?

В первой части книги дается день за днем летопись деятельности женотдела Киробкома, специального органа, созданного для работы с женщинами (Кундакбаева Ж., 2017: 23-85). Конечно, в советское время были написаны множество работ о женотделе. Но тогда состояние развития исторической науки было таково, что следовало выпячивать роль партии. Поэтому изображение получалось одномерным. В данной книге этот главный механизм для воплощения советской политики по вовлечению женщин в социалистическое строительство рассматривается с разных сторон. Показывая работу женотдела месяц за месяцем, Ж. Кундакбаева смогла донести до читателя главную мысль: при острой нехватке ресурсов и кадров, женотдел проделал гигантскую работу, результаты которой сказались позднее. На местах женотделы стали органами поддержки женщин, куда они могли прийти в поисках справедливости. Или женотдел помогал женщине начать учиться грамоте. Женотдел помогал бороться с детской смертностью, а также искоренять калым и многоженство. Кроме того, женотдел помогал центральным органам понять и принять специфику условий Казахстана. К примеру, женотдел получил указ – внедрять среди населения праздник 8 марта. Но они убедили центр, что праздник среди казахов не приживается, и рекомендовали вместо него ввести новый праздник – День отмены калыма. Кроме того, женотдел снабжал центр правдивой, без прикрас информацией о состоянии дел на местах. И в целом, работу женотдела можно охарактеризовать словом гибкость. К примеру, женотделы в соответствии с указом центра открыли повсеместно клубы, но видя,

что женщины их не посещают, стали привлекать туда молодежь. И самое главное, женотдел донес до центра идею о сложности культурного контекста в каждом из регионов Казахстана. Так, например, что представляла собой женщина в одной только Уральской области? Это были казачки со своими устоями, привычками и в целом оппозиционным настроем к советской власти. Даже казашки там не представляли однородного слоя, так как среди них были горожанки, члены семей рыболовных артелей и жительницы отдаленных кочевых аулов (Кундакбаева Ж., 2017: 52-57). Или как продвигалась работа с женщинами с вновь присоединенных областей Средней Азии? К Казахстану в результате размежевания Средней Азии вернули земли Сырдарьинской и Семиреченской губернии, а это южный и юго-восточный Казахстан. Там жило этнически разнообразное население – наряду с казахами, жили узбеки, уйгуры, дунгане. И все были со своими обычаями, было там и затворничество женщин - когда она не могла посещать общественные места, даже и базары или обычай закрывать лицо для узбечек (Кундакбаева Ж., 2017: 57-60). То есть в книге показано, что женотдел с самого начала был настроен на женщин Казахстана, учитывал особенности быта и культуры, не просто формально отписывался в центр. Чрезвычайно оживляют главу фотографии того времени, выявленные в архиве кинофотодокументов. Особенно удачно подобрана фотография к обложке-красивая молодая казашка в национальном головном уборе кимешек выступает на совещании в Москве в Колонном зале Дома Союзов.. В архиве она значится с надписью Фотография 1929 г. «Выступление делегатки Казахской АССР на совещании женщин-членов ВЦИК и СНК СССР. г. Москва» // Центральный Государственный архив кинофотодокументов и звукозаписей Республики Казахстан. Инв.№ 2-58551. Фотография символически передает идею книги.

Вторая и третья глава первого раздела знакомит читателя с методами большевиков. Например, большевики пытались бороться с такими обычаями казахов как калым и многоженство путем внедрения праздника «День отмены калыма». Это еще раз напоминает нам, насколько большевики в совершенстве владели искусством пропаганды и агитации, насколько цельным и продуманным до мелочей был их проект – создание нового советского человека. Сначала большевики хотели внедрить праздник 8 марта, но он не прижился среди населения. Тогда московские эксперты разработали праздник более близкий и понятный казахам. Так, с 1924 г. в Казахстане вводится праздник «день отмены калыма», с помощью которого большевики пытались эмоционально завоевать женщину-казашку, так как ударили по самой основе семейно-брачных отношений казахов. Введение праздника и мероприятий вокруг него в жизнь казахов, имело психологический эффект. Многие, особенно молодежь стали понимать абсурдность калыма и многоженства, а также бесправность положения казахской женщины (Кундакбаева Ж. 2017: 85-110).

Или, например, видя, что клубы как места борьбы со старым образом жизни, а также стереотипами мышления не приживаются среди кочевого населения, большевики разработали передвижные пункты агитации - Красные юрты. В советское время были защищены не одна диссертация по этой теме. Но в книге впервые столь подробно показана работа юрт, как это было на самом деле. Как украшена юрта снаружи, как оснащена изнутри, символика каждого предмета позволяет нам почувствовать психологическое воздействие на человека. А подробный перечень тем для бесед, а также показательные уроки фельшерниц по уходу за ребенком, или как делать масло по-другому, чем делала это раньше казахская женщина, имели практическое значение. А способом завлечь женщин в Красную юрту стали швейные машинки. Дав возможность женщинам шить на машинке, большевики успевали в это время читать лекции: что хотел изменить в жизни людей В. Ленин? Почему нужно поддерживать советскую власть? И тут

же в юрте идут уроки первоначальной грамотности. Женщины приходят в клуб, слушают, видят, смотрят, и потихоньку начинают меняться (Кундакбаева Ж. 2017:110-137).

Второй раздел книги интересен композиционно. Здесь показывается два взгляда на образ новой советской женщины, на разрушение старых форм отношений между мужчинами и женщинами в казахском обществе и положение женщины в обществе в целом. С одной стороны, рассказывается о том, как большевики агитируют казахскую женщину измениться - одеваться и причесываться по-другому, не позволять родственникам продавать ее за калым, призывает освоить профессию и идти работать, чтобы мочь прокормить себя, бросить кочевой образ жизни. Эта задача в книге решается путем анализа рубрик, текстов, фотографий и рисунков женского журнала «Айель Тендиги» (Кундакбаева Ж., 2017:157-169).

С другой стороны, в книге представляется отношение советских казахских писателей к насильственному и быстрому внедрению новых гендерных ролей в казахском обществе (Кундакбаева Ж., 2017:139-157).

Это достигается через анализ ряда литературных текстов Г. Мусрепова, Б. Майлина, С. Сейфуллина, М. Жумабаева. Иными словами в главе показывается, как казахские советские писатели художественными средствами переосмысливают новый гендерный порядок. С одной стороны, каждый из них отвечает на запрос властей – показать рождение и формирование новых женщин и мужчин, активных строителей социализма. В то же время рождение новых гендерных отношений в казахском обществе в их изображении приобретает характер глубинного конфликта. Анализ художественных произведений, показывает, что несмотря на кажущееся стремление писателей исполнить заказ партии – дискурсивно поддержать предписанные советской властью новые формы отношений между женщинами и мужчинами и отказаться от патриархальных отношений, их субъективное отношение к происходящим изменениям было далеко неоднозначным. Каждый из них избрал различные стратегии в выполнении замысла. Но все они были едины в одном – поиск новой маскулинности и новой феминности в казахском обществе был поистине трагическим. В результате силовой ломки старых отношений, казахское общество погрузилось в хаос, поскольку и мужчины и женщины находятся в состоянии полной дезориентации относительно своих ролей.

Особую ценность разделу придает очерк о досоветских гендерных ролях в казахском обществе (Кундакбаева Ж., 2017:139-148).

Какие были отношения между мужчиной и женщиной в казахском обществе? Что хотели поменять большевики? Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что книга написана с высоким уровнем научности, на основе последних достижений мировой исторической науки. В данном разделе для описания отношений между женщинами и мужчинами автор использует понятие Дениз Кандиоти «патриархальная сделка» (Deniz Kandiyoti, 1988). В отличие от термина патриархат, данный термин позволяет понять специфику разных обществ. Данный термин позволяет упорядочить наши представления о гендерном разделении у казахов. У казахов в предреволюционный период был ряд факторов, обусловленный характером трудовой деятельности, который определял высокий уровень ответственности мужчин за женщину и детей. К данным факторам относились высокий уровень трудозатрат в хозяйственной жизни, который требовал значительных физических усилий, то есть мужской силы. В своем исследовании Н. Масанов показал все виды деятельности в кочевом и полукочевом хозяйстве и даже подсчитал трудозатраты. Так, согласно ему к «мужским видам» деятельности относились «раздельный выпас скота, его охрана, уход за молодняком, роды, случка, стрижка, дойка, забой на мясо, клеймение, кастрация» (Масанов Н., 2008:126). Женщина отвечала за удовлетворение повседневных потребностей семьи, организацию быта (приготовления пищи, дойке скота, обработка молочных и мясных продуктов), а также за создание предметов

материальной культуры (кошем, ковров, одежды, в ткачестве, рукоделии). Ж.Б. Кундакбаева в данной главе использовала методы культурной антропологии, чтобы объяснить особенности положения казахской женщины в обществе (Стасевич И.В., 2011). Исключение женщины из публичной сферы, правило, которое функционировало в виде табу, строгий этикет поведения и телесных канон женщин – подчеркивал доминирование мужчин в обществе. Профессор очень хорошо показывает механизмы, с помощью которых поддерживался гендерный порядок в казахском обществе. Но в целом, ее вывод однозначный: до революции у казахов была своя социальная организация, с четко расписанными гендерными ролями и высоким уровнем символического наполнения. В ее основе лежала патриархальное соглашение между мужчиной и женщиной. Это были не столько отношения господства-подчинения, сколько механизм поддержания системы социальных отношений в балансе, в условиях кочевого быта.

Четвертый раздел книги погружает нас во внутренний мир женщины (Кундакбаева Ж., 2017:169-226).

Как известно, данной цели можно достичь, только имея на руках тексты, созданные женщинами. К сожалению, в Казахстане традиция писать свои думы на бумаге не была широко распространена. Поэтому в книге большая часть женщин осталась вне анализа автора. Автор сумел показать отношение к системе, внутреннее «Я» только двух групп женщин – женщин-активисток и женщин из круга культурной элиты. Вообще, данный раздел книги является наиболее сложным в методологическом отношении. Для того, чтобы добиться поставленной цели автор применяет методы литературного анализа, литературной критики и герменевтики. И следует подчеркнуть, что ей это удастся. Так, читатель понимает, что женщины-активистки даже в 1970-1980-е годы пишут свои личные тексты с позиции строителя социализма. Для них мир большой политики и личная жизнь неразделимо переплетены. У них собственное «Я» постоянно растворяется в «Мы». Слишком большое место в личных текстах женщин-активисток занимает государство и власть, даже отдых и развлечения у них неотделимы от коммунистического перформанса. Они имеют высокий, но весьма шаблонный ресурс грамотности. Глава о Фатиме Габитовой написана на основе ее письменного наследия - дневников, воспоминаний и эссе (Габитова Ф., 2010). Фатима Габитова рассматривается в книге как автономная личность. Она предстает перед нами, прежде всего как школьный педагог, талантливый литератор, затем, как человек сполна хлебнувшей горя, будучи членом семьи врага народа. Через ее многогранную личность автор развернул панораму внутренней жизни целого круга людей – представителей творческой интеллигенции, подвергшихся репрессиям. Это – люди, который раньше всех вошли в модерн. Они создали семьи нового типа, основанные на любви и равноправии. Эти люди, которые обладают высокой степенью саморегуляции. Их быт и жизнь построены вполне рационально. В то время как в России и на Западе прошел целый бум исследований людей, подвергшихся репрессиям и террору, данная книга впервые обращается к внутреннему миру женщины в Казахстане. В текстах Фатимы мы видим отчуждение от власти, советская власть никогда не стала частью ее «Я». Она не приняла политические программы большевиков, более того, фиксирует свое отторжение от нее, маргинализирует собственное «Я» через понятие «Я»-безвинная жертва. Ресурс грамотности и культурности очень высокий, в текстах звучит ее индивидуальность. И голос Фатимы, который сохранился в ее текстах – следует рассматривать как голос тысяч других женщин этого круга.

Таким образом, закругляя свою рецензию, я хотел бы подчеркнуть, что публикация данной книги является заметным событием в интеллектуальной жизни нашей страны. Она является хорошим стартом для формирования в нашей стране нового направления в исторической науке – женской/гендерной истории.

Литература:

Adrienne Edgar, "Bolshevism, Patriarchy, and the Nation: The Soviet Emancipation of Muslim Women in Pan-Islamic Perspective," *Slavic Review*, 65, no. 2 (Summer 2006): 252-272.

Gregory Massell, *Surrogate Proletariat: Moslem women and Revolutionary Strategies in Soviet Central Asia, 1919-1929* (Princeton: Princeton University Press, 1974).

Douglas Northrop, *Veiled Empire: Gender and Power in Stalinist Central Asia* (Ithaca: Cornell University, 2004).

Deniz Kandiyoti. *Bargaining with Patriarchy // Gender and Society*, Vol. 2, No. 3, Special Issue to Honor Jessie Bernard. (Sep., 1988), pp.274-290. Stable URL : <http://links.jstor.org/sici?sici=0891-2432%28198809%292%3A3%3C274%ABWP%3E2.0.CO%3B2-W/P.279>.

Edgar , Adrienne. *Emancipation of the Unveiled: Turkmen Women under Soviet Rule, 1924–29*. *Russian Review*, vol. 62 no.1, 2003, pp.132-149».

Интервью с Игалом Халфиним и Йохеном Хельбеком // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 222—224.

Кундакбаева Ж. Модернизация ранней советской эпохи в судьбах женщин Казахстана, 1920-1930ые годы. Алматы: Қазақ университеті, 2017. 412 с.

Кундакбаева Ж. Мастерская Шейлы Фицпатрик как перспективная модель интерпретации истории сталинизма в Казахстане // *Отан тарихы*. – 2015. № 1. С.162-175.

Marianne Kamp. *The New Woman in Uzbekistan: Islam, Modernity, and Unveiling under Communism*. Seattle, WA; London: University of Washington Press, 2006. 320 pp.

Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности nomadic общества. Алматы: «Соинвест», М.: «Горизонт», 1995. 320 с.

Oliver Roy, *The New Central Asia: The Creation of Nations*, London, 2000

Paul Michaels, *Curative Powers: Medicine and Empire in Stalin's Central Asia*, Pittsburg, 2003.

Стасевич И.В. Социальный статус женщины у казахов: традиции и современность. СПб.: Наука, 2011. 202 с.

Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. 2-е изд. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н.Ельцина, 2008.

Фатима. Дневники, воспоминания, стихи, интервью / Сост. М. Жанузакова. – Алматы: Жибек Жолы. 2010. 406 с.

Yuri Slezkine, "Imperialism as the Highest Stage of Socialism," *Russian Review* 59, no. 2, April 2000.

References:

Adrienne Edgar, "Bolshevism, Patriarchy, and the Nation: The Soviet Emancipation of Muslim Women in Pan-Islamic Perspective," *Slavic Review*, 65, no. 2 (Summer 2006): 252-272. (in English)

Deniz Kandiyoti. *Bargaining with Patriarchy // Gender and Society*, Vol. 2, No. 3, Special Issue to Honor Jessie Bernard. (Sep., 1988), pp.274-290. Stable URL: <http://links.jstor.org/sici?sici=0891-2432%28198809%292%3A3%3C274%ABWP%3E2.0.CO%3B2-W/P.279>. (in English)

Douglas Northrop, *Veiled Empire: Gender and Power in Stalinist Central Asia* (Ithaca: Cornell University, 2004). (in English)

Edgar, Adrienne. *Emancipation of the Unveiled: Turkmen Women under Soviet Rule, 1924–29*. *Russian Review*, vol. 62 no.1, 2003, pp.132-149». (in English)

Fatima. *Dnevniki, vospominaniya, stihy, interv'yu / Sost. M. Zhanuzakova*. –Almaty:

ZHibek ZHoly. 2010. 406 s. (in Russian)

Gregory Massell, *Surrogate Proletariat: Moslem women and Revolutionary Strategies in Soviet Central Asia, 1919-1929* (Princeton: Princeton University Press, 1974). (in English)

Kundakbaeva ZH. *Modernizaciya rannej sovetskoj ehpoi v sud'bah zhenshchin Kazahstana, 1920-1930ye gody*. Almaty: Qazaq Universiteti, 2017. 412 c. (in Russian)

Kundakbaeva ZH. *Masterskaya SHEjly Ficpatrik kak perspektivnaya model' interpretacii istorii stalinizma v Kazahstane // Otan tarihy*. – 2015. № 1. S. 162-175. (in Russian)

Ficpatrik SH. *Povsednevnyj stalinizm. Social'naya istoriya Sovetskoj Rossii v 30-e gody: gorod*. 2-e izd. M.: Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya (ROSSPEHN); Fond Pervogo Prezidenta Rossii B.N.El'cina, 2008. (in Russian)

Interv'yu s Igalom Halfinym i Johenom Hell'bekom // *Ab Imperio*. 2002. № 3. S. 222—224. (in Russian)

Marianne Kamp. *The New Woman in Uzbekistan: Islam, Modernity, and Unveiling under Communism*. Seattle, WA; London: University of Washington Press, 2006. 320 pp. (in English)

Masanov N.E *Kohevaya civilizaciya kazahov: osnovy zhiznedeyatel'nosti nomadnogo obshchestva*. Almaty: «Soinvest», M.: «Gorizont», 1995. – 320 s. (in Russian)

Oliver Roy, *The New Central Asia: The Creation of Nations*, London, 2000. (in English)

Paul Michaels, *Curative Powers: Medicine and Empire in Stalin's Central Asia*, Pittsburg, 2003. (in English)

Stasevich I.V. *Social'nyj status zhenshchiny u kazahov: tradicii i sovremennost'*. SPb.: Nauka, 2011. 202 s.36 s. (in Russian)

Yuri Slezkine, "Imperialism as the Highest Stage of Socialism," *Russian Review* 59, no. 2, April 2000. (in English).

Мазмұны
Содержание
Contents

ДЕРЕКТАНУ ЖӘНЕ ТАРИХНАМА
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ
SOURCE STUDIES AND HISTORIOGRAPHY

Zhumagulov K. PERSONALITY OF ATTILA THE HUN IN THE LIGHT OF THE GREAT MIGRATIONS.....	5
Asylbekova Zh. M.A. THE WESTERN HISTORIOGRAPHY OF ANCIENT AND MEDIEVAL HISTORY OF THE TURKIC PEOPLES.....	16
Мұқтар Ә.К. ТАРХАНДАР ИНСТИТУТЫ ТАРИХЫНЫҢ ТАРИХНАМАСЫ.....	23
Peter B. Golden CUMANICA V: THE BASMILS AND QIPCHAQS.....	35
Tileubergenov Y. SOME ISSUES OF HISTORIOGRAPHY OF THE 1916 NATIONAL-LIBERATION UPRISING IN CENTRAL ASIA.....	62

САЯСИ ТАРИХ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
POLITICAL HISTORY

Садвокасова З.Т. ПРЕФЕРЕНЦИИ В ПОЛИТИКЕ САМОДЕРЖАВИЯ В КАЗАХСТАНЕ.....	70
Мажитова Ж.С., Кабылтаева С.К., Омарова Б.К. СУД БИЕВ В РАННИЙ СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: ОТ ПРИЗНАНИЯ К ЛИКВИДАЦИИ.....	80
Сергийчук В. ГОЛОДОМОР 1932-1933 ГОДОВ КАК ГЕНОЦИД УКРАИНСТВА: ПРАВОВОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ, КОЛИЧЕСТВО ЖЕРТВ.....	92

ӘЛЕУМЕТТІК-ЭКОНОМИКАЛЫҚ ТАРИХ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
SOCIAL-ECONOMIC HISTORY

Таскужина А.Б. РАЗВИТИЕ ГОРОДОВ КАЗАХСТАНА КАК АДМИНИСТРАТИВНЫХ ЦЕНТРОВ СТЕПНОГО КРАЯ В XIX в.....	110
---	-----

Шаймерденова М.Д., Кульшанова А.А.
ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ
И В РЕТРОСПЕКТИВЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ИСТОЧНИКОВ О КАРАЧАЕВО-
БАЛКАРСКОМ НАРОДЕ КАЗАХСТАНА).....119

**ҚАЗІРГІ ЗАМАНДАҒЫ ҚАЗАҚСТАН
НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ КАЗАХСТАНА
CONTEMPORARY HISTORY OF KAZAKHSTAN**

Нұрсұлтанова Л.Н., Айтмағамбетов Д.Р., Азмұханова А.М.
ҚАЗАҚСТАН МЕН ҮНДІСТАН АРАСЫНДАҒЫ ЫНТЫМАҚТАСТЫҚ:
ТАРИХИ АСПЕКТ.....128

**ТАРИХ ҒЫЛЫМДАРЫНЫҢ МЕТОДОЛОГИЯСЫ
МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ
METHODOLOGY OF HISTORICAL SCIENCE**

Бекмағамбетов Р.К., Бекмағамбетова М.Ж.
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ САКРАЛЬНОЙ ГЕОГРАФИИ
(О ТЕРМИНЕ «САКРАЛЬНЫЙ»).....140

Жұмабаева Ж.К., Жанибеков А.
ҚАЗАҚ ЭТНОГЕНЕЗИНДЕГІ ЭТНОНИМДЕРДІ МИФТІК-
ЛИНГВИСТИКАЛЫҚ ТАЛДАУ (С. Қондыбай зерттеулері
негізінде).....149

Shamshidenova F.M., Turgynbayev E.
ISSUES OF METHODOLOGY OF KAZAKH SHEZHERE AS A HISTORICAL
SOURCE OF ETHNICAL TERRITORY.....158

Мажитов С.Ф.
ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ НАРОДНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО
ДВИЖЕНИЯ В КАЗАХСТАНЕ В КОНТЕКСТЕ ЭТНИЧЕСКОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ И САМОСОЗНАНИЯ КАЗАХОВ.....166

Margulan A.
ANALYSIS OF HISTORICAL PROCESSES ON THE BASIS
OF THE FORMATIONAL AND CIVILIZATIONAL APPROACHES.....178

РЕЦЕНЗИЯ

Абылхожин Ж.Б.
КНИГА О ЖЕНЩИНАХ КАЗАХСТАНА: НОВЫЙ АСПЕКТ ИСТОРИИ
СТАЛИНИЗМА.....187

Басуға 15.06.2018 қол қойылды

Шартты баспа табағы - 13

Офсеттік басылым

Таралымы 150 дана.

Ш.Ш. Уәлиханов атындағы
Тарих және этнология институты, «Отан тарихы»
журналының редакциясында басылды

Редакцияның мекен-жайы:
051000, Қазақстан Республикасы,
Алматы қ., Шевченко көшесі, 28